

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Мэннин, Пол Чейсти*

Том IX

Москва
РЕГНУМ
2010

УДК 947(08)
ББК 63.3
Р89

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ, ЕВРОПА, США — ВЗГЛЯД ЗАПАДНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

<i>Джералд Скиннер.</i> Россия и её восприятие Западом в XX веке	7
<i>С. Нейл Макфарлен.</i> Россия, расширение НАТО и укрепление демократии на европейском пространстве	23
<i>Джеймс Хьюз.</i> Отношения ЕС—Россия: партнерство или асимметричная взаимозависимость?	42
<i>Джулия Ньютон.</i> Кратчайший путь в великие державы: Франция и Россия в поисках мультиполярности	65
<i>Эндрю Монаган.</i> Великобритания — Россия: в разные стороны?	105

* * *

<i>Агон Гарабедян.</i> Формирование армянской общины и её роль в развитии Болгарского государства	123
<i>Брюс В. Меннинг.</i> Тяжело в ученье — легко в походе: наследие А. В. Суворова и его «Наука побеждать»	155
<i>Кристоф Гумб.</i> Армия и общество: новые подходы к старой проблематике	171
<i>Николаас Папастратигагис.</i> Британская стратегия: русский флот и черноморские Проливы, 1890—1904	194
<i>Ёкотэ Синдзи.</i> И. М. Майский в Японии в 1927—1929 гг.	220
<i>Виктор Аксютин.</i> Из воспоминаний. Беловежский переворот (1991). Расстрел парламента (1993)	243

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс
Меннинг, Пол Чейсти. Том IX. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2010

ISBN 978-5-905040-01-6

© Авторы статей
© С. Зиновьев, оформление серии

КРИТИКА:

<i>А. И. Филлюшкин</i> : Ю. Г. Алексеев. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007	260
<i>Файзулхак Ислаев</i> : Б. Р. Рахимзянов. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009	264
<i>Александр Каревин</i> : Т. Г. Таирова-Яковлева. Мазепа. М., 2007	269
<i>Г. Н. Бибиков</i> : Д. И. Олейников. Бенкендорф. М., 2009	281
<i>Михаил Волхонский</i> : В. М. Муханов. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007	288
<i>О. Р. Айрапетов</i> : У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009	292
<i>А. В. Ганин</i> . В треугольнике Ленин—Троцкий—Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба. Приложение: Новые документы о «деле» Полевого штаба	336
<i>Модест Колеров</i> : Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923/Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2005	379
<i>М. К.</i> : Н. Петров, М. Янсен. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008	382
<i>Кирилл Шевченко</i> : А. Бобраков-Тимошкин. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008	386
<i>Владимир Никольский</i> : А. Р. Дюков. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009	398
<i>М. К.</i> : И. В. Быстрова. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006	401
Сведения об авторах.	405

ДЖЕРАЛЬД СКИННЕР

РОССИЯ И ЕЁ ВОСПРИЯТИЕ ЗАПАДОМ В XX ВЕКЕ

Мало найдется стран, которые представляли бы такую загадку для западных наблюдателей, пытающихся создать их точный и работоспособный образ, как Россия. Немногие страны становились предметом столь разнообразных — и нередко противоречивших друг другу — интерпретаций, включая те из них, что были созданы самими русскими. Возобновление в XXI веке дискуссий между славянофилами и западниками о сущности России и ее дальнейшем развитии свидетельствует о том, что этот вопрос по-прежнему сохраняет злободневность¹. Серьезное практическое значение этих интерпретаций очевидно не только применительно к взаимоотношениям России со своими западными партнерами, но и к таким темам, как роль Православной церкви в общественной жизни страны и тенденции во внешнеполитических отношениях России с «ближним зарубежьем» — в первую очередь с Кавказом и Крымом, но также со Средней Азией и со странами Прибалтики.

Иногда высказывается мнение, что причины затруднений в достижении «консенсусного восприятия» России коренятся в истории русского православия, развивавшегося в отрыве от западного христианства, в отсутствии совместного опыта со странами, прошедшими через эпоху Ренессанса, и в географическом положении России на восточных рубежах Европы. Другие указывают на последствия советского опыта и на продолжающееся увлечение многих западных интеллектуалов марксистским экспериментом.

Наряду с этим получил распространение и более «операциональный» подход: аналитики на основе имеющихся свидетельств указывали на то, что русские поведенческие паттерны совпада-

1. Richard Pipes. *Russia under the Old Regime*. London: Penguin, 1995. P. 265–269.

ют с теми, что ожидаются от других международных акторов. Выдающийся английский историк Роберт Конквест выступал против попыток западных исследователей оценивать Россию без учета ее специфического исторического контекста, и язвительно критиковал некоторых сторонников такого подхода. Согласно Конквесту, британские исследователи и специалисты по западному обществу Сидни и Беатрис Уэбб, основатели Лондонской школы экономики и выдающиеся деятели Британского фабианского общества, а также Гарольд Ласки, другой видный британский исследователь, абсолютно не понимали и оправдывали поведение «кровавого прокурора» Андрея Вышинского, исполнителя главных ролей на сталинских «больших процессах», вследствие того, что они «изучали свидетельства с точки зрения аналитической социологии и политологии»: Конквест называет этот подход «зачастую длительным и трудоемким, но по сути не имеющим никакой ценности»².

Тем не менее политологи и другие исследователи, выступающие за объективные методы анализа как основу для интерпретаций, нередко задают тон, диктуя правительствам, какие факторы следует принимать во внимание при выработке политики в отношении России. Естественно, что правительства при этом в первую очередь думают о последствиях в общественной сфере, являющихся вотчиной аналитика, в противоположность историку, чья научная дисциплина требует понимания прошлого и уважения к нему, и предостерегает против неоправданного оптимизма в отношении будущего. Операциональный подход оправдал себя во время Карибского кризиса в октябре 1962 г., когда администрация США использовала хитроумные приемы теории игр для того, чтобы «уболтать» русских и предотвратить неминуемое ядерное противостояние с Россией; стратегия сдерживания, свойственная разгару Холодной войны, основывалась на предположении о рациональном поведении акторов, и это предположение послужило основой для различных сценариев эскалации конфликта³. Однако, такие методы, ориентированные на политический результат, применялись почти без оглядки на историю.

Видный британский историк Э. Х. Карр, автор монументальной 14-томной «Истории Советской России» (1980), ближе всех подошел к закрытию бреши между двумя подходами к интерпретации России, когда признал, что задача историков — в том, чтобы выявлять исторические закономерности, и в этом смысле предвидеть будущее⁴. Таким образом, историки приблизились к тому, чтобы выполнять функции аналитиков. Можно указать, что историки в целом созда-

ют более удачные интерпретации России, чем аналитики. Отсюда следует, что критические высказывания Роберта Конквеста хотя бы в чем-то были оправданы — о чем свидетельствует и полная неспособность аналитической школы сколько-нибудь связно предсказать ключевую роль России, сыгранную ею при распаде Советского Союза.

Следуя аргументации Э. Х. Карра, западных интерпретаторов России можно разместить вдоль непрерывной шкалы подходов. На одном ее конце окажутся те, кто, придерживаясь романтической традиции, смотрят на Россию сквозь очки своих собственных предубеждений, иногда вспоминая о высокой культуре России XIX века, но нередко игнорируя те вызовы и реалии, с которыми Россия столкнулась в XX и XXI веках. На другом конце находятся узкие специалисты. Взяв на себе роль «профессиональных присматривающих за Россией», они достигли вершин славы в советский период, получив название кремленологов. Для их методов была характерна чрезмерная зависимость от почти непроверенного предположения о том, что политические решения основываются на расчете силовых взаимоотношений, и что политика неотделима от конкретных личностей. Западные правительства тратили много сил на то, чтобы оценить, в каком порядке выстраиваются должностные лица на похоронах видных советских деятелей, или подсчитать число слов в провинциальных советских газетах, пытаясь на основе этих подсчетов предсказать грядущие реформы, и даже выявить точный порядок, в котором черные «ЗИЛы» с занавешенными окнами выезжают из Спасских ворот Кремля.

Посередине оказывается большинство наблюдателей, чьи попытки интерпретировать Россию оказались в большей или меньшей степени успешными. Традиция «реальной политики» (Realpolitik), наиболее ярко выраженная в произведениях Ганса Моргентау⁵, задавала набор руководящих принципов, пригодных при взаимодействии с советской (а соответственно, и с российской) военной и политической машиной в брежневскую эпоху. Приблизительно ко времени первого этапа Перестройки «реальная политика» сменилась более тонкими методами, провозвестником которых выступил Джеймс Най, старавшийся выявить тотальность национальной культуры как критерий, определяющий глобальную значимость страны⁶. Такой подход оказал огромное влияние на все интерпретации России, так как разрушил ее монолитный образ, сложившийся во время Холодной войны. После долгих десятилетий Россия наконец-то получила статус отдельного объекта исследования, не тождественного Советскому Союзу.

2. Robert Conquest. *Reflections on a Ravaged Century*. London: John Murray, 1999. P. 126.

3. Herman Kahn, *On Escalation: Metaphors and Scenarios* (New York: Elmwood Press, 1986).

4. E. H. Carr, *What is History?* (Houndmills: Palgrave, 2001).

5. Hans J. Morgenthau, *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace* (New York: Alfred A. Knopf, 1968).

6. Joseph S. Nye, *Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization* (New York: Routledge, 2004).

Нормативный подход

Интерпретаторы России, — как аналитики, так и историки, — столкнулись с риском затеряться среди текущих событий, что наверняка бы повлекло за собой искажение их восприятия. Прославившийся и в России, и на Западе маркиз де Кюстин сыграл в XIX веке роль, аналогичную роли его соотечественника и почти современника де Токвиля, только предметом для интерпретаций последнего служила Америка, а не Россия. Подобно де Токвилю, де Кюстин до сих пор остается источником анекдотических свидетельств о преемственности российской жизни. Кюстин (согласно едкому замечанию одного из критиков, никогда не довольствовавшийся одним словом там, где можно сказать десять) писал свою книгу менее поколения спустя после великого московского пожара во время нашествия Наполеона в 1812 году, но не видел никакой иронии в том впечатлении, которое произвел на него Кремль в 1839 году, и в тех политических следствиях, которые он выводил из своих наблюдений: «Страх перед человеком, обладающим абсолютной властью, — самая ужасная вещь на Земле; но при всех зрелищных проявлениях этого страха в Кремле к нему все равно невозможно приблизиться без священного трепета»⁷.

Влияние конкретных обстоятельств на общий ход событий могло формировать не только западные интерпретации прошлого России, но и представления о ее будущем. Книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»⁸, впервые изданная в 1919 г., была написана американским репортером — непосредственным свидетелем большевистской революции, но несмотря на то, что автор руководствовался принципом объективности, в равной степени она повествует и о надежде на рождение светлого будущего, которое сметет мрачное русское прошлое. Борьба между идеализмом и пессимизмом, представленными в западных интерпретациях России соответственно Ридом и де Кюстином, по-прежнему является доминирующей темой среди западных наблюдателей.

Уэббы представляют собой лишь один из наиболее заметных примеров той оптимистической зачарованности, в которую Россия повергала многих западных наблюдателей в течение большей части XX века; однако их внимание привлекала не Россия как таковая, а советский коммунизм. Уэббы прославились тем, что при переиздании убрали вопросительный знак из названия своей книги «Советский коммунизм: новая цивилизация?», вышедшей в 1937 г.,

в разгар сталинского террора⁹. В 1920-е и 1930-е гг. многие другие представители западных интеллектуальных кругов, одни — искренне, другие — более или менее лицемерно, — разделяли своего рода «готовность отказаться от недоверия» к реальности, которая нередко была скрыта от них. Такое отношение сказывалось даже на трезвых оценках западных наблюдателей, включая и такие практические области, как городское планирование.

Лорд-мэр Манчестера, прибывший в 1936 г. во главе комиссии в Москву, отмечал «досадный и гнетущий контраст между Лондоном и Москвой ... Г-н Булганин занимает одну из самых восхитительных и завидных должностей на свете: в ближайшие десять лет ему предстоит перестроить Москву, не сталкиваясь ни с каким противодействием, получая полную поддержку от правительства СССР и от общественного мнения»¹⁰. В предисловии к отчету своей комиссии сэр Саймон признал, что никто из членов комиссии не говорил по-русски и что его пребывание в Москве продолжалось лишь две недели. В течение десятилетий под такими разоблачительными фактами предстояло подписаться многим другим благожелательным — и не столь благожелательным — гостям России, но похоже, что сами по себе эти признания не могли стать препятствием на пути к печати.

Советский исторический ревизионизм также играл существенную роль в сокрытии российской реальности за социалистическим идеалом — как от наблюдателей, так и от самих советских граждан. К изданию Большой Советской Энциклопедии 1953 г. прилагался вкладной лист с длинной статьей о Беринговом море и с инструкцией о том, что эту статью следует вклеить взамен не менее длинной статьи о Лаврентии Берия, незадолго до того смещенном и казненном начальнике НКВД. Считалось, что все владельцы энциклопедии сделают это, воспользовавшись ножницами и клеем. Аналогичным образом, научные исследования и даже обыкновенная жизнь в обществе чрезвычайно затруднялись теми крайностями, до которых доходил в СССР контроль за информацией. Незаменимый справочник «Вся Москва» перестал издаваться в 1936 г., когда многие из перечисленных в нем лиц были арестованы или исчезли. Любой объективной оценке того, что происходило в России, препятствовало и засекречивание данных переписи 1937 г., свидетельствовавших об «искусственном сокращении» численности на-

7. Marquis de Custine, *The Empire of the Czar', of Observations on the Social, Political and Religious State and Prospects of Russia made during a Journey through that Empire*. Цит. по: Lawrence Kelly, *A Traveller's Companion to Moscow* (London: Robinson, 1983), p. 99.

8. John Reed, *Ten Days that Shook the World* (London: Penguin, 1926).

9. Роберт Конквест, поставивший своей целью борьбу с идеалистами, якобы советовал издателю, готовившему к печати новое издание его книги «Большой террор» — документального рассказа о сталинских преступлениях 1930-х гг., — дать ей заглавие «Я же говорил вам, придурки!» В конечном счете он остановился на названии «Большой террор: переоценка» (1992).

10. Sir E. D. Simon, *Moscow in the Making* (London: Longmans, Green and Co. 1936), p. 233.

селения на 5–7 млн. человек¹¹. Руководители переписи были расстреляны, очевидно, чтобы избежать разглашения ими сведений о последствиях насильственной коллективизации, антикулацких кампаний, массовых депортаций и рукотворно созданного голода на Украине.

На объективность интерпретаций влияли и требования военного времени. В 1943 г. сэр Бернард Пэйрес, автор влиятельной «Истории России», счел необходимым заявить о тождественности сталинских нравственных стандартов таковым в Великобритании и в США¹². Из числа тех, кто придерживался нормативного подхода, ближе всего к истине при интерпретации России 1930-х гг. и позднесталинского периода подошел сэр Исайя Берлин. Его дружба с Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой, автором откровенно антисоциалистической реалистической поэмы «Реквием», обуславливала его уникальное положение в кругу западных наблюдателей. Берлин ознакомил западную общественность с поэзией Ахматовой. В то время как другие западные наблюдатели восхваляли честность поведения Вышинского во время Больших процессов, десятая и последняя глава «Реквиема» Ахматовой ставит знак равенства между Россией 1930-х гг. и Голгофой¹³.

По случайному совпадению, интеллектуальные корни и Берлина, и Джорджа Кеннана восходят к Риге, портовому городу на Балтике, который не раз подвергался угрозе, так как расположен на традиционных путях вторжений в обоих направлениях и служил окном на восток. Берлин, один из виднейших профессоров Оксфорда и сын еврейского лесоторговца, родился там в 1909 г. и был российским подданным; Кеннан в 1930-е гг. прибыл в этот город как младший служащий американского госдепартамента с целью наблюдать за событиями на территории колоссального советского соседа Латвии (после того, как прибалтийские республики вошли в состав СССР, для этой роли использовались Хельсинки).

Наблюдения и выводы Кеннана послужили основой для «Рижских тезисов» — сборника общих положений о советской системе, которые Кеннан, будучи американским послом в Москве, переписал в форме политических рекомендаций. Именно так на свет появилась знаменитая «длинная телеграмма» от 22 февраля 1946 г.,

11. Catherine Merridale, *Night of Stone: Death and Memory in Russia* (London: Granta Books, 2000), p. 198. Это число включает в себя умерших на Украине и в других союзных республиках. В 1989 г. директор Центрального государственного архива народного хозяйства оценивал «избыточную смертность» цифрой в 8 миллионов человек: Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.
12. Time magazine, April 26, 1943.
13. Произведения И. Берлина в отредактированном виде см.: Isaiah Berlin, Henry Hardy ed., *The Soviet Mind: Russian Culture Under Communism*. (Washington: Brookings Institution Press, 1992).

которая задавала правила для американской внешней политики, исходя из реалий советской системы. Ни в этом документе, ни в его опубликованном варианте, появившемся несколько месяцев спустя — «Истоки советского поведения»¹⁴, — почти не делалось различия между Россией и СССР и не говорилось о возможных несоответствиях между российскими и советскими интересами. Невзирая на последующие протесты Кеннана¹⁵, американские политики на основе его анализа разработали негибкую доктрину сдерживания, требовавшую оказывать энергичное противодействие советскому экспансионизму во всех его проявлениях. Приобретя беспощадность и предсказуемость греческой трагедии, она превратилась из политической стратегии в доктрину для военных и спецслужб, основанную на «классической западной парадигме»¹⁶ монолитного, безликого и окаменевшего тоталитаризма. Для России в этой парадигме места не оставалось.

Однако, как признавал сам Кеннан, реальность была более сложной, даже если в нее не верили. «Мы ломаем голову над загадкой России не из-за недостатка знаний, — писал он, — а из-за нашей неспособности понять правду о России, когда та стоит у нас перед глазами»¹⁷.

Операционалисты

Если последователи нормативного подхода уделяли слишком много внимания российской истории и культуре, то школа операционалистов впадала в другую крайность. Операциональный контекст стремится перейти к действию, т. е. это подход, ориентированный на политику. При таком взгляде сквозь узкое окно наблюдаемых фактов контекст порой грозил отойти на второй план.

В ряде случаев ощущение того, что «все мы слеплены из одного теста» подчиняло себе умонастроения тех или иных наблюдателей, особенно во время периодических оттепелей в ходе Холодной войны. В результате на свет появилась уважаемая в научных кругах теория «конвергенции». В 1969 г. на Западе была издана большая статья на эту тему, написанная Андреем Сахаровым. В ней утверждалось, что и советское, и западное общество движутся к постиндустриальному этапу, главной характеристикой которого является

14. George F. Kennan, «X». «The Sources of Soviet Conduct», *Foreign Affairs*, July 1947.
15. Kennan, «Containment Then and Now», *Foreign Affairs*, Spring 1987, p. 885.
16. Sheila Kirkpatrick, «Constructing Stalinism: Reflections on Changing Western and Soviet Perceptions of the Stalin Era», in Alex Nove, *The Stalin Phenomenon* (London: Orion House, 1993), p. 79.
17. Leopold Labedz, «The Two Minds of George Kennan» *Survey*, 30 (1988), p. 225.

ся возникновение нового технократического класса и одновременное исчезновение пролетариата, выполнившего свою историческую роль. Согласно «тезисам Сахарова», одним из фундаментальных изменений должно стать устранение идеологического конфликта между социалистической и капиталистической системами.

Эта идея с некоторыми вариациями была взята на вооружение рядом западных мыслителей, включая голландского экономиста Яна Тинбергена, а также Джона Кеннета Галбрейта, который в своей работе «Новое индустриальное государство» (1967) обоснованно аргументировал, что экономика торжествует над историей — по сути, экономика *и является* историей: приобретая все большее сходство в средствах и социологии производства, советская и западная системы, как и выросшие на их основе политические и идеологические системы, обречены на сближение. Главным образом по идеологическим причинам (поскольку теория «конвергенции» по сути отрицала «руководящую роль» партии в социалистическом государстве) официальная советская реакция на эту теорию была негативной¹⁸. Однако, можно заподозрить, что про себя советские власти оценили теорию Галбрейта, которая делала им комплимент, объявляя о сравнительной равнозначности Советского Союза и США в экономическом плане. В конце концов, теория конвергенции вышла из моды, так как реалии управления сложными конфронтационными отношениями по обе стороны от идеологического и военного водораздела доказали ее несостоятельность. Отталкиваясь от сухих статистических данных экономического и социологического анализа, сторонники теории конвергенции рисовали такой образ России, который не существовал в реальности.

Хотя возникавшей картине недоставало трехмерности, аналитики достигали более существенных успехов в интерпретации России, когда подходили к экономике как экономисты. При отсутствии достоверных данных большие усилия уходили на создание моделей, которые бы позволили точно оценить потенциал и возможности советской экономики. Основанная на анализе вложенных средств и отдачи, работа экономиста Василия Леонтьева «Военные расходы: факты и цифры, глобальные последствия и перспективы на будущее» (1983 г.) стала образцом для количественного анализа советской системы, особенно ее российского ядра. Уже в 1977 г. ЦРУ посредством тщательного количественного анализа выяснило, что на Россию надвигается экономический кризис: «Советская экономика в грядущем десятилетии столкнется с серьезными проблемами. Простейшая формула роста, по которой экономика страны развивалась в течение поколения с лишним — максимальные

18. Donald R. Kelley, «The Soviet Debate of the Convergence of American and Soviet Systems» Polity, 1970, vol. 6, no. 2.

вложения труда и капитала, — уже не способна привести к существенному ежегодному приросту, без которого страна не получит ресурсов, необходимых для ее притязаний в различных сферах ... Снижение темпов роста, ожидающееся в следующем десятилетии ... может оказать самое серьезное влияние на отношения СССР с Восточной Европой и с Западом»¹⁹.

В 1982 г. ЦРУ сообщало, что «неумелое управление экономикой усугубит внутренние проблемы и в конечном счете подорвет доверие к режиму, повышая долгосрочную вероятность фундаментальных политических изменений»²⁰.

Совокупность знаний, полученных в ходе последовательных оценок экономики, имела практические последствия. Андрей Грачев, политический советник и последний пресс-секретарь советского президента, отмечал, что лондонская встреча «большой семерки» в июле 1991 г. стала для Горбачева «последним шансом» для заключения новой стратегической сделки с Западом. Кроме того, Грачев пишет, что это была «последняя возможность» для выживания Советского Союза²¹ — для чего, в свою очередь, требовалась западная финансовая помощь.

В отсутствие однозначного консенсуса между членами «большой семерки» на Лондонском саммите запрос советской стороны о получении финансовой помощи в 60 млрд. долларов США, которые предполагалось получить в течение трех лет, фактически повис в воздухе. Члены «большой семерки» не могли прийти к единому мнению относительно советской просьбы, причем США, Великобритания и Япония выступали против, а другие члены «семерки» — Канада, Германия, Италия и Франция, — высказывались за удовлетворение просьбы, желая оказать поддержку советской политике перестройки и опасаясь, что экономическая нестабильность в Советском Союзе может иметь серьезные последствия для безопасности западных стран, включая высокую вероятность возникновения «дуги нестабильности», которая неизбежно протянется от Балкан через Кавказ до Средней Азии в случае ослабления или ликвидации советского присутствия в этих регионах. В данном случае советский запрос об экономическом содействии со стороны «большой семерки» опоздал, поскольку чаша весов уже склонялась на сторону России вследствие провозглашения Ельциным декларации о независимости России от Союза в июне 1990 г.

19. CIA document ER 77-10436U, July 1977, Soviet Economic Problems and Prospects, in Gerald K. Haines and Robert E. Leggett, eds., CIA's Analysis of the Soviet Union 1947-1991 (Washington DC: Government Reprints Press, 2001), p. 207.

20. Ibid. 1982 CIA Research Paper Soviet Society in the 1980's., p. 108

21. Andrei Grachev, Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War (Cambridge: Polity Press, 2008), p. 204.

Еще до лондонской встречи «большой семерки» попытки спасти Советский Союз резко активизировались, и западным странам становилось все более очевидно, что они окажутся перед выбором: поддерживать либо Советский Союз, либо обновленный Союз, либо одну только Россию. Выбор, стоявший перед «большой семеркой», с особой отчетливостью проявился в мае 1991 г., когда Андрей Козырев, личный представитель Ельцина, посетил Вашингтон, уговаривая американских должностных лиц не выдавать СССР займа в 1,5 млрд. долларов на покупку американского зерна, поскольку «эти деньги будут выброшены на ветер»²². 12 июня 1991 г. Борис Ельцин стал первым российским лидером, избранным демократическим путем с 1917 г., тем самым получив возможность для притязаний на легитимность, которой Горбачеву было нечего противопоставить.

Встававшие перед «большой семеркой» политические альтернативы включали ряд тесно переплетающихся вопросов, причем каждый из них требовал оценки возможных последствий событий, происходящих в Советском Союзе, и той степени, в какой они зависели от внешнего влияния. Советский Союз представлял собой более-менее известную величину, в отличие от России, которая более семидесяти лет коммунистического режима находилась в тени. Все зависело от того, какая интерпретация России, про которую никто не мог сказать ничего определенного, возьмет верх.

При этом на первый план выходил важнейший вопрос о безопасности централизованных стратегических систем, о единстве их управления и контроля, и о том, насколько надежно обеспечена сохранность их компонентов. В то же время не имелось абсолютной уверенности в том, что ответственность за эти системы автоматически перейдет к России, которая располагала ядерными боеприпасами наряду с Украиной и Казахстаном — хотя в теории право их применения принадлежало исключительно Москве. Неясно было также, станет ли Россия, как предполагаемый наследник СССР, брать на себя его обязательства, начиная от соглашений по контролю за вооружениями и заканчивая обслуживанием колоссальной задолженности перед Западом, которую накопил Советский Союз²³.

Августовский путч 1991 г., когда демократически избранный лидер России выступил против руководителей СССР, попытавшихся сместить своего президента, не оставил никакого выбора. Некоторые западные наблюдатели были пойманы врасплох, поскольку недооценили силу националистических настроений, обеспечив-

22. На Лондонском саммите президент Буш выразил свою неуверенность в эффективности советской системы: Grachev, p. 205.

23. Yegor Gaidar, *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*. Antonina W. Bouis trans. (Washington: Brookings, 2007), p. 241.

ших Ельцину массовую поддержку, а в первые дни после путча продолжали считать, что президенты СССР и России находятся на одной стороне, поскольку и тот, и другой говорили на языке реформ. Другие, усматривавшие в стремлении Ельцина стать российским президентом «возможность для России заявить о себе в качестве отдельной величины»²⁴, гораздо ближе подошли к истине. Возможно, величайший вызов, когда-либо встававший перед интерпретаторами России, заключался в том, чтобы определить, где кончается Советский Союз и где начинается Россия. Как заметил один обозреватель, этот вызов был равнозначен «новому открытию России»²⁵.

Западные подходы

В ретроспективе становится очевидно, что различие в позициях, занятых членами «большой семерки» на Лондонском саммите, определялось конкретным национальным опытом. В смысле национальных задач политика каждой страны опиралась на местные традиции анализа, в основе которого опять же лежал тот или иной образ России. Одновременно с работой официальных должностных лиц различные интерпретации России получали хождение и сопоставлялись в рамках западного международного научного сообщества, а в последние дни «гласности» — и в рамках советской Академии Наук и исследовательских институтов. Такие фигуры, как Николай Иноземцев из Института мировой экономики и международных отношений и Георгий Арбатов, директор Института США и Канады, играли ключевую роль «церемониймейстеров» при интерпретации событий в СССР для внешнего мира²⁶. В результате возникал достаточно точный образ России, пусть даже обусловленный национальной точкой зрения.

Французские интеллектуалы, по большому счету так и не добившиеся признания в англосаксонском мире, тем не менее сыграли ключевую роль в борьбе с претензиями на законность коммунистической власти в Восточной Европе. Даже в самые мрачные времена

24. Robert Service, *A History of Modern Russia From Nicholas II to Putin* (London: Penguin, 1997), p. 132.

25. Geoffrey Hosking, *Rulers and Victims: the Russians in the Soviet Union* (London: Belknap Press, 2006), p. 304. Тема российского национализма рассматривается в: Yitzak M. Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State 1953–1991* (Cambridge MA, Harvard University Press, 1991). В качестве интерпретации эта работа уделяет много внимания истории вопроса, но мало — урокам и выводам, вследствие чего малоприспособна в качестве политического пособия.

26. Помимо интервью, в число важнейших произведений Г. Арбатова входит «Затянувшееся выздоровление» (М.: Международные отношения, 1991).

Холодной войны французы сохраняли «особые взаимоотношения», в первую очередь с Польшей. Такая позиция обеспечивала им уникальную точку зрения на восточного повелителя поляков, благодаря чему французы одними из первых начали осознавать разницу между Советским Союзом и Россией²⁷.

Заигрывания Франции с коммунизмом в первые послевоенные годы, включая то влияние, которым пользовались представители модного левого движения — такие, как Жан-Поль Сартр и Герберт Маркузе, — обеспечивали высокий градус накала внутренним дискуссиям, которые практически отсутствовали в других западных странах (может быть, за исключением Италии), где главной темой служили вопросы безопасности и страх перед подрывными действиями. К моменту советского вторжения в Чехословакию в 1968 г. Сартр уже отошел в мир иной. Такие консервативные мыслители, как Раймон Арон и Жан-Поль Ревель, чей «Тоталитарный соблазн»²⁸ представлял собой систематическое интеллектуальное истолкование материалов «самиздата», создали контекст, в котором «Архипелаг ГУЛаг» добился оглушительного успеха. Рукопись этой книги, контрабандой вывезенная из СССР, впервые была опубликована в Париже в 1974 г.

Германские оценки России были обусловлены первоочередной необходимостью продолжать процесс сближения Востока с Западом, даже в периоды напряженности, такие, как европейский ракетный кризис 1980-х гг., ибо целью этого процесса в конечном счете являлось воссоединение страны²⁹. Обеспокоенные тем, что территория их страны — очевидный кандидат на поле сражения в любом будущем конфликте, немцы старались взвешенно подходить к оценкам России, с осторожностью относясь к необоснованным предсказаниям неуправляемых перемен в СССР. Примером такого подхода служит работа немецких *Stiftungen* — исследовательских институтов, которые содержатся главными политическими партиями Германии. Эти институты стали лидерами при анализе внутренней динамики советской системы и того места, которое в ней занимала Россия. Особую достоверность немецкому анализу придавали многочисленные контакты Западной Германии с ГДР, своего рода суррогатом Советского Союза.

27. 'La Russie contre l'URSS', Helene Carrere d'Encausse, La Gloire des Nations ou la fin de l'Empire soviétique (Paris: Fayard, 1990), p. 297.

28. Jean-Paul Revel, La tentation totalitaire (Paris: Editions Robert Laffont, 1976).

29. Воссоединение было прописано в «Grundgesetz» ФРГ в качестве основополагающего конституционного принципа. Некоторые консервативно настроенные немцы опасались, что «восточная политика» Вилли Брандта может скомпрометировать этот принцип, и стране придется смириться со своим статусом. Другие же относились к этому принципу как ко «второму пришествию» — как к вопросу веры, не имеющему практического значения.

Канадские интерпретации России проводились с оглядкой на влиятельные общины иммигрантов из Восточной Европы. Это, как и другие факторы (включая характерное для Канады осознание внутренних напряжений в многонациональных государствах) привели к тому, что канадцы стали специалистами по вопросам о разделенном суверенитете. Сложившемуся в Канаде образу России были свойственны повышенные ожидания распада СССР; в первую очередь ожидалось отделение республик Балтии — а также, по иным причинам, Украины. Заметным было также участие Канады в хельсинкском переговорном процессе (который формально назывался Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе), кульминацией которого стал Заключительный акт 1975 г., по сути представлявший собой сделку: признание послевоенных границ и экономические уступки в обмен на устранение отдельных элементов государственного контроля за гражданами СССР и Восточного блока (хотя никто не говорил этого в открытую), что представляло собой ключевую задачу западных государств. Важным последствием положений о правах человека, включенных в Заключительный акт, стало то, что «Хельсинкская группа» и другие организации по защите прав человека и их активисты, включая Андрея Сахарова и других видных деятелей, стали постоянным элементом советского пейзажа и своей работой способствовали трансформации западного образа Советского Союза и России, которые стали восприниматься как арена борьбы за реформы и человеческое достоинство.

Британские интерпретации России с середины 1980-х гг. начали отходить от стереотипов времен Холодной войны, сменяясь образом, в центре которого лежали преобразования, происходившие в советской системе. Ключевым моментом стал пересмотр прежней политики, предпринятый правительством Тэтчер в 1983 г., в результате которого Горбачев получил приглашение посетить Великобританию (т. е. еще до того, как он стал генеральным секретарем в 1985 г.). По сути, правительство Тэтчер поставило на Горбачева. В первый период его деятельности на посту генерального секретаря, когда многие западные обозреватели по-прежнему не признавали за СССР способности к внутренним реформам, «британский премьер-министр одна из первых признала в поступках Горбачева реальное политическое значение»³⁰. Как подтвердили последующие события, Москва, в свое время раздавившая «Пражскую весну», теперь сама стала ареной аналогичных процессов. Британские ожидания реформ в России оказались оправданными.

30. Archie Brown, 'The Change to Engagement on Britain's Cold War Policy: The Origins of the Thatcher-Gorbachev Relationship. Journal of Cold War Studies, Vol. 10, No. 3, Summer 2008, pp. 3–47.

Соединенные Штаты с их глобальной ответственностью в своем подходе к Советскому Союзу основное внимание уделяли военному потенциалу страны, что почти не оставляло возможности для размышлений на тему «Россия, камо грядеши?» В целом признавалось, что советская экономика находится в тяжелом положении, однако различные учреждения США не могли прийти к единому мнению о том, в чем заключается источник советских проблем. В качестве одного из объяснений назывались безудержные военные расходы³¹. Возможность того, что именно Россия бросит вызов существованию Советского Союза в его нереструктурированном виде, как правило, не фигурировала в американском анализе, так как практически не подвергалось никакому сомнению то, что Союз является инструментом, посредством которого Россия сохраняет свою власть над империей.

В тот момент, когда правительство Тэтчер готовилось к пересмотру своей политики, в декабре 1982 г. администрация Рейгана заняла более агрессивную позицию по отношению к Советскому Союзу, прописанную в директиве № 75 Совета национальной безопасности (НСДД-75), требовавшей «развернуть СССР вспять» и «дать отпор советскому экспансионизму»³². НСДД-75 представляла собой отражение расширявшегося концептуального разрыва между образом СССР и российской реальностью — некоторые представители Совета национальной безопасности, очевидно, верили в неизбежность войны между Советским Союзом и США, препятствующую фундаментальным изменениям в СССР. Этот разрыв особенно четко проявился во время Рейкьявикского саммита в 1986 г., когда американская сторона была застигнута врасплох предложением Горбачева о резком сокращении стратегических вооружений. Поспешное расследование, призванное выяснить, «серьез» ли говорил Горбачев, впоследствии привело к решению США подписать 8 декабря 1987 г. в Вашингтоне договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД). Однако, рейгановское определение Советского Союза как «империи зла» оставило неизгладимый отпечаток на американском словаре и продолжает влиять на воображение консервативных американцев, по-прежнему фигурируя в сложившемся в США образе постсоветской России.

31. Этого объяснения, которое по-прежнему выдвигается некоторыми видными американскими исследователями, придерживается Республиканская партия США. См.: John Lewis Gaddis, *The Cold War* (London: Penguin, 2007).

32. William P. Clark, 'A New Approach to the Soviet Union in The Fall of the Berlin Wall: Reassessing the Causes and Consequences of the End of the Cold War', Peter Schwartz, ed. (Washington: Hoover Institution Press, 2000).

* * *

Поздней весной 2006 г. Михаил Касьянов, премьер-министр России с 2000 по 2004 г., выступил в Британском международном институте стратегических исследований с речью, посвященной председательству России в «большой восьмерке»³³. 2006 год, — заявил он, — «станет годом российского триумфа». После хаоса ельцинской эпохи и губительного экономического краха 1998 года Россия снова встала на ноги. Касьянов завершил свое выступление призывом «относиться к России как к нормальной европейской стране, в соответствии с ориентирами, по которым обычно судят о нормальной европейской стране».

Теоретически, этими ориентирами в первую очередь должны руководствоваться дипломатические миссии, находящиеся на передовой линии в качестве наблюдательных пунктов, центров для составления объективных донесений и источников рекомендаций для властей своей страны. В лучшем случае посольства по сути служат интерпретаторами той страны, в которой аккредитованы — в данном случае, России, — однако они подвержены иллюзиям, надеждам, а порой и отчаянию в той же степени, что и представители ученых кругов или журналисты: на каждого Джорджа Кеннана всегда найдется Джозеф Дэвис, американский посол-миллионер времен Сталина, который «не сумел противостоять лести и обману». В значительной степени исправить образ России и привнести в него объемность удалось лишь благодаря откровениям самих русских, от Солженицына до таких историков времен «гласности», как Рой Медведев и генерал Дмитрий Волкогонов, хотя выдающийся вклад в понимание России на Западе внес также канадский посол Роберт Форд, чьи переводы «самиздатской» поэзии в 1970-е гг. помогли разглядеть под поверхностью советского официоза подводные течения повседневного гуманизма. Тем не менее, какую бы роль ни играли посольства, в западном обществе Россия отнюдь не воспринимается как «нормальная страна».

Работе по интерпретации России до сих пор не видно конца вследствие чрезвычайной изменчивости российского образа. Ссылки на «преемственность» русской истории могут вводить в заблуждение точно так же, как служить источником прозрений. Тот факт, что современная технология уничтожает расстояния, заменяя их точкой в киберпространстве, привел к «уравниванию» дискуссий, ведущихся между сторонниками нормативного и операционного подходов к России. И те, и другие оказались под угрозой вымирания, уступая место экспертам в столицах и в научных кругах, хотя современные исследования порой имеют столь узкую

33. Mikhail Kasyanov, *Russia's G-8 Presidency: Challenges and Opportunities*. HSS, June 26, 2006.

направленность, что не в состоянии внести сколько-нибудь значительный вклад в этот образ. Несмотря на призыв Касьянова, к России в ближайшее время вряд ли станут относиться как к «нормальной европейской стране». С большой вероятностью конкурирующие интерпретации России, порой оказывающие зачаровывающий эффект на западное общество — начиная от богатой традиции нарративов в духе де Кюстина и завершая экономическим анализом Егора Гайдара, — продолжают существование в обозримом будущем, а вместе с ними и давние дискуссии о России, ее идентичности и целях³⁴.

*Перевод с английского
Николая Эдельмана*

34. Показательными в смысле текущих тенденций могут служить такие дискуссии нормативного плана, как: James H. Billington, *Russia in Search of Itself* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004), и Nicholas V. Riasonovsky, *Russian Identities: A Historical Survey* (Oxford: OUP, 2005). В операциональном плане можно указать на свидетельства Дмитрия Тренина: *Developments in Russia and their potential impact on the future of the US-Russia relationship*. Statement at a Hearing at the U. S. Senate Foreign Relations Committee, June 29, 2006. Washington DC.

С. НЕЙЛ МАКФАРЛЕН

РОССИЯ, РАСШИРЕНИЕ НАТО
И УКРЕПЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Введение

Расширение НАТО часто понимается как одна из сторон проекта по созданию не только единого безопасного пространства, но еще и единого нормативного пространства — для которого были бы характерны демократические ценности, уважение к правам человека, открытая экономика и прочный мир. НАТО — лишь один из международных институтов, преследующих эту общую цель, наряду с Советом Европы (СЕ), Европейским Союзом (ЕС) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

С первого взгляда можно ожидать, что расширение НАТО и содействие демократическим преобразованиям могут создать проблемы в отношениях Запада с Россией. С точки зрения реалистической или геополитической перспективы расширение Северо-Атлантического союза ослабляет позиции России в Европе. То же самое можно сказать и о содействии демократии. Российское правительство и, очевидно, большинство россиян не проявляют особого интереса к развитию либерально-демократических институтов и практик. Режим Путина выказывает намного больший интерес к контролю за страной и ее консолидации, нежели к демократизации. Там, где последняя цель оказывается препятствием на пути к первой, ее заставляют потесниться.

Для этой ситуации характерно много различных аспектов. Последние шесть лет отмечены постоянными усилиями со стороны правительства, имеющими целью сузить пространство для свободы выражения в СМИ. Число независимых новостных и аналитических изданий существенно сократилось. Те, кто остались, опасают-

ся самого худшего и вводят самоцензуру. Как свидетельствует пример Анны Политковской, идти не в ногу со временем может быть опасно. Дума фактически нейтрализована новыми процентными барьерами, ограничивающими представительство большинства важнейших политических сил либеральной направленности; законодательный орган, по большей части лишившийся былого плюрализма, реально подпал под контроль президента. Центр добился существенных успехов в восстановлении своей власти над регионами (в частности, благодаря новым правилам назначения региональных губернаторов и созданию «федеральных округов», управляемых назначенцами центра). Может он похвастаться и успехами в восстановлении государственного контроля над командными высотами экономики (причем порой за счет иностранных инвесторов), в частности, над энергетическим сектором, в котором доминируют «Газпром» и «Роснефть».

Российские дипломаты и политики, как правило, очень негативно реагируют на европейские (или трансатлантические) усилия по внедрению демократических норм в Российской Федерации, и вообще на всем постсоветском пространстве за исключением стран Балтии. Характерный пример — резкое неприятие внешней критики по поводу процессуальных нарушений в деле Ходорковского. Недавно, накануне саммита «Большой восьмерки» 2006 г. в Санкт-Петербурге, русские должностные лица предостерегли официальных западных представителей, чтобы те держались подальше от московского съезда демократической оппозиции, при этом арестовывая и запугивая некоторых участников съезда. Подавая конфликт в Чечне как контртеррористическую операцию, российское правительство в ходе ликвидации этого конфликта откровенно игнорировало юридические обязательства, которые на него накладывали Женевская конвенция, Международный пакт о гражданских и политических правах и членство в Совете Европы, а также его собственные политические обязательства по гуманитарным программам ОБСЕ и соглашению о партнерстве с Евросоюзом¹. Смысл этих действий ясен: Россия не свернет с курса на (не) демократическое правление, что бы ни думали об этом посторонние.

Сопrotивление России иностранному вмешательству в ее внутренние дела сопровождается упорной защитой весьма традиционной концепции об абсолютном суверенитете. Поведение России в Совете Безопасности ООН в отношении вопросов о гуманитарных интервенциях (или, выражаясь более скромно, о принудительных действиях в отношении какой-либо страны, осуществляющих

1. Этот момент был проанализирован автором еще в 2000 г. См.: Макфарлен Н. Возможности мирового сообщества в решении конфликта // Центральная Азия и Кавказ. № 4 (10). 2000. С. 161–164.

ся без ее согласия в соответствии с главой VII Устава ООН) свидетельствует о глубоком неприятии ею идеи о том, что государства, осуществляя свой внутренний суверенитет, обязаны подчиняться международным нормам в гуманитарной сфере и в сфере прав человека, несмотря на явные признаки складывания международного нормативного консенсуса в отношении того, что если какое-либо государство неспособно или не желает защищать гражданских лиц, ставших жертвами конфликта, обязанность сделать это ложится на другие государства и их организации до тех пор, пока данное государство не окажется в состоянии выполнить обязательства в отношении своих граждан². Вне зависимости от того, готово ли международное сообщество принять эту норму, она явно не вписывается в российский дипломатический пейзаж. Выразительное тому свидетельство — позиция, занятая Россией в Совете Безопасности ООН по вопросу об интервенции в Дарфуре. Россия, наряду с Китаем, последовательно голосует против проектов резолюций Совета Безопасности, имеющих целью санкционировать постоянное присутствие сил ООН в данном регионе или направленных на введение целевых санкций против суданских должностных лиц. В таком сопротивлении отражается не только давняя неприязнь России к вмешательству во внутренние дела государств ради решения гуманитарных вопросов или борьбы с нарушениями прав человека, но также, очевидно, усиливающееся экономическое сближение России с Суданом³.

Такие принципы применяются и в отношении бывших советских республик, особенно тех из них, в которых происходили «цветные» или иные «демократические» революции. События в Грузии в 2003 г. и в Украине в 2004 г. зачастую воспринимались в Российской Федерации как итог вмешательства Запада, стремящегося подорвать позицию и влияние России в этом регионе. В случае Грузии за «революцией роз» последовала эскалация российского нажима на Грузию. В отношении Украины Россия, возможно, использовала поставки энергоресурсов как инструмент для манипуляции парламентскими выборами. Перемены в правительстве Киргизии сопровождались сознательными (и отчасти успешными)

2. См.: Nicholas Wheeler. *Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society*. Oxford: Oxford University Press, 2000; International Commission on Intervention and State Sovereignty, *The Responsibility to Protect* (Ottawa: IDRC, 2001); Jennifer Welsh, ed., *Humanitarian Intervention and International Relations* (Oxford: Oxford University Press, 2003); S. Neil MacFarlane and Yuen Foong Khong, *The United Nations and Human Security: A Critical History* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006).

3. См. содержательную дискуссию в: West Fears Russia Veto over U. N. Sanctions for Darfur Bloodshed // Mosnews 15 February 2005: www.mosnews.com/news/2005/02/15/darfur.shtml.

усилиями России по сокращению американского военного присутствия в Средней Азии путем сближения с Узбекистаном.

Короче говоря, Российская Федерация представляет собой типичный пример сопротивления повестке по насаждению демократии и прав человека, принятой в Европе, и с некоторыми оговорками, в трансатлантическом сообществе⁴. В той степени, в которой Европа и ее северо-американские партнеры серьезно относятся к таким вопросам, упомянутые выше факты свидетельствуют о растущем конфликтном потенциале в отношениях между НАТО и Российской Федерацией, сопровождающем расширение НАТО и углубление его отношений с бывшими республиками СССР, помимо России, и параллельный процесс расширения и углубления ЕС (например, путем соседской политики и стратегии). Потенциал для таких конфликтов в первую очередь носит не идеациональный характер. Страхи России по поводу дальнейшего расширения «цветных революций», произошедших в Грузии и Украине, по большей части рассеялись. Характер этого потенциала главным образом связан с силовой политикой и стратегией. Однако, российское руководство придает первоочередное значение сохранению своего влияния на территории бывшего СССР; укрепление же политических и военных связей Запада с нероссийскими республиками угрожает этому влиянию и подрывает главенствующую роль России в регионе.

Рассматривая эти темы, сперва затронем складывающееся в России понимание международного порядка. Далее мы изучим представление россиян об их месте в рамках этого порядка. Затем рассмотрим значение этих моментов для российской внешней политики, включая отношения России с НАТО и с ЕС. Хотя российские авторы, политики и государственные деятели придерживаются по всем этим вопросам взглядов, весьма отличающихся от тех, что преобладают среди их европейских и трансатлантических партнеров, и хотя эти различия ведут к серьезным трениям по конкретным вопросам, системный конфликт между Российской Федерацией и Западом вообще, а конкретно — с НАТО, представляется крайне маловероятным. С другой стороны, по рассмотренным ниже

4. Имеется в виду, например, отказ США от ключевых принципов своего собственного права (*habeas corpus*, беспрепятственный доступ к юридической помощи и в суды, возможность предстать перед судом своих старших) и международного права (Женевские конвенции, Международная конвенция о пытках) в рамках «войны с террором», объявленной администрацией США, из чего следует, что некоторые члены трансатлантического общества движутся к российскому пониманию международных обязательств, законности и права. См. обсуждение этих вопросов в: S. Neil MacFarlane «Charter Values and the Response to Terrorism», in Jane Boulden and Thomas G. Weiss, eds., *Terrorism and the UN before and After September 11* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004).

причинам есть основания опасаться возможных напряжений между Россией и западными институтами в отношении связей Запада с бывшими республиками СССР и их места в европейской архитектуре безопасности. Более того, Россия набирает силу, и можно ожидать, что ее правительство повысит свою активность в таких регионах, как Африка и арабский Ближний Восток, где в течение последних пятнадцати лет российская политика практически не ощущалась. Это может помешать Западу соблюдать свои интересы в данном регионе.

Российское понимание мирового порядка

Эпоха Ельцина была отмечена серьезной разногласицей в российских дискуссиях о мировом порядке. В начале этого периода преобладала либеральная интернационалистическая точка зрения, унаследованная от эпохи Горбачева. На повестке дня стояла интеграция в глобальные структуры, сотрудничество с ними и получение от них помощи при попытках России реформировать свою экономику. Гегемония либерального понимания международного порядка, характерная для 1991–1992 гг., довольно быстро исчезает в середине 1990-х гг. с углублением внутрисоветского кризиса, беспорядками у соседей и растущим пониманием ограниченной готовности Запада содействовать допуску России в глобальные и региональные институты и ее равноправному участию в них. Некритическое применение либерально-демократических и кооперативных принципов в международных отношениях в основном сменилось дискурсом, делающим упор на своеобразии России, обусловленном «евразийской идентичностью», и на необходимости защиты конкретных российских интересов, особенно в «ближнем зарубежье», и использования возможностей по созданию противовеса Западу и Соединенным Штатам, в частности.

Принцип мультиполярности понимался в нескольких вариантах: например, как трехсторонний баланс Россия-США-Европа, или как развитие стратегических отношений с другими маргинализованными растущими державами (такими, как Китай и Индия). Но это направление российской внешней политики также столкнулось с проблемами. Европа, рассматривавшаяся в качестве одного из партнеров, последовательно демонстрировала свою неспособность выступать как сплоченный и эффективный игрок в сфере международных отношений. Китай и Индия выказывали нежелание рисковать своими отношениями с Западом ради установления стратегического баланса. Более того, их взаимные отношения были (и остаются) достаточно напряженными, препятствуя им стать партнерами в глобальном альянсе держав второго сорта. Да и у самой России отсутствовали для этого возможности и жела-

ние поступиться своим привилегированным положением в пользу предполагаемых союзников, как демонстрировала ее позиция в отношении реформы Совета Безопасности ООН.

Приход к власти Владимира Путина в 1999–2000 гг. привел к более реалистичному взгляду на международные отношения. Донкихотские и противоречивые черты внешнеполитического дискурса ельцинской эпохи в основном остались в прошлом. Уже почти никто не верит в перспективы мультиполярного противовеса американской мощи и, напротив, распространилось понимание того, что нынешнее гегемонистское распределение силы, невзирая на события в Ираке, наверняка сохранится в обозримом будущем. Это не означает отказа от принципа мультиполярности, а скорее, его пересмотр и создание более прагматичной формулировки, предполагающей поиск Россией партнеров всюду, где существуют взаимные интересы по существенным вопросам. Сюда могут входить партнерские отношения с США и другими западными государствами, а также (в том случае, когда риски поддаются управлению) с государствами, чьи цели несовместимы или противоположны целям трансатлантического сообщества, свидетельством чему служит, например, политика России в отношении Ирана.

Впрочем, в настоящий момент для России бессмысленно пытаться бросать открытый вызов США по вопросам, которые американское руководство считает жизненно важными для своей страны. Такая сдержанность приходит с опытом. Попытки противостоять в Дайтоне дипломатии США и НАТО в отношении Сербии, а позже — в отношении Косово, — окончились ничем, как и российские усилия предотвратить военную операцию против Ирака в 2003 г. Российское руководство явно пришло к выводу, что у него нет реальных возможностей для сдерживания США и что едва ли каким-либо образом удастся (по крайней мере, непосредственно) затормозить американские инициативы. Попытки сделать это в потенциале могут обойтись очень дорого и чреваты серьезным унижением. Намного лучше не мешать гегемону самому рыть себе могилу.

Упадок России и ее место в международных отношениях

Менее амбициозное представление о мировом порядке отражает достаточно реалистичную оценку места России в мире. Годы правления Ельцина отмечены хроническим снижением российской мощи. В абсолютных цифрах ВВП страны сократился примерно на 50 %. Лишь в 2003 г. ВВП Российской Федерации вернулся на уровень 1993 г. Относительный упадок еще более разителен, поскольку экономика США и Китая за тот же период испытывала стремительный рост. В 2005 г. российский ВВП (763,72 млрд. дол-

ларов) лишь чуть-чуть превысил ВВП Мексики (763,468 млрд. долларов), будучи примерно на 400 млрд. долларов ниже ВВП Канады (1115,192 млрд. долларов) и составляя примерно треть китайского ВВП (2228,862 млрд. долларов) при ВВП США в 12455,068 млрд. долларов⁵. На Россию работает рост цен на энергоресурсы, который стал главным фактором российского экономического роста за последние шесть лет. Возможно, что он будет продолжаться. Но пройдет еще очень много времени, прежде чем Россия вернется в ряд мировых держав.

Экономический упадок сопровождался демографическим упадком в 1990-е гг. и первые годы нынешнего десятилетия, причиной чему были очень низкий уровень рождаемости и растущая смертность, особенно среди мужчин. И то, и другое в каком-то смысле свидетельствует о моральном кризисе. В нежелании рожать детей отражались не только трудности, связанные с экономическим коллапсом и распад сетей социальной безопасности, но и сомнения в отношении будущего. Высокая мужская смертность в значительной степени являлась итогом безответственности по отношению к своему здоровью (чрезмерное употребление табачной продукции и алкоголя). Усилия правительства по повышению уровня рождаемости не привели к ощутимому эффекту. В момент вступления президента Путина в должность численность российского населения оценивалась в 146,3 млн. человек. К 2004 г. она уменьшилась до 143,8 млн., сократившись за тот год на 0,5 %⁶. Если нынешние тенденции сохранятся, Россия за следующие 20 лет может потерять 18 млн. человек трудоспособного возраста. Однако при нынешних темпах экономического роста российской экономике к 2015 г. потребуется дополнительно 7 млн. работников⁷.

Третьей важной стороной уменьшения российской мощи является крупномасштабное сокращение армии и явное снижение ее эффективности. В середине 1980-х гг. НАТО выражало опасения по поводу способности СССР прорваться через Центральную Европу к Ла-Маншу и разрабатывало механизмы усиленного ядерного сдерживания, призванного компенсировать слабость НАТО в области обычных вооружений. Действия российской армии в Чечне в 1994–1996 гг. и с 1999 г. до нынешнего времени свидетельствуют о больших проблемах при подавлении местного восстания на территории, составляющей менее одного процента от площади России, и с участием этнической группы, составляющей менее двух

5. World Bank, «Total GDP 2005». Доступно по адресу: <http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/resources>.

6. World Bank, «Russian Federation Data Profile». Доступно по адресу: <http://devdata.worldbank.org/external/CPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=RUS>.

7. Fraser Cameron, «Russia on the Eve of the G8 Summit», European Policy Centre Policy Brief (July 2006), p. 2.

процентов от населения России, и это при явном безразличии армии к принципу пропорционального применения силы и к судьбе гражданского населения.

В более общем плане Россия страдает от серьезного ухудшения своей региональной стратегической позиции. Она утратила контроль за буферными государствами, входившими в организацию Варшавского договора. Прочие союзные республики бывшего СССР получили независимость, и три из них уже входят в НАТО, а ряд других стремится к членству в этой организации. На бывшее советское пространство вторгся и Европейский Союз, питающий определенные намерения в отношении Украины и Молдавии. НАТО и государства — его члены наращивают свое присутствие в ряде бывших советских республик, от Грузии и Азербайджана до Киргизии. Россия демонстрирует неспособность не только сохранить свое влияние на бывшем советском пространстве, но и предотвратить стратегическое проникновение НАТО и США в это пространство. Тем временем все усилия превратить бывшее советское пространство в единую региональную зону сотрудничества в экономике и сфере безопасности провалились⁸.

Наконец, следует рассмотреть и вопрос о влиянии («soft power»). В коммунистическую эпоху СССР, несомненно, обладал мощной идеологией, пригодной для распространения, и эта идеология в основном была достаточно популярна среди партий рабочего класса на Севере и антиколониальных движений и постколониальных режимов на Юге. Сегодня у России нет такой идеологии, и соответственно, она не обладает тем влиянием, источником которого могла бы служить привлекательность российских принципов и ценностей. Экономический коллапс, слабость государства и политическая неэффективность, коррупция, беспорядки, колоссальная преступность и массовая нищета, характерные для 1990-х гг., едва ли могли служить как привлекательный образец для подражания в глазах прочих государств и обществ в составе международной системы.

Внешнеполитическая повестка дня при Путине

Короче говоря, когда Путин в 1999 г. пришел к власти, сперва как премьер-министр, а затем как президент, ему досталась страна, охваченная глубоким внутренним кризисом, и к мнению которой в 1990-е гг. не прислушивались ни по одному важному вопросу, когда она расходилась во взглядах с НАТО и западными госу-

8. Информативное освещение этой темы см.: Martha Brill Olcott, Anders Aslund, and Sherman W. Garnett, *Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States* (Washington, DC: The Brookings Institution, 2000).

дарствами (например, в отношении первого раунда расширения НАТО, интервенции НАТО в 1995 г. в Боснии, англо-американских бомбардировок Ирака в 1998 г., нападения НАТО в 1999 г. на Сербию и последующей оккупации Косово). Невзирая на возобновление войны в Чечне, ключевой задачей после отставки Ельцина стало остановить падение и восстановить былые позиции России. Как выразился Алексей Пушков, «26 марта 2000 г. Владимир Путин унаследовал слабую, коррумпированную и парализованную страну, находившуюся на грани распада ... Стратегическая цель Путина состояла в том, чтобы поставить Россию на ноги»⁹.

Основные направления этой повестки дня носили достаточно очевидный характер, хотя их совместное выполнение представляло собой тяжелую задачу: следовало стабилизировать власть Путина, возродить экономику и преодолеть бюджетный дефицит, укрепить исполнительную власть по всему государству и восстановить способность государства по поддержанию порядка, вернуть государству его позиции в ключевых секторах экономики, от которых в большой степени будет зависеть возрождение страны, снизить влияние российских экономических олигархов, упорядочить взаимоотношения между исполнительной и законодательной властями, восстановить контроль центра над регионами и предотвратить дальнейшую утрату территорий, а также распространение существующих сепаратистских движений¹⁰.

Понятно, что ключевой темой внешней политики в первые годы правления Путина стали усилия по созданию и сохранению внешних условий, которые позволяли добиться внутренней стабилизации и возрождения. Как выразился Путин во время своего первого президентского срока, деятельность России во внешнеполитической сфере должна «позволить нам по мере возможности сосредоточить усилия на решении социальных и экономических задач, стоящих перед государством»¹¹. Очевидна параллель с более ранними внутренними кризисами, такими, как последствия Крымской войны и период новой экономической политики после гражданской войны, а также с эпохой Горбачева, когда логической составляющей «перестройки» являлась уступчивая внешняя политика.

9. Alexey Pushkov, «Putin at the Helm», in Dov Lynch, ed., *What Russia Sees*, Chaillot Paper No. 74 (Paris: European Union Institute for Security Studies, 2005), p. 46.

10. Эта повестка дня подробно обсуждается в: S. Neil MacFarlane, «Is Russia an Emerging Power?» *International Affairs* LXXXII, No. 1 (January 2006), pp. 46–47.

11. Vladimir Putin, «Speech at the Foreign Ministry» (19 January 2001). См. также: «The National Security Concept of the Russian Federation» (18 January, 2000), pp. 2–4. Доступно по адресу: <http://www.fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/gazeta012400.htm>. (Цитируется в обратном переводе с английского — прим. перев.).

Соответственно, в течение почти всей путинской эпохи важнейшей темой российского внешнеполитического дискурса являлось «партнерство» — с Европой, с Соединенными Штатами, а также с Китаем. Мультиполярность в этом контексте сводилась к созданию системы взаимоотношений сотрудничества между различными центрами силы в ее различных проявлениях, взамен грубых попыток по поддержанию баланса в стиле XIX века¹².

Осознание слабостей России и необходимости нормальных отношений с важнейшими участниками международной системы при решении ключевых внутренних проблем привело к появлению ряда нюансов в поведении страны на международной арене. Встающие перед Россией вопросы можно было разделить как минимум на три категории. Во-первых, при наличии потенциальных разногласий между Россией и США, в частности, там, где затрагивались жизненно важные интересы последних, имело смысл сотрудничать с ними или отойти в сторону. Самые очевидные примеры уступчивости связаны с объявленной в Америке «войной против террора» после террористических актов 11 сентября. Соединенные Штаты дали ясно понять, что будут действовать по-своему, не обращая внимания на чужое мнение. С учетом имеющейся структуры распределения сил сопротивляться не имело смысла, даже в тех случаях, когда США вовлекали в орбиту своих действий страны, входившие в сферу стратегических интересов Российской Федерации. Так, затратив много времени и усилий на то, чтобы не допустить военного проникновения США в Среднюю Азию, российское правительство согласилось на создание американских баз в Узбекистане и Киргизии, когда в конце 2001 г. основным внешнеполитическим приоритетом США стало вторжение в Афганистан, и даже оказало содействие самому этому вторжению, предоставив американцам разведывательную информацию.

Отсюда не следует, что российское руководство делало это бескорыстно. Наградой служила Чечня; Россия заявила о себе как об одной из участниц войны с террором и оказывала содействие другим участникам, получив в ответ явный карт-бланш на жестокое подавление внутреннего сепаратизма.

Кроме того, новое российское руководство пошло на тихие уступки по ряду других вопросов, в эпоху прежнего руководства служивших предметом разногласий. Одним из них было расторжение Договора об ограничении систем ПРО. Администрация Буша объявила о своем решении выйти из этого договора, как только пришла к власти, ссылаясь на обязательства перед данным театром и на желательность размещения систем ПРО. Россия не предприняла никаких ответных мер, а Путин лишь заметил, что по его

12. Интервью с одним из руководителей Национального совета по безопасности, сентябрь 2005.

мнению, решение американцев было ошибкой. Аналогичным образом, во время второго этапа расширения НАТО, на этот раз включившего три бывшие советские республики (Эстонию, Латвию и Литву), Россия выказывала свое недовольство, но этим ее реакция и ограничилась, что служило разительным контрастом с эпохой Ельцина, когда президент России угрожал как минимум сильным охлаждением отношений. В подтексте российских действий явно читалось: «Нам это не нравится, но сейчас мы не в силах ничего сделать, поэтому придется смириться».

События, которые привели к вторжению 2003 г. в Ирак, служат примером не столько уступчивости, сколько уклончивости. В данном случае Россия могла бы сыграть намного более заметную роль в Совете Безопасности ООН, оказывая противодействие американским замыслам. Однако, она этого не сделала, так как желанием взвалить на себя такую ношу горели другие страны (особенно Франция), и Россия максимально публично поощряла их к этому, не в последнюю очередь на трехстороннем саммите в апреле 2003 г. в Санкт-Петербурге. Очевидно, расчет был на то, чтобы весь риск ухудшения отношений с США взяли на себя другие, а поскольку у тех имелась возможность заблокировать резолюцию ООН, одобряющую американское вторжение, Российская Федерация могла обеспечить предпочтительный для себя исход, не нанося серьезно ущерба российско-американским отношениям. Одобрив франко-германское противодействие, российское правительство шло на известный риск с сопутствующей возможностью непредвиденных негативных последствий своего подстрекательства из-за угла. Однако, этот риск был явно ниже, чем в том случае, если бы Россия взяла на себя роль вожака.

Неясно, как долго еще может продлиться такое уклончивое поведение. Можно ожидать, что с ростом российской мощи и ресурсов при том, что мощь и цели Америки будут все сильнее компрометироваться иракской катастрофой и соответствующими внутриполитическими последствиями, Россия станет вести себя все более решительно в отношении вопросов, важных для Соединенных Штатов. Например, в случае Ирана российское руководство последовательно противодействует американским предпочтениям ради развития российско-иранских отношений в области ядерных технологий, поскольку Иран является не только важным покупателем для этой отрасли, едва сводящей концы с концами, но и ценным партнером России по решению региональных проблем Кавказа и Каспийского бассейна. Творцы российской политики справедливо полагают, что такая политика, раздражая американцев, в то же время едва ли приведет к серьезному ухудшению двусторонних отношений. Однако, доказательства иранских попыток наладить обогащение урана сделали иранский вопрос одним из приоритетных во внешнеполитической повестке дня США, вследствие

чего риск для России повысился. Тот факт, что она продолжает откровенно блокировать решительную реакцию со стороны Совета Безопасности ООН, свидетельствует, что возрождающаяся Россия все меньше боится рисковать. Опять же, она делит этот риск с Китаем. Пошла бы на риск каждая из этих стран в одиночку, неизвестно.

Ко второй категории относятся вопросы, затрагивающие четкие и общепризнанные жизненные интересы России, в то время как интересы США и Европы в этих областях носят второстепенный характер или отсутствуют. Например, было ясно, что правительство США недовольно делом Ходорковского и соответствующим захватом частных активов государством. У европейских политиков очевидное недовольство вызвал нажим на компанию «Шелл» в конце 2006 г., связанный с обвинениями в нарушении российского природоохранного законодательства при освоении месторождения «Сахалин-II». Однако, столь же ясно было и то, что ни американцы, ни их европейские союзники не готовы подкреплять свою позицию какими-либо серьезными репрессивными акциями. Аналогичный расчет просматривается и в позиции России по отношению к чеченскому конфликту. Многие на Западе недовольны тем, каким образом правительство Путина ведет там войну. Однако, западные страны явно не желают осложнять широкие двусторонние отношения из-за своего неодобрения российской политики. Кроме того, Путин эффективно использовал контртеррористический дискурс для того, чтобы ослабить внешнее давление, связанное с этим вопросом. В обоих случаях российская позиция усиливалась тем фактом, что упомянутые вопросы однозначно находятся в пределах внутренней юрисдикции страны. Осуществляя данную политику, Россия, очевидно, пользуется своими суверенными правами. То же самое верно и в том, что касается широких антидемократических акций путинской администрации.

В этом отношении потенциал для серьезного конфликта между Россией и НАТО весьма ограничен, несмотря на серьезное несоответствие представлений о будущем Европы. Ни одна из сторон не расположена к тому, чтобы давить на болевые точки другой стороны.

В третью категорию попадают вопросы, находящиеся в промежутке между первыми двумя категориями. Вся их запутанность особенно очевидна в случае отношений России с другими бывшими республиками СССР (исключая страны Балтии). По логике вещей, ближайший этап демократического расширения напрямую затронет бывшие советские республики.

Стремление России сохранять свое лидирующее положение в этом регионе несомненно служит важным показателем того значения, которое внутреннее возрождение и консолидация имеют для современной внешней политики России. В повышенном внимании к соседям отражается понимание того, что события и про-

цессы в смежных государствах могут породить серьезные негативные экстерналии (терроризм, преступность, нелегальную иммиграцию) для самой России. Упор на СНГ также обусловлен весьма узко понимаемым представлением о внешней политике и национальных интересах как об игре с нулевой суммой. Если преобладающая точка зрения в НАТО/ЕС отдает предпочтение сотрудничеству ради взаимной выгоды, то в России преобладает подход, основанный на конкуренции и относительной выгоде. Улучшение экономического положения России и соответствующая политическая консолидация страны способствуют утверждению российского влияния на ближайшей периферии. Несклонность к риску, характерная для российской политики последних лет в этом регионе, может снизиться, если внутреннее положение страны продолжит улучшаться.

Столь же очевидно усиление западного, и особенно американского проникновения в этот регион, и не только в смысле войны с террором. Каспийский бассейн играет важную роль в дискуссиях о европейской и трансатлантической энергетической безопасности в качестве потенциально значительного альтернативного источника снабжения. Украина и Белоруссия все чаще воспринимаются как важные транзитные страны для энергопоставок из Российской Федерации. Наконец, расширение как НАТО, так и ЕС способствует дальнейшему проникновению этих институтов на территорию бывшего СССР. Польша настойчиво призывает НАТО и ЕС более серьезно рассмотреть вопрос о членстве Украины в этих институтах. Балтийские республики играют аналогичную катализирующую роль в развитии юго-восточного направления новой соседской стратегии Европы, а также в расширении сотрудничества НАТО с закавказскими государствами и с Украиной. Иными словами, возрастает как численность, так и влияние лобби в пределах европейских институтов, выступающего за более систематические контакты с бывшими советскими республиками. Следует отметить, что эти государства не только стремятся к более глубокому проникновению НАТО и ЕС в страны бывшего Советского Союза, но и обладают серьезными историческими причинами для подозрений в отношении российской политики, а также весьма амбивалентными отношениями с Российской Федерацией. В той степени, в какой их влияние эффективно, оно может надолго осложнить отношения между НАТО и Россией. В ключевые сферы потенциальных разногласий входят энергетическая безопасность, нерешенные проблемы демаркации границ в прибалтийском регионе, вопрос о Калининграде, присутствие России в Приднестровье и ее политика в отношении этой территории, а также стремление Польши и республик Балтии видеть в составе НАТО Грузию и, возможно, Украину.

Признаки демократических преобразований на бывшем советском пространстве тревожат многих россиян по крайней мере

по двум причинам. Во-первых, в той степени, в какой эти преобразования оказались успешными, они влекут за собой потенциал дальнейшего сближения соответствующих стран с Западом. Революция 2003 г. в Грузии повлекла за собой однозначную готовность этой страны к вступлению в НАТО и в ЕС, а также драматическое ускорение американо-грузинских стратегических отношений. Свержение Эдуарда Шеварднадзе в ходе народного восстания содействовало и решению ЕС включить Кавказ в сферу действия своей соседской инициативы. «Оранжевая революция» также привела к очевидному, хотя, возможно, лишь временному повороту нового украинского правительства к Западу и к резкому повышению институционального интереса Запада к этой стране. В этом отношении расширение демократического пространства в данной части Евразии явно влечет за собой геополитические последствия, подрывающие позицию России в международных отношениях. Более того, в России выказывалась явная обеспокоенность тем, что болезнь может оказаться заразной, и что успешные электоральные революции станут примером для подражания в других бывших советских республиках, а может быть, и в самой России. Иными словами, расширение демократического пространства рассматривается как непосредственная угроза сохранению статус-кво в самой России. Хотя эти тревоги уменьшились с ростом уверенности России в своей способности контролировать ситуацию, они могут служить показателем общего дискомфорта, который влечет за собой насаждение западных ценностей в этом регионе.

Короче говоря, потенциал для разногласий между Россией и европейскими и трансатлантическими институтами в этом регионе возрастает. Мы уже продемонстрировали это и в широком плане, и на конкретных примерах. Возможно, наиболее уместным примером общего характера могла бы послужить эволюция воззрений России на усилия Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) при ОБСЕ по насаждению демократии, а также на работу местных представительств ОБСЕ в бывших советских республиках. Российское правительство выражает все большую озабоченность их деятельностью, которая объявляется нарушением принципа суверенитета.

В июле 2004 г. Россия заручилась поддержкой нескольких других постсоветских государств, подвергающихся аналогичной критике, с целью оказания совместного давления на эти институты. В заявлении, подписанном девятью государствами СНГ, ОБСЕ обвинялось в игнорировании своих собственных основополагающих документов, чрезмерном увлечении мониторингом гуманитарных вопросов и прав человека, насаждении демократических институтов в ущерб другим аспектам безопасности и использовании «двойных стандартов» по отношению к своим «восточным» членам при явно недостаточном внимании к аналогичным проблемам

в других странах. БДИПЧ подверглась критике за то, что оно закрывает глаза на ситуацию в конкретных государствах, и за чрезмерную политизированность. Местные представительства ОБСЕ по сути критиковались за вмешательство во внутренние дела государств-членов ОБСЕ и за неоказание должного уважения к действующим правительствам¹³. За этим заявлением последовало противодействие России принятию ежегодного бюджета ОБСЕ и значительные затруднения при избрании нового генерального секретаря.

Возможно, наиболее показательным примером будет российская политика в отношении Узбекистана. В 2005 г. произошло крупное нарушение прав человека в Андижане, узбекском городе в Ферганской долине¹⁴. Европейские государства незамедлительно подвергли действия узбекских властей жесткой критике и потребовали провести независимое расследование. Соединенные Штаты некоторое время держались в стороне, возможно, опасаясь, что ответом на их критику станет разрыв тесных военных отношений с Узбекистаном. Но в конце концов Госдепартамент тоже присоединился к требованию о независимом расследовании инцидента. Правительство Узбекистана упорно отказывалось от проведения таких расследований, утверждая, что произошедшее в Андижане является предметом сугубо внутренней юрисдикции.

Интересную позицию при этом заняла Россия. Российское руководство весьма последовательно отстаивало точку зрения о том, что андижанское дело подлежит исключительно внутренней юрисдикции, решительно поддерживая узбекские заявления о том, что действия узбекских властей представляли собой пропорциональный ответ на террористическую деятельность, и что никакого международного расследования не требуется¹⁵. Такая позиция была согласована с китайским руководством, придерживавшимся аналогичного мнения, и за ней последовала организация

13. Statement by CIS Member Countries on the State of Affairs in the OSCE, Moscow, July 3, 2004. Доступно по адресу: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a4807cf128a7b43256999005bebb3/3be475805585a09c325becc0255a52?OpenDocument. Заявление подписали Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан и Украина, не подписали Грузия, Туркмения и Азербайджан. Заявление было представлено российским представителем Постоянному совету ОБСЕ 9 июля 2004 г.

14. Итоговый отчет об этих событиях см.: «Uzbekistan: Willing to Act», The World Today LXI, No. 8/9 (August-September 2005), pp. 28–30. См. также: OSCE/ODIHR, «Preliminary Findings on the Events in Andijan, Uzbekistan, 13 May 2005» (Warsaw: ODIHR, 20 June 2005); и Human Rights Watch, «‘Bullets Were Falling Like Rain’: The Andijan Massacre, May 13, 2005» (New York: Human Rights Watch, 2005). Доступно по адресу: <http://hrw.org/reports/2005/uzbekistan0605/>.

15. См. об этом: Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова газете «Известия» 17 мая 2005 года. Доступно по адресу: <http://mid.ru>.

региональной кампании против американского военного присутствия в Средней Азии. Однако, Россия в своих действиях не забывала об осторожности. Вместо того, чтобы непосредственно поднимать этот вопрос, Российская Федерация действовала через региональные организации, предоставив играть первую скрипку странам региона. Вопрос о ликвидации баз США в среднеазиатском регионе был принципиально поставлен Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), которая утверждала, что поскольку проблема террористической угрозы, исходящей из Афганистана, в основном решена (sic), у США больше не имеется причин для военного присутствия в регионе. Более того, ШОС потребовала установить график вывода американских войск из Средней Азии¹⁶. Узбекистан в конце концов потребовал вывода американских сил. Договор о союзе, подписанный президентом Каримовым со своим российским коллегой в ноябре 2005 г., предоставлял России «право использования военных объектов» на основе отдельных договоров¹⁷, и сопровождался возобновлением российских военных учений в Узбекистане (в сентябре 2005 г. — впервые после 1991 г.), а также резким повышением российской экономической активности в этой стране¹⁸.

Хотя в Брюсселе явно преобладает точка зрения, гласящая, что это стратегическое контрнаступление России в Средней Азии едва ли можно как-либо сдержать, траектория российской политики содержит в себе некоторый потенциал риска. Во-первых, Средняя Азия, и Казахстан в частности, рассматриваются как очень важный потенциальный источник энергосырья для Европы. Российское правительство проявляет все более неоднозначное отношение к участию Запада в развитии российского нефтегазового сектора. С ростом российского влияния в Средней Азии это отношение может сказаться на российских представлениях о разработке энергоресурсов и торговле в этом регионе. Более того, российские политики не раз препятствовали попыткам создать транзитные маршруты для экспорта из этого региона нефти и газа, не проходящие по российской территории. С укреплением региональной позиции России такие действия могут участиться, приводя к трениям с государствами-членами НАТО.

16. См. об этом: Daniel Kimmage, «Central Asia: SCO — Shoring Up the Post-Soviet Status Quo», Central Asia Report (14 July 2005). Доступно по адресу: <http://www.rferl.org/reports/centralasia/2005/07/26-140705.asp>.

17. См.: Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (14 ноября 2005). Статья 4. Доступно по адресу: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/432569d80c221466c3256eb600317a9f?OpenDocument>.

18. См.: Vladimir Socor, «Uzbekistan: Enter Russia, Exit America», Eurasia Daily Monitor II, Issue 215 (Washington, DC: The Jamestown Foundation, 17 November, 2005).

Аналогичным образом восстанавливаются позиции России на Кавказе и, в частности, в Грузии. В том, что касается этой страны, Российская Федерация делает все возможное для того, чтобы ограничить связи Грузии с другими государствами, которые могут осложнить российскую региональную политику. Например, в 2004 г. российское правительство наложило вето на возобновление работы миссии ОБСЕ по мониторингу границы Грузии с Чечней, несмотря на сложившийся в ОБСЕ консенсус о необходимости этой миссии. Как уже отмечалось, Россия продолжила и даже ускорила выдачу российского гражданства жителям Абхазии и Южной Осетии. В вооруженных силах этих непризнанных республик служат российские военные-резервисты. Абхазия и Южная Осетия получают от России существенную финансовую помощь. В январе 2006 г. поставки газа из России в Грузию были прерваны из-за повреждения двух трубопроводов на Северном Кавказе, а поставки электроэнергетики прекратились из-за подрыва двух опор на высоковольтной линии электропередачи. Хотя российские власти возложили вину за эти инциденты на группы неизвестных террористов, явно скоординированная попытка прекратить российские энергопоставки в Грузию, включавшая действия в двух далеко отстоящих друг от друга регионах, породила подозрения в том, что ее цель заключалась в разжигании нестабильности в Грузии или в стремлении заставить грузинское правительство быть более сговорчивым в вопросах, считающихся приоритетными для российской внешней политики и безопасности¹⁹. То, что эти действия сопровождалось эскалацией пропагандистской войны между двумя странами, может служить признаком того, что Российская Федерация питает широкие замыслы, имеющие целью поставить Грузию на место и ограничить ее возможности по интеграции в западные институты (включая НАТО). В сентябре 2006 г., явно в ответ на арест в Грузии мнимых российских шпионов, Россия ввела более широкие экономические санкции и закрыла границу. Свертывание поставок российского газа на Украину зимой 2005–2006 гг. можно расценить как попытку повлиять на исход парламентских выборов в этой стране и, в более широком плане, лишить массовой поддержки реформаторскую коалицию, которая пришла к власти в 2004 г. Наконец, последовательная поддержка Россией правительства Лукашенко в Белоруссии, несмотря на возрастающие усилия НАТО и ЕС по изоляции этого режима, представляет собой прямой вызов демократической повестке дня европейских институтов.

19. Описание этих событий и интерпретацию их возможного подтекста см.: Vladimir Socor, «Russian Energy Supply Cutoff to Georgia: Another Wake-Up Signal to the West», Eurasia Daily Monitor III, Issue 15 (Washington, DC: The Jamestown Foundation, 23 January 2006).

Эти события свидетельствуют о том, что — в той степени, в которой НАТО и ЕС преданы идее расширения единого либерального и демократического пространства, включающего в себя бывшие республики СССР, — их с большой вероятностью поджидают трудности в отношениях с Россией, и эти трудности наверняка будут возрастать с возвращением к России уверенности в своих силах.

Заключение

Разговор о России, НАТО и расширении европейского демократического пространства носит слегка сюрреалистический привкус. Россия не намерена (по крайней мере, в данный момент) создавать в своих границах либерально-демократический политический строй. Она поет совсем в другой тональности, занимаясь укреплением власти нынешнего режима в центре и власти центра над субъектами Российской Федерации и командными высотами экономики. Первоочередной интерес российских политиков в первые годы путинского периода к внутренним делам привел к ряду отступлений в российской внешней политике и к ее рационализации. Однако Россия отступила не до конца, поскольку не выказывала никаких признаков готовности к более глубокой интеграции бывшего советского пространства в широкие европейские институциональные структуры (например, путем членства в НАТО), в то же время продемонстрировав достаточную (и возрастающую) способность к противодействию демократическим преобразованиям на своей непосредственной периферии.

В этих обстоятельствах усиливающееся участие западных институтов и государств в делах бывших советских республик, помимо России, создает перспективу для роста напряжений в отношениях этих институтов и государств с Россией. Долгосрочные поколенческие и культурные изменения в пределах самой России могут смягчить возможность конфликта с западными государствами и институтами, однако процесс культурных изменений носит неоднозначный характер, едва ли является исторически детерминированным и наверняка займет много времени.

В том, что касается более отдаленных территорий, Россия, как правило, не выказывает желания к тому, чтобы бросать вызов западной повестке дня. В этом отражается понимание Россией своей относительной слабости и необходимости сосредоточиться на внутренних процессах. Однако, частичное отступление и региональная направленность российской внешней политики являются результатом исторически обусловленного представления о месте России в международной системе и в региональном балансе сил. С продолжением внутренней реконсолидации и ростом российских доходов от экспорта энергоресурсов на фоне разбазаривания Амери-

кой своих ресурсов и престижа и разрушением внутренней основы для американской международной активности разумно ожидать более широкого участия России в международных делах. Эта возможность уже просматривается в оживлении российской дипломатии на Ближнем Востоке (сюда входят переговоры с руководителями «Хамас» в Москве, возобновление российско-сирийских отношений, визит Путина в Израиль), а также в возвращении России как игрока на африканской сцене (визит Путина в ЮАР, а также обсуждавшаяся выше роль, которую Россия играет в отношении Судана). Многие из позиций, занятых Россией по ключевым проблемам этих регионов, трудно примирить с западными предпочтениями. В этом отношении также можно ожидать постепенного повышения потенциала для конфликтов с государствами НАТО в рамках широкой международной системы.

Перевод Николая Эдельмана

~

ДЖЕЙМС ХЬЮЗ

ОТНОШЕНИЯ ЕС – РОССИЯ:

ПАРТНЕРСТВО ИЛИ АСИММЕТРИЧНАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ?

Сложные переходные процессы, происходящие в бывших странах советского блока с конца 1980-х гг., шли параллельно со стремительным преобразованием ЕС из экономического в политический союз. Хотя эти совпадающие по времени явления не противоречат детерминирующей логике функционализма или интеграционной теории в том, что касается эрозии национальных суверенитетов и интересов под влиянием углубляющейся региональной интеграции и координации в рамках ЕС, они все же заставляют обратить внимание на важную роль контекста, определяющего темп и конкретную форму интеграции. Эволюция Единой политики ЕС в сферах иностранных дел и безопасности (CFSP) в 1990-е гг. обычно рассматривается как один из институциональных факторов, укреплявших тенденцию к межправительственности (*inter-governmentalism*) в ответ на вызовы регионального и глобального масштаба. Теоретическим оправданием стремления к интеграции и конвергенции выступает идея о том, что чем глубже координация политики, проводимой сотрудничающими государствами, тем значительнее окажутся результаты этой политики. Кроме того, теория гласит, что оптимум координации обеспечивается при наличии только одного актора. Анализ взаимоотношений между ЕС и Россией после краха коммунистического режима позволяет оценить степень конвергенции, к которой пришли государства-члены ЕС в критически важной политической сфере. Мы начнем с общего очерка тех проблем, которые формировали политику ЕС в отношении России, а затем оценим последовательность этой политики и эффективность институциональной архитектуры, выстраиваемой в ЕС для ее проведения.

Основные моменты во взаимоотношениях между ЕС и Россией с 1991 г. не претерпели радикальных изменений. Взаимоотношения выстраивались с обеих сторон путем расчета выгод и критериев¹. Нами будет показано, что этим взаимоотношениям в значительной мере свойственно прагматическое исчисление прибылей и издержек во взаимозависимой торговле, в жертву которым приносятся более принципиальные вопросы, такие, как демократизация и права человека (особенно это касается реакции ЕС на конфликт в Чечне). Более того, с течением времени прагматизм в этих взаимоотношениях все сильнее выходит на первый план, поскольку политическое взаимодействие во все большей степени оказывается направлено на развитие экономической кооперации и управление ею в ущерб вопросам более нормативного характера. Наконец, этим взаимоотношениям все более свойственна асимметричная взаимозависимость вследствие высокой зависимости ЕС от российских энергопоставок и ощущаемой в ЕС необходимости в безопасности и стабильности в этой политической сфере. Напротив, политика России в отношении ЕС в меньшей степени определяется материальными выгодами региональной торговли, поскольку энергетический рынок носит глобальный характер, и в большей степени — стремлением повысить геостратегическую роль ЕС как противовеса американскому влиянию в Европе и на всем земном шаре и инструментально укрепить взаимоотношения с ЕС с целью добиться признания тех изменений, которые претерпевает посткоммунистический режим в России, и обеспечить их легитимность.

Периодизация взаимоотношений ЕС – Россия

Колоссальный импульс к дальнейшей конвергенции стран ЕС в политической сфере был дан распадом Советского Союза в конце 1991 г. Переговоры по Маастрихтскому договору (1992) происходили в тот исторический момент, когда коммунистические режимы в центральной и восточной Европе рушились один за другим, сотрясая устои самого СССР. Соответственно, Маастрихтский договор замыслился как инструмент для решения проблем, бывших актуальными для ЕС в 1980-х гг., и не учитывал тех институциональных перемен, которые потребовались ЕС для ответа на вызовы, порождаемые посткоммунистической Европой. Рамки взаимоотношений между ЕС и Россией после 1991 г. задавались геостратегическим изменением их относительной мощи, что в первую очередь проявлялось в двойном процессе распространения запад-

1. См. об этих концепциях: J. G. March and J. P. Olsen, «The Institutional Dynamics of International Political Orders», *International Organization*, Vol. 52, 4, 1998.

ного влияния на страны бывшего советского блока путем расширения ЕС и НАТО (завершившегося соответственно в 2003 и 2004 гг.). Более того, включение в состав ЕС Финляндии в 1995 г. и балтийских республик в 2004 г. создало общую границу между ЕС и Россией, сделав их в буквальном смысле соседями.

Можно сказать, что политический ответ ЕС на посткоммунистические перемены в России включал в себя три перекрывающиеся этапа, хотя важно отметить, что этот процесс носил скорее реактивный характер, не являясь результатом спланированной стратегии ЕС. На первом этапе, начавшемся сразу же после распада СССР в 1991 г., политика ЕС формулировалась в соответствии с концептуальными перестановками в посткоммунистической Европе. Для управления посткоммунистическими процессами ЕС провел грань между центрально- и восточноевропейскими государствами, которые рассматривались как вероятные кандидаты в членство в ЕС в ближайшей перспективе, и Россией с бывшими республиками СССР, членство которых в ЕС не предполагалось или считалось делом очень отдаленного будущего. ЕС проводил совершенно разную политику в отношении этих двух зон: в отношении первой она сводилась к помощи и интеграции, в отношении второй — к помощи и сотрудничеству. Однако, после Маастрихта в ЕС стало расти понимание того, что для консолидации изменчивых двусторонних отношений с Россией и бывшими советскими республиками требуется более скоординированная политика. На втором этапе, начиная с 1994 г., изменения в балансе сил на территории Европы маскировались, по крайней мере риторически, особым значением, которое ЕС придавал «партнерству» с Россией. Такой подход приобрел более постоянный характер в конце 1990-х гг., когда ЕС приступил к формулированию политики, направленной на преодоление растущей зависимости от внешних источников энергии, и при этом ставил во главу угла взаимоотношения с Россией. В этот период были разработаны новые инструменты, такие как Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (1994) и Единая стратегия (1999), направленные на большую скоординированность политики ЕС в отношении России. Третий этап, начавшийся с 2000 г., совпал с периодом укрепления российской власти при Путине. Для этого этапа заметно стремление «старых» государств-членов ЕС, чьи внешнеполитические приоритеты включают в себя стабильность экономических взаимоотношений с Россией как «стратегическим партнером», дистанцироваться от «новых» государств-членов ЕС, которые в силу исторически сложившейся неприязни к России и подозрительности в ее адрес в сочетании с куда большей зависимостью от влияния США в своей внешней политике по отношению к России ставят на первое место факторы более нормативного плана, такие, как демократизация и права человека.

Распределение помощи

В начале 1990-х гг. политика ЕС в отношении посткоммунистических государств сводилась к предоставлению помощи и «техническому содействию» при проведении рыночных реформ и демократизации. В соответствии с теми моделями, по которым осуществлялось содействие развитию, повышенное внимание уделялось финансированию экспертизы и консультаций, осуществлявшихся западными специалистами, вследствие чего значительная доля помощи была разбазарена². Политика помощи, которая в то время определялась почти исключительно Европейским Сообществом и США, была направлена на закрепление стратегического передела бывшего советского блока. Во-первых, действие программы PHARE («Польша и Венгрия: помощь в реструктуризации их экономики»), первоначально принятой в 1989 г. для оказания финансовой помощи Польше и Венгрии, было распространено на группу стран Центральной и Восточной Европы (СЕЕС). В эту группу входят шесть бывших государств «советского блока» в этом регионе (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния и Болгария), к которым впоследствии прибавились три бывшие «прибалтийские республики» СССР (Эстония, Латвия и Литва) и одна бывшая республика Югославии (Словения). Все прочие посткоммунистические государства СНГ и балканского региона оказались за пределами СЕЕС³. Во-вторых, все прочие страны СНГ в 1991 г. попали в зону действия новой программы помощи TACIS («Техническая помощь Содружеству Независимых Государств»), финансируемой ЕС, хотя на практике основная доля помощи направлялась Российской Федерации и Украине, где шла на финансирование инфраструктуры, защиту окружающей среды от радиоактивного воздействия и проведение рыночно-ориентированных реформ⁴.

ЕС рассматривал географически близкие страны СЕЕС как потенциально колоссальный новый рынок, причем считалось, что эти страны, находясь в более сильной зависимости от ЕС, проявят больше уступчивости в отношении его требований по проведению реформ, и что их население решительно выступает за демократические и рыночные реформы⁵. Некоторые из этих стран — напри-

2. Превосходное исследование западной помощи посткоммунистическим государствам см.: Janine Wedel, *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998*, New York: St. Martin's Press, 1998.

3. О PHARE см.: Alan Mayhew, *Recreating Europe: The European Union's Policy Towards Central and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

4. О помощи России см.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/tacis/

5. Критический анализ условий, предъявляемых ЕС странам СЕЕС, желающим стать его членами, см.: James Hughes, Gwendolyn Sasse, and Claire Gordon,

мер, Польша и Венгрия, — с самого начала считались вероятными новыми членами ЕС. Напротив, страны СНГ воспринимались как область, жизненно важная для ЕС в плане экономики и безопасности, но их членство в ЕС считалось нереальным или возможным лишь в очень отдаленной перспективе. Более того, с учетом зависимости ЕС от российских энергоресурсов (особенно от транзитных поставок газа через Украину), а в потенциале и от ресурсов Каспийского бассейна, асимметрия силовых взаимоотношений, необходимая для эффективного нажима на эти страны с целью проведения ими реформ, по большей части отсутствовала, и в некоторой степени даже работала против ЕС. Последний развивал свои экономические взаимоотношения, опираясь на такую двойственную политику. Об относительной приоритетности двух этих групп посткоммунистических государств для ЕС дают представление объемы выделяемой им помощи. На программу TACIS выделялось в два с лишним раза меньше средств, чем на программу PHARE, причем более пятидесяти процентов этой помощи направлялось в Россию и Украину⁶.

Второй этап, начавшийся в 1991–1992 гг., отмечает критическую поворотную точку во внешних отношениях ЕС с посткоммунистическими государствами при одновременной институционализации двойственной политики в отношении стран СЕЕС и России-СНГ. С ключевыми странами СЕЕС, чье вступление в состав ЕС в ближайшем будущем считалось весьма вероятным, были заключены «европейские соглашения», обязывавшие их к структурным экономическим реформам и рыночной либерализации, к укреплению демократии и правозаконности. Эти элементы составляют основу условий для членства в ЕС, разработанных на Копенгагенском саммите в июне 1993 г. Политика ЕС в отношении стран СНГ, вступление которых в ЕС не предполагалось, но которые в то же время являлись для него жизненно важными экономическими партнерами, направлялась на обеспечение безопасности и стабильности этой торговли. Согласно решению Европейского Совета от 1992 г., Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и СССР (1989) заменялось новым двусторонним инструментом, создававшим для страны-партнера «статус наибольшего благоприятствования» — Соглашением о партнерстве и сотрудничестве. Первой из постсоветских государств такой договор с ЕС заключила 14 июня 1994 г. Украина; 24 июня за ней последовала Россия, хотя

Europeanization and Regionalization in the EU's Enlargement to Central and Eastern Europe: The Myth of Conditionality, Palgrave, Basingstoke, 2004.

6. В 1990–1999 гг. ЕС выделил на программу PHARE немногим более 10,2 млрд. евро, объем же помощи по программе TACIS в 1991–1999 гг. составил лишь около 4,2 млрд. евро: http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/tacis/figures.pdf; <http://europa.eu.int/comm/enlargement/pas/phare/pdf/phare1999.pdf>

договор с Россией вступил в силу лишь после его ратификации странами-членами ЕС в декабре 1997 г.⁷ Эта задержка была вызвана временным нежеланием ратифицировать соглашение некоторыми странами-членами ЕС, недовольными войной в Чечне⁸.

Подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией в 1994 г. стало водоразделом, окончательно закрепившим двойственный характер политики ЕС в отношении двух регионов посткоммунистической Европы. В отношении стран СЕЕС в центре политики ЕС оказались переговоры об их членстве в ЕС и технические требования по принятию *acquis communautaire* («единой нормативной базы»). Россия и бывшие республики СССР были зачислены в категорию «посторонних», которые хоть и имеют «общие ценности» с ЕС, но представляют собой широкую стратегическую периферию ЕС; в их отношении новым политическим мотивом стало «партнерство». С точки зрения международного права Соглашение о партнерстве и сотрудничестве создавало юридический механизм для управления новым стратегическим «партнерством» в двусторонних отношениях (статья 1). Этот договор, носящий преимущественно экономический характер, с акцентом на вопросы торгового сотрудничества, инвестиций, либерализации, конкуренции и регулирования отношений, также включает в себя положения о сотрудничестве в сферах «мягкой» безопасности: решении экологических проблем и борьбы с транснациональной преступностью. В Соглашении повторяются многие из провозглашенных ЕС задач в сфере содействия демократии и реформам. Одним из самых важных следствий Соглашения стала институционализация рамок двустороннего диалога путем проведения регулярных встреч ЕС-Россия. Раз в полгода предусматривается проведение встреч на высшем уровне, а также регулярные совместные заседания министров и должностных лиц более низкого уровня. Стратегической задачей Соглашения объявлено «сближение», ведущее к «экономической конвергенции», к «усиливающейся конвергенции позиций» в международных делах, и сотрудничество в вопросах демократии и прав человека (статья 6). Один из наиболее ощутимых итогов действия Соглашения носил символический характер. Добившись подписания такого серьезного договора с Россией, несмотря на недовольство некоторых стран-членов ЕС пробуксовыванием процесса реформ в этой стране и систематическим нарушением прав человека в Чечне, ЕС, подал сигнал о прагматическом стремлении к «нормальному бизнесу». Предусмотренные в Согла-

7. Текст Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией см: http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/pca/pca_russia.pdf

8. Наибольшее недовольство выказывали Австрия, Швеция, Финляндия и Португалия, ратифицировавшие договор лишь после российского-чеченского перемирия в августе 1996 г. и мирного договора в мае 1997 г.

шении встречи и диалог укрепляют представление о легитимности постсоветской России как демократизирующейся и рыночно-ориентированной страны. Соглашение создает площадки, на которых можно заявить о своих интересах и политических приоритетах и обменяться мнениями. С учетом того, что многие из ключевых стран-членов ЕС, такие, как Германия, Франция и Великобритания, имеют крепкие двусторонние отношения с Россией, преследуя различные интересы в историческом и экономическом планах и в плане безопасности, как можно было добиться конвергенции в политике по отношению к России? Тем инструментом, который первоначально был призван обеспечить конвергенцию внешней политики ЕС, стала «Единая стратегия».

Единая стратегия ЕС в отношении России

Единая стратегия была выработана на Межправительственном совещании (IGC) в 1996–1997 гг. как одно из важнейших орудий для строительства «второго столпа» ЕС (Единой политики в сфере иностранных дел и безопасности, CFSP) согласно Статье 13 Договора 1997 г. о Европейском Союзе, одновременно с учреждением должности Генерального секретаря Совета/Высокого представителя CFSP, и созданием Подразделения политического планирования и раннего предупреждения⁹. Идея Единой стратегии родилась из предложения французской делегации на зашедшем в тупик Межправительственном совещании и представляла собой одну из сторон компромисса, призванного внедрить в рамках CFSP голосование по принципу качественного большинства (QMV)¹⁰. Задача Единой стратегии состояла в том, чтобы задать рамки и общие принципы политической координации между странами-членами ЕС. По сути, она понималась как механизм для «операционализации европейского дискурса в отношении внешней политики, как во внутреннем, так и во внешнем плане», то есть, для преодоления национальных интересов и обеспечения конвергенции внешней политики ЕС в ключевых областях, для чего предполагалось выслушивать мнение всех государств-членов ЕС и приходиться к согласию путем консенсуса¹¹. На Венском саммите 1998 г. Совет решил разработать Единые стратегии по отношению к ключевым стратегическим зо-

9. Sergei Medvedev and Hiski Haukkala, «Introduction: Learning the Grammar of the CFSP», in Hiski Haukkala and Sergei Medvedev (eds.), *The EU Common Strategy on Russia. Learning the Grammar of the CFSP*, Helsinki/Berlin: The Finnish Institute of International Affairs, 2001, p. 14.

10. О подробностях французского предложения и последующей дискуссии см.: Hiski Haukkala, «The Making of the European's Common Strategy on Russia», in Haukkala and Medvedev (eds.), pp. 34–37.

11. Medvedev and Haukkala, p. 17.

нам к востоку и югу от Евросоюза: России, Украине, Средиземноморью и Балканам.

Предполагалось, что Единая стратегия поможет отделить общие стратегические решения, принимаемые единогласно, от мелких тактических внешнеполитических шагов, одобряемых по принципу QMV¹². Однако, на практике этот инструмент носил главным образом декларативный характер и не сумел ни серьезно укрепить CFSP, ни обеспечить большую скоординированность во внешней политике ЕС. Слабость Единой стратегии имеет «генетическую» природу; в отличие от CFSP, которая согласно Договору о Европейском Союзе встроена в систему «жесткого» права (хотя и остается за рамками юрисдикции Суда Европейских сообществ), Единая стратегия несостоятельна как инструмент — в частности, не имеется никаких положений о том, как ее воплощать на практике. Согласно параграфу 2 Статьи 13 Договора о Европейском Союзе, никаких санкций за неподчинение государств-членов ЕС требованиям Единой стратегии не предусмотрено¹³. Инициатива и решающий голос во внешней политике сохранялись за Европейским Советом, который получил также право формулировать предполагаемые «совместные действия» и «общие позиции», понимавшиеся как существенные элементы той или иной Единой стратегии. В результате координация и конвергенция внешней политики на уровне Союза подчинялась и приносилась в жертву национальным интересам государств-членов ЕС.

В первую очередь требовалась выработка Единой стратегии в отношении России. Принятая на Кельнском саммите 4 июня 1999 г. под председательством германского канцлера Шредера, и ограниченная по времени четырехлетним периодом, по истечении которого не подлежала автоматическому возобновлению, она объявляла, что ЕС и Россия должны развивать «все более тесное сотрудничество» и «укреплять стратегическое партнерство». Соответственно, от ЕС и входящих в состав государств требовалось обеспечить «координацию, согласованность и взаимодополнительность всех аспектов их политики» в отношении России, включая их деятельность в региональных и международных организациях, таких, как ООН, ОБСЕ, Совет Европы и международные финансовые ин-

12. См.: Stephan De Spiegeleire, «The Implementation of the EU's Common Strategy on Russia», in Haukkala and Medvedev (eds.), p. 106.

13. Параграф 2 Статьи 13 Амстердамского договора 1997 г. гласит: «Европейский Совет принимает решения о единой стратегии, осуществляемой Союзом в тех сферах, в которых государства-члены Союза имеют важные общие интересы. Единая стратегия призвана устанавливать задачи, сроки действия и средства, доступные для Союза и государств — его членов. Совет [министров] принимает рекомендации по единой стратегии для Европейского Совета и осуществляет их, в частности, организуя совместные действия и обеспечивая единство позиций».

ституты¹⁴. Процесс осуществления этой Единой стратегии состояло определять странам, председательствующим в ЕС, согласно их собственным приоритетам и рабочим планам, представленным Совету. Единая стратегия по России создавала прецедент принятия политических решений «методом рождественской елки». Вместо того, чтобы добиваться упрощенного консенсуса по ключевым вопросам, государства-члены ЕС добавляли все больше и больше «украшений» к документу в соответствии со своими национальными интересами. Однако, результаты стали демонстрацией того, как логика конвергенции проявляется даже в самых расплывчатых документах о стратегической политике с целью избежать QMV. Документ о Единой стратегии по России представлял собой винегрет из интересов государств-членов ЕС в отношении России. Ему не только не хватало конкретности, он еще и не предусматривал выделения каких-либо конкретных ресурсов для выполнения заявленных целей. Отсутствие финансирования — явный показатель декларативного характера Единой стратегии.

В документе обрисовываются «точки зрения», «принципиальные цели» и «конкретные инициативы» ЕС, но ставятся лишь две крайне расплывчатые стратегические задачи: сохранение стабильного демократического строя в России и «усиленное сотрудничество» в решении общих проблем. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве и деятельность, осуществляемая в его рамках, упоминались так часто, что документ о Единой стратегии критиковался должностными лицами со стороны и ЕС, и России, как не имеющий самостоятельной ценности. Так называемые «задачи» и «средства» по сути понимались как список проблем и уже осуществляющихся видов деятельности, и не воспринимались как стратегия на будущее, имеющая целью конвергенцию политики. Четыре принципиальных «цели» очерчивались настолько широко, что лишались смысла¹⁵. Тем должностным лицам Комиссии, которые были заняты осуществлением текущих отношений с Россией, Единая стратегия казалась лишенной шансов на успех, и в первую очередь они занимались выполнением Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Согласно одному из официальных служащих Комиссии, Единая стратегия представляла собой всего лишь «энциклопедию общих мест»¹⁶.

14. См. её текст: http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/com_strat/russia_99.pdf

15. В качестве этих четырех «целей» назывались: 1. Укрепление демократии, правозаконности и государственных институтов; 2. Интеграция России в единое европейское экономическое и социальное пространство; 3. Сотрудничество с целью укрепления стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами; 4. Решение общих проблем, встающих перед европейским континентом.

16. Интервью автора с должностными лицами Комиссии, Брюссель, 27–29 марта 2001.

Некоторые важнейшие изъяны этого политического инструмента можно проиллюстрировать конкретными проблемами, свойственными Единой стратегии по России. Осуществлению этой Единой стратегии препятствовала проблема синхронизации, являющаяся следствием существования в рамках ЕС отдельных институциональных циклов. Поскольку председательство в ЕС продолжается лишь шесть месяцев, каждая председательствующая страна обязана представить отдельный рабочий план по выполнению Единой стратегии. В результате возникает тенденция к переоценке целей Единой стратегии каждые полгода. Напротив, рабочие циклы программы TACIS имеют продолжительность в 4–7 лет. Поэтому приоритеты и проекты, выявляемые в ходе выполнения TACIS, априори диктуют содержание рабочих планов, составляемых в ходе председательства конкретной страны, а не наоборот. В положениях TACIS от декабря 1999 г. (покрывающих период 2000–2006 гг.) упоминается лишь, что «условия предоставления помощи... в должной мере обязаны учитывать положения Единой стратегии, разрабатываемой Европейским Союзом»¹⁷. В проекте ориентировочной программы TACIS на 2000–2003 гг. повторяются общие задачи Единой стратегии по России, отмечается тот факт, что Единая стратегия рассчитана на тот же четырехлетний период, и упоминается возможность того, что шестимесячные рабочие планы «могут содержать в себе инициативы, предусматривающие двустороннее техническое содействие или содействие в рамках TACIS. Таким образом приоритеты, определяемые Единой стратегией, учитываются в процессе планирования TACIS»¹⁸. Соответственно, при наличии известных соответствий в целях, задаваемых Единой стратегией по России и TACIS, очевидно, что скорее приоритеты TACIS, ее существующие структуры, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве и прочие инициативы и двусторонние программы влияют на составление рабочих планов, подаваемых страной, председательствующей в ЕС, а не наоборот¹⁹.

Более того, страны, председательствующие в ЕС, обычно очень тесно взаимодействуют с должностными лицами Комиссии, и рабочие планы в отношении России, как правило, составляются под надзором тех должностных лиц Комиссии, которые занимаются отношениями с Россией. В своей повседневной работе эти должностные лица в первую очередь имеют дело с направления-

17. Council Regulation No. 99/2000: Положение Совета от 29 декабря 1999 г., касающееся предоставления помощи государствам-партнерам из Восточной Европы и Средней Азии, *Official Journal of the European Communities*, 18 January 2000; http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/tacis/reg99_00.pdf

18. См.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/tacis/ip2003_russia.pdf

19. De Spiegeleire, pp. 81–84.

ми, которые определяются приоритетами Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и программы TACIS, и страна, председательствующая в ЕС, получает от них соответствующие указания. Кроме того, представители этих стран в Комиссии стремятся также следить за тем, чтобы председательствующая страна не ставила перед собой нереалистичных целей, или таких целей, которые недостаточно соответствуют Единой стратегии или мнению Комиссии. В этом смысле, по словам должностных лиц Комиссии, потенциал для конвергенции стратегической внешней политики в отношении России, который на основе Единой стратегии предстоит разрабатывать председательствующей стране, в значительной степени подменяется конвергенцией в отношении уже существующих интересов и долговременных приоритетов в оказании помощи²⁰. Более того, большинство государств-членов ЕС оказывают предпочтение двустороннему процессу и обладают собственными институциональными возможностями для преследования своих национальных интересов без оглядки на ЕС²¹. Не существует всеобъемлющей системы для обмена информацией между государствами-членами ЕС с целью усиления координации, и на практике государство-член ЕС может быть не заинтересовано в том, чтобы делиться информацией в отношении России, особенно если она касается вопросов экономики или безопасности. Спорадический элемент при выполнении Единой стратегии явственно проявляется в документах, принимаемых по итогам председательства той или иной страны, в которых очень часто раздувается значимость национальных приоритетов председательствующей страны и ее двусторонней деятельности.

Многие из этих изъянов свойственны также программе ЕС «Северное измерение», которая по инициативе Финляндии была разработана в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве на Люксембургском заседании Европейского Совета в 1997 г. Эта программа призвана решить конкретные проблемы трансграничных отношений ЕС с северо-западной Россией, регионом Балтийского моря и арктическим регионом, но на ее выполнении сказываются проблемы синхронизации TACIS с целями Единой стратегии и рабочими планами, подаваемыми председательствующими странами. Как правило, серьезное значение «Северному измерению» в своих рабочих планах и обеспечению финансирования программы TACIS придают лишь те председательствующие страны, которые в качестве членов региональных подгрупп имеют конкрет-

20. Интервью автора с должностными лицами Комиссии, Брюссель, 27–29 марта 2001.

21. Например, Великобритания содержит в Москве недавно построенное посольство, рассчитанное на персонал в 250 человек, что намного превышает численность делегации ЕС.

ную материальную заинтересованность — такие, как Финляндия и Швеция²². Если бы программа «Северное измерение» пользовалась в ЕС значительным приоритетом, то мы могли бы ожидать, что вступление в ЕС в 2004 г. Польши и трех государств Балтии придало бы ей дополнительный импульс. На практике же, как очевидно по итогам председательства Ирландии, Нидерландов, Люксембурга и Великобритании после расширения ЕС в начале 2004 г., программу «Северное измерение» следует считать скорее мертвой, чем живой²³. Более того, «Северное измерение» превратилось в источник соперничества, поскольку оно рассматривается некоторыми из новых членов ЕС как механизм обеспечения финских интересов в рамках ЕС, в то время как Польша более заинтересована в том, чтобы выковать и возглавить новое «Восточное» измерение²⁴.

Разочарование в Единой стратегии по России привело к коренной перестройке этого инструмента. 9 октября 2000 г. Совет по общим вопросам отмечал «значение единой стратегии для координации, последовательности и эффективности внешних действий» и призвал генерального секретаря Совета и высокого представителя по CFSP, Хавьера Солану, представить доклад с оценкой выполнения существующих Единых стратегий и «способов оптимизации использования этого инструмента в будущем»²⁵. В докладе Соланы, рассекреченном 30 января 2001 г., признавалось существование недоверия к Единым стратегиям, поскольку они «так и не внесли свой вклад в укрепление ЕС и повышение его эффективности в международных делах»²⁶. В докладе отмечалось, что Единые стратегии не получили признания как внутренний рабочий инструмент и соответственно обладают ограниченной ценностью, в частности, в кризисных ситуациях, требующих быстрых мер²⁷. Остается неясным, — отмечал Солана, — положение Единых

22. См.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/north_dim/index.htm. Критические соображения по выполнению программы «Северное измерение» см.: Marius Vahl, 'Just Good Friends? The EU-Russia «Strategic Partnership» and the Northern Dimension', Centre for European Policy Studies, Working Document No. 166, March 2001, pp. 1–55.

23. Приоритеты, задававшиеся этими председательствующими странами, см. на соответствующих веб-сайтах на http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=695&lang=EN&mode=g

24. См.: Vadim Kononenko, *What's New about Today's EU-Russia Border*, Ulkopoliittinen institutti-Finnish Institute of International Affairs, Working Papers 50, 2004, pp. 1–29 at pp. 20–21. (Автор выражает благодарность Марго Лайт, обратившей его внимание на этот источник).

25. Council Meeting, General Affairs, Luxembourg, 9 October 2000; <http://ue.eu.int/newsroom/main.cfm?LANG=1>

26. Secretary General/High Representative, *Common Strategies Report*, Brussels 21 December 2000, declassified 30 January 2001, 14871/00, CAB 21, Paragraph 3.

27. Ibid., Paragraph 11–12.

стратегий по отношению к уже существовавшим инструментам, в первую очередь к соглашениям о партнерстве и сотрудничестве²⁸. Обнародование Единых стратегий ослабляет их воздействие и вызывает недоверие в тех странах, на которые они направлены. Россия лишилась уверенности в приоритетности существующих соглашений (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве). Вместо того, чтобы насаждать принцип QMV, подход «наименьшего общего множителя» при формулировке Единых стратегий позволяет государствам-членам ЕС избегать их выполнения. Недостаток преемственности в рабочих планах, подаваемых председательствующими странами, создает впечатление «рывков» в политике; кроме того, их составление превращается в «рутинное занятие», а сами они представляют собой «каталог существующих направлений политики и деятельности»²⁹. В докладе Соланы констатируется, что если к Единым стратегиям предъявляется требование обеспечить «последовательность» во внешней политике ЕС, они должны быть преобразованы в преимущественно внутренние политические документы ЕС, которым можно было бы придать конкретности и «использовать их для установления узких, конкретных внешнеполитических задач с заранее определенными приоритетами и целями и непосредственно связанными с ними необходимыми бюджетными и политическими средствами». На этой основе, — указывает Солана, — Единые стратегии могли бы также влиять на деятельность государств-членов ЕС в других международных институтах. Подобные меры жизненно важны, — считает он, — если ЕС собирается преодолеть кризис доверия к CFSP³⁰. Это классический пример выявленного Хиллом «разрыва между возможностями и ожиданиями» в деятельности ЕС: большие ожидания, порождаемые CFSP, резко контрастируют с реальной низкой продуктивностью Единой стратегии как политического инструмента³¹.

Россия ответила на Единую стратегию ЕС, приняв в октябре 1999 г. свою собственную Среднесрочную стратегию на 2000–2010 гг.³² В противоположность ЕС с его сложной внутренней структурой, Россия имеет возможность претворять свои намере-

28. Ibid., Paragraph 13–14.

29. Ibid., Paragraph 21.

30. Ibid., Paragraph 22–23.

31. Christopher Hill, 'The Capability-Expectations Gap or Conceptualizing Europe's International Role', *Journal of Common Market Studies*, Vol. 31, 3, September 1993, pp. 305–328.

32. *Medium-Term Strategy for the Development of Relations Between the Russian Federation and the European Union (2000-2010)*. http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/russian_medium_term_strategy/. Краткий анализ см.: David Gowan, *How the EU can help Russia*, London: Centre for European Reform, December 2000, pp. 11–13.

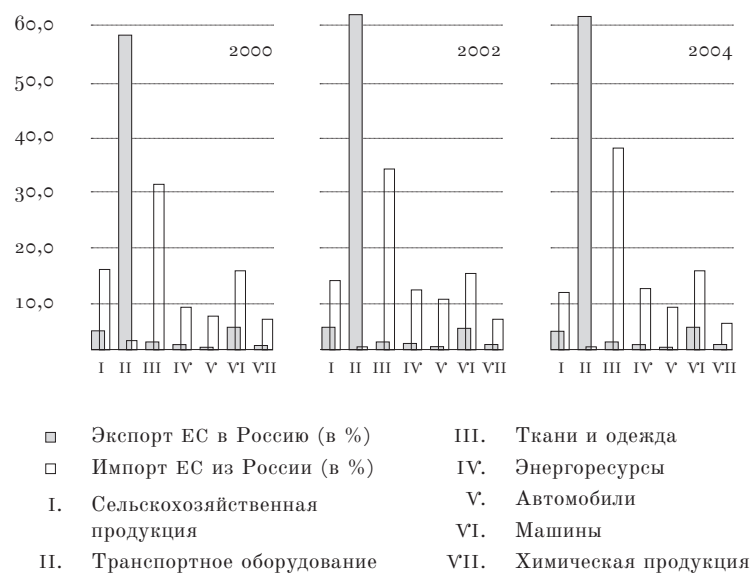
ния в жизнь, концентрируя усилия на конкретных национальных интересах и стратегических целях, таких, как создание противовеса «НАТО-центризму», борьба с дискриминацией русского меньшинства в прибалтийских государствах и особые интересы России в СНГ, а также намечая всевозможные конкретные области сотрудничества. Однако, ко времени появления новой внешнеполитической концепции президента Путина в июле 2000 г., россияне осознали, что Единая стратегия ЕС по большей части носит характер благих пожеланий. Соответственно, когда Путин подчеркивал значение отношений России с ЕС на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (которые бы входили составной частью в «многополярную систему международных отношений», заявленную им в качестве внешнеполитической цели), он уже больше не упоминал о Единой стратегии³³.

«Стратегическое партнерство»: приоритет выгоды над нормами

Взаимосвязи между ЕС и Россией, развивавшиеся в тандеме с расширением ЕС на восток (и, соответственно, с параллельной экспансией НАТО), в основном были направлены на поддержание хороших отношений с целью обеспечить важнейший аспект этих отношений для ЕС — энергопоставки из России. В течение 1990-х гг. торговые отношения между ЕС и Россией все больше приобретали характер, типичный для отношений между развитыми и развивающимися странами. При торговом обороте на сумму чуть более 126 млрд. евро, Россия в 2004 г. являлась четвертым по значению партнером ЕС (после США, Китая и Швейцарии). Россия в основном поставляет в ЕС энергоресурсы. Ископаемое топливо и продукты его переработки составляют чуть менее 60 % общего импорта ЕС из России. ЕС, напротив, является для России крупным поставщиком готовой продукции. Промышленные товары в 2004 г. обеспечивали чуть менее 85 % стоимости экспорта ЕС в Россию. Более того, характер такой взаимозависимости в торговле с течением времени только усиливается (Таблица 1). Резкое сокращение российского ВВП после 1991 г. было в основном обусловлено развалом промышленного производства в этой стране, которое начало выходить на прежний уровень лишь после 2000 г. Однако, экономический рост в России после 2000 г. обеспечивался преимущественно увеличением экспорта нефти и газа и высокими мировыми ценами на эти товары. Соответственно, ЕС все сильнее зависел от возросших в цене российской нефти и газа, в то время как Россия

33. *Foreign Policy Concept of the Russian Federation*, 28 June 2000: <http://www.in.mid.ru/Bl.nsf/c/1EC8DC08180306614325699C0003B5FF0?OpenDocument>

ТАБЛИЦА 1. Структура торговли между Россией и ЕС в 2000–2004 гг.

вывозит из ЕС промышленные товары, не сталкиваясь с ограничениями на экспорт технологий, действовавшими в эпоху Холодной войны.

Обеспечение стабильности энергопоставок к концу 1990-х гг. превратилось в важнейшую задачу политики ЕС по отношению к России, заняв первоочередное место в повестке дня после того, как цены на нефть после 2001 г. взлетели до небес, а другие важные поставщики топлива для ЕС, такие, как Ближний Восток и Алжир, утратили былую стабильность. Ископаемое топливо (нефть, газ, уголь) обеспечивает более 80 % общего энергопотребления в ЕС, причем две трети этого топлива импортируются. В настоящее время ЕС ввозит около 80 % потребляемой им нефти и около 45 % газа, однако Еврокомиссия прогнозирует, что к 2020 г. эти цифры будут находиться соответственно на уровне в 90 и 70 %. В 2002 г. Россия обеспечивала около 20 % природного газа, потребляемого в 15 странах ЕС, а расширение Евросоюза значительно усилит его зависимость в этом секторе.

Одним из важнейших «диалогов», проводившихся в рамках Единой стратегии ЕС, был «энергодIALOG» между Россией и ЕС, начавшийся в октябре 2000 г. на 6-м саммите ЕС-Россия в Париже, почти одновременно с изданием Еврокомиссией в конце ноября 2000 г. «Зеленого документа» по вопросам энергии. В «Зеленом документе» подчеркивалось, что стратегическое партнерство с Россией

является краеугольным камнем будущей энергобезопасности ЕС, и предусматривались долговременные контрактные взаимоотношения с Россией, включающие в себя совместные инфраструктурные проекты, такие, как начавшееся в 2001 г. строительство нового газопровода через Польшу и Белоруссию и расширение транзитных и распределительных энергосетей³⁴. Неумолимое возрастание зависимости ЕС от российского топлива влечет за собой жаркие дискуссии в Еврокомиссии по вопросу о том, как решить политическую задачу обеспечения «контроля» за внешними энергопоставками³⁵. Инструментом, предназначенным для достижения этой цели, стало Единое европейское экономическое пространство, представляющее собой попытку ЕС втянуть Россию в долговременные экономические взаимоотношения, замаскированную разговорами о «конвергенции», и создать двусторонние форумы и политические программы, которые бы позволяли влиять на политику России.

Концепция Единого европейского экономического пространства зародилась в ходе дискуссий Группы высокого уровня, созданной на 7-м саммите ЕС-Россия в мае 2001 г. в Москве и возглавлявшейся тогдашним комиссаром по внешним связям ЕС Крисом Патенном и заместителем премьер-министра РФ (а также министром промышленности и энергетики) Виктором Христенко. В течение последующих четырех лет на саммитах ЕС-Россия доминировали переговоры о том, как реализовать эту стратегию не только в качестве долговременной взаимовыгодной стратегии на весь XXI век, но и в краткосрочном контексте расширения ЕС, проблемы доступа к Калининграду и переговоров о поддержке ЕС российской заявки на вступление в ВТО³⁶.

Диалог между ЕС и Россией проходил в таком ключе, как если бы ЕС-15 стремился поставить взаимоотношения с Россией на новую основу до расширения за счет СЕЕС, среди которых имелось много стран, с подозрением относившихся к тесным связям с Россией и после расширения ЕС получавших возможность наложить вето на соответствующие планы. Существовавшие пробле-

34. *Green Paper, Towards a European Strategy for the Security of Energy Supply*, 29 November 2000 http://europa.eu.int/comm/energy_transport/doc-principal/pubfinal_en.pdf; *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Final Report on the Green Paper «Towards a European Strategy for the Security of Energy Supply»*, Brussels, Commission of the European Communities, 26 June 2002 http://europa.eu.int/comm/energy_transport/en/lpi_lv_en1.html

35. *Report on the Green Paper on Energy*, Directorate-General for Energy and Transportation, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005.

36. О повестках дня саммитов ЕС-Россия и принятых на них совместных заявлениях см.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/intro/summit.htm

мы решались в пошаговом режиме. В то время как в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве Россия называется страной с «переходной экономикой», ЕС в конце концов признал Россию страной с «полноценной» рыночной экономикой на 9-м саммите в Москве в мае 2002 г. Хотя Россия стремится к более широким договоренностям в отношении безвизового режима с ЕС, проблема Калининграда была решена с помощью местных и временных мер на 10-м саммите ЕС-Россия в ноябре 2002 г. в Брюсселе — они включали в себя использование многоразовой «упрощенной транзитной визы» (Facilitated Transit Document) и «упрощенной железнодорожной транзитной визы» (Facilitated Rail Transit Document), пригодной только для поездок железнодорожным транспортом. Вопрос о необходимости заключить окончательный договор об общих границах между Россией и новыми странами-членами ЕС (Латвией и Эстонией) был поставлен на повестку дня 12-го саммита, проходившего в Риме в ноябре 2003 г., но остался нерешенным. Продолжительные и жесткие переговоры об условиях вступления России в ВТО в конце концов завершились на 13-м саммите в Москве в мае 2004 г., вскоре после расширения ЕС.

Новый и важный этап в отношениях между ЕС и Россией начался с 11-го саммита Россия-ЕС, который проводился 31 мая 2003 г. в родном городе Путина — Санкт-Петербурге. Этот саммит стал частью крайне символического выступления России на сцене политического театра, имевшего целью подчеркнуть ее «европейскость», используя закрепившийся за Петербургом образ великой европейской столицы. На этом саммите ЕС и Россия подтвердили готовность к дальнейшему укреплению стратегического партнерства путем наполнения концепции Единого европейского экономического пространства конкретным содержанием. Они согласились укреплять сотрудничество, создав четыре «единых пространства» в сферах экономики; внешней безопасности; свободы, безопасности и правосудия; а также образования, науки и культуры. Эти цели понимались как долговременные задачи в рамках существующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а при их выполнении предполагалось учитывать «общие ценности и совместные интересы». Существующий Совет по сотрудничеству превращался в «Постоянный совет по партнерству» с целью укрепить институциональный форум для ведения диалога, необходимого для заключения соглашений по «единым пространствам». «Постоянный совет» был призван содействовать решению всех спорных вопросов и «упрощению» повестки дня с тем, чтобы соглашения вырабатывались заранее, для их последующего одобрения на саммитах. Темп диалога ускорился, встречи в различных форматах стали проводиться более часто³⁷.

37. Совместное заявление, принятое на Петербургском саммите, см.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/sum05_03/js.htm. Впоследствии

С институциональной точки зрения за процессом переговоров о создании «единых пространств» последовал уже стандартизированный подход, сформировавшийся за годы переговоров с посткоммунистическими государствами на тему о расширении ЕС и предусматривавший взгляд на переговоры сквозь призму «дорожных карт». Предназначение «дорожных карт» заключалось в выработке единых целей для взаимоотношений между Россией и ЕС, определении «действий» (обычно в форме «плана»), необходимых для воплощения этих целей на практике, и формировании среднесрочной повестки сотрудничества между ЕС и Россией. Единый пакет «дорожных карт» для создания четырех «единых пространств» в конце концов был разработан на 15-м саммите ЕС-Россия, проходившем 10 мая 2005 г. в Москве³⁸.

Подтверждением того ключевого места, которое занимает вопрос энергопоставок в отношениях между Россией и ЕС, стал высокий приоритет, который придавался этому вопросу во время председательства Великобритании в ЕС во второй половине 2005 г., и недолгий перерыв в снабжении ЕС газом, вызванный «российско-украинским газовым диспутом» в конце декабря 2005 — начале января 2006 г. Под эгидой Великобритании началась институционализация совместных дискуссий на тему энергетической безопасности: первая встреча Постоянного совета Россия-ЕС по энергетическому партнерству состоялась 3 октября 2005 г. в Лондоне и включала в себя заседания четырех тематических рабочих групп (по энергосбережению, торговле энергоресурсами, инфраструктуре и инвестициям), состоявших из экспертов от Еврокомиссии и государств-членов ЕС, от российского правительства и от деловых кругов ЕС и России. Сокращение добычи газа в Северном море привело к изменению британских национальных интересов: прежде Великобритания находилась в оппозиции к планам ЕС по контролю за энергетической политикой, теперь же именно под председательством Великобритании вопрос об энергобезопасности стал одним из приоритетов в повестке дня хэмптонкортских встреч лидеров ЕС в конце сентября и конце октября 2005 г. Великобритания призывает к более серьезной координации европейской энергополитики, включая создание единой сети линий электропередач и сотрудничество в области хранения газа. Британские призывы к координации энергетической политики ЕС стали также следствием подспудных политических трений, порождаемых тем фактом, что некоторые страны ЕС, особенно Германия,

на 13-м саммите в мае 2004 г. были созданы Советы по постоянному партнерству по вопросам правосудия и внутренних дел, а также по вопросам охраны окружающей среды.

38. О «дорожных картах» см.: http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_05_05/#1

предпринимают ускоренные шаги к укреплению своих энергетических отношений с Россией на двусторонней основе³⁹.

От Еврокомиссии ожидали составления коммюнике по единой европейской энергетической политике для мартовского 2006 г. саммита лидеров ЕС. Эта политическая дискуссия происходит в обстановке, когда неуверенность ЕС в стабильности газовых поставок из России стала еще более заметной вследствие недолгого российско-украинского газового диспута. Причиной этого диспута стало решение «Газпрома» прекратить отпускать Украине газ по сильно заниженным ценам и, не давая ей никакой отсрочки, заставить ее платить за газ по мировым ценам, тем самым фактически подняв цену на газ для Украины в четыре раза. Диспут был, несомненно, связан с недавними политическими изменениями на Украине, внешняя политика которой при президенте Ющенко приобрела откровенно прозападный характер, включая декларации о готовности присоединиться к НАТО и ЕС. Разумеется, такой поворот в украинской политике лишил Россию желания субсидировать энергопоставки на Украину, тем более что украинская промышленность конкурирует с российской промышленностью в борьбе за долю на мировом рынке. Диспут был решен благодаря политическому вмешательству президента Путина, который навязал Украине сложное соглашение, фактически удваивавшее цену на газ, но предусматривавшее короткий переходный период. Из-за того, что некоторые страны ЕС испытали кратковременное прекращение поставок газа, Еврокомиссия 4 января 2006 г. созвала чрезвычайное заседание координационной группы ЕС по газу⁴⁰. Парадоксально, но хотя российско-украинский газовый диспут выявил серьезную энергозависимость ЕС от России и привел к возобновлению политических дискуссий о необходимости диверсифицировать источники энергопоставок в ЕС, он имел место непосредственно после презентации нового крупного инфраструктурного проекта, который поставит ЕС в еще большую зависимость от российского газа. Речь идет о соглашении между российским «Газпромом» и немецкими концернами BASF и «Рургаз», предусматривающем строительство 1200-километрового газопровода по дну Балтийского моря, который напрямую свяжет российский Выборг и германский Грайфсвальд⁴¹.

39. Об этой двусторонней «взаимозависимости» довольно раздраженно отзывался премьер-министр Блэр на своей совместной пресс-конференции с президентом Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозу на неформальном саммите ЕС в Хэмптон-Курте 27 октября 2005 г.: <http://www.eu2005.gov.uk>

40. Эта группа была создана согласно директиве Евросовета от 26 апреля 2004 и занимается мерами по обеспечению стабильности поставок природного газа. См.: Council Directive 2004/67/EC

41. 51 процент акций российско-германского Северо-Европейского газопровода принадлежит «Газпрому», а германские компании E.ON и BASF владеют по 24,5 процента акций каждая.

После окончания строительства газопровода в 2010 г. поставки газа в Европу должны утроиться. Газопровод также значительно укрепит двусторонние российско-германские экономические и политические связи, в то же время существенно снизив зависимость российского газового транзита от Польши и Украины.

Проходившие в рамках ЕС дискуссии по поводу баланса между принципом издержек и выгод и нормативным подходом по отношению к России принимали наиболее острый характер, когда речь заходила о нарушении прав человека в Чечне. Как отмечалось выше, некоторые государства-члены ЕС откладывали ратификацию Соглашения о партнерстве и сотрудничестве в знак протеста против российской политики в Чечне, но задержка оказалась недолгой, и к концу 1997 г. Соглашение было полностью ратифицировано. Критика России со стороны западных правительств, в том числе и со стороны ЕС, достигла максимума в 1999–2000 гг., после начала второй российско-чеченской войны. Россию обвиняли в «чрезмерном» использовании силы и призывали к переговорам с целью найти политическое решение. На саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. было заморожено «стратегическое партнерство» с Россией; ЕС прекратил финансировать TACIS, «Северное измерение», и другие формы сотрудничества. Кроме того, ЕС воспользовался предложением для того, чтобы ввести выгодные ему санкции, в марте 2000 г. урезав на 12 % квоты импорта российского стале-проката. Однако, вместо того, чтобы вступить в открытое противостояние с Россией по чеченскому вопросу, ЕС стремился действовать через различные международные организации, в которых имел представительство, и особенно через те, где он обладал подавляющим большинством голосов (включая и голоса стран-кандидатов в члены ЕС) — в ОБСЕ и Совете Европы, где главенство ЕС позволяет высказать общую позицию его членов. 8 декабря 1999 г. ООН, ОБСЕ и Совет Европы выступили с совместным заявлением (что случается редко), в котором потребовали от России уважать права человека в Чечне.

Однако, еще до событий 11 сентября наметились признаки возвращения к прагматизму в отношениях между ЕС и Россией. С начала второй чеченской войны Путин постоянно заявлял о том, что кампания в Чечне велась в рамках борьбы с «терроризмом», но эта риторика до 11 сентября почти не встречала понимания в ЕС, за исключением Великобритании. Во время визита в Москву в марте 2000 г. премьер-министр Блэр тоже вслед за Путиным заговорил о чеченском «терроризме». Однако, поворотным моментом стал июнь 2001 г. Добившись очевидной военной победы над сепаратистами, Путин пошел на уступки Западу и разрешил Группе содействия ОБСЕ вернуться в Чечню. Американско-российский саммит в Словении протекал в обстановке прагматизма, и на первый план, вместо вопроса о Чечне, вышли дискуссии по поводу дого-

вора о ПРО. На саммите Россия-ЕС и саммите Европейского Совета в Гетеборге Швеция, председательствовавшая в ЕС, пошла на беспрецедентный шаг, вынеся отношения между Россией и ЕС в отдельную рубрику рабочего плана. Швеция придавала большое значение восстановлению сотрудничества с Россией и возвращению в центр повестки дня ЕС ключевых вопросов, представляющих общий интерес для ЕС и России — таких, как расширение ЕС, Киотский протокол, «Северное измерение» и вопросы торговли⁴². В конце сентября 2001 г., после того как Путин выступил в германском Бундестаге и провел одну из пяти состоявшихся в тот период двусторонних встреч с канцлером Герхардтом Шредером, последний заявил, что «всемирное общественное мнение» должно проявить больше понимания и «дифференцированно подходить» к российско-чеченскому конфликту⁴³. Теракт 11 сентября привел к отказу от прежней единой стратегии ЕС, заключавшейся в замораживании отношений с Россией, и к более решительному уклону в сторону двусторонних подходов, причем такие государства, как Германия, Франция, Италия и Великобритания, откровенно соглашались с Путиным в том, что чеченский конфликт происходит в рамках «борьбы с терроризмом». Отчасти такой уклон стал еще и результатом давней дипломатической стратегии Путина, направленной на раскол единой позиции ЕС и прямой диалог с лидерами данных стран. Например, на саммите Россия-ЕС в Риме в ноябре 2003 г. итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони бесцеремонно обрывал вопросы журналистов и защищал «антитеррористическую» политику Путина в Чечне, а на трехстороннем саммите с участием Путина, Ширака и Шредера в августе 2004 г. в Сочи Ширак также выступил в защиту путинской политики в Чечне и поддержал идею о проведении президентских выборов в этом регионе под российским наблюдением.

Снижение роли Чечни как одного из важнейших вопросов в отношениях между Россией и ЕС никак не связано с какими-либо серьезными подвижками в области прав человека в этом регионе, а скорее может объясняться двумя другими причинами. Во-первых, успешная дипломатия Путина позволила ему наладить личные взаимоотношения с рядом важнейших европейских лидеров Шредером, Шираком, Блэром, Берлускони (в противоположность Ельцину, который стремился в первую очередь развивать отношения с США). Во-вторых, начиная с 10-го саммита ЕС-Рос-

42. Шведский рабочий план см.: http://eu2001.se/static/pdf/program/ordfprogram_eng.pdf. См. также итоги председательства Швеции в ЕС, подведенные Европейским Советом в Гетеборге 15–16 июня 2001 г.: http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/002001-en1.pdf. Особую активность в проталкивании соответствующей повестки дня проявлял Лейф Пэгротски, шведский министр внешней торговли.

43. По сообщению в *The Guardian* от 26 сентября 2001.

сия, проходившего в ноябре 2002 г. в Брюсселе, в повестках дня этих регулярных саммитов постоянно доминируют прагматические переговоры о ключевых экономических вопросах и широких стратегических взаимоотношениях. Лидеры ЕС с сильным неудовольствием воспринимают направленную в их адрес критику, обвиняющую их в потворстве России⁴⁴. Более того, с 2002 г. Россия все более решительно критикует ЕС за систематическую дискриминацию русскоязычных меньшинств в Эстонии и Латвии. К моменту 14-го саммита ЕС-Россия в ноябре 2004 г. в Гааге была достигнута взаимная договоренность отложить рассмотрение этих проблем до нового, отдельного раунда «консультаций» между ЕС и Россией по правам человека, и тем самым не допустить того, чтобы они каким-либо образом омрачили течение саммита.

Заключение

Развитие внешней политики ЕС в 1990-е гг. определялось потребностью в налаживании ключевых международных отношений, в том числе и с Россией, с которой Евросоюзу приходится взаимодействовать в условиях асимметричной взаимозависимости вследствие нужды в российской нефти и газе. Однако, поразительно, что наиболее прочной институциональной основой для внешней политики ЕС в отношении России являлось Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 года — инструмент, который предшествовал Единой политике ЕС в сферах иностранных дел и безопасности и мертворожденной Единой стратегии и в значительной степени стал препятствием для их воплощения. Долговечность Соглашения о партнерстве и сотрудничестве отразилась в той роли, которую оно сыграло при заключении соглашения о четырех «Единых пространствах» в мае 2005 г. Именно Соглашение о партнерстве и сотрудничестве стало институциональной основой для «диалога» между Россией и ЕС благодаря регулярным встречам на уровне министров и другим официальным форумам, но в первую очередь — благодаря регулярным полугодовым саммитам, на которых тон задают главы государств.

В течение почти всего рассматриваемого периода отношения между Россией и ЕС определялись ценами на нефть, составлявшими порядка 20–30 долларов за баррель. Однако после войны в Ираке и вследствие роста потребления в США и Китае цены взлетели, достигнув к августу 2005 г. почти 70 долларов за баррель. Давление нефтяных цен заставит перейти с нефти на природный газ,

44. См., например, Заявление Криса Паттена в Комиссии Европейского парламента по развитию — Брюссель, 12 ноября 2002, IP/02/1655: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/patten/ip02_1655.htm

но в результате такого перехода зависимость ЕС от энергопоставок из России в грядущие десятилетия увеличится. В какую сторону могут развиваться отношения между Россией и ЕС с учетом этого в высшей степени вероятного сценария?

Расширение ЕС за счет стран Восточной Европы внесло заметный диссонанс в политику ЕС по отношению к России. Многие из новых членов ЕС по историческим причинам питают к России враждебные чувства и с большим подозрением относятся к установлению более тесных связей между Россией и ЕС даже на столь мелких уровнях, как таможенные процедуры — несмотря на то, что сами они в экономическом плане тоже зависят от российских энергопоставок. По-видимому, со временем они смирятся с реальностью и откроют для себя выгоды сотрудничества с Россией. Однако, проблема для ЕС состоит не только в том, как обеспечить в своих рядах политическое единство по вопросу об отношениях с Россией, необходимое для эффективной координации энергетической политики ЕС, но и в крайне ограниченных возможностях влияния на внутреннюю политику России. Авторитарные сдвиги в России, происходящие при Путине, делают ее более непредсказуемым и ненадежным партнером, и первым серьезным испытанием в этом плане должен стать 2008 год, когда закончится второй президентский срок Путина и по конституции он обязан будет передать свои полномочия преемнику. Более того, в России проявляются многие характерные черты «нефтяного проклятья», такие, как сильно поляризованное общество, в котором тонкая сверхбогатая прослойка олигархов противостоит массе бедных (по европейским стандартам) граждан, и чрезмерная зависимость экономики от экспортных ресурсов при недостаточной диверсифицированности индустрии, работающей на внутренний рынок. Именно внутрirosсийская нестабильность, а не нехватка единства в российской политике ЕС, будет представлять собой величайшую угрозу «стратегическому партнерству» между ЕС и Россией в ближайшие десятилетия.

*Перевод с английского
Николая Эдельмана*

ДЖУЛИЯ НЬУТОН

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ В ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ:
ФРАНЦИЯ И РОССИЯ В ПОИСКАХ
МНОГОПОЛЯРНОСТИ¹

Ни одна другая развитая страна не ратовала за многополярность с той же настойчивостью, какую проявили Франция и Россия в годы президентства Жака Ширака, Бориса Ельцина и Владимира Путина. С середины 1990-х по середину 2000-х гг. обе стороны, не стесняясь самых выпенненных слов, регулярно подчеркивали свою общую цель — создать многополярный мировой порядок взамен однополярной системы, в которой доминируют США. «Франция и Россия, — заявлял Жак Ширак в 2001 г., — разделяют единое видение будущего... В первую очередь [это] видение многополярного мира, в полной мере учитывающее окончание Холодной войны и процесс воссоединения европейского континента»². И эти слова были не просто дипломатической риторикой. Обе страны в самом деле видели друг в друге первопроходцев-единомышленников в борьбе за многополярность³. Каждая из них воспринимала себя как передовую, — собственно говоря, как великую, — державу, на которую возложена всемирная миссия по созданию новой, многополярной системы международных отношений. Каждая из них представляла себе такую систему как мир, в котором зарождающиеся полюса силы — включая ЕС, Евразию (Россию), Китай, Ин-

-
1. Заголовок «Кратчайший путь в великие державы» (Shortcut to great power) родился под влиянием статьи: Deborah Welch Larson and Alexei Shevchenko. *Shortcut to Greatness: The New Thinking and the Revolution in Soviet Foreign Policy* // *International Organization*, 57 (Winter 2003), pp. 77–109.
 2. Conference de Presse Conjointe de M. Jacques Chirac... et de M. Vladimir Poutine. Kremlin, Moscou. 2 Juillet 2001: www.elysee.fr.
 3. Жак Ширак, Интервью агентству «Синьхуа» (7.10.2004), <http://www.elysee.fr>.

дию, Латинскую Америку (Бразилию) — войдут в число основных игроков на международной арене в рамках многостороннего миропорядка, основанного на принципе законности, что привело бы к концу «несправедливого и неравного» мира с доминированием США⁴. Более того, общее стремление России и Франции к многополярности в этот период даже служило фундаментом для их двусторонних отношений.

И в этом нет ничего удивительного — хотя с первого взгляда крайне странно говорить о каких-либо серьезных связях между Францией (стабильной демократией и, по данным 2005 г., 7-й по величине капиталистической экономикой мира)⁵ и Россией («авторитарно-бюрократическим» государством с госкапиталистической экономикой)⁶. Однако и Франция Ширака (1995–2007), и Россия Ельцина-Путина, во время второго президентского срока Ельцина (1995–1999) и обоих сроков Путина (1999–2008), были вполне сопоставимы в весьма специфическом смысле, связанном с современными международными отношениями, несмотря на колоссальные и очевидные различия между этими странами на всех прочих уровнях — политическом, экономическом, социальном и особенно нормативном.

Сравнение и противопоставление стремления Франции и России к многополярности с середины 1990-х гг. до конца президентского срока Ширака и служит темой настоящей статьи. Конкретно в ней утверждается, что и Франция, и Россия стремятся к многополярности по сходным причинам. Их взаимные попытки сместить структуру международных отношений в сторону многополярности предпринимались в рамках стратегии по восстановлению прежнего великодержавного статуса как можно более быстрым и экономным способом. Вследствие такого стратегического сродства президентам Ельцину/Путину и Шираку удавалось в нескольких важных случаях привлечь внимание мирового сообщества. Но в конечном счете, из-за нормативных различий в отношении того, как обе страны понимают свой многополярный проект и какими методами пыта-

ются воплотить его в жизнь, это стратегическое сродство осталось сугубо поверхностным. Собственно говоря, эти различия выступают как символ растущего нормативного раскола между Европой и Россией, который препятствует налаживанию *подлинного* партнерства между ними, невзирая на высокопарную риторику о «стратегическом партнерстве», звучавшую в течение всего десятилетия.

Что касается сродства обеих стран, то и Франция, и Россия — в материальном плане ослабевшие после 1991 г. — в новую эпоху, последовавшую за окончанием Холодной войны, продолжают считать себя «великими державами» с соответствующими характерными (более того — ставящими их выше других стран) чертами и с возложенной на них всемирно-исторической миссией. Обе страны стремятся к быстрому восстановлению прежней мощи ради защиты своих интересов и пытаются вернуть себе глобальную роль, адекватную их исторической или культурной «великодержавности». Вследствие этого обе страны с середины 1990-х гг. взяли на вооружение «политику многополярности» — то есть внешнюю политику, направленную на создание новых центров силы, начиная с ЕС и Евразии, которые совместно могли бы составить противовес Америке с ее колоссальной мощью. При уменьшении роли Америки они бы по определению оказались в положении великих держав. Для Франции это означало бы компенсацию ее убывающего глобального влияния, а также неспособности (а впоследствии — и нежелания) Ширака проводить непопулярную экономическую реформу раздутого французского госсектора. Для России стремление к многополярности представляло собой недорогую альтернативу более материальным формам могущества при том, что по большинству показателей реальной мощи Россия в эпоху Ельцина, а отчасти и в эпоху Путина резко сдала свои позиции. Для обеих стран многополярная политика являлась возможностью избежать более долгого и трудного пути к национальному величию, включающего в себя структурные экономические реформы (а для России — еще и строительство демократических институтов). Вместо длительного пути обе страны устремились в погоню за многополярностью, обещающую быстрое попадание в ранг великих держав. Иными словами, и для Франции, и для России стремление к многополярности на мировой арене являлось одной из составляющих «кратчайшего пути в великие державы»⁷.

Но несмотря на общее стремление к многополярности, в нормативном плане Россия и Франция, несомненно, обладали совершенно несопоставимыми представлениями о величии. Хотя обе эти страны искали быстрых путей к восстановлению величия, в России при президенте Путине величие понимали совершенно по-иному, чем в демократической Франции. Если президент Ширак стремился к величию, основанному на ценностях либеральной демокра-

4. Определение см.: Hanna Smith, «What can Multipolarity and Multilateralism tell us about Russian Foreign Policy Interests», in Smith, ed., *Russian and its Foreign Policy* (Kikimora Publications, 2005), 36; Hubert Védrine, *Les Cartes de la France à l'heure de la Mondialisation Dialogue avec Dominique Moïsi* (Paris: Fayard, 2000).

5. По величине ВВП, вычисленного с учетом паритета покупательной способности: www.cia.gov/cia/publications/factbook/rankorder. По данным 2007 г., Франция откатилась на 9-е место.

6. Lilia Shevtsova. *Inside Putin's Russia*. Washington, DC: Carnegie Endowment, 2005. P. 324–327. На Россию также навешивают ярлык «управляемой демократии»: Hannes Adomeit, Anders Aslund. *Russia Versus the United States and Europe — or «Strategic Triangle»?* Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Carnegie, 2005. P. 5.

7. Larson, Shevchenko, op. cit., 77–109.

тии, совместного (в относительном смысле) суверенитета в рамках ЕС и присущего ЕС «мягкодержавного» магнетизма (даже если эти ценности не всегда получали практическое воплощение), то Путин придерживался традиционного представления о российском величии, основанного на авторитарной власти внутри страны, государственном капитализме (при постоянном возрастании роли государства), и суверенитете и силе в понятиях XIX века⁸. Все это в конечном счете вело к тому, что Франция и Россия в своих поисках многополярности оказывались на двух противоположных полюсах.

Каковы же были скрытые источники франко-российского стремления к многополярности? Если обе страны так различались во всех прочих отношениях, почему внешнеполитические ориентиры Франции и России оказались настолько схожими? Можно указать три причины, каждой из которых посвящен соответствующий раздел статьи. Первая причина имела материальный характер: и Россия, и Франция по уникальному стечению обстоятельств оказались жертвами геополитических реалий, вследствие краха биполярного мира в 1989–1991 гг. утратив значительную часть своего былого влияния на международной арене. Результатом этого упадка стало серьезное внутреннее и внешнее давление, ощущаемое обеими странами. Вторая причина (которой посвящен второй раздел) относится к идейной сфере: и французской, и российской национальной идентичности вполне обоснованно были (и остаются) присущи черты «великодержавного» менталитета. Наконец, третья причина была институциональной. Президенты обеих стран (как Ширак, так и Ельцин с Путиным) проявляли серьезный интерес к построению многополярного мира при том, что в обеих странах президенты наделены необычайно широкими конституционными полномочиями, позволяющими им определять внешнеполитическую ориентацию своей страны⁹. Взаимодействие всех трех источников привело к большой схожести внешнеполитических стратегий обеих стран, которые можно назвать соответственно шираковской и путинской «доктринами многополярности». Наконец, статья завершается дискуссией о нормативных различиях, разделяющих Францию и Россию, несмотря на их сходство, и о влиянии этих различий на франко-российские двусторонние отношения и, в более широком плане, на отношения между Россией и ЕС.

8. Andrei Grachev, «Putin's Foreign Policy Choices», in Alex Pravda, ed., *Leading Russia: Putin in Perspective* (Oxford: OUP, 2005), 267.

9. О влиянии российского президента на внешнюю политику: Dmitri Trenin, Bobo Lo, «The Landscape of Russian Foreign Policy Decision-Making» (Moscow: Carnegie Moscow Centre, 2005), www.carnegie.ru; Grachev, «Putin's Foreign Policy Choices», *op. cit.*, 262; Shevtsova, *Inside Putin's Russia*, *op. cit.* О влиянии французского президента на внешнюю политику: Nicolas Jabko, «Comment la France définit ses intérêts dans l'Union Européenne», *Revue Française de Science Politique*, Vol 55, No. 2 (avril 2005), 238, 237.

г. Источники французской и российской политики многополярности: материальный упадок

На самом низовом уровне совместное стремление Франции и России к многополярности представляет собой предсказуемую геополитическую реакцию двух держав, наиболее сильно пострадавших от краха биполярного международного порядка в 1989–1991 гг. Как откровенно выразился бывший советский дипломат во Франции Юрий Рубинский, из-за геополитической встряски, которой завершилась Холодная война, Франция и Россия оказались в одной лодке как «двое главных проигравших» индустриально-мирового мира¹⁰. Что касается Франции, ее влияние на международной арене резко сократилось сразу же после объединения Германии. Прощенная и более мощная в физическом плане Германия отобрала у Франции ее послевоенный статус политического лидера Европейского сообщества и его главного представителя на международной арене. Более того, распад СССР, положивший конец 45-летнему биполярному международному порядку, повлек за собой и утрату Францией важной роли связующего звена между Востоком и Западом, которую она играла во время Холодной войны. Оба этих события выбили почву из-под ног у Парижа, лишив его прежней доли мирового пирога. Даже не мечтая вернуть себе должность посредника, обеспечивающего диалог Востока и Запада, Франция после потрясений 1989–1991 гг. оказалась перед лицом все более неприятного факта: она превратилась в обычную региональную державу, теряющую свой экономический статус. Франция скатилась с четвертого места в середине 1990-х гг. на седьмое десять лет спустя, но ее положение выглядит намного хуже, если оценивать его по «индексу растущей конкурентоспособности» (GCI, growth competitive index) — показателю способности страны обеспечивать экономический рост в средне- и долгосрочной перспективе. В 2005 г. по GCI Франция занимала лишь 27-е место в мире (главным образом из-за структурных проблем в экономике), отставая от Великобритании (12-е место), Германии (13-е место) и Испании (23-е место)¹¹. Такая суровая реальность, в сочетании с растущим социальным недовольством, нашедшим выражение в нежелании французского народа одобрить конституцию ЕС в мае 2005 г.

10. Yuri Rubinskii, «La France et la Russie à la Recherche du Monde Multipolaire», *Les Cahiers de l'IFRI*, 72 (1998), Paris: IFRI, 27.

11. См. экономическую базу данных NationMaster (<http://www.nationmaster.com/index.php>), где индекс растущей конкурентоспособности вычислен с учетом трех показателей — качества макроэкономического окружения, состояния государственных институтов страны и технологической готовности страны — фактора, приобретающего особое значение из-за усиливающейся роли технологий в процессе развития», на основе данных ООН и ОЭСР, опубликованных в таких надежных источниках, как «Нью-Йорк Таймс».

и беспрецедентных расовых волнениях в парижских пригородах осенью 2005 г., усиливает «ностальгическую меланхолию» Франции¹², «le mal français», ощущение «упадка»¹³, или, как выразился бывший министр иностранных дел Мишель Барнье, одолевающий Францию хронический «ревматизм»¹⁴. Ситуация выглядела настолько безотрадной, что к середине 2000-х гг. во французском языке появилось новое модное словечко: «déclinologues»¹⁵.

Для России, безусловно, негативные последствия 1989–91 годов были намного больше, чем сокрушительный удар по многочисленному фундаментальному распаду. Во-первых, сокрушение Берлинской стены и немецкое воссоединение, всего за несколько месяцев, означало для России потерю внешней империи. Во-вторых, развал Советского Союза, буквально за ночь, оставил Россию без огромных территорий, сотни лет которые находились в составе ее империи. Памятная фраза российского президента Владимира Путина о том, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века»¹⁶, отражает в себе всю травму этой утраты для многих русских¹⁷. В-третьих, демонтаж коммунистической системы повлек за собой крах советской экономики. Наряду с социальными и демографическими коллапсами эта тройная катастрофа привела к невиданному в российской истории ослаблению страны в политическом, экономическом, демографическом, территориальном и психологическом плане — более значительному, чем даже после унижительного поражения в Крымской войне.

Этот резкий упадок, повлекший за собой утрату обеими странами великодержавного статуса и в реальности, и в сознании их граждан, поставил *и* перед Россией, *и* перед Францией две взаимосвязанные проблемы: во-первых, угрозу внутренних беспорядков, а в случае России — окончательного распада страны; и, во-вторых, неспособность дать отпор внешнему давлению и угрозам. Пытаясь в середине 1990-х гг. решить эти проблемы, и Франция, и Россия обратились к внешней политике как готовому инструменту для вос-

12. Hubert Védrine, Les Cartes de La France, op. cit., 63.

13. Jean-Louis Andréani, «L'antienne libérale du „mal français“», Le Monde (27.10.2005), <http://www.lemonde.fr>

14. Мишель Барнье, выступление в Американском университете, Париж, 24 января 2005.

15. Использовано де Вильпенон: John Thornhill, «Fear and Self-loathing in Paris», Financial Times (27 Jan. 2006), 8.

16. Владимир Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (25.04.2005). http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml

17. По данным Стивена Уайтфилда, почти половина (45 %) россиян в 2003 г. продолжали идентифицировать себя с СССР: Stephen Whitefield, ed., Political Culture and Post-Communism (Basingstoke: Palgrave, 2005), 132.

становления великодержавности — или, по крайней мере, ее видимости. Обе страны активно преследовали политическую цель ускорения перехода от однополярной к многополярной системе, что являлось лучшим, если не единственным способом в кратчайшие сроки улучшить свое международное положение. Они исходили из предположения, что в многополярном мире США по крайней мере отчасти утратят свою доминирующую геополитическую позицию. Лишь после этого, — полагали французская и российская элиты, — их страны вернули бы себе влияние и смогли бы защищать свои интересы в качестве самозванных великих держав¹⁸.

Материальный упадок: угроза внутренней нестабильности и необходимость в поиске решения

Стремительный откат Франции с прежних позиций и беспрецедентная утрата Россией былого величия грозили обеим странам серьезными *внутренними* проблемами, поскольку величие служило источником социальной и политической сплоченности, национальной стабильности и политической легитимности как для полупрезидентских, «дирижистских» правительств во Франции, так и для автократических режимов в России. Ширавковская Франция оказалась в особенно уязвимом положении. Вследствие того, что после завершения Холодной войны Франция лишилась прежнего места в глобальной таблице о рангах, под ударом оказались практически все аспекты традиционной французской модели («le modèle français» или «l'exception Française») — начиная с ее полугосударственной экономики (с уровнем роста в 1–2 % по сравнению с более либеральной англосаксонской экономикой, демонстрировавшей в 2000-е гг. уровень роста в 3 и более процентов) и кончая ее социальной моделью, опирающейся на этнический интеграционизм (вместо англосаксонского мультикультурализма с особыми правами меньшинств и «дискриминацией наоборот»)¹⁹, сложной полупрезидентской политической моделью — «несомненным источником напряжения»²⁰ — вместо чисто парламентского или президентского устройства, и глобальной ролью страны как «влиятельной мировой державы»²¹ в противоположность

18. Yevgeny Bendersky, «Russia's Future Foreign Policy: Pragmatism in Motion», PINR, Power and Interest News Report (4 May 2005) in JRL.

19. Larry Siedentop, Democracy in Europe (NY: Columbia University Press, 2001), 189–214.

20. Cindy Skach, Borrowing Constitutional Designs: Constitutional Law in Weimar Germany and the French Fifth Republic (Princeton: Princeton University Press, 2006), 10.

21. Pierre Moscovici, Les 10 Questions qui Fâchent les Européens (Paris: Perrin, 2004), 25.

роли важного регионального актора²². Такая политическая, экономическая, социальная и внешнеполитическая модель — выражением которой со времен де Голля служила официальная, президентская Франция — была обречена на гибель, если не демонстрировала видимых преимуществ перед другими моделями. Именно поэтому Франсуа Миттеран не просто старался выказать себя хорошим патриотом, когда заявлял: «Роль Франции — в том, чтобы сохранить свое место среди великих держав»²³. И поэтому в 2005 г. конституция ЕС, построенная по «англосаксонской модели», выглядела столь угрожающей с точки зрения официальной Франции²⁴. Поэтому таким болезненным для официальной Франции стало прозвучавшее из уст социалиста Жака Ланга требование учредить в стране «новый [конституционный] режим», который бы привнес в полупрезидентскую систему Пятой республики больше институциональных сдержек и противовесов, в частности, усилил бы роль французского парламента (Национальной ассамблеи)²⁵. Наконец, именно поэтому официальная Франция восприняла как угрозу выдвинутый лидером французских деловых кругов Мишелем-Эдуаром Леклерком лозунг: «Да здравствует VI-я республика!»²⁶. С точки зрения Леклерка необходимые структурные экономические реформы требовали и конституционной реформы, которая сделала бы французскую систему более демократичной²⁷. Будучи умеренным представителем правополитиков, сторонником экономического либерализма, придерживающимся сильной проевропейской ориентации, и генеральным

22. Andréani, «L'antienne libérale du „mal français“».

23. Цит. по: Robert Gildea, *The Past in French History* (New Haven: Yale University Press, 1994), 112.

24. Хотя президент Ширак прилагал все усилия к тому, чтобы конституция была одобрена, он же изо всех сил пытался убедить французскую элиту и общественность в том, что эта конституция «pas de tout libéral» («слишком либеральна»): «Debat de M. Jacques Chirac, President..., avec de jeunes, „Referendum: En direct avec le President“», TF1, (14 апреля 2005), <http://elysee.fr>. Французы забаллотировали Конституцию ЕС 29 мая 2005 г. Такой исход объясняется многими причинами. По большому счету, в этом выражалось недовольство правлением Ширака и экономическим положением страны. Кроме того, сказался подспудный страх перед «англосаксонской» моделью, готовой подмять под себя страну, что в самом деле было бы губительно для традиционного лика Франции: M. Laine, J. P. Felman, «Le libéralisme, bouc émissaire», *Le Figaro* (8.06.2005), 12; Edouard Balladur «Un progrès est encore possible», *Le Figaro* (15.06.2005), 14; «Paris s'oppose à Londres sur le temps de travail», *Le Figaro* (3.06.2005), 3; «Le non de Gauche fait tribue commune à Paris», *Le Figaro* (15.04.2005).

25. Robert Graham, «Fears of Change and the Fifth Republic: Why French Reforms must start at the top», *Financial Times* (1 September 2004), 11.

26. Мишель-Эдуар Леклерк, интервью на «Radio Classique», Париж, май 2005.

27. Леклерк, интервью на «Radio Classique», май 2005; беседа Леклерка с автором статьи, Париж (май и декабрь 2005, январь 2006).

директором международной сети гипермаркетов «Леклерк», Леклерк был (и остается), согласно опросам, одним из самых популярных во Франции не-политиков, которых желали бы видеть в президентах страны, и «единственным главой компании, которого французы могли бы представить себе в роли президента республики», занимая в опросах первое место наравне с Николя Саркози²⁸. В качестве «анфан-террибль французской экономики»,²⁹ обвиняющего «политические классы в безразличии к повседневной жизни французского народа», он «серьезно встревожил» правительство Ширака³⁰. Даже премьер-министр Доминик де Вильпен отпустил «vieille» (старой) Франции — в смысле, Пятой республике — «не более десяти лет» на восстановление своей позиции как la grande nation, прежде чем упадок станет необратимым и Пятая республика окажется под угрозой³¹. Однако возрождение величия в таких непростых условиях представляло собой трудную задачу. Только в 2005 г. безработица находилась на уровне 10 % (22 % для молодежи и еще выше для национальных меньшинств), среди мусульманского населения ширились протестные настроения, исход предпринимателей из Франции казался неостановимым (с 1997 по крайней мере до 2005 г. Францию покидало по миллионеру в день), а уровень роста французской экономики опустился в 2004 г. до жалких 0,5 %³². Особенно пессимистично был в то время настроен Кристоф Ламбер, генеральный директор 3-й в мире по величине рекламной компании «Publicis» и автор недавнего эссе «Общество страха»: «Наша социальная модель мертва... Мы отвернулись от глобализации и теперь снова и снова выбираем себе политиков, которые твердят нам, что мы справимся и без перемен... В итоге мы получили общество, в котором господствует страх»³³. И в условиях, когда политическая и экономическая модель Пятой республики оказалась под ударом, Жак Ширак стремился вернуть стране часть былого величия, чтобы

28. См. рецензии на книгу Michel-Edouard Leclerc, *Du bruit dans le Landerneau: Entretiens avec Yannick le Bourdonnec* (Paris: Albin Michel, 2004): радиостанция «France Inter», «A la Une», <http://www.radiofrance.fr/divers/thematiques/radiodulivre/alaune>; Laurent Guez, et al., «C'est le Couple de l'Anée!» *Le Figaro Entreprises* (20 déc. 2004), 10–13.

29. «Le Point de Vue de l'Editeur», Albin Michel (издатель Леклерка), *Du bruit dans le Landerneau*, <http://www.michel-edouard-leclerc.com/content/xml/Bibliographie.xml>

30. «La nouvelle campagne de Michel-Edouard Leclerc inquiète le gouvernement», *Le Monde* (10.03.2005), <http://lemonde.fr/>

31. Dominique de Villepin, *Le Requin et la Mouette* (Paris: Plon, Albin Michel, 2004), 253.

32. Peggy Holliger, «Paris moves to stem millionaire exodus», *Financial Times* (22 Oct 2005), <http://www.ft.com>; «Ces Français qui partent réüssir ailleurs», *Le Point*, no 1741 (26.01.2006), 64.

33. Thornhill, «Fear and self-loathing in Paris», 8.

обеспечить внутреннюю стабильность и доверие к власти. С этой целью он стремился подтолкнуть мир в сторону многополярности, используя французский опыт в международных делах.

Очевидно, что постсоветская Россия столкнулась с гораздо более серьезными внутренними проблемами, решить которые еще более затруднительно. Хроническая слабость российского общества порождает «дилемму величия», когда условием российского величия выступает суверенитет страны, а также, само собой, ее территориальная целостность. «Россия должна быть великой державой, если хочет вообще оставаться державой», — писал Альфред Рieber³⁴. По российской логике, любое ослабление власти центра повлечет за собой усиление центробежных тенденций на периферии, ведя к возможному распаду российского государства. В эпоху Ельцина такая возможность казалась вполне реальной. Власть федерального центра над обширными российскими территориями казалась зловеще ослабленной в результате ельцинского «парада [двусторонних] договоров» с региональными лидерами, вырывающими у Москвы особые финансовые привилегии, исключения из федеральных законов и независимость при назначении должностных лиц³⁵. Вместо построения нового федерализма на основе мультилатерализма, прозрачности и равенства, Ельцин отдавал предпочтение таким нормам, как «билатерализм, исключительность и иерархия», враждебным федерализму³⁶. В результате Путин столкнулся с колоссальными проблемами, напомиравшими самые тяжелые периоды в российском прошлом и пробуждавшими два наиболее давних страха. Во-первых, налицо был страх перед неудержимым внутренним распадом вследствие утраты контроля со стороны центра и перед соответствующим внешним давлением, которое было вызвано расширением НАТО и ЕС и требованиями демократизации. Во-вторых, Россия боялась утратить столь значимые для нее экономическую и политическую независимость. Это глубоко укorenившееся коллективное беспокойство объясняет, почему Путин в 2006 г. назвал 1990-е годы новой «смутой» в российской истории, когда само выживание России как единой, суверенной и независимой страны находилось под вопросом³⁷; почему в 2007 г., когда рос-

сийская экономика продолжала стремительный рост, российский президент пошел еще дальше, отметив, что *завершение* внутренней смуты в 1612 году было победой «не только [...] над иноземными захватчиками»³⁸; и почему в том же 2007 г. Путин отправился в Мюнхен, где заклеил западную экспансию (проводящуюся силами НАТО, ЕС, ОБСЕ и неправительственных организаций) как агрессивное покушение на исторические территории России и сферы ее интересов³⁹. И простые россияне всякий раз аплодировали Путину⁴⁰.

Путин с самого начала поставил перед собой цель «заново собрать» российские земли в пределах федерации, восстановить российский авторитет в рамках СНГ и сохранять территориальный статус-кво СНГ посредством административных и юридических реформ, институционального строительства и миротворческих усилий на местах⁴¹. С осознанием возможности превратить Россию в энергетическую сверхдержаву у путинского руководства появилось еще больше оснований усматривать непосредственную взаимосвязь между авторитетом Москвы в рамках Российской Федерации и в рамках СНГ. С октября 2003 г., после ареста Михаила Ходорковского, Москва приступила к возвращению себе контроля над российскими энергетическими и прочими природными ресур-

речи (цитировавшейся в «Moscow News»), Путин недвусмысленно оценил ельцинскую эпоху как новое «смутное время» и дал понять, что именно его (путинское) руководство вывело страну из полосы бедствий: Anna Arutunyan, «Putin Plans for New Role», Moscow News (4 Oct. 2007), <http://mnweekly.rupolitics/20071004/55280269.html>

38. Владимир Путин. Выступление на приеме по случаю Дня народного единства. Кремль, 4.11.2007, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/11/150256.shtml>
39. Владимир Путин. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10.02.2007, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>
40. Путин завоевал популярность не только благодаря экономическому буму, но и благодаря новому подходу во внешней и внутренней политике. Согласно социологическому опросу Пью, проведенному в 2003 г., 76 % россиян выражали доверие к курсу Путина во внешней политике; весной 2007 г. (сразу же после мюнхенской речи Путина) этот рейтинг вырос до 84 %. Опрос, проведенный в 2007 г. Левада-центром, показал, что 86 % россиян одобряют всю деятельность Путина на посту президента: «Putin's Popularity Propels Chosen Successor in Russian Election», Pew Research Center (27 Feb. 2008), <http://pewresearch.org/pubs/749/russia-public-opinion>
41. О восстановлении контроля Москвы над российскими регионами: Eugene Huskey, «Overcoming the Yeltsin Legacy: Vladimir Putin and Russian Political Reform», in Brown, op. cit., 88–91; Tomila Lankina, «Local Government, Ethnic and Social Activism», in Brown, op. cit., 411. Об отношениях России с СНГ и о претензиях МИД России на «лидерство в рамках СНГ»: Обзор внешней политики Российской Федерации. Министерство иностранных дел РФ, март 2007, <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf, 26–32>.

34. Alfred Rieber, «The Reforming Tradition in Russian History», in A. Rieber, A. Rubinstein, ed., *Perestroika at the Crossroads* (M E Sharpe, 1991), 13.

35. Jeff Kahn, «What is the New Russian Federalism?», in Archie Brown, ed., *Contemporary Russian Politics: A Reader* (Oxford: Oxford University Press, 2001), 374–379.

36. Там же, 379.

37. Путин имел в виду «смуту» начала XVII в., высоко отозвавшись о Минине и Пожарском, положивших ей конец: Владимир Путин. Выступление на государственном приеме, посвященном Дню народного единства. Кремль, 4.11.2006, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/11/113418.shtml>. В другой

сами. Она стремилась получить гарантии контроля над транзитными трубопроводами, пересекающими СНГ, и закрепить за собой привилегированный доступ к энергоресурсам СНГ. Это требовало дальнейшего усиления авторитета Кремля на бывшем советском пространстве. Однако укрепление российского авторитета в СНГ, особенно в его западных и южных частях, осложнялось различными факторами, включая конкуренцию с Америкой и с Китаем⁴², антироссийские и проевропейские настроения на Украине и в Грузии, а также потенциальный рост исламского фундаментализма и появление антироссийски настроенных лидеров в Средней Азии и на Кавказе — причем все эти обстоятельства могли дестабилизировать власть Путина внутри страны.

Столкнувшись с необходимостью не допустить внутренней нестабильности и укрепить российский авторитет в рамках СНГ, российское руководство решило, что для этого срочно требуется восстановление великодержавного статуса страны. Подобно Франции, оно нуждалось в инструментах для быстрого выполнения этой задачи. Одним из этих инструментов и стала внешняя политика, направленная на скорейшее создание многополярного режима.

Материальный упадок: угроза внешнего давления

Не одни лишь внутренние проблемы служили источником беспокойства для ослабленных Франции и России. Неожиданный упадок делал обе страны уязвимыми не только перед внутренними, но и перед внешними угрозами и давлениями. Сперва рассмотрим Францию. В противоположность стремительной утрате Францией ее бывшего статуса после 1990 г., в Америке на протяжении последующих 15 лет наблюдалось и абсолютное, и относительное возрастание как политической, так и экономической мощи. Французов тревожило, что на ближайшие десятилетия и даже поколения «в мире, где станут доминировать США, всем прочим ценностям и интересам найдется место лишь в той мере, в какой будет на то воля Америки»⁴³. Они опасались растущего «неравноправия государств», беспредельно усиливающего политическую мощь США на мировой арене, и сожалели о нехватке экономических и материальных

42. Превосходную дискуссию об интересах великих держав в Средней Азии см.: Robert Legvold, «Great Power Stakes in Central Asia», *Thinking Strategically: The Major Powers, Kazakhstan and the Central Asian Nexus* (Boston: MIT Press, 2004), 1–38.

43. Robert Jervis, «Understanding the Bush Doctrine», *Political Science Quarterly*, 118:3, 384; Kenneth Waltz, «Globalization and Governance: 1999 James Madison Lecture, Columbia University», PS: *Political Science and Politics* (December 1999), <http://www.apsanet.org>.

средств, мешающей исправить такое политическое неравенство⁴⁴. Как указывал бывший французский премьер-министр Юбер Ведрен, необходимо преодолеть «контрпродуктивные» и «неудовлетворительные» последствия американского «гипермогущества»⁴⁵. Одним из таких последствий была угроза насаждения англосаксонского либерализма. Эта конкурирующая модель в течение всего десятилетия доминировала в глобализационных процессах, лишала Францию ее доли на глобальном рынке и представляла собой *внешнюю* угрозу сложившейся во Франции полугосударственной экономике. Другим последствием стало вторжение США в Ирак, которое Франция оказалась не в силах предотвратить. Оно вынудило Францию отказаться от уже заключенных с иракцами контрактов, на ближайшие 30 лет обеспечивавших французские потребности в нефти, и принесло Франции убытки в 3,5 млрд. долларов — стоимость сорвавшихся экспортных поставок в Ирак⁴⁶. Таким образом, глобальная гегемония США представляла собой серьезную экономическую и политическую проблему для Франции. Как констатировал Ведрен, «в этом и лежит причина нашего желания строить многополярный мир»⁴⁷. Первым шагом на пути к этой цели, — заявил он, — было бы становление Europe-puissance (Европы как силового полюса). В конце концов, «Европейский Союз — единственная сила, способная выдвинуть альтернативу вашингтонскому проекту по установлению *raх-Americana* на веки вечные»⁴⁸.

Но ощущение угрозы исходило даже из самой Европы. Когда в 2004 г. число участников ЕС должно было возрасти до 25 государств, Франция столкнулась с риском раствориться в этом наднациональном колоссе, лишившись своей роли (самозванного) лидера и даже самостоятельности во внутренних делах. Перед страной встала срочная задача — восстановить французское величие с целью остаться в числе политических лидеров Европы, сохранить свою независимость и защитить национальные интересы. И как понимал эту задачу Ширак, кратчайший путь к возвращению величия шел через многополярность.

Россия же, в отличие от Франции, воспринимала внешнее давление как реальную угрозу своей безопасности. Российские лиде-

44. Waltz, *op. cit.*, 8–9.

45. Védérine, *Les Cartes de La France*, *op. cit.*, 163.

46. «Un économiste égyptien: des intérêts économiques guident la politique irakienne des Français, des Allemands et des Russes», no 129 (27 March 2003), MEMRI: L'Institut de Recherche des Medias du Moyen Orient, <http://www.memri.org/bin/french/articles.cgi?Area=iraq&ID=IA12903>

47. Hubert Védérine, *Face à l'Hyperpuissance* (Paris: Fayard, 2003), 163.

48. Richard Rorty, «Humiliation or Solidarity?» in Daniel Levy, Max Pensky, John Torpey, ed., *Old Europe, New Europe, Core Europe: Transatlantic Relations after the Iraq War* (New York: Verso, 2005), 37.

ры — причем не без причины — вот уже пятьсот лет испытывали беспокойство из-за внешних угроз, и президент Путин не стал исключением из их числа⁴⁹. Президент Путин, особенно во время своего второго президентского срока, столкнулся с обширными и всевозможными внешними вызовами, включавшими экономическую, политическую и военную угрозу, которую несла с собой «сплошная глобализация» и экспансия Запада⁵⁰. Самым тревожным проявлением этих угроз стали агрессивное расширение НАТО, все глубже проникавшее на бывшее советское пространство, невзирая на решительные российские протесты, а также «замыслы» США по массивному вливанию денег в страны СНГ «с целью вмешательства в наши внутренние дела»⁵¹. По сути, — утверждал Путин, — Запад ничуть не уменьшил своего нажима на ослабевшую Россию. По его словам, «исходящие от Запада угрозы лишь трансформируются, меняя свой облик. Но в этих новых угрозах содержится то же, что и во времена Третьего рейха, презрение к человеческой жизни и те же самые претензии на исключительность и на диктат своей воли всему миру»⁵². Америка и прочие страны хотят «решать свои собственные задачи внутри нашей страны и делать нашу позицию более мягкой по каким-то важным международным проблемам, понуждать нас к решению проблем в том ключе, который выгоден для наших партнеров»⁵³. Впоследствии Путин сравнивал угрозу, которую несет России американская программа ПРО, с той угрозой, с которой столкнулась сама Америка во время Карибского кризиса, когда Советский Союз «разместил ракеты на Кубе», и сетовал на то, что «у наших границ такие угрозы для нашей страны сегодня создаются»⁵⁴. И все это, по его словам, происходило вследствие упадка России. Даже Алексей Арбатов, либерально мыслящий специалист по международным отношениям и бывший заместитель председателя комитета Госдумы по обороне, обвинял Запад во вмешательстве в украинскую и грузинскую политику. Он увязывал «цветные революции» на Украине и в Грузии с «активным вмешательством Запада... в Грузии

49. Marshall Poe, *The Russian Moment in World History* (Princeton: Princeton University Press, 2003): «Ни одна другая страна не ощущала на себе столь непрерывного и смертельно опасного военного давления» (66).

50. Там же, 491.

51. Michael McFaul, «New Russia, New Threat», *Los Angeles Times* (2 Oct. 2007), www.carnegie.ru/en/print/76877

52. Там же. (Цит. в обратном переводе с английского).

53. Владимир Путин. Встреча с представителями молодежных организаций России. Завидово, Тверская область, 24.07.2007, http://www.kremlin.ru/appears/2007/07/24/2111_tureb3376tureb3381_138523.shtml

54. Владимир Путин. Заявление для прессы и ответы на вопросы по итогам XX саммита Россия — Евросоюз, 26.10.2007, http://www.kremlin.ru/appears/2007/10/26/2205_tureb3377tureb3380_149679.shtml

и на Украине с целью поддержки наиболее антироссийски настроенных политиков в 2004–2006 гг.»⁵⁵. Президент Путин в том же ключе упрекал Запад во «вмешательстве во внутренние дела других стран» через Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и неправительственные организации: «Сегодня что мы видим на практике? ... ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран... „Скроили“ под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых неправительственных организаций»⁵⁶.

Что еще хуже, — считает Кремль, — проводимая Западом кампания по продолжению экспансии НАТО на бывшие советские территории представляет собой его реакцию на новое усиление России. Запад надеется внедриться в естественные сферы влияния России с целью подорвать ее восстановленный авторитет и обратить вспять процесс движения от однополярного к многополярному миру⁵⁷. Запад взял на вооружение «откровенно провокационный план по преобразованию Северо-Атлантического альянса... в глобальный „союз демократий“», который сознательно лишает Россию членства в своих рядах и *окружает* ее, вызывая у России особую тревогу вследствие растущей по вине Америки «ремилитаризации международных отношений»⁵⁸, виной чему — такие инициативы, как ПРО. Как выразился министр иностранных дел Лавров, ПРО — «недостающая фишка в jigsaw puzzle [головоломке]», выявляющая реакционный план Вашингтона по окружению России противоракетными системами, сознательно размещенными «по периметру российских границ»⁵⁹. И дело вовсе не в том, что Россия неверно понимает намерения Запада, — заявил Путин, — поскольку его замыслы стали очевидны уже в середине 1990-х гг., когда Запад нарушил данное России обещание *не* расширять НАТО за пределы Германии, а затем не допустил российского участия на самых фундаментальных, ключевых уровнях европейской безопасности⁶⁰.

55. Alexei Arbatov, «Moscow and Munich: A New Framework for Russian Domestic and Foreign Policies», Working Papers No 3 (2007), Carnegie Moscow Centre, 16.

56. Путин. Выступление на Мюнхенской конференции.

57. Sergei Karaganov, «A New Epoch of Confrontation», *Russia in Global Affairs*, no. 4 (October-December 2007), <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/21/1148.html>

58. Там же.

59. Стенограмма выступления и ответов на вопросы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на семинаре... в Московском центре Карнеги. 21.07.2007, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df4ce643256999005e6e8c/7d386c3fcb584c; Dmitri Trenin: «Russia's Threat Perception and Strategic Posture» (25 Jan. 2008), Carnegie Moscow Center, <http://www.carnegie.ru>

60. Путин. Выступление на Мюнхенской конференции.

«Думаю, очевидно: процесс натовского расширения не имеет никакого отношения... к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор... И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?»⁶¹ Такое отношение России к действиям Запада как к сознательным провокациям было искренним и, в свою очередь, стало очередным фактором, влияющим на эволюцию российской внешней политики в сторону более жесткого противостояния с Западом.

Российский министр иностранных дел предупредил США, что им не следует лезть в СНГ и пересекать «красную черту»⁶². Защита этой «красной черты» и обеспечение суверенитета России над сферами ее интересов составляют самую суть экзистенциалистских приоритетов страны. «Россия... будет либо независимой и суверенной, либо скорее всего *ее вообще не будет*»⁶³. Ее «не будет», — гласит логическая цепочка, — поскольку свойственное Западу желание «видеть Россию слабой и беспомощной» может увенчаться успехом, если не обуздать западные поползновения в отношении СНГ и России⁶⁴. Единственный способ сдерживать Запад и сохранять евразийский статус-кво — это добиться паритета с США (и превосходства над ЕС), а для этого требуется *быстро* восстановить Россию как великую державу. Путин, как и его предшественник Ельцин, видел в многополярной политике дешевый и удобный способ добиться этого. Именно поэтому Сергей Лавров провозгласил: «Многополярной дипломатии нет альтернативы»⁶⁵.

2. Источники многополярной политики: великодержавный менталитет

Если переживаемый обеими странами упадок побуждает Францию и Россию к таким шагам, которые способствовали бы решению их проблем, то присущий им великодержавный менталитет помогает выбрать предпочтительный *тип* решения, включая многополярную внешнюю политику. Обе страны стремятся к насаждению многополярности вследствие своего великодержавного мен-

61. Там же.

62. Цит. по: Anne de Tinguy, Conference, «Le Projet de Puissance de la Russie: Enjeux, Réalités, et Implications Stratégiques», Fondation pour la Recherche Stratégique (2 Oct. 2007), 85.

63. Владимир Путин. Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай», Сочи, 14.09.2007, http://www.kremlin.ru/appears/2007/09/14/2105_type63376type63381type82634_144011.shtml (курсив автора статьи).

64. Karaganov, «A New Epoch of Confrontation», op. cit.

65. Sergei Lavrov, «Forget the Inferiority Complex», JRL (13 April 2005), <http://www.cdi.org>.

талитета. Как пишет Ханна Смит, «*Это стремление [вернуть Россию в число великих держав] обуславливает предрасположенность России к многополярности*, тема которой во всевозможных разновидностях присутствовала в российской внешнеполитической аргументации и при Козыреве, и при Примакове, и при Иванове, и при Лаврове»⁶⁶. В отношении Франции можно сказать то же самое: «Единственный [во Франции] миф, по видимости способный пережить любые превратности коллективного опыта — это миф о французском величии»⁶⁷. Именно этот миф еще со времен Шарля де Голля питает тягу Франции к многополярности. Удачнее всего сказал об этом сам де Голль: «Франция не будет Францией без величия»⁶⁸ — ибо «Франция, — потому что она способна к этому, потому что всё зовет ее сделать это, потому что она Франция, — должна проводить в мире политику мирового масштаба»⁶⁹. Таким образом, де Голль видел миссию Франции в том, чтобы создать независимый европейский полюс, «европейскую Европу, в которой бы национальные государства старого континента сплотились в конфедерацию вокруг центра притяжения, находящегося в Париже...»⁷⁰

Подобные идеологические источники внешнеполитического выбора нередко объявляются вторичными, эпифеноменальными, или просто «ширмами», скрывающими материальные побуждения⁷¹. Однако попытка разделить источники на главные и второстепенные может привести к заблуждениям и к недооценке значения национальной идентичности как важнейшего фактора, определяющего внешнеполитическое поведение. Хотя идентичность имеет многосторонний, сложный характер и подвержена мутациям, она выступает в роли цементирующего нацию вещества, созданного из коллективных мифов и памяти, посредством которых люди, составляющие нацию, приходят к консенсусу⁷². Национальная идентичность как часть коллективного бессознательного нации, частично основанного на памяти, помогает нации понять,

66. Hanna Smith in Smith, ed., op. cit., 39. (курсив автора статьи).

67. Robert Gildea, «Myth, Memory and Policy in France since 1945», in Jan-Werner Müller, ed., *Memory and Power in Post-War Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 75.

68. Charles de Gaulle, *Mémoires de Guerre, I 1940–1942* (Paris: Plon, 1954), 1.

69. Jean Lacouture, *De Gaulle: The Ruler, 1945–1970* (London, Harvill, 1991), 393–70. Там же, 345.

70. Jonathan Haslam, *No Virtue like Necessity: Realist Thought from Machiavelli to the Present* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); продуманный реалистический взгляд: William Wohlforth, «The End of the Cold War as a Hard Case for Ideas», *Journal of Cold War Studies*, vol 7, no 2 (Spring 2005), 165–173.

72. Jan-Werner Müller, «Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory», in Müller, op. cit., 18.

кто она такая и где находится, в каком направлении она направляется и куда хочет двигаться⁷³. Это — «компас»⁷⁴ нации, или, используя более современную терминологию, ее GPS-навигатор, который не только осведомляет страну о том, куда ей идти, но и указывает оптимальные маршруты. В этом отношении национальная идентичность выступает как один из факторов, определяющих понимание национальных интересов и выбор способов их обеспечения. От нее зависит, как страна интерпретирует окружающий ее материальный мир, подверженный быстрым изменениям, и соответственно, как она реагирует в смысле внешнеполитического поведения⁷⁵.

И для России, и для Франции миф о величии был (и остается) существенной частью их национальной идентичности. Обе страны воспринимают себя как «великие державы» вследствие исторических precedентов, цивилизационного вклада или геополитического положения, и обе стремятся к тому, чтобы их признали таковыми на современной мировой арене. «Российский менталитет — это великодержавный менталитет»⁷⁶. Как выразился Владимир Путин, «Россия была и будет великой державой. Это обусловлено неотъемлемыми особенностями ее геополитического, экономического и культурного существования»⁷⁷.

В свою очередь, и «Франция создала национальную политическую культуру, основанную на понятиях величия, чести и места страны в табели наций о рангах»⁷⁸. Этот миф о «la grande nation» зачастую не имеет особого отношения к реальности, но ему присуще множество аспектов, причем не только культурного, но и военного характера⁷⁹. Прочно укоренившись в коллективной памяти французов, он продолжает существовать, даже не имея к тому никаких объективных оснований. Французская слава «непреодоляща»; это — «национальное достояние». «Искать

73. Thomas Berger, «The power of memory and memories of power: the cultural parameters of German foreign policy making since 1945», in Müller, op. cit., 78–83.

74. Robert English, «The Sociology of New Thinking», *Journal of Cold War Studies*, vol 7, no 2 (Spring 2005), 74; Alexander Wendt, *Social Theory of International Relations* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 336–343.

75. J. Newton, Conference paper, «Forum du Future», Assemblée Nationale Française (23 Jun 2005); English, op. cit., 74.

76. Слова Е. Бажанова, цит. по: Smith, op. cit., 47.

77. От первого лица. — М.: Вагриус, 2000. С. 214; Частично цит. в: Erin Hellum, «Identity and Russian Foreign Policy: An Analysis of Official Discourse, 1992–2004», MPhil Thesis, St Antony's College, Oxford University, 36. (Цит. в обратном переводе с английского).

78. Gildea, *The Past in French History*, op. cit., 112.

79. Там же, 113.

славы... полагалось любому режиму, находящемуся у власти»⁸⁰. Что еще более важно, национальная катастрофа или материальный упадок по сути становились питательной средой для «культуры французского величия». Этот культ, «отнюдь не разрушенный чередой национальных катастроф [1870, 1914, 1940, 1961 (Алжир)], лишь возрастает на них, как будто без катастрофы ему не достичь расцвета»⁸¹.

То же самое верно и для России, в которой величие всегда являлось составной частью национального воображения, поскольку Россия «обречена быть великой державой» — какова бы ни была реальность⁸². Как объяснял Андрей Козырев, России «суждено быть великой державой. И она веками оставалась таковой, несмотря на череду внутренних потрясений... Даже во время трудностей переходного периода Россия сохраняет неотъемлемые черты великой державы»⁸³.

Однако, все это скорее относится к *воспоминаниям* о «неотъемлемом» величии, чем к *реальному* величию. Как пишет Жан-Вернер Мюллер, «особый интерес представляет то, как страны, оказавшиеся главными проигравшими после окончания Холодной войны — такие, как Франция и Россия, — пересматривают свои воспоминания о XX веке и переориентируют свою политику на основе тех или иных „уроков прошлого“. Нередко этот пересмотр производится в радикальном ключе, и воспоминания становятся заменой былой славы, которую необходимо вновь обрести в ближайшем будущем (и в «ближнем зарубежье»)»⁸⁴.

Какую бы форму ни принимала память о величии, в обеих странах в эпоху Ширака, Ельцина, и в первые годы правления Путина миф о величии настолько расходился с реальностью, что обе нации — в разных формах и в разной степени — испытывали кризис идентичности. Российский кризис идентичности приводил в 1990-е гг. к резким сменам и колебаниям внешнеполитического курса Москвы⁸⁵, и лишь в последние несколько лет Владимиру Путину удалось создать более-менее связную внешнеполитическую «доктрину», заключающуюся в восстановлении российского величия на объективном фундаменте топливно-энергетических

80. Там же, 115.

81. Там же, 165.

82. А. Козырев. Россия и США: Партнерство не преждевременно, а запаздывает // *Известия*. 11 марта 1994. С. 3; см. также: Hellum, op. cit., 27.

83. Andrei Kozyrev, «The Lagging Partnership», *Foreign Affairs* 73, no 3 (1994), 62–3; Hellum, op. cit., 28.

84. Müller in Müller, op. cit., 8.

85. Margot Light, «Post-Soviet Russian Foreign Policy: The First Decade» in Archie Brown, ed., *Contemporary Russian Politics: A Reader* (Oxford: Oxford University Press, 2003), 422–23.

ресурсов в рамках многополярного мира, построение которого Путин стремится приблизить изо всех сил⁸⁶.

В шираковской Франции кризис национальной идентичности проявился в отсутствии связи между официальными речами и действиями⁸⁷, в ощущении больной, «встревоженной страны»⁸⁸, которой угрожает глобализация, подобно безжалостному зеркалу высвечивающая растущее несоответствие между реальным упадком Франции и ее мифом о величии.

Таким образом, на определенных уровнях стойкая самоидентификация Франции с величием (в качестве «la grande nation») имеет общие черты с вековечным российским «великодержавным» менталитетом. Во-первых, для обеих стран величие подразумевает миссию всемирного масштаба, готовность вести за собой другие страны и народы. Например, Россия в течение большей части XX века считала себя авангардом нового коммунистического миропорядка, основанного на марксистско-ленинских идеях. В конце века Горбачев, согласно своей доктрине «Нового мышления», видел в России застрельщика нового кантианского международного порядка, основанного на «мягкой силе»⁸⁹. После событий 11 сентября 2001 г. путинское руководство заявило, что Россия находится в авангарде новой «глобальной антитеррористической коалиции», которая направлена «на решение конкретных проблем» и готова «стать одним из элементов новой глобальной системы безопасности XXI века»⁹⁰.

Франция, подобно России, также считала, что на нее возложена цивилизаторская миссия, обязывающая ее, как и во время Французской революции, распространять свои идеи и взгляды во внешнем мире⁹¹. «Мы твердо убеждены в том, что наше призвание, наш долг — говорить своим собственным, неповторимым голосом, который разносится и слышен по всему миру... Быть французом — означает не забывать о мире, лежащем за пределами Франции», —

86. Владимир Путин. Интервью французскому телеканалу ТФ1, 11.02.2003, http://kremlin.ru/appears/2003/02/11/2356_type63379_29773.shtml

87. Между официальной риторикой и поступками во внешней и внутренней политике наблюдался разрыв, за которым стояло отсутствие национального консенсуса. На уровне риторики президент Ширак с осени 2005 г. решительно защищал традиционную французскую экономическую и социальную модель, в то время как правительство де Вильпена понемногу приступило к мелким реформам на рынке труда.

88. De Villepin, *Le Requin...*, op. cit., 247.

89. О миссии Горбачева см.: Larson, Shevchenko, op. cit.

90. И. Иванов. Нельзя силой навязывать демократические ценности // Коммерсантъ-Daily. 5.03.2003. С. 10.

91. Sophie Meunier, «The French Exception», *Foreign Affairs* (July-August 2000): 104–116; Gildea, «Myth, Memory... », op. cit., 70.

утверждал французский премьер-министр Доминик де Вильпен⁹². Олицетворением этого голоса стал президент Ширак, агитировавший за «великую и славную Францию, на которую возложена уникальная миссия всемирного лидера»⁹³.

Во-вторых, при том, что обе страны считали себя великими державами, исторически они стремились добиться признания своего великодержавного статуса со стороны более сильных государств вследствие несоответствия между своим великодержавным менталитетом и реальностью. Естественно, после 1991 г. это несоответствие проявлялось в России намного сильнее, чем во Франции, которую президент Миттеран называл «4-й, 5-й или 6-й экономической державой, 3-й военной державой и страной, не знающей себе равных в смысле своей культурной роли»⁹⁴. Но и при таком положении вещей французскому «коллективному разуму» начиная с момента униженного поражения Франции от Пруссии в 1870 г. не давал покоя «разрыв между славным прошлым и прозаическим настоящим, в котором Франция представлялась столь незначительной величиной»⁹⁵. Этот разрыв стал еще более явственным после утраты в начале 1960-х гг. Алжира — последнего важного фрагмента Французской империи⁹⁶. Де Голль пытался исправить ситуацию, превратив Францию в политический и духовный авангард Европейского проекта, в посредника между Востоком и Западом и в провозвестника многополярной международной системы (которую предполагалось построить взамен жестко биполярного мира). С момента воссоединения Германии в 1990 г. Франция пытается найти новую платформу для возвращения себе глобального влияния. В 1992 г. такой платформой стал европейский политический союз, Евросоюз, созданный согласно Маастрихтскому договору. Но здесь скрывалась самая серьезная политическая дилемма, с которой Франция столкнулась за последние полтора десятилетия: усиление Европы посредством политического союза означало ослабление Франции. Франция не могла уверенно вести европейские страны за собой, затерявшись в их рядах — тем более после того, как в 2004 г. число участников Евросоюза возросло до 25. Путь Франции к возрождению величия через объединение Европы оказался весьма тернистым.

Что же касается России, то ее «великое прошлое» всегда носило достаточно спорный характер. Еще с XVII века Россия пыталась преодолеть колоссальные препятствия (в области экономики,

92. De Villepin, *Le Requin...*, op. cit., 250–51.

93. Elaine Sciolino, «Chirac Clings to his Vision for France», *New York Times* (June 1, 2005). www.newyorktimes.com

94. См.: Gildea, *The Past...*, op. cit., 112.

95. Там же, 102–3.

96. Gildea, «Myth, Memory... », op. cit., 70–74.

политики, администрации, образования, транспорта и технологий), чтобы европейские соперники признали ее за великую державу⁹⁷. «Можно провести прямую аналогию, — без обиняков утверждает Айвер Ньюменн, — между 500-летней давности попытками Ивана III добиться, чтобы его признал равным себе император Священной Римской империи, и нынешними усилиями Путина, стремящегося, чтобы его признали равным себе канцлер Герхард Шредер и президент Жак Ширак»⁹⁸.

Объяснение в рамках теории социальной идентичности

Не обладая критериями признанной великой державы, и путинская Россия, и шираковская Франция должны были быстро *сочинить* себе величие. Теория социальной идентичности (ТСИ) помогает объяснить, как и почему они это сделали. В соответствии с ТСИ, обделенные группировки (в качестве таковых выступают дореволюционная Россия, бывший СССР, постсоветская Россия) стремятся приобрести (или вернуть себе) более высокий статус, даже ценой серьезных затрат⁹⁹. Когда же у этой группировки не имеется материальной возможности для конкуренции со старшими по рангу, они находят уникальный, третий путь, позволяющий им возвыситься над другими; «кратчайший путь к величию» состоит для них в том, чтобы объявить свои недостатки уникальными преимуществами. Именно в этом заключался советский эксперимент: в кратчайшем пути к великой державе позиционирования России (а точнее, российского государства) как страны, ведущей за собой остальной мир по дороге к новому коммунистическому строю. Таким же «кратчайшим путем к величию» являлось и горбачевское «новое мышление» — согласно которому, однако, государственное величие понималось в совершенно противоположном смысле. Горбачевское руководство объявило СССР первопроходцем использования «мягкой силы» в международных отношениях, понимая величие в современном европейском смысле — как фактор, который благотворно скажется на всем советском *народе*, а не только на государстве. Горбачев стремился вернуть стране величие, заявляя об СССР как о мировом лидере в построении нового кантовского миропорядка¹⁰⁰. Однако, его проект постигла безвременная кончина, вызванная распадом Советского Союза.

97. Larson, Shevchenko, op. cit., 91.

98. Iver B. Neumann, «Russia as a Great Power» in J. Hedenskog, V. Konnander, B. Nygren, I. Oldbert, C. Pursiainen, ed., *Russia as a Great Power* (Abingdon: Routledge, 2005), 25.

99. Larson, Shevchenko, op. cit., 90.

100. Там же, 77–109.

Для обанкротившейся ельцинской России, в соответствии с логикой ТСИ, «сочинение» величия представляло собой еще более трудную задачу, требующую исключительной изобретательности. Отчаянно нуждаясь в средствах для защиты российских интересов на мировой арене, Ельцин опробовал новый, уникальный способ возвращения к великодержавности путем перестройки международной структуры. Россия ратовала за скорейшее создание многополярной системы, в рамках которой смогла бы обладать своего рода виртуальным и недорогим величием¹⁰¹. Как пионер нового многополярного международного порядка, ельцинская Россия приступила к работе по созданию новых полюсов силы посредством «горчаковской» политики — в духе князя Горчакова, российского министра иностранных дел в 1867–1882 гг., который после поражения России в Крымской войне один из способов возрождения России видел в многовекторной внешней политике — «à tous azimuths»¹⁰². Этот путь заключался в относительном наращивании российской мощи путем ослабления глобального гегемона. Соответственно пересмотр международных отношений становился «кратчайшим путем» к величию страны, дешевым способом восстановить российскую сверхдержаву¹⁰³. Подобно позаимствованной силе, многополярность помогла бы поднять статус ослабевшей постсоветской России на международной арене, позволяя стране почти без всяких затрат интегрироваться в западные экономические и политические институты. Однако из усилий Ельцина ничего не вышло: избыточный дипломатический «нажим», не подкрепленный адекватным экономическим положением в условиях распадающегося «руководства» (т. е. государства), в сочетании с несогласованными и даже взаимно противоречащими друг другу внешней политикой и внутренней и экономической политикой, никогда не сможет стать эффективным путем к величию.

В поисках немедленных решений путинское руководство, в соответствии с ТСИ, рецепты по быстрому восстановлению силы искало в прошлом. Подобно прежним лидерам, включая Сталина и Петра I, Путин был убежден в том, что спасение России лежит в *немедленном* возвращении к жесткой политике, которая становилась

101. Политику многополярности обычно связывают с именем Евгения Примакова, занимавшего пост министра иностранных дел после 1996 г., однако именно Андрей Козырев первым начал брать на вооружение идеи многополярности в контексте мультилатерализма: Smith, op. cit., 38.

102. Горчаковская Россия «сумела приобрести международное влияние, несопоставимое с ее внутренней ситуацией и реальным весом»: «Roundtable Discussion — Russian Foreign Policy: Amidst the Economic Crisis», *International Affairs* (Moscow), no 1 (1999), 59.

103. «Superpower... cheap»: Bendersky, «Russia's Future Foreign Policy: Pragmatism in Motion», *Power and Interest News Report, PINR* (4 May 2005) in JRL (4 May 2005), <http://www.cdi.org/Russia/Johnson>

для Москвы важнейшим приоритетом и состояла в воссоздании вертикального политического контроля и возврате к государственному управлению ключевыми секторами экономики ради «стахановских» темпов роста. Вследствие этого относительная ценность многополярной дипломатии снижалась. Тем не менее, она оставалась важным вспомогательным инструментом. Один из примеров тому — общая линия России, Франции и Германии на противодействие позиции США по Ираку в 2003 г., нацеленная, в частности, на вхождение ЕС и постсоветской России в ряды влиятельнейших международных акторов. Не случайно первый президентский срок Путина получил название «российского голлизма» или «неоголллизма»¹⁰⁴ — определение вполне уместное, но несколько сбивающее с толку в силу того, что в нем отражается самый двусмысленный момент внешней политики Владимира Путина во время его первого президентского срока в 2000–2004 гг. Эта двусмысленность состояла в том, что Кремль старался интегрировать Россию в глобальную систему, которую он же одновременно стремился разрушить — вследствие чего Роберт Легволд назвал эту политику «бесформенной»¹⁰⁵.

Во время второго президентского срока Путина российская внешняя политика приобрела более последовательный характер, став менее «бесформенной». Под руководством Путина прежний акцент на «интеграцию» в западные структуры был смягчен, что в значительной мере устранило напряженность между интеграционистскими целями и многополярной тактикой, отмечавшими более раннюю внешнюю политику Путина. Была забыта откровенно прозападная терминология «многовекторности». Вместо этого Москва решительно брала на вооружение многополярность как третью и решающую компоненту «прямого пути к величию» и более решительно подчеркивала свою цель — ликвидацию гегемонии США. Такой поворот был обусловлен четырьмя новыми факторами. Во-первых, бесланский теракт с гибелью заложников в сентябре 2004 г. стал оправданием для ужесточения авторитарного контроля над внутренней и внешней политикой во имя борьбы с терроризмом. Во-вторых, украинская «оранжевая революция» 2005 г. — «дистанционно управляемое народное восстание» — была воспринята как «смертельно опасная угроза» со стороны западного окружения¹⁰⁶. В-третьих, ежегодные темпы роста экономики в 7 и более процентов придавали России уверенности, позволяя уже

сточать внешнюю политику. Наконец, иракский тупик выявил растущую хрупкость международных позиций Америки. «В конечном счете Ирак разрушил миф об однополярности»¹⁰⁷.

С того момента российский «кратчайший путь к величию» включал в себя экономическую модернизацию под контролем государства, основанную на запасах энергетического сырья и растущих ценах на нефть, рост националистических и антизападных настроений, позволяющих мобилизовать население, и авторитарное президентское правление как самый эффективный способ воплощения предыдущих пунктов — а в придачу к этому решительную многополярную внешнюю политику, направленную на максимальное укрепление суверенитета России над ее внешними и внутренними интересами и гарантирующую стране равноправное место за столом великих держав в новую эпоху многополярности.

Франции после 1958 г. также пришлось «сочинять» себе величие, и для того, чтобы сделать это побыстрее, была использована внешняя политика. Французским аналогом князя Горчакова можно считать президента Шарля де Голля, который рассматривал внешнюю политику как *основной* политический инструмент перемен. Ведя игру на периферии противостояния сверхдержав в 1960-е гг., де Голль старался поднять престиж Франции, позволяя ей «казаться сильнее, чем она есть» и стремясь закрепить и за ней, и за Европой более заметную роль на мировой сцене. Де Голль не мог рассчитывать на построение подлинной многополярности, поскольку в эпоху Холодной войны биполярная система была нерушима. Но в его распоряжении оставалась «мягкая многополярность» — он пытался ослабить жесткий контроль сверхдержав за международными отношениями, расширяя влияние еще одного полюса силы, Европы — во главе с Францией. Такая «мягкая многополярность» становилась для Франции «кратчайшим путем к величию», а величие, в свою очередь, давало Франции возможность более свободно отстаивать свои региональные и глобальные интересы. Однако, что более важно, в стране, которую называли «неуправляемой»¹⁰⁸, величие оставалось одним из немногих моментов, в отношении которых существовал национальный консенсус. Как однажды заметил сам де Голль, «Разве можно управлять страной, в которой сортов сыра больше, чем дней в году?»¹⁰⁹.

104. Vyacheslav Nikonov, «Russian Gaullism: Putin's Foreign Policy Doctrine», *Russia Watch*, no 5 (Mar. 2001), Cambridge: Harvard University.

105. Robert Legvold, «Russia's Unformed Foreign Policy», *Foreign Affairs* (Sept./Oct. 2001), <http://www.foreignaffairs.org/20010901faessay5570/robert-legvold/russia-s-unformed-foreign-policy>

106. Ivan Krastev, «Russia as the «Other Europe»», *Russia in Global Affairs*, no. 4 (Oct./Dec. 2007), <http://eng.globalaffairs.ru/numbers/21/1151/html>, 3–4.

107. Обзор внешней политики Российской Федерации. С. 72.

108. См. слова из «Нью-Йорк Таймс»: «Эта неуправляемая страна, страна, где нет согласия ни в чем, навечно расколота, погрязшая в скептицизме». Цит. по: http://www.diplomatie.gouv.fr/label_france/ENGLISH/SPORT/france/france.html

109. Это известное изречение цитируется с упоминанием самого разного количества сортов сыра. Его подлинность установить затруднительно, однако оно стало частью французского национального фольклора.

Ширак, как и де Голль, также относился к внешней политике как к основному политическому инструменту национального возрождения. Она стала его излюбленным методом повышения статуса Франции при достаточно скромных затратах. Такой подход требовал осуществления многополярной политики ради воздвижения европейского полюса силы, авангардом которого стала бы Франция — что являлось естественным продолжением де-голлевской стратегии «мягкой многополярности». Таким образом, начиная с 1958 года, стремление Франции к многополярности — сперва через «европейскую Европу» голлистской эпохи, а впоследствии, после 1992 г., через Европейский Союз — представляло собой рецепт скорейшего восстановления французского величия. Как выразился Пьер Московиси, министр по делам Европы, « [Франция] знает, что сегодня она является „державой мирового значения“, но она же осознает, что ей не стать истинно мировой державой иначе, чем через политически единую Европу»¹¹⁰.

Короче говоря, великодержавный менталитет подталкивал и Францию, и Россию к поискам скорейшего способа компенсировать свой материальный упадок, и выход был найден отчасти за пределами их границ, в сфере структуры международных отношений. Обе страны пытались решить свои внутренние проблемы, стремясь ослабить мощь американской «гипердержавы», связать ее, подобно тому, как лилипуты связали Гулливера, используя для этого новый, подлинно многополярный строй. Мы не собираемся высказывать суждения о достоинствах, недостатках и перспективах многополярной международной системы; наша задача — лишь указать, что и Париж, и Москва старались *ускорить* ее построение ради собственных внутренних целей.

3. Источники политики многополярности: характер французского и российского руководства

Но что, если во главе Франции или России в начале XXI века стоял бы другой президент? Что, если бы ко власти пришел другой лидер — не увлеченный идеями многополярности, в частности (для России) представляющей собой авторитарный способ быстрого решения внутренних и внешних проблем? Предпочтения вождей в данном случае весьма важны, поскольку при определении государственных интересов политические лидеры принимают в расчет не только материальные соображения, а на их решения влияют не только внутренние политические силы. Помимо этого, лидеры руководствуются собственными ценностями, представлениями

110. Moscovici, op. cit., 25.

и убеждениями¹¹¹. Но именно во Франции и в России предпочтения вождей *особенно* важны, поскольку конституции обеих стран наделяют их президентов необычайно широкими институциональными полномочиями, позволяющими единолично определять внешнюю политику¹¹². В путинской России пост президента являлся уникальным, наиболее важным из всех политических институтов страны. Колоссальные полномочия были закреплены за президентом по конституции 1993 года, а Путин на практике присвоил себе еще больше власти путем административной перестройки и произвольного применения законов¹¹³. Разумеется, на формирование внешней политики оказывают влияние и другие внутривластные факторы — а именно, групповые, бюрократические интересы и настроения народа¹¹⁴. Однако, факт остается фактом: президент Путин, сосредоточив в своих руках огромную власть благодаря «вертикали власти»¹¹⁵, расширил и без того значительные конституционные полномочия, положенные ему как президенту. Он стал бесспорным хозяином внешней политики¹¹⁶, почти полностью подчинив ее своей воле. Эта ситуация прекрасно соответствовала российской политической культуре, поскольку в России внешняя политика всегда считалась «царским делом»¹¹⁷. В качестве царя внешней политики Путин строил ее на фундаменте «многополярной дипломатии», избрав последнюю как инструмент для скорейшего воплощения претензий России на «великодержавность». Какой-либо иной лидер, возможно, предпочел бы увязывать внешнюю политику со структурными экономическими реформами и политической демократизацией.

111. A. Wendt, *Social Theory of International Relations*, op. cit.; Jeffrey Checkel, *Ideas and International Political Change* (New Haven: Yale University Press, 1997), 8; Hellebrandt, op. cit., 9.

112. О сверхполномочиях президента в России: Eugene Huskey, «Democracy and Institutional Design in Russia» in Brown, ed., *Contemporary Russian Politics*, op. cit., 29–45; Eugene Huskey, «Legislative-Executive Relations in the Yeltsin Era», in Brown, ed. *Contemporary Russian Politics*, 121–130. О французском президентализме: Ezra N. Suleiman, «Presidentialism and Political Stability in France», in J. Linz, Arturo Valenzuela, ed., *The Failure of Presidential Democracy* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1994), 148–150, 152–7; Jabko, «Comment la France définit...», op. cit., 227, 238–39; Graham, «Fears of Change and the Fifth Republic», op. cit., 11.

113. О непрерывном укреплении власти Путина: Alex Pravda, «Introduction: Putin in Perspective» in Pravda, ed., *Leading Russia*, op. cit., 23–36; Brown, «Vladimir Putin and the Reaffirmation...», *Post-Soviet Affairs*, 17: 1 (2001): 49–54; Shevtsova, *Inside Putin's Russia*, op. cit., 158–160.

114. Lo, Trenin, op. cit., 9–14.

115. Richard Sakwa, *Putin: Russia's Choice* (London: Routledge, 2004), 129, 159–60.

116. Grachev, «Putin's Foreign...», op. cit., 262.

117. Lo, Trenin, op. cit., 9.

Во Франции конституция 1958 г. с поправками 1962 г. также наделяет президента широкими полномочиями во внешней политике. Как сказал один специалист по России с набережной д'Орсэ [т. е. из министерства иностранных дел] во времена президентства Ширака, «то, что мы здесь думаем, на самом деле не имеет значения, поскольку г-н Ширак проводит *собственную* политику по отношению к России и не слушает иных советников, кроме себя самого. Когда-то он переводил русскую литературу и считает себя экспертом по России — соответственно, российская политика Франции определяется исключительно Шираком»¹¹⁸. По словам Николаса Жабко, это верно и в отношении французской внешней политики вообще, особенно в периоды «сосуществования», когда президент «ревностно защищает свои прерогативы»¹¹⁹. Даже когда при Шираке находились такие сильные министры иностранных дел, как Юбер Ведрен или Доминик де Вильпен, они разделяли с президентом его идеи¹²⁰. Подобно Путину, Ширак осуществлял многополярную внешнюю политику с целью ускорить закат Соединенных Штатов, что, в свою очередь, увеличило бы относительную мощь его страны, служа компенсацией за ее экономический упадок и неспособность самого Ширака провести внутренние реформы. Ни один серьезный претендент на руководство Францией в 2007 г. не отличался таким же рвением в стремлении к многополярности. Однако, что интересно, большинство из них в то же время никак не пропагандировали мер по восстановлению *реального* или *долговечного* величия страны. Вместо упора на трудные задачи — в частности, на структурные экономические и политические реформы, — такие кандидаты, как Николя Саркози и Сеголен Руаяль, в первую очередь поднимали популярные темы, а именно борьбу с бедностью и решение проблем с занятостью¹²¹.

В целом, сочетание всех трех сопоставимых источников — одновременного геополитического упадка, разочарованного «великодержавного» менталитета и наличия лидеров, исповедовавших многополярность — подтолкнуло и Францию Ширака, и Россию Путина к внешнеполитическим доктринам многополярности, которые не только дополняли, но и взаимно усиливали друг друга. Ниже мы обсудим эти доктрины в их шираковском и путинском вариантах, а затем рассмотрим двусторонние франко-российские от-

118. Беседы автора с анонимными должностными лицами из министерства иностранных дел, Париж, май 2005.

119. Jabko, *op. cit.*, 238.

120. О единстве взглядов Ведрена и Ширака см.: Jean-Marie Colombani (главный редактор «Le Monde») and Walter Wells, *Dangerous De-Liaisons* (NJ: Melville House, 2004), 66.

121. Daniela Schwarzer, «Trends and Topics in the French Presidential Elections 2007», *Eurozone Watch* (23/3/07), <http://www.euointelligence.com/Article3.1018+M5ae575c1ff4.o.html>

ношения в эпоху обоих президентов и покажем, что эти отношения органически вытекали из соответствующих проектов многополярного мира.

Доктрина многополярного мира по Шираку

Согласно «доктрине Ширака», многополярность «неотвратима», как выразился Ширак, но для ее достижения требуется проактивная, согласованная дипломатия¹²². Такая катализирующая роль в первую очередь ложится на ЕС, который должен еще больше приблизиться к состоянию государства-нации, чтобы стать противовесом Америке и способствовать созданию новой многополярной глобальной структуры. Место первопроходца на этом пути, разумеется, отводилось Франции, традиционному политическому и духовному лидеру Европы, обладающему голосом, к которому традиционно прислушивается весь мир, и всемирно-исторической миссией. Средством для достижения этой цели стала новая доктрина ядерного сдерживания, выдвинутая Шираком в январе 2006 г. Ширак рассматривал французские ядерные силы как «ключевой элемент» «амбициозной идеи совместного ядерного сдерживания на европейском континенте»; он предполагал превратить Францию в фундамент «единой обороны, которая бы опиралась на существующие силы сдерживания, с прицелом на создание сильной Европы, отвечающей за свою безопасность»¹²³.

Однако, по замыслам Ширака, не только Франции суждено было стать опорой европейского полюса. Для того, чтобы Европа превратилась в такой полюс силы, она должна была опираться на франко-германское ядро, как считал и Шарль де Голль (хотя критики Ширака были с этим не согласны)¹²⁴. Общим странам предстояло создать, по словам Ширака, «первопроходческую

122. Слова Ширака о «неотвратимости» цит. по: Védrine, *Face à L'Hyperpuissance*, *op. cit.*, 19.

123. Жак Ширак, речь в центре командования стратегическими силами, Брест, 19 января 2006, <http://www.diplomatie.gouv.fr>.

124. Такие лица, как бывший министр по делам ЕС Пьер Московиси (входивший в социалистическое правительство Лионеля Жоспена), рассматривали идею о франко-германском ядре как анахронизм, поскольку Германия более не собиралась уступать Франции первое место в Европе. Московиси указывал, что новая ситуация лишает смысла голлистский подход к построению многополярности, согласно которому Франция была первой среди (не) равных: *Moscovici, op. cit.*, 91. Кроме того, он наряду с другими утверждал, что этот дуэт слишком узок для расширенной Европы, и выдвигал идеи «изменяемой геометрии», предусматривавшие создание различных союзов лидеров в зависимости от того, какую задачу предстоит решать: *Moscovici, op. cit.*, 219.

группу»¹²⁵. Бывший министр Ведрен называл этот дуэт «добровольцами-вдохновителями», «тренерами» сильной Европы¹²⁶. Шираковский премьер-министр де Вильпен шел еще дальше: Европе «не обойтись без построения „франко-германского союза“, без создания «Françallemagne» [«Франкогермании»]»¹²⁷. Французские и немецкие интеллектуалы, покойный Жак Деррида и Юрген Хабермас, и вовсе написали в 2003 г. страстный манифест, в котором призывали «авангардное ядро Европы», а именно Францию и Германию (но и другие страны также), стать «локомотивами» этого нового «полюса»¹²⁸. Для всех вышеперечисленных цель состояла в том, чтобы создать «евроголлистскую» Европу, понимаемую как Европа *напротив* Америки, а не *рядом* с ней (в качестве амбициозного *партнера*)¹²⁹. С учетом того, что евроголлистский ЕС должен был стать федеративным наследником де-голлеской конфедеративной «европейской Европы», Ральф Дарендорф и Тимоти Гартон Эш были правы, указывая на «возрождение голлизма»¹³⁰.

Что касается роли России в неоголлистской доктрине Ширака, Москва называлась «одним из основных столпов» будущего международного порядка, стратегическим партнером Европы в ее стремлении стать полюсом силы¹³¹. Но интеграция России в голлистский полюс Евросоюза не предполагалась. Россия по определению не могла стать частью ЕС, каким он представлялся сторонникам евроголлизма, и причиной тому были стратегические соображения: появление в составе Европы такой огромной страны, как Россия, лишило бы Европу возможности стать сплоченным и сильным противовесом Америки. «Россия не может, не должна быть членом Европейского Союза — не завтра и даже не послезавтра — по сути, никогда, если мы хотим, чтобы это слово [союз] сохраняло хоть какой-то смысл. Она должна оставаться нашим внешним пределом... С другой стороны, необходимо выстраивать с Россией от-

ношения привилегированного партнерства, куда более широкие, чем те, что существуют сейчас»¹³².

Ширак, полный решимости превратить Россию в «партнерский полюс силы» (по отношению и к ЕС, и к Франции), рассматривал ее как ключевого, хотя и стороннего, участника процесса. Он продолжал голлистскую традицию поддержания тесных отношений с Москвой, частично по инструментальным соображениям — с целью придать дополнительный импульс франко-германскому мотору, — частично с целью обеспечить надежный тыл для ЕС, пока происходит его строительство, а частично с целью гарантировать, что Америка Буша и Россия Путина не создадут совместный «кондоминиум» над головами у европейцев¹³³. Три эти задачи вели Ширака в сторону теплых отношений с Москвой, несмотря на ужесточение внутренней и внешней политики Путина. Весной 2000 г., когда в российско-французских отношениях наблюдался холод из-за той критики, которой подвергал Россию ЕС в связи с войной в Чечне, именно Ширак не один раз приглашал Путина во Францию, и именно Путин не принимал этих приглашений вплоть до октября 2000 г.¹³⁴ Президент Ширак также был главным, наряду с Герхардом Шрёдером, сторонником идеи о председательстве России в «большой восьмерке»¹³⁵. В 2005–2006 гг., с нарастанием западной критики в адрес Путина с его авторитарными замашками и некоторым ужесточением позиции Германии после перемены ее руководства¹³⁶, в шираковской Франции продолжали утверждать, что франко-российские отношения «особенно прочны», и не допускалось никакой публичной критики в адрес Москвы (хотя Ширак не был щедр на похвалы и заявлял о «предпочтительности» демократии)¹³⁷. Некоторые специалисты по России с набережной д'Орсэ частным образом сетовали на то, что чувствуют себя неуютно из-за такого заигрывания с Кремлем¹³⁸. Однако

125. Moscovici, op. cit., 91.

126. Védrine, Face..., op. cit., 347; тех же взглядов придерживались Доминик Стросс-Кан, Паскаль Лами, Анри Налле.

127. Цит. по: Moscovici, op. cit., 86; о «скальном основании»: Д. де Вильпен, Речь в университете им. Гумбольдта, Берлин, 18.01.2006, <http://www.diplmatie.gouv.fr>

128. Daniel Levy, Max Pensky, John Torpey, ed., Old Europe, New Europe, Core Europe: Transatlantic Relations after the Iraq War (New York: Verso, 2005), 6.

129. Противоположностью евроголлизму выступает евроатлантизм, который рассматривает ЕС как глобального актора, находящегося в более сбалансированных партнерских отношениях с Америкой: Timothy Garton Ash, Free World (London: Allen Lane, 2004), 82–91. О евроголлизме см.: 64–8.

130. Levy, Pensky, Torpey, ed., Old Europe, New Europe, Core Europe, op. cit., 141.

131. «Франция и центры силы в современном мире», Министерство иностранных дел, 12.08.2005, <http://www.diplomatie.gouv.fr>.

132. Moscovici, op. cit., 63; аналогичное мнение см.: Védrine, op. cit., 165.

133. Опасения «кондоминиума»: Colombani, Wells, op. cit., 128. Они были присущи французам еще со времен советско-американской разрядки 1970-х гг.: Newton, Russia, France, op. cit., 86.

134. Newton, op. cit., 243.

135. Madeleine Vatel, «M. Poutine, prochain president contesté du G8, obtient le soutien de Chirac et Schröder», Le Monde (5 July 2005), <http://www.lemonde.fr>

136. Natalie Nougaryède, «La France toujours conciliante avec la Russie malgré les critiques allemandes envers Moscou», Le Monde (20 Jan. 2006), <http://www.lemonde.fr>.

137. «Политические отношения: Франция-Россия», Министерство иностранных дел, Париж, 19.01.2006, [www://http.diplomatie.gouv.fr](http://www.diplomatie.gouv.fr); Мишель Барнье, выступление в Американском университете, Париж, 24.01.2006; «Les Trois Mousquetaires et la Russie», Le Monde (23 March 2005), <http://www.lemonde.fr>.

138. Беседа автора с Шарлем Дерьне и Гийомом Наржолле, сотрудниками Министерства иностранных дел, Париж, июнь 2006.

«доктрина Ширака» по определению была невыполнима без тесных отношений с Россией — чем объясняется частное мнение одного сотрудника французского правительства о том, что пока Ширак остается президентом, Париж сохранит привилегированные отношения с путинской Россией, как бы та себя ни вела¹³⁹.

Доктрина многополярного мира по Путину

«Доктрина Путина» по сути представляла собой стратегию по ускоренному восстановлению России как великой державы с использованием трех инструментов. Многополярная дипломатия являлась *третьим* из этих инструментов для скорейшего экономического и политического возрождения страны, быстрой модернизации, достижения паритета с великими державами и получения всех, каких возможно, глобальных преимуществ. Два другие инструмента включали авторитарную внутреннюю политику и государственно-капиталистическую экономическую политику. Совместно три этих инструмента (авторитаризм, государственный капитализм и многополярная внешняя политика) использовались для осуществления путинской стратегии по восстановлению российского величия в глазах всего мира с целью сдерживания внутренних и внешних угроз. Попросту говоря, три этих инструмента открывали Путину «кратчайший путь к великодержавности».

Становление стратегического «кратчайшего пути» Москвы происходило следующим образом: хотя Россия в 1990-х гг. была существенно ослаблена в материальном плане по сравнению с недавним прошлым, она продолжала считать себя великой державой, которой присущи определенные качества, возвышающие ее над другими странами. Намереваясь поскорее вернуть себе могущество на международной арене с целью защитить свои интересы от США, Европы и быстро развивающегося Китая, консолидировать сферу своих исторических интересов в рамках бывшего советского пространства и вновь обрести глобальную роль, соизмеримую с ее самоидентификацией как «великой державы» в историческом, культурном, геополитическом и военном планах, ельцинская Россия в 1996 г. взяла на вооружение «многополярную» внешнюю политику. С исторической точки зрения та была всего лишь вариацией на старую тему. Как пишет Селест Уоллендер, «Тенденция России к отставанию в отношении использования экономических, научных и технологических благ глобализации выявила ее слабости, для компенсации которых российские лидеры решили использовать в первую очередь военные и политические средства во внешней полити-

139. Там же.

ке»¹⁴⁰. Новая российская вариация на старую тему сводилась к долговременным планам по воздвижению новых силовых полюсов, начиная с ЕС и России, а также Китая, Индии и Бразилии, совместная экономическая мощь которых могла перевесить подавляющий вес Америки и, в свою очередь, усилить политическую мощь временно ослабленной России¹⁴¹. Она представляла собой сознательную попытку повысить влияние России на мировой арене посредством мультивекторной внешней политики по примеру как князя Горчакова, так и президента Шарля де Голля. Заявляя о своем огромном восхищении де Голлем, президент Путин в 2000 г. провозгласил свою верность такому многовекторному подходу, хотя он смягчил, разбавил и пересмотрел его во время своего первого президентского срока с целью приглушить косвенный вызов, бросаемый Америке, и добиться от Вашингтона поддержки членства России в таких глобальных экономических институтах, как ВТО. Соответственно чиновники МИД заменили слово «многополярность» «многовекторностью»¹⁴². В этом смысле «многовекторная» политика отвечала интересам России в мире, который объективно становится многополярным, но эта политика не была нацелена конкретно на лишение Америки ее доминирующей позиции. С 2000 по 2003 г. путинское руководство избегало разговоров о многополярности с ее антиамериканской бравадой и прикладывало прагматические усилия к интеграции России в западную экономику, о чем свидетельствует Концепция внешней политики МИД 2000 года, в которой необходимость хороших отношений с зарубежными экономическими и политическими партнерами подчеркивалась прежде каких-либо упоминаний о стремлении России к многополярности¹⁴³. Задача интегрировать Россию в глобальную экономику сперва заставляла Путина склоняться в европейском направлении (2000–2001 гг.), а затем в сторону Америки, с целью нажить капитал на американской благодарности за российскую поддержку после теракта 11 сентября 2001 г., но в 2003 г. последовал новый разворот лицом к Европе, конкретно к Франции и Германии, ради противодействия американскому вторжению в Ирак. Однако эта тактическая ориентация на Запад в конечном счете так себя и не оправдала.

В конце 2003 г. Путин вернулся к более жесткой многополярной и независимой внешней политике, отказавшись от смягченной

140. Celeste Wallender, «Global Challenges and Russian Foreign Policy», in Robert Legvold, ed., *Russian Foreign Policy in the Twenty-first Century and the Shadow of the Past* (New York: Columbia University Press, 2007), 444.

141. Примаков Е. Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. С. 212–215.

142. Julie Newton, *Russia, France, and the Idea of Europe* (Basingstoke: Palgrave, 2003), 239.

143. Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД России, июнь 2000, <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/>

«многовекторной» фразеологии прежних лет с целью повышения политического веса России, более решительного продвижения страны на мировой арене и восстановления ее величия. Но при этом Путин понимал, что политического влияния самого по себе недостаточно, о чем свидетельствовал и провал попыток пари́жско-берлинско-московского триумвирата воспрепятствовать в 2003 г. американскому вторжению в Ирак. Путин уже давно сделал для себя вывод о том, что единственное решение для России — наращивание экономической мощи, и поэтому приступил к построению в рекордные сроки глобального экономического гиганта, оседлав волну глобализации, но в то же время избегая ее опасностей. Ради этого он обратился к двум другим целесообразным — и исторически знакомым — инструментам для достижения традиционного российского величия: экономической модернизации под контролем государства и созданию централизованной, вертикально структурированной политической системы. Отвечая на такие ключевые события, как захват школы в Беслане в 2004 г., когда Россия официально объявила войну с террором, и «оранжевую революцию» в январе 2005 г., в которой Россия усматривала посягательство Запада на свои рубежи, Путин ускорил движение России в сторону госкапитализма и авторитаризма, одновременно ужесточая свою многополярную внешнюю политику при отказе от постоянных союзов с зарубежными партнерами, основанных на общих ценностях, и поощрении национализма и антизападных настроений внутри страны. Как не раз бывало в российской истории, три этих инструмента позволили Путину снова повести Россию по новой разновидности старого «кратчайшего пути к величию», который уже использовали прежние российские правители — на этот раз в сторону энергетической «суперкорпорации» и силового полюса в многополярном мире¹⁴⁴.

Для осуществления этой цели Кремлю приходилось полагаться на ЕС как на важнейшего торгового партнера России и основного потребителя ее газа. Кроме того, ЕС остается главной надеждой России на сотрудничество в области безопасности при построении многополярного мира. В июне 2005 г., после того, как не была принята конституция ЕС, и тот сбавил тон в отношении планов включить в свой состав Украину, Путин заявил, что Россия и ЕС должны углублять усилия по превращению в равноправных партнеров при поддержании общеевропейской безопасности и создании своего рода «вторых Хельсинки» — что было бы невозможно, если бы ЕС продолжал думать об экспансии и посягательстве на сферы российского влияния.

144. О «суперкорпорации» см.: Wallender, 492. Другие исторические примеры аналогичного кратчайшего пути к модернизации связаны с именами Петра I и Сталина.

Невзирая на риторику Путина и на тот факт, что политические связи между Россией и ЕС стали более обширными, чем между ЕС и США¹⁴⁵, администрация Путина решительно предпочитала двусторонние отношения непосредственно со странами-членами ЕС. Российский президент имел возможность «разделять и властвовать», тем более что институциональные слабости и внутренняя разнородность ЕС-25 превращали его в чрезвычайно ненадежного партнера. Благодаря всему этому Франция снова (после Германии) стала привилегированным партнером России и главным партнером Путина в вопросах *политики и безопасности*. Как выразился один влиятельный российский политолог, путинская Россия по-прежнему видела во Франции «политического глашатая» ЕС и «бесспорного лидера „старой Европы“»¹⁴⁶, хотя той приходилось чем дальше, тем больше делить эту роль с объединенной Германией. А как только в начале 2000-х гг. стало развиваться сотрудничество ЕС в военной области, принявшее форму Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), Париж как лидер ЕПБО приобрел еще большее значение для Москвы — до тех пор, пока ЕПБО сохраняла ограниченный характер. По словам сотрудника российского посольства в Париже, ЕПБО давала шанс на то, что новый Европейский Союз в партнерстве с сильной Россией станет более серьезным противовесом Америке, покончив с ее однополярным статусом¹⁴⁷. Франко-российские отношения, рассматриваемые как двусторонний мост, ведущий к этим многосторонним целям, оставались весьма важны для путинской Москвы.

Импульсом для сближения обеих сторон служили параллельные многополярные идеи, обусловленные общим материальным упадком, сопоставимой великодержавной идентичностью и сходными предпочтениями президентов обеих стран. Эта параллельность взглядов объясняет, почему Париж и Москва высоко ценили свои политические отношения, несмотря на менее впечатляющие экономические связи¹⁴⁸. Она объясняет, почему Париж и Москва с 2002 г. на многочисленных саммитах объявляли о своем «стратегическом парт-

145. Дов Линч. Конференция «Российская политика безопасности: эволюция тенденций и перспектив». Fondation pour la Recherche Stratégique (17 июня 2005).

146. Андрей Грачев, беседа с автором, Париж, 2.12.2003; Грачев А. Между «Евродрузьями» и «евробюрократами» // Новое время. № 46. 16.11.2003, novoeyemya.com.

147. Беседа с российским сотрудником посольства России в Париже, июль 2003.

148. Франко-российская торговля (7 млрд. евро в 2005 г.) далеко отстает от германо-российской торговли с ее объемом в 26 млрд. евро в 2005 г.: Laure Man-deville, «German chancellor sets new tone in talks with Putin», Le Figaro (17 January 2006), <http://www.lefigaro.fr>; Москва возлагает надежды на даль-

нерстве»¹⁴⁹, несмотря на то, что из всех европейских стран Россия больше всего была заинтересована в Германии. Именно поэтому Ширак пригласил Путина в Париж с редким *государственным* визитом (февраль 2003), который стал высшей точкой в отношениях обеих стран после 2000 г., и именно поэтому обе страны стали первопроходцами двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и обороны. В 2002 г. на саммите в Сочи Ширак и Путин основали уникальный Франко-российский совет сотрудничества по вопросам безопасности (ССВД), дающий Франции и России возможность обсуждать вопросы, вызывающие взаимную озабоченность, и совместные представления об общеевропейской безопасности с последующим воплощением этих идей сперва на двустороннем, а затем на многостороннем уровне ЕС-Россия¹⁵⁰. В 2003 г. Совет спланировал и провел совместные российско-французские военно-морские учения, которые Путин назвал первым «шагом к построению безопасности, основанной на многополярном мире»¹⁵¹.

Кульминацией этих процессов стало начало 2003 г., когда Путин совместно с Шираком и Шрёдером пытался предотвратить американское вторжение в Ирак. Хотя этот шаг нес в себе политическую опасность для Москвы — поскольку она рисковала с трудом нажитым политическим капиталом в отношениях с США, — он представлял собой уникальную возможность обуздать несдерживаемую мощь Америки, объединив силы «старой Европы», или «европейской Европы от Атлантики до Урала», как выразился де Голль. И де Голль мог бы гордиться своими последователями. Если бы этот план сработал, он бы существенно ускорил наступление многополярной эпохи

нейшее развитие русско-французской торговли и экономического сотрудничества в 2003 г. // Правда. 1.08.2003, <http://www.pravda.ru>.

149. «Russia, France Said Developing Stronger Strategic Partnership», Moscow ITAR-TASS (7.11.2003), <http://www.toolkit.dialog.com>.
150. Этот Совет давал возможность встречаться российским и французским министрам иностранных дел и обороны дважды в год. Он представлял собой новый, двусторонний, более прямой подход к европейской политике обороны и безопасности. На первой из этих встреч в ноябре 2002 г. французский министр обороны г-жа Алиот-Мари сравнила его с русскими матрешками: двусторонний совет, как самая маленькая из матрешек, находится внутри самой большой матрешки, под которой понималось неизбежное участие России в европейской архитектуре безопасности. Различные промежуточные матрешки соответствуют разным уровням обороны и политического сотрудничества. Например, учитывая ограниченный бюджет ЕС, выделяемый на оборону, Франция решила арендовать у России авионавигационное военное оборудование для своих сил, базирующихся в ЕС. Москва также стремилась к такому практическому сотрудничеству.
151. Vladimir Putin, «Interfax Presidential Bulletin Report for July 8, 2003», Interfax (8.07.2003), <http://toolkit.dialog.com>; «Russian Foreign Ministry: French naval exercise step to European security system» Intar-TASS (16.07.2003), <http://toolkit.dialog.com>

в международных отношениях и мог бы стать началом чего-то нового в мире, сложившемся после окончания Холодной войны.

Но все усилия окончились крахом. И Россия, и Франция получили горький урок. В однозначно однополярном мире, даже в 2003 году, было бессмысленно претендовать на такую стратегическую роль, какая была стране не по силам. Неудача попыток предотвратить вторжение в Ирак доказала, что невозможно повлиять на Вашингтон при отсутствии адекватной физической мощи, особенно в экономическом плане. Летом 2003 г. Путин удвоил свои усилия по созданию могущественной российской экономики. В частности, он объявил о «новом стратегическом партнерстве» с Соединенными Штатами, которое являлось необходимым условием для экономического возрождения России, каким бы временным это «партнерство» ни оказалось бы в итоге.

Однако такое внимание к связям с Америкой ни в коей мере не означало сокращения стратегического сотрудничества России с ЕС — основного покупателя российского энергосырья и краеугольного камня в новом проекте Путина по строительству энергетической сверхдержавы. Осенью 2003 г., после заключения с Германией, самым важным экономическим партнером России, сделок о трубопроводе и передаче технологий¹⁵², и после возвращения с проходившего в Италии саммита ЕС-Россия, Путин поспешил в Париж, на встречу в Елисейском дворце, на которой настаивала Москва. Путин хотел еще раз заверить Ширака о том, что *в глазах России* Франция остается «политическим глашатаем» ЕС — как бы дело ни обстояло в реальности¹⁵³. Путин изо всех сил старался убедить Ширака, что Россия сохраняет верность «тройке» Париж-Берлин-Москва, рассматриваемой как двигатель, приближающий мир к многополярному будущему, включающему в себя *и* европейский, *и* российский полюса.

В этом контексте Путин даже пригласил французского президента посетить сверхсекретный центр управления российскими спутниками-шпионами в Краснознаменске в апреле 2004 г. Ширак стал *первым и единственным* иностранцем, увидевшим этот засекреченный военный объект¹⁵⁴. Ширак, в свою очередь, в марте 2005 г. пригласил Путина в командный центр французских ВВС в Таверни — один из ключевых объектов французской обороны¹⁵⁵. В Париже обоих лидеров уже ждали Шрёдер и Хосе Луис Сапатеро. «Трой-

152. «Russia's Putin, Germany's Schroeder in Yekaterinburg for Consultations», INTAR-TASS (8 October 2003), <http://toolkit.dialog.com>
153. Беседа автора с Грачевым, июнь 2003; беседа с российским сотрудником посольства России в Париже, июль 2003.
154. «Putin, Chirac Krasnozamsk Visit shows „Transparency of Russian Space Program“», Izvestiya (6 April 2004), <http://toolkit.dialog.com>
155. Isabelle Lasserre, «Putin in Paris Seeks Europeans' Support», Le Monde (18 March 2005).

ка» превратилась в квартет, включающий в себя Испанию. За этим в июне последовала новая встреча «тройки» в Калининграде.

После 2005 г., с ухудшением отношений Путина с Западом — части в результате сползания Кремля к авторитаризму, и с ослаблением Франции из-за отказа одобрить конституцию ЕС и нарастания внутренних проблем, Франция решительно приступила к укреплению экономических связей с Россией. В условиях испортившихся отношений Востока и Запада франко-российские «особые взаимоотношения» стали еще более важны для обеих сторон, а экономические связи способствовали и развитию политических связей. На встрече с Путиным 13–14 февраля 2006 г. премьер-министр де Вильпен подчеркнул свою «веру во франко-российское партнерство, поставившее перед собой амбициозные цели. Мы разделяем одно мировоззрение... наши анализы почти во всем совпадают...» Настаивая на резком расширении в 2006 г. франко-российской торговли, он призывал Россию совместно с Францией «строить новый мир, опираясь на наше общее видение»¹⁵⁶.

Заключение: на разных полюсах? Франко-российские отношения в реальности

Однако в конечном счете эти «особые отношения» носят скорее символический характер и почти лишены реального содержания. Как ни странно, в стратегическом и тактическом плане франко-российские отношения так и не повлекли за собой осязаемых результатов, несмотря на высокопарную риторику и частые встречи на высшем уровне. А торговля России с Францией отстает от торговли с другими странами ЕС, например, с Италией.

Это объясняется двумя причинами. Первая связана с Германией — геополитическим краеугольным камнем Европы. И Франция, и Россия называли именно мощную Германию — а не друг друга — своим главным стратегическим партнером при движении к многополярности и восстановлению национального величия. Из-за первоочередной роли Германии франко-российское партнерство в глазах обеих сторон приобрело вторичный или вспомогательный статус, вне зависимости от его заявленных целей — так же, как это было в годы Холодной войны.

Но одной геополитики, как всегда, едва ли достаточно для того, чтобы объяснить отсутствие серьезного содержания во франко-российских отношениях. В конечном счете, это объяснение связано

156. «Visit to Russia Eleventh Franco-Russian Governmental Seminar Speech by M. Dominique de Villepin... at the Franco-Russian Dialogue Dinner», Moscow (13/2/06), http://www.ambafrance-ph.org/newsfromfrance2.php?article_id=1014

еще и с различиями в нормативных ценностях, которых придерживаются обе страны. Пути обеих стран расходятся на самом критическом уровне — на уровне исповедуемых нормативных ценностей, которые служат фундаментом для политических институтов, вдохновляют руководство страны и определяют характер ее внешней политики. А из этого следует несовместимость соответствующих концептуализаций понятия «величие». Для Франции «величие» связано в первую очередь с либеральной демократией и «мягкой силой» в стиле ЕС — то есть с признаками постмодернистской державы, для которой суверенитет носит относительный и договорной характер. С другой стороны, в путинской России «величие» понималось в более традиционном смысле с привкусом XIX века, как жесткость в политике и абсолютный суверенитет. В результате французские и российские нормативные представления о многополярном мире зачастую не совпадали — путинская Россия и шираковская Франция в конечном счете оказались на разных полюсах. Это различие в исповедуемых ценностях имело решающий характер: оно все сильнее отделяло Россию и от Франции, и от Евросоюза, ставя под большой вопрос судьбу взаимоотношений России со всем Западом.

Остается последний вопрос: оправдал ли себя «кратчайший путь к многополярности» для какой-либо из сторон? В отношении Ширака — определенно нет. При наличии вялого экономического роста и ничтожных усилий по реформированию экономики Париж был неспособен использовать внешнюю политику для того, чтобы «казаться сильнее, чем ты есть» (или «казаться массивнее, чем ты есть», если вспомнить увлечение Жака Ширака борьбой сумо) на глобальной арене XXI века с ее беспрецедентной экономической конкуренцией. Что еще хуже, «доктрина Ширака», сочетающая многополярную дипломатию с евроголлистским принципом построения идентичности в отношении европейского проекта, в большей мере способствовала расколу ЕС, чем его объединению. Лучшее об этом сказал Тимоти Гартон Эш: «Неоголлизм представляет себе однополярную Европу в многополярном мире как многополярную Европу во все том же однополярном мире»¹⁵⁷. Как выразился редактор «Ле Монд» Коломбани, «Лично мне кажется, что нынешние французские лидеры совершают ошибку, считая, что европейскую идентичность можно построить лишь на противостоянии с Соединенными Штатами». Такой подход «ослабляет позицию Франции, особенно в смысле осуществимости ее целей»¹⁵⁸. Это «столь же иллюзорная мечта, как в 1960-е годы — неприсоединение», — заключает он¹⁵⁹. Что более важно, во Франции питали надежду на то, что «нарциссическая» сконцентрированность на различиях между

157. Ash, Free World, 94.

158. Colombani, Wells, op. cit., 93.

159. Там же, 137.

двумя братскими половинами Запада позволит избежать структурных реформ, которые сделали бы Францию более конкурентоспособной. Но при этом «доктрина Ширака» снижала шансы на возникновение конкурентоспособного и единого «пост-Запада» (включая «свободные страны по обе стороны Атлантики, но... [не] только их»), который мог бы справиться с реальными угрозами XXI века, от глобальной нищеты до глобального потепления¹⁶⁰.

Что касается России, то в смысле поставленной Путиным цели восстановить российское величие одна лишь многополярная политика дала России немного, свидетельство чему — провал попыток франко-германо-российской тройки в 2003 г. предотвратить войну в Ираке. Однако, что *действительно* принесло дивиденды, так это путинская доктрина превращения России в энергетическую державу, которая стала бы конкурентоспособным тяжеловесом на будущей многополярной мировой арене. В этом смысле Путин достиг многих из своих целей: уровень российского экономического роста во время президентства Путина составлял 6–7 % ВВП и Россия снова оказалась в центре внимания всего мира. Но окажется ли этот вертикальный силовой полюс — где в дефиците творческая энергия плюрализма и где закон используется как оружие, а не как «дамба»¹⁶¹ — долговечным и сможет ли он надолго обеспечить *всем* россиянам повышение благосостояния и подлинную свободу, остается под вопросом. Отнюдь не гарантировано, что величие путинской России в долгосрочном плане принесет пользу не российскому государству, а российским гражданам. Удастся ли с помощью таких представлений о российском суверенитете и безопасности, которые несколько попахивают XIX веком, преобразовать Россию в инновационного, ответственного и конструктивного игрока в мире XXI века? Самый надежный путь к такому позитивному исходу требует от российского руководства приверженности плюралистическим идеям об управлении страной и преданности институциональному строительству, укрепляющему свободу. Все это займет много времени, но более короткого пути нет, даже если призвать на помощь многополярность.

*Авторизованный перевод
Николая Эдельмана*

160. Ash, *Free World*, op. cit., 183, 182–195; формулировка «нарциссистская заикленность на мелких различиях» позаимствована Эшем у Фрейда.

161. Jeff Kahn, «The Search for the Rule of Law in Russia», Conference Paper, «Political Leadership, Political Institutions and Political Culture in the USSR and Russia», St Antony's College, Oxford (24–26 June 2005).

ЭНДРЮ МОНАГАН

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ – РОССИЯ:

В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ?

Великобритания и Россия входят в число ключевых игроков на международной арене и двусторонние отношения между ними, а также их взаимодействие на важнейших форумах, где они представлены — либо непосредственное (в Совете Безопасности ООН, на саммитах «большой восьмерки»), либо косвенное (в рамках НАТО и Европейского Союза), — имеют стратегическое значение для обеих стран. Хотя эти отношения отмечены растущим сотрудничеством во многих сферах, пришедшим на смену конфронтации времен Холодной войны, но в то же время они отягощены рядом серьезных проблем, подрывающих доверие обеих сторон друг к другу. Вообще, отношениям между Великобританией и Россией в данный момент присуще хроническое напряжение.

Собственно, они могут служить характерным примером взаимоотношений между западным сообществом и Россией, которым свойственно как растущее партнерство, находящее выражение в практическом сотрудничестве, так и снижение политического и общественного доверия, о чем драматически возвещают заголовки СМИ, которым вторит все более жесткая официальная риторика. Весьма показательны в этом плане и другие сопоставления, например, сравнение российско-британских отношений с отношениями между Россией и США. Как отмечал один наблюдатель, хотя «главной мишенью» для «параноидального отношения к иностранцам в советском духе» обычно выступают США, Британия также начинает играть «заметную роль в этом направлении [российской] массовой пропаганды». В качестве примера можно назвать критику в адрес репортажей Би-Би-Си о России и «злорадные статьи о захвате Ираном британских заложников»¹. Многие обозреватели

1. Applebaum A. Why Putin will stop at nothing to smash the new Russian revolution // The Spectator. 21 April 2007.

и в России, и в Великобритании отмечают участвовавшие упоминания (хотя обычно довольно туманные и неточные) о таких скандалах времен Холодной войны, как взаимная высылка советских и британских граждан в 1971 г. и отравление Георгия Маркова.

Во многих случаях обвинения и комментарии становятся все более язвительными, доходя до словесных нападок на ведущих британских политиков. Владимир Жириновский обвинял Великобританию в том, что она спровоцировала «перестройку», а британскую разведку назвал «самой омерзительной секретной службой в мире». Великобританию, по его мнению, со временем будут считать «самой варварской страной на планете»². В свою очередь, британские СМИ без стеснения критиковали Россию, особенно после убийства Анны Политковской и таинственной смерти Александра Литвиненко, причем обвинения выдвигались непосредственно в адрес Кремля.

Взаимоотношения между Великобританией и Россией все чаще затрагиваются в контексте исторических и тематических моментов, служивших предметом соперничества между Россией и Западом: как недавно выразился один высокопоставленный российский чиновник, «едва ли найдется более типичная черта русской внешней политики в последние десятилетия XIX века, нежели постоянный антагонизм с Великобританией, порой чуть утихающий, но затем разгорающийся снова». Касаясь истории трений и соперничества между Великобританией и Россией, особенно в Центральной Азии, где они стали результатом британского экспансионизма, Дмитрий Демури, 3-й секретарь постоянной миссии Российской Федерации при ОБСЕ, проводил параллель «с реалиями наших дней, когда США и их союзники по НАТО требуют изменений в конституции, насаждения „демократических институтов и принципов“, в то же время более или менее в открытую ревностно защищая свои сферы влияния»³. Подобным взглядам вторят и российские СМИ, свидетельством чему — телепрограмма Михаила Леонтьева о «Большой игре», в которой отмечалось, что во внешней политике Великобритании издавна проявлялись ненависть к России и страх перед ней.

Однако, в отличие от взаимоотношений между Россией и ЕС, а также Россией и США, взаимоотношения между Россией и Великобританией остаются малоизученными. Если отдельные их аспекты и находят выражение в броских заголовках, то это лишь самая верхушка айсберга, не только в смысле сотрудничества, но и в смысле проблем, отягощающих эти отношения. Каковы их важнейшие побудительные стимулы? В чем заключается сотрудничество? Какие препятствия мешают их развитию?

2. O'Flynn, K. Zhirinovsky Engages in Street Theatre // The Moscow Times. 25 January 2008.

3. Demurin D. Russia and Britain in Persia 100 Years Ago // International Affairs. Moscow. Vol. 53. No. 6. 2007. Pp. 173, 180.

Сперва мы рассмотрим факты сотрудничества между обеими странами, особенно в военной и энергетической сферах. В значительной степени оно оказалось взаимовыгодным, даже если его практические результаты порой носят ограниченный и чисто тактический характер. Далее мы перейдем к оценке основных источников напряженности в отношениях между Россией и Великобританией. Обеим сторонам необходимо пересмотреть свой подход к этим взаимоотношениям. В первую очередь требуется перестроить политические взаимоотношения, которые в настоящее время носят очень ограниченный характер. Однако, в более глубинном плане обе стороны должны в конце концов решить, чего же они хотят друг от друга. Вероятно, неудивительно, что ответственность за ухудшение отношений каждая из сторон возлагает на другую сторону — британцев обвиняют в двойных стандартах и двуличии, Россию — в агрессивности, упрямстве и нежелании сотрудничать. Соответственно каждая из сторон ждет, что первые шаги к восстановлению позитивной динамики в отношениях сделает другая сторона. Однако, дальнейшее следование такому достаточно пассивному подходу приведет к тому, что негативная динамика по-прежнему будет брать верх.

Взаимоотношения между Россией и Великобританией строятся на фундаменте сотрудничества, включающего в себя весьма широкий спектр проектов. Департамент международного развития (DfID) старается обеспечить поддержку российскому правительству, с начала 1990-х гг. финансируя в России более 800 проектов в области образования, здравоохранения, социального обеспечения и самоуправления. Как выразился посол Великобритании в России Энтони Брентон, работа DfID — это «хороший пример того, насколько успешным может быть сотрудничество Великобритании с Россией в практических вопросах»⁴. Великобритания проявляет активность и в других сферах, финансируя неправительственные организации (НПО) и оказывая поддержку российским проектам в рамках Британской программы глобального партнерства. В их число входит строительство хранилища для отработанного ядерного топлива в Мурманске стоимостью в 21 млн. фунтов. Это хранилище, официально открытое 29 сентября 2006 г. Его Королевским Высочеством принцем Майклом Кентским, рассчитано на хранение приблизительно 3 тонн высокообогащенного топлива в течение 50 лет. Кроме того, по программе глобального партнерства ока-

4. В настоящее время DfID сворачивает проекты в России вследствие своей глобальной политики ухода из «среднедоходных стран» и переключения усилий на беднейшие страны. См.: Press Statement Britain Celebrates its Partnership with Russia in the Development Sphere. 13/03/2007. www.britishembassy.gov.uk/servlet/Front?pagename=OpenMarket/Xcelerate/ShowPage&c=Page&cid=1089123753173&a=KArticle&aid=1173560311342

зывается помощь в разборке двух атомных подводных лодок класса «Оскар-1» на верфи «Звездочка» (а также, в сотрудничестве с Норвегией — подводной лодки класса «Виктор-III»), в осуществлении международных проектов по организации хранения ядерных отходов в других местах и обеспечении долгосрочной инфраструктуры для содействия другим организациям, участвующим в разборке подводных лодок, и в создании рабочих мест в мирных отраслях примерно для 1000 бывших ученых и техников-ядерщиков⁵.

Великобритания также участвует в проектах высокой приоритетности — таких, как завод по уничтожению химического оружия в Щучьем. При содействии Канады Великобритания оказывает поддержку строительству завода по уничтожению химоружия в Кизнере. В официальных документах констатируется, что «в настоящее время это крупнейшая программа британского правительства в России... и она достигла больших успехов в обеспечении безопасного и надежного хранения материалов, используемых в ОМП». Отмечается также высокая оценка, которую дал этой программе «Чатэм-хаус», назвавший ее «целенаправленной» и внесшей значительный вклад в осуществление приоритетов, выделенных лидерами «большой восьмерки» на саммите 2002 г. в Кананаскисе⁶.

Такое двустороннее сотрудничество в реальности достаточно широко развито в военной, торговой и энергетической сферах. Основной движущей силой военного сотрудничества является британская Двусторонняя программа военной деятельности, которая выполняется в соответствии с российско-британским Меморандумом о взаимопонимании от 1997 г. Для этого сотрудничества характерны переговоры на высших уровнях руководства, налаживание взаимодействия в борьбе с терроризмом и контакты при осуществлении миротворческих операций и Российской программы перестройки (Russian Resettlement Programme), которая помогает российским военнослужащим найти себе новое место в граждан-

ской жизни⁷. Позитивные аспекты такого сотрудничества включают в себя содействие британских властей, оказанное при спасении российского батискафа АС-28 «Приз», которое происходило на фоне визита президента Путина в Великобританию в 2005 г. Сразу же после завершения спасательной операции Путин принял участие в ряде дискуссий о развитии торговли и контртеррористического сотрудничества и стал первым иностранным лидером, побывавшим в бункере ситуационного центра «Кобра»⁸.

Российско-британские связи также отмечены значительным экономическим и деловым взаимодействием: торговый оборот достигает примерно 10 млрд. долларов в год и постоянно растет. Британские компании вкладывают в российскую экономику крупные средства, а 23 русских компании представлены на Лондонской фондовой бирже. Особенно важным является сотрудничество в энергетическом секторе, хотя оно носит сложный и порой неровный характер. «БиПи» и «Шелл» осуществляют активные инвестиции в Россию. Несмотря на проблемы, возникшие у обеих компаний на переговорах по поводу контроля за проектами «Сахалин-II» («Шелл») и «Ковыкта» («БиПи»), а в 2008 г. из-за скандала вокруг «ТНК-БиПи», обе компании в своей деятельности по-прежнему сильно завязаны на Россию⁹. В России представлен ряд других компаний; вообще, британские компании пришли в Россию раньше и крепче пустили здесь корни, чем компании любой другой страны. Весьма заметна в России также работа компаний по обслуживанию нефтяных месторождений¹⁰.

Взаимодействие в энергетическом секторе затрагивает не только нефть и газ, но и угледобычу. Российская угольная компания «Кузбассразрезуголь» совместно с Ричардом Баджем участвует в проекте стоимостью почти в 1 млрд фунтов по возобновлению до-

5. Исследование этого сотрудничества русскими специалистами см.: Мальцев А., Мануильский Д. Утилизация АПЛ на северо-западе России: опыт и перспективы российско-британского сотрудничества // Россия — Великобритания / Под ред. В. Гусейнова и Э. Монагана. М., 2007.

6. Полный список совместных проектов в рамках Глобальной программы партнерства см.: Третий и Четвертый ежегодные отчеты по Глобальной программе партнерства (2005 и 2006 гг. соответственно), подготовленные Министерством иностранных дел и по делам Содружества (которое осуществляет общее политическое руководство), Министерством торговли и промышленности (ответственным за ядерные проекты в рамках этой программы), и Министерством обороны (ответственным за проекты в области химического и биологического оружия). Третий ежегодный отчет см.: www.dti.gov.uk/energy/environment/soviet-nuclear-legacy/annual-report-english/page19047.html; Четвертый отчет см.: www.dti.gov.uk/energy/environment/soviet-nuclear-legacy/annual-report-english/page19047.html

7. См. подробное обсуждение в: Белозеров В., Дьяченко О. Российско-британское сотрудничество в сфере профессиональной переподготовки военнослужащих // Россия-Великобритания. М., 2007. Этот проект, заслуживший похвальные отзывы со стороны российских должностных лиц и бывших военнослужащих и, по некоторым оценкам, способствовавший позитивным системным изменениям, завершился в августе 2007 г.

8. Более подробное обсуждение российско-британского военного сотрудничества и хронологию спасения АС-28 см.: Williams P. UK—Russia Military Cooperation // Monaghan, A. (ed.) The UK and Russia — a Troubled Relationship. Part I. 07/17. Swindon: Defence Academy of the UK, May 2007; Riches I. Saving the AS-28 // Monaghan, A. (ed.) The UK and Russia — a Troubled Relationship. Капитан Райчес возглавлял британскую команду, участвовавшую в спасательной операции.

9. В силу сложного характера этих переговоров и дискуссий мы не станем вдаваться в их обсуждение. Важнейшие сведения по проектам «Сахалин-II» и «Ковыкта» можно найти в: Mehdiyeva N. Understanding Russia // Monaghan, (ed). Op. cit.

10. См.: Lee J. The UK-Russia Energy Relationship // Monaghan, (ed.). Op. cit.

бычи на месторождении Хэтфилд и строительству рядом с шахтой тепловой электростанции, работающей на чистом угле¹¹. Усиливает свою активность на энергетическом рынке Великобритании «Газпром», купивший небольшую компанию, которая обеспечивает электричеством нескольких видных потребителей, и рассматривающий в сотрудничестве с британскими производителями электроэнергетики проекты по строительству нескольких электростанций, работающих на природном газе¹².

В свою очередь, Великобритания активно участвует в российском угольном секторе, примером чему служит поддерживаемый британским Министерством торговли и промышленности проект по передаче технологий, который предусматривает изучение ключевых проблем, связанных с метаном, скапливающимся в угольных шахтах, и проект по добыче метана из закрытых шахт¹³. В настоящее время объемы непосредственного экспорта российской нефти и газа в Великобританию невелики. Однако Россия становится важнейшим экспортером угля в Великобританию, обеспечивая более 50 % поставок каменного угля в эту страну. В противоположность нефтяному и газовому секторам, в отношении которых в Великобритании (и вообще в Европе) высказываются опасения по поводу чрезмерной зависимости поставок нефти и газа от России — страны, потенциально нестабильной политически и технически неспособной выполнить свои экспортные обязательства, — в качестве поставщика угля Россия считается надежным партнером, хотя порой выражается озабоченность попытками России диверсифицировать свой угольный экспорт и повысить долю угля во внутреннем энергетическом балансе¹⁴.

Тем не менее основное внимание к себе привлекают трения в российско-британских отношениях, причем эта тенденция за последний год лишь усилилась. В течение последних трех-четырёх лет Великобритания и Россия заняли политически диаметрально противоположные позиции по таким вопросам, как совместная интервенция в Ираке в 2003 г., в которой Великобритания принимала заметное участие, дело «Юкоса» и суд над Михаилом Ходорковским, а также «оранжевая революция» на Украине.

Более того, между обеими странами наблюдается ряд политических и экономических разногласий. Хотя в политическом плане

Великобритания официально придерживается достаточно тонкого подхода по отношению к российским действиям в Чечне, тем не менее она высказывает значительную обеспокоенность нарушением российскими властями прав человека на Северном Кавказе. Помимо этого, Россия протестовала против британской критики в адрес внутрироссийских политических процессов. Наконец, взаимоотношения между двумя странами омрачились в 2006 г. рядом обвинений в шпионаже и визовых скандалов (особенно в случаях с Биллом Броудером и Биллом Боурингом)¹⁵. Более серьезными были нападки на британского посла в России, посетившего конференцию российских оппозиционных сил. Британское министерство иностранных дел заявило формальный протест в отношении деятельности прокремлевской группы «Наши», чьи активисты преследовали посла Brentона и его семью, срывали его выступления и проводили митинги протеста у стен британского посольства в Москве. В экономическом плане позиции обеих стран также находятся на противоположных концах спектра: если Лондон выступает за дальнейшую либерализацию энергетических рынков, то Москва поддерживает такие энергетические монополии с государственным участием, как «Газпром»¹⁶.

Однако, особенно важное значение для российско-британских отношений имели инцидент с отравлением Александра Литвиненко в Лондоне осенью 2006 г. и предоставление убежища Борису Березовскому и Ахмеду Закаеву в Великобритании. Вообще эти вопросы явно превратились из «случайных раздражителей» в системные проблемы. Согласно одному обозревателю, отравление Литвиненко стало для представлений Запада о России таким потрясением, «какого не было со времен Чечни, и может являться прелюдией к возобновлению Холодной войны». Само по себе оно послужило «самым серьезным ударом по партнерству (России) с Западом». Несмотря на то, что это отравление было очень темным и сложным делом, британские журналисты, парламентарии и члены правительства в первую очередь задавались вопросом о том, принимало ли российское государство непосредственное участие в этой истории или же Литвиненко был отравлен руками «подставных лиц»¹⁷. Питер Хейн, в то время министр по делам Северной Ирландии, прямо не ссылаясь на дело Литвиненко, тем не менее заявил, что успехи Путина в восстановлении экономической ста-

11. www.dti.gov.uk/files/file31397.pdf 27 июня 2006.

12. Morgan O. Russians Plan UK Power Stations // *The Observer*, 15 April 2007.

13. www.dti.gov.uk/files/file19910.pdf 5 апреля 2005.

14. Дискуссию о сомнениях в надежности России как поставщика энергоресурсов см.: A. Monaghan. *Russia and the Security of Europe's Energy Supplies: Security in Diversity?* // CSRC paper 07/01, January 2007. Об угольном секторе см.: Idem. *Stakhanov to the Rescue?* // *The Troubled Emergence of a Russian Energy Strategy*, ARAG paper 07/34, Swindon: Defence Academy of the UK, 2007.

15. См.: Bacon E. *The UK-Russia Political Relationship* // Monaghan, (ed.). *Op. cit.*

16. См.: Белый А., Кузьменко К. *Конфликт ценности регулирования газовых рынков: взгляд на отношения Россия–Великобритания* // *Россия–Великобритания*.

17. Wilson A. *A Haunted Month for Russia — The Ghost of Alexandr Litvinenko* // *Inside Russia and Eurasia*, Vol. 15, No. 12. December 2006. www.russia-eurasia.net

бильности России ставятся под сомнение в результате «массированного наступления» на личные свободы и демократию. Он также констатировал, что отношения Великобритании с Россией «крайне осложнились»¹⁸. Такие парламентарии, как Дэвид Дэвис, отмечали необходимость решить вопрос о роли российского государства в деле Литвиненко, указывая, что «если [оно] замешано, то с учетом того, что британский гражданин, пользовавшийся правом убежища... и находившийся под защитой британского правительства, был убит на британской земле, это дело влечет за собой колоссальные последствия для российско-британских отношений»¹⁹. Другой комментатор отмечал, что хотя «нервозность» в отношениях между Москвой и Лондоном наметилась еще в 2006 г., именно напряженность, созданная отравлением Литвиненко, довела эти отношения «до точки замерзания»²⁰.

Джон Рейд, в то время — министр внутренних дел Великобритании, проявлял осторожность в вопросе об отравлении и последующей смерти Литвиненко. Тем не менее российского посла Юрия Федотова 24 ноября вызвали в министерство внутренних дел и поручили ему довести до сведения российских должностных лиц, что британское правительство ожидает от них «оказания всевозможного содействия в расследовании». Свое веское слово сказал и тогдашний премьер-министр Блэр, заявив, что «на пути следствия не должно вставать никаких дипломатических или политических препятствий», и еще раз подчеркнув, что британское правительство рассчитывает на «полноценное сотрудничество» российских властей²¹. Отравление Литвиненко вывело на передний план ряд давних взаимосвязанных проблем, омрачавших российско-британские отношения, и добавило к ним новые. Во-первых, вообще говоря, для многих жителей Великобритании оно просто стало подтверждением многих представлений о России и политической тенденции возврата к «старым недобрым дням» СССР и Кремля с их жестокими и решительными методами. В прессе неоднократно проводились довольно натянутые параллели с рядом отравлений, осуществленных советскими спецслужбами. Набра-

ло силу определенное близорукое отношение к России, в большей степени отталкивающее от политических мифов, чем от текущих политических реалий. Самый явный пример такого отношения — нередкое изображение КГБ как всемогущего вершителя кремлевской воли. По сути, во многих из этих мифов скрываются зерна истины, однако ситуация в России отличается большой сложностью. Важно сохранять четкое понимание этого обстоятельства, вместо того, чтобы скатываться на уровень заявлений о «типично» русском (или даже советском) поведении.

Во-вторых, в центре внимания снова оказался вопрос об экстрадициях. Как будет показано ниже, это важная тема в российско-британских отношениях. Но следует отметить, что британские парламентарии проводят четкую связь между отравлением Литвиненко и позицией Великобритании относительно экстрадиции в Россию. Крис Брайант старался подчеркнуть, что это отравление и последующая встреча руководителя британской прокуратуры с его российским коллегой не означает изменения российско-британских договоренностей об экстрадициях; министр внутренних дел подтвердил, что решения об экстрадиции «как в конкретных случаях, так и при осуществлении юридических процедур общего плана» по-прежнему «будут приниматься без оглядки на какое бы то ни было политическое давление»²².

В-третьих, появились и новые источники напряжений. Расследование проходило не так гладко, как хотелось бы, причем каждая из сторон заявляла, что другая сотрудничает недостаточно эффективно. В декабре британские следователи все еще не желали отказываться от гипотезы о том, что гибель Литвиненко могла быть следствием политически мотивированного заговора с участием российских спецслужб. Однако русские должностные лица по-прежнему отрицали какое-либо участие в этом деле, а российский министр иностранных дел Сергей Лавров выступил с предупреждением о том, что шум, поднятый в Великобритании, и «политизация» этого вопроса «наносит ущерб нашим отношениям»²³. В то же время с британской стороны отмечалось, что Россия не оказывает содействия следствию в таких объемах, какие от нее ожидалось.

Подобные разногласия продолжали множиться — российские должностные лица пытались проводить свое собственное параллельное расследование, в рамках которого Великобританию посетил заместитель российского генерального прокурора Александр Звягинцев, опросивший около 100 человек. Однако, российские прокуроры обвиняли Британию в недостаточном содействии, уровень которого оказался существенно ниже, чем то содействие, ко-

18. U. K. Minister Attacks Putin As Police Probe Litvinenko Case // RFE/RL. 27 November 2006. www.rferl.org/featuresarticle/2006/11/65ECBCC7-8466-4DFF-884B-F201609A8449.html; Stinson, J. Spy mystery could strain Anglo-Russian relations // USA Today. 26 November 2006. www.usatoday.com/news/world/2006-11-26-britain-spy-poisoned_x.htm

19. Hansard. 27 November 2006. www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm061127/debtext/61127-0004.htm

20. Kampmark B. «Bitten by the Bear: The British Council and Russia», *Contemporary Review*, Vol. 290, No. 1689. Summer 2008. p. 154.

21. Spy Poisoning: Eight People Undergoing Tests at Specialist Clinic», *Daily Mail* online, 28 November 2006. www.dailymail.co.uk/pages/live/articles/news/news.html?in_article_id=418875&in_page_id=1770&ct=5

22. Hansard, 27 November 2007. www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm061127/debtext/61127-0004.htm

23. Russia Warns Over Relations with UK // *Financial Times*, 4 December 2006.

торое британским следователям оказывали в России. Официальный представитель российского МИД Михаил Камынин в феврале 2007 г. отмечал, что задержка с ответом на российский запрос о посещении Великобритании вызывала «сожаления, особенно на фоне проявленной российской стороной готовности к быстрому и конструктивному сотрудничеству в этом вопросе на профессиональном уровне». Звягинцев также отмечал, что просьбы о сотрудничестве, поступающие от российской стороны, тормозились должностными лицами в Скотланд-Ярде, в королевской прокуратуре и в британском министерстве внутренних дел. Кроме того, он заявлял, что российская сторона не получает содействия в том же объеме, который оказывался британской стороне при проведении ею расследования в России в 2006 г. Однако, к России продолжали предъявляться претензии по поводу того, что она не оказывает достаточное содействие британскому следствию, не позволяет допросить двух ключевых свидетелей — Андрея Лугового и Дмитрия Ковтуна. Посол Brenton в январе снова призывал Москву оказать всемерное содействие британским следственным органам²⁴.

Весной и летом 2007 г. Великобритания формально требовала экстрадиции Андрея Лугового, обвиняемого в убийстве Литвиненко. Москва отвечала отказом на том основании, что подобная экстрадиция противоречит ее конституции. В течение следующих месяцев высшие должностные лица с обеих сторон обменивались взаимными упреками, а вслед за этим произошла взаимная высылка дипломатов. Лондон критиковал отказ Москвы выдать Лугового, причем должностные лица отмечали британское разочарование и называли поведение Москвы «неприемлемым». В Москве Звягинцев констатировал, что британские требования ничем не оправданы, беспочвенны и неуместны, указывая, что отказ России выдать Лугового носит законный характер. Он полагал, что этот вопрос оказался излишне политизирован. Вообще же, с обоснованиями, предоставленными британской стороной, происходили какие-то странные вещи — в российской генпрокуратуре утверждали, что не получали ни единого документа, относящегося к этому делу²⁵.

Таким образом, Москва постоянно обвиняла Британию в том, что та превратила дело Литвиненко из юридического в политическое, о чем свидетельствует требование Великобритании, чтобы Россия нарушила или изменила свою конституцию, без чего выда-

24. См., например: Russia Says Britain Delays Response on Litvinenko Poisoning Probe // Mosnews. 8 February 2007. www.mosnews.com/news/2007/02/08/complaintdelay.shtml; Russia Says UK Authorities Hinder Investigation Into Litvinenko Poisoning // Mosnews. 12 March 2007. www.mosnews.com/news/2007/03/12/ukhindrance.shtml
25. Russia Demands Evidence in Litvinenko Case-1 // RIA Novosti, 25 July 2007. <http://en.rian.ru/russia/20070725/69670195.html>

ча Лугового невозможна²⁶. Вообще, по словам Лаврова, новый кабинет премьер-министра Брауна сознательно спровоцировал этот конфликт²⁷. Более того, в то время как юридическая позиция Москвы называлась некоторыми российскими обозревателями неувязливой, Лондон обвиняли в посягательстве на суверенитет России и на приверженность двойным стандартам²⁸. В конце июля в дело Литвиненко вмешался российский президент, предъявив Лондону претензии в колонизаторском мышлении и отмечая, что Британской империи давно не существует, а Россия никогда не была британской колонией — и что направленное россиянам британское предложение игнорировать или исправить свою конституцию оскорбительно²⁹.

На фоне следствия об отравлении Литвиненко на передний план снова вышел еще один давний источник разногласий — требование об экстрадиции ряда российских изгнанников, в первую очередь Бориса Березовского и Ахмеда Закаева. Этот вопрос особенно обострился после того, как Березовский в британской газете заявил, что он готовит революцию, цель которой — насильственное свержение президента Путина. Как и в случае с отравлением Литвиненко, все последствия заявления Березовского для российско-британских отношений, скорее всего, скажутся не сразу. Опять же, как и в случае с Литвиненко, немедленно последовала бурная реакция³⁰, причем как в Британии, так и в России выдвигались самые разные мнения о том, не злоупотребляет ли Березовский статусом политического беженца и чем все это закончится. Заявления Березовского, получившие широкую огласку, впоследствии сопровождались обвинениями в том, что он замешан в деле Литвиненко и использовал его смерть для того, чтобы дискредитировать Кремль. Еще сильнее ситуацию обострили обвинения в подготовке (очередного) покушения на Березовского летом 2007 г.³¹ Посол России в Велико-

26. Однако следует отметить, что ряд комментаторов, включая российских, отмечали, что наряду с неуместностью британских требований такое подчеркнутое уважение к конституции со стороны российских должностных лиц выглядит весьма удивительным. См., например: Kagarlitsky B. A Beneficial Crisis for All // The Moscow Times. 2 August 2007.
27. Russian FM Blames New UK Cabinet for Souring Relations // RIA Novosti. 20 July 2007. <http://en.rian.ru/russia/20070720/69321912.html>
28. Федоров П. Мимо цели: Лондон маскирует провал своих спецслужб // Независимая газета. 18 июля 2007.
29. См., например: «Putin Calls London's Extradition Demand «Vestige of Colonialism», RIA Novosti, 24 July 2007. <http://en.rian.ru/russia/20070724/69591666.html>
30. Превосходный англоязычный обзор британской и российской прессы, освещавшей это дело, см.: Johnson's Russia List, 13th — 16th April 2007.
31. См., например: Федоров, Перекрест В. Генпрокуратура разоблачила тайну британского следствия // Известия. 24 июля 2007; Bereзовsky Confirms Murder Plot Reports, Gives No Details // RIA Novosti, 18 July 2007. <http://en.rian.ru/russia/20070718/69198887.html>. Эти обвинения привели к тому, что бри-

британии заявил, что «отсутствие реакции [со стороны британского правительства, т. е. лишение Березовского статуса политического беженца] окажет определенное влияние на двусторонние связи» и создаст «новую ситуацию» в российско-британских отношениях³².

Такой же позиции придерживались и на высших уровнях российского руководства, причем Путин отмечал, что в то время как Великобритания требует экстрадиции Лугового, Москва требует экстрадиции 30 человек, разыскиваемых российским правосудием по обвинению в очень серьезных преступлениях и нашедших убежище в Лондоне — однако Великобритания даже не думает выдавать их России. Став премьер-министром, Путин недавно повторил это заявление, отмечая, что пусть британский закон и защищает этих людей, но британское правительство позволяет им по-прежнему вести кампанию против России с британской территории — по его словам, все равно как если бы Россия позволила боевикам из ИРА, находясь в безопасности на российской земле, замышлять насильственные акции в Великобритании. Именно такое различие в подходах мешает наладить нормальные отношения между двумя странами, отметил он³³.

Трения в российско-британских отношениях снова обострились в связи с разногласиями по поводу деятельности Британского совета в России — они были вызваны закрытием отделений Совета российским правительством, однако те, несмотря на это, вскоре возобновили свою работу. Москва сочла такой шаг сознательной провокацией и ряд сотрудников Британского совета был вызван на допрос в ФСБ. Обе стороны утверждали, что действуют строго в рамках закона, и настаивали на незаконности ответных действий. Дэвид Милибэнд, министр иностранных дел Великобритании, заявил в Парламенте, что действия российской стороны предосудительны, и что Москва ничем не обосновала свои заявления о неуплате Британским советом налогов в полном объеме. Милибэнд также заявил, что запугивание, которому подверглись сотрудники Британского совета, совершенно неприемлемо³⁴. Дмитрий Медведев в ответ намекнул, что работа Британского совета включала в себя сбор информации и разведывательную деятельность. Кроме того, он ответил, что российские НПО сталкиваются с большими проблемами при работе в Великобритании³⁵.

танская полиция арестовала и допросила подозреваемого, которого впоследствии отпустили без предъявления обвинений.

32. Diplomatic Rift as Russia Says: Give us Berezovsky // The Guardian. 19 April 2007.

33. Beeston R. Putin Tells Britain: Relations Can Only Improve When You Remove Dissidents // The Times. 12 September 2008.

34. См.: Kampmark. Pp. 155–6.

35. RFE/RL Newsline. Vol. 12. No. 33. Pt. 1.19 February 2008.

В конце 2007 и 2008 г., несмотря на наличие вопросов, по которым Великобритания и Россия занимали аналогичные позиции, по крайней мере в общем плане³⁶, Лондон и Москва снова оказались на противоположных концах политического спектра, на этот раз в первую очередь из-за проблемы независимости Косово. Более того, Великобритания выражала свою озабоченность объявленным Россией мораторием на соблюдение договора ДОВСЕ (и возможными последствиями выхода России из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности)³⁷, продажей российского оружия ряду покупателей, по мнению Лондона, способных на обострение конфликтов и нарушение прав человека, а также тем, что права человека и демократия в России по-прежнему находятся под угрозой.

Из последних событий следует отметить серьезные разногласия между обеими сторонами по поводу российско-грузинского конфликта в августе 2008 г., во время которого ряд ведущих британских политиков выражали поддержку Грузии (и даже посещали Тбилиси) и заявляли резкий протест против действий России. Сам Милибэнд выступил в Киеве с речью, в которой критиковал Россию за агрессию в Грузии и за признание независимости Северной Осетии и Абхазии.

Вообще, российско-грузинский конфликт может служить как иллюстрация различий во внешнеполитическом подходе обеих сторон и на концептуальном, и на практическом уровне. Великобритания рассматривается в Москве как одна из представительниц группы стран, которые являются главными творцами и сторонниками трансатлантической архитектуры безопасности, а в более конкретном плане — как страна, поддерживающая США с их «экспортом демократии», который, по мнению Москвы, несет угрозу международной стабильности. Москва полагает, что нынешняя трансатлантическая архитектура отражает сохраняющееся по инерции мышление времен Холодной войны, ментальность «победы» Запада над Россией в ходе Холодной войны и продолжающуюся изоляцию России³⁸. Практически, то, что Россия считает защитой своих законных национальных интересов на территории бывшего Советского Союза, Великобритания рассматривает как российскую агрессию против новых независимых государств.

Таким образом, развивающееся сотрудничество в ряде важных областей происходит параллельно с быстрым ухудшением полити-

36. Сюда входит участие России в международных акциях в отношении Ирана и Северной Кореи, имеющих целью пресечь распространение ядерного оружия.

37. См. обсуждение в: Global Security: Russia. Report of the House of Commons Foreign Affairs Committee Report, Second report of the Session 2007–8. London: The Stationary Office, 2007. Pp. 101–103.

38. Обсуждение этой темы см.: Гусейнов В. Россия-Великобритания: Трудный путь сотрудничества // Россия-Великобритания.

ческих отношений, причем Россия постоянно высказывает свою озабоченность принятой в Великобритании практикой двойных стандартов, а Великобритания выражает тревогу по поводу все более агрессивного поведения российского правительства на мировой арене и во внутренних делах. В ходе попыток оздоровить российско-британские отношения был организован ряд визитов ведущих государственных деятелей и бизнесменов. Так, в феврале 2007 г. Алистер Дарлинг (в то время — министр торговли и промышленности) возглавил делегацию виднейших представителей деловых кругов. В начале апреля за ней последовала аналогичная делегация, на этот раз во главе с лорд-мэром Лондона.

Однако эти визиты лишь подчеркнули сложившийся парадокс. Вскоре после того, как Дарлинг попытался оживить российско-британские отношения в сфере энергетики и создать российско-британский энергетический форум, объявив об устроении двусторонней торговли за последние пять лет при ее ежегодном росте в 20 % и констатировав, что Великобритания в 2006 г. стала главным российским инвестором, только за первые девять месяцев 2006 г. вложив в экономику России 5,5 млрд. долларов³⁹, та же самая газета, что напечатала заявление Березовского, указывала, что ухудшение отношений «нервирует британское деловое сообщество», приводя данные опроса, согласно которому около 30 % ведущих британских бизнесменов считали, что отношения между Британией и Россией либо «затруднены и продолжают ухудшаться», либо являются «напряженными и недружественными». Почти 50 % опрошенных негативно относились к дальнейшим российским инвестициям в Великобританию⁴⁰. Эти данные были опубликованы накануне Лондонского экономического форума, проводившегося в апреле и омраченного частичным бойкотом со стороны российских руководителей — многие сочли этот бойкот политически мотивированным шагом со стороны Кремля, подчеркивающим ухудшение отношений⁴¹. Интересно, что западных участников форума критиковали в СМИ за то, что те препятствуют критике в адрес Москвы и даже преувеличивают возможности, открывающиеся в России, хотя некоторые обозреватели отмечали, что за последние несколько лет сокращение российского присутствия на форуме становилось все более вероятным, поскольку Лондонский экономический форум ис-

39. Press Release — British Cabinet Minister Makes Case for Greater UK-Russian Trade. 6 February 2007.

40. Russians Boycott London Forum as Ties Worsen // The Guardian, 23 April 2007.

41. Russian politicians, businessman to boycott London economic forum, FX News Limited, 20 April 2007. www.forbes.com/afxnewslimited/feeds/afx/2007/04/20/afx3635414.html; Российский экономический форум в Лондоне прошел при минимальной явке // Коммерсант. 25 апреля 2007. www.kommersant.ru/doc.html?docId=761822

пользовался некоторыми кругами для «нападок на российское правительство», которые все сильнее раздражали Кремль⁴².

Все это повлекло за собой следующие прямые и косвенные последствия для российско-британских отношений. Во-первых, налицо явное несоответствие ценностей, которых придерживаются в Великобритании и России. Пусть этот момент очевиден, но тем не менее он имеет ключевое значение. Попросту говоря, правительства обеих стран придерживаются различных подходов к своим обществам: британское правительство выражает поддержку гражданскому обществу, устроенному по принципу «снизу вверх», Россия же все в большей степени осуществляет политику организации общества по принципу «сверху вниз». Это различие — и его негативные последствия для российско-британских отношений — иллюстрируется помощью, которую британские власти оказывают НПО в России, в то время как Москва принимает законы, призванные усложнить финансирование и регистрацию НПО, особенно тех из них, которые пользуются зарубежными источниками финансирования. Примером непосредственного влияния на российско-британские связи служит возобновление российской прокуратурой уголовного дела в отношении Британского совета в Санкт-Петербурге и отождествление финансирования НПО со шпионской деятельностью британских граждан в России. Великобритания, в свою очередь, отвергает эти обвинения, заявляя, что налицо стремление Кремля пресечь деятельность НПО, особенно тех из них, которые ставят своей целью развитие демократии⁴³.

Вторым обстоятельством, во многих отношениях взаимосвязанным с первым, является то, что внутренняя политика в обеих странах влечет за собой важные последствия, которые создают прямые и косвенные проблемы в российско-британских взаимоотношениях. Структура британского общества, наиболее четко выражающаяся в независимости судов, имеет явные отличия от структуры российского общества. Опять же, этот момент можно считать очевидным, но он оказывает очевидное влияние на взаимоотношения между обеими странами: российское правительство неоднократно требовало от британских властей экстрадиции ряда изгнанников, в первую очередь Березовского и Закаева. Отказ британского правительства санкционировать такую экстрадицию уже несколько лет является большой мозолью в этих отношениях. Британское правительство в ответ на российские требования заявляет, что решение

42. Business Chiefs Suppress Bark at Russian Economic Forum // EUBusiness. 23 April 2007 www.eubusiness.com/SMEs/eu-russia. 41/; Российский экономический форум в Лондоне прошел при минимальной явке // Коммерсант. 25 апреля 2007. www.kommersant.ru/doc.html?docId=761822; Goyal, A. Death of the Russian Economic Forum // The Russia Journal. 23 April 2007. www.russiajournal.com/node/293

43. Russia Reopens Probe of British Council // Financial Times. 24 January 2006.

должен принимать суд, который от него не зависит. Здесь и возникает почва для непонимания, так как российские суды нельзя назвать независимыми от влияния со стороны властей, и поэтому российское правительство в вопросе об экстрадиции придерживается иного подхода. Непосредственное влияние различных подходов к ценностям и различий в структуре общества проявляется в том, что британские суды не дают согласия на экстрадицию Березовского — на основании того, что предъявляемые ему обвинения недостаточно обоснованны, а также из-за опасений, что в России его едва ли ждет справедливый суд, — а это создает напряженность в российско-британских отношениях. Косвенным образом различие сказывается еще и в том, что суды, отказываясь выдавать Березовского, возможно, имеют в виду не только несовершенство российского правосудия. Помимо этого, они стараются отстоять свою независимость от британского правительства, что является принципиальным моментом как во внутренней политике Великобритании, так и в российско-британских отношениях.

В число других внутренних факторов, особенно с британской стороны, входят недостаток экспертизы и ресурсов, выделяемых на изучение России. Заметна тенденция к принятию Лондоном решений относительно России без оглядки на мнение экспертов. Недостаточное финансирование британской оборонной дипломатии подрывает потенциал к развитию взаимоотношений. Разумеется, в этом отражается тот факт, что у обеих сторон имеется много более приоритетных задач. Попросту говоря, с момента окончания Холодной войны Россия перестала быть ключевым приоритетом для британской политики, как и Британия — для российской. Вследствие этого в верхних эшелонах власти отсутствует политическое взаимодействие, необходимое для того, чтобы свести воедино все направления взаимоотношений и способствовать их укреплению в моменты напряженности. Хотя отношения между Тони Блэром и Владимиром Путиным поначалу были весьма позитивными, они начали портиться в 2005 г., что выразилось в отсутствии Блэра на торжествах в Москве по случаю 60-летия победы над нацистской Германией. Это заставило одного ведущего аналитика заметить, что для восстановления отношений, возможно, требуется сменить обоих лидеров⁴⁴. Но несмотря на то, что оба они покинули свои посты соответственно в 2007 и 2008 гг., политическое взаимодействие на самом высоком уровне явно остается весьма ограниченным, и вообще, не вполне ясно, каким образом оно может улучшиться после дальнейших изменений в руководстве (которые более вероятны в отношении Британии), с учетом того, что одним из основных кандидатов, готовых возглавить Лейбористскую пар-

44. Более углубленный анализ эволюции политических взаимоотношений см.: Bacon E. The UK-Russia Political Relationship // Monaghan, (ed.). Op. cit.

тию вместо Брауна, является Дэвид Милибэнд. Несмотря на наличие ряда консервативных депутатов парламента, испытывающих большее расположение по отношению к России, руководство Консервативной партии выступило с решительным осуждением российских действий в Грузии.

Последним моментом является серьезное влияние СМИ, которое выражается двояким образом. Во-первых, в подходе британских СМИ к России наблюдается тенденция к освещению отдельных тем — из недавних примеров наиболее очевидным было отравление Литвиненко, — при недостаточном внимании к не столь зрелищному осуществлению различных проектов. Однако, при этом сплошь и рядом наблюдается не критичное отношение к информации, вследствие чего оказывается упущена вся сложность поднимаемых вопросов. Другие обозреватели подвергали критике позицию СМИ в деле Литвиненко, выражающуюся в решительном проталкивании антикремлевской линии, несмотря на признаки «манипулирования новостями»; так, еще до смерти Литвиненко указывалось, что «редко так бывает, чтобы попытка покушения освещалась на основе информации, предоставленной исключительно заинтересованными сторонами»⁴⁵. Все это, как отмечалось выше, и создает атмосферу, в которой развиваются взаимоотношения, влияя на их участников. И Лондон, и Москва рассматривали июльскую встречу «большой восьмерки» в Японии как возможность для пересмотра взаимоотношений и их реорганизации в более положительном ключе. Однако, прозвучавшие в передачах Би-Би-Си сообщения о том, что российские власти замешаны в деле Литвиненко, стали одной из причин, по которой эта встреча не привела к позитивным сдвигам⁴⁶. Опять же, новым источником напряжений стал российско-грузинский конфликт, причем СМИ сообщали, что министр иностранных дел Лавров ответил на критику Милибэнда совсем не протокольным языком, хотя Москва опровергает эти обвинения⁴⁷.

В августе 2006 г., вслед за шпионским скандалом в январе того же года, тогдашний посол Brenton решительно заявил о прочности российско-британских взаимоотношений — «они слишком крепки, чтобы им нанесли ущерб такие глупые измышления»⁴⁸.

45. Chechnya, Vendettas — UK Hosts inter-Russian Spy War // Inside Russia and Eurasia. Vol. 15. No. 12. December 2006.

46. Russia 'Backed Litvinenko Murder' // BBC. 8 July 2008. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/7494142.stm

47. См., например: Porter A. David Miliband Subjected to 'F Word' Tirade From Russian Foreign Minister // The Telegraph. 11 September 2008; Lavrov Never Used Foul Language With Miliband — Russian Ministry // RIA Novosti. 13 September 2008. <http://en.rian.ru/world/20080913/116762571.html>

48. Интернет-конференция с послом Великобритании Энтони Brentоном, 3 августа 2006. www.strana.ru

Год спустя он подтвердил свою позицию, отметив, что несмотря на ряд незначительных проблем, отношения остаются «хорошими»⁴⁹. Однако, явно существует возможность того, что уровень взаимного недоверия в конечном счете воспрепятствует всякому сотрудничеству. Затруднения во взаимоотношениях, наблюдавшиеся после скандала с Литвиненко, привели, например, к приостановке контртеррористического сотрудничества и взаимному ужесточению визового контроля в отношении должностных лиц⁵⁰. Российский посол Федотов выражал свою озабоченность состоянием взаимоотношений. «Обе стороны не сделали ни одного шага к примирению», — констатировал он весной 2008 г. Это же мнение повторил советник президента Сергей Приходько, заметивший после июльского саммита («большой восьмерки»), что Великобритании и России будет трудно преодолеть свои разногласия⁵¹.

Все большее значение приобретает реакция различных заинтересованных сторон на сложившуюся ситуацию. Безусловно, трения, подрывающие взаимное доверие России и Британии, выводят Россию из списка британских приоритетов, что выражается в пересмотре британской политики, примером чему служит ревизия, принятая парламентским комитетом по иностранным делам. Однако любое взаимодействие, очевидно, должно быть более целенаправленным, скоординированным и прочным; кроме того, оно должно развиваться в соответствии с динамикой ситуации в России, в контексте отстаивания Россией своих интересов и одновременного поиска ею партнеров. В настоящее время политическое руководство обеих стран не участвует в развитии этих отношений. В то время как деловые связи сохраняются, отсутствие соответствующей политической структуры привело к тому, что в последние пару лет взаимоотношения носили преимущественно пассивный характер, и их движителем выступали отдельные события — по большей части носившие негативный характер и служившие препятствием к развитию отношений. Первоначально они могли считаться «случайными раздражителями», но в последнее время приобретают все более системный характер.

Перевод Николая Эдельмана

49. Интервью Энтони Brentона на РентВ 6 августа 2007. Источник: BBC Monitoring.

50. UK Embassy Says Visa Restrictions in Place for Russian Officials // RIA Novosti. 25 July 2007. <http://en.rian.ru/russia/20070725/69678059.html>

51. Meyer H. Russia Hits Out at UK Over Report of Link to Litvinenko Death // Bloomberg. 8 July 2008.

АГОП ГАРАБЕДЯН

ФОРМИРОВАНИЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Испокон веку на землях Балканского полуострова проживают армяне, расселявшиеся там отдельными группами в разные исторические периоды. Об этом свидетельствуют исторические факты, археологические находки, доказательства языковедческого плана, а также другие данные. Возникшие в балканском регионе армянские поселения сыграли важную роль в политической, экономической и культурной жизни Византии, а затем Болгарского государства.

Первые достоверные сведения о расселении армян на Балканах относятся к V в. Берущий свое начало с этого времени переселенческий поток имел под собой разные причины, осуществлялся в различных условиях, шел разными путями. С точки зрения причин, вызвавших переселение, а также времени, в течение которого оно осуществлялось, это явление может быть поделено на три периода: византийский (V–X вв.), османский (XV–XVIII вв.) и турецкий (конец XIX — начало XX вв.).

Обособившаяся на Армянском плато армянская народность, которая создала свое государство еще к середине VI в. до н. э., в последующие века стала объектом притязаний могущественных соседей. Армяне выстояли перед нашествием Александра Македонского и долго выдерживали напор со стороны Персии (Парфии), а также Рима. Начиная с V в. и далее (с отдельными промежутками, когда существовало Багратидское государство (886–1045) и Киликийское государство (1080–1375), которые не охватывали всю этническую территорию армян), так называемая Историческая Армения оказывалась под чужеземным господством. Ее восточной половиной последовательно владели Сасанидская Персия, Арабский халифат

и, наконец, Россия. Западная часть исторической Армении попала под власть Византии и Османской империи. Иноземное господство и особенно религиозный гнет и гонения (в Восточной части это имело место до завладения ею Россией, а в Западной наиболее остро проявлялось после нашествия османов), систематические вторжения и опустошения со стороны тюркских, татарских и монгольских племен вызвали массовые переселения армян.

Помимо этого, византийские императоры непрерывно перемещали огромные массы армянского населения с Востока на Запад и обратно по причинам военно-стратегического, демографического, религиозного и политического характера. Рекрутированные в подвластную Византии Западную Армению армии и нашедшие там убежище военные формирования Восточной Армении весьма часто перебрасывались в европейскую часть империи с целью противодействия вторжениям приходивших с севера варварских племен и народов.

С V по X век имел место постоянный, различной интенсивности армянский поток, включавший в себя прохалкидонитов (армяно-грегорианцев), халкидонитов (православных) и павликиан, шедший из собственно Армении в западную часть Малой Азии и на Балканы¹. Сведения об этом имеются у армянских, византийских и арабских летописцев — современников событий. Так, историк Прокопий Кесарийский свидетельствует, что во время очередной войны между Персией и Византией значительное число армян перешло на сторону последней, и император Юстиниан расселил их в Константинополе, во Фракии и Македонии. Армянский летописец VII в. Себеос писал о том, что император Маврикий (582–602) имел намерение переселить все население создававшей ему проблемы Западной Армении во Фракию. Эту угрозу он не сумел осуществить, а вместо этого распорядился, как пишет Себеос, «собрать всю конницу Армении и князей Нахарарских родов (полководцев) ... и они отправились к народам, которые занимали земли до реки Дануб (Дунай)» в 582 г. Значительная часть из них осталась там и, разумеется, ассимилировалась². Политика размещения

1. Прохалкидониты — современное определение последователей Автокефальной, с 372 г. Армянской апостольской церкви, которая, наряду с другими древними восточными церквями (Коптской и Эфиопской) не приняла решения халкидонского Церковного собора 451 г. и на своем Церковном соборе в Двине в 506 г. окончательно порвала с Византийской церковью. С этого времени у нее появились различия с православием в отношении догматов веры. Халкидониты — другое название православных, среди которых много армян. Павликианская ересь зародилась в Армении в VIII в., её последователями стали многие сирийцы и греки, но оставалась она преимущественно армянской ересью.
2. Абкарян Г. В. «История Себеоса» и проблемы Анонима. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

армянских военных формирований в Европейской части империи продолжалась и при императоре Ираклии в VII в.

Историк Феофан рассказывает, что когда часть армянских земель была захвачена арабами, многие армяне обратились к Константину V Копрониму (741–775) с просьбой принять их в свою империю. Переселение во Фракию происходило дважды: в 746 и 752 гг. И именно в то время в Филиппополисе (Пловдиве) возникла многочисленная армянская колония. Существует предположение, что в 790 г. при Константине VI во Фракии поселились еще 12 тысяч человек³. После побед, одержанных при Адрианополе и Аркадиополе (нынешний Люлебургаз) в 813 г., хан Крум переселил в Болгарию 12 тыс. пленных византийских воинов и 50 тыс. местных жителей, значительную часть которых составляли армяне. Хан поселил их близ Дуная. Из этих армян происходил и Василий Аршагуни (в греческих источниках он упоминается как Аршакид) — будущий византийский император Василий I, основатель Армянской (Македонской) династии. Он был представителем армянского аристократического рода, побочной ветви царской династии, правившей Арменией в 66–428 гг. н. э.

В VII столетии в армянских землях возникла и получила распространение павликианская ересь. Практикой всех византийских императоров было принудительное переселение павликиан, в большинстве своем армян, в северо-западные части империи, т. е. во Фракию так было при Льве IV Хазарском (778), Льве V (817), Теодоре (843), Василии I (917), Иоанне Цимисхии (969), Василии II и Алексее Комнине (1018 и 1081)⁴.

Павликиане создали свои закрытые общины, просуществовавшие почти тысячелетие. Вместе с тем, в начале XII в. Алексей Комнин поселил в Высоких Родопах группу армян для защиты границ империи. Однако те перешли на сторону болгар и начали сражаться против Византии.

В 1261 г., когда рухнула Латинская империя, крестоносцы начали покидать Константинополь и потянулись к своим родным местам. Их сопровождало около 20 тыс. армян, которые двигались со своим имуществом и стадами. Но армяне, в отличие от крестоносцев, осели в болгарских землях.

Переселившееся или вытесненное на Балканы армянское население и расположенные там военные формирования соприкасались с болгарскими, многие из них тем или иным способом поступили

3. Диттен Ханс. Переселения армян в Византийскую империю от Юстиниана I до IX в. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1988. № 1. С. 28–29 (на арм. яз.).
4. Дер-Хевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 100; Бартикян Е. М. Движение тондракийцев в Византии // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1980. № 9. С. 58–68.

на службу Болгарскому государству. В исторических источниках упоминается об армянах — стратегах Вардане, Гарджуйле, Льве, Иоанне и Григоре, которые в период правления хана Крума (803–814) занимали высокие административные посты. Болгарский владетель сумел завоевать Фракию в 813 г. благодаря поддержке восставших в Константинополе павликиан. Таковым, в частности, был армянин Турдан (Тиридат), состоявший при хане Омуртаге (814–831), упоминаемый с византийским титулом кандидат. Шурина царя Симеона Георгий Сурсувул (в сущности, настоящее его имя Кеворк Сурупал) играл важную роль при царе Петре. Будучи дядей правителя, он заключил выгодный для Болгарии мир. Градоначальник Адрианополя армянин Панкратука в 914 г. сдал город царю Симеону и после этого стал занимать при нем высокие должности, и т. д.⁵

В 976 г. под руководством армянина Варда Склира в Византии вспыхнуло восстание, расшатавшее империю. Оно с перерывом в восемь лет (в 979–987), продолжалось до 989 г. Большинство исследователей придерживаются мнения, что восставшие были преимущественно армянами. После подавления этого выступления его участники искали укрытие в Болгарии⁶.

Среди беглецов, покинувших империю, была и семья высокого византийского сановника Николы и его супруги Хрисиме, чьи сыновья Самуил, Моисей, Арон и Давид в течение ряда лет возглавляли борьбу за сохранение Болгарского государства. По свидетельству современника этих событий армянского историка Степаноса Таронечи-Асохига, их корни были из армянского округа Держдан⁷.

Иоанн Скилица, сообщая подробности византийско-болгарских войн, происходивших в период правления Василия II (976–1025 гг.) и падения Болгарского государства в 1018 г., отмечал, что в этот год была предпринята попытка свержения византийского господства. Во главе восставших болгар встали патриции Элемаг (или Элинаг), Франдзи (от армянского Враци, что означает грузин) и Гаврас (без упоминания его имени) — отпрыски известных армяно-византийских фамилий⁸.

5. Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 173–174; Арменски пътеписи за Балканите ХVІІ–ХІХ в./Съставителство, превод от древноарменски и коментар Агоп Орманджиян. София, 1984. С. 123.

6. Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 75–76.

7. Adontz N. Samouel l'Armenien, roi des Bulgares // *Estudes armeno-byzantines*. Lisbonne, 1965. P. 358. Степанос Таронечи жил между 1020 и 1060 гг. и написал «Историю древнего мира», которая излагает исторические события времени около 187 г. На надгробном камне Самуила в с. Герман (Македония) есть надпись на греческом языке, в ней упоминаются имена его отца Николоса и матери Хрисиме, также брата Давида.

8. Бартикян Е. М. О византийской аристократической семье Гаврас // *Историко-филологический журнал*. Ереван, 1987. № 3. С. 197–199.

На Балканах постепенно формировались компактные армянские колонии со своими общинами, церквями, духовенством и т. д. Феофан пишет, что в IX в. во Фракии существовала целая колония армян-прохалкедонитов. Об армянских общностях свидетельствуют как византийские источники, так и сохранившиеся до наших дней армянские надписи. Как явствует из письма Охридского архиепископа Феофилакта, адресованного епископам Средеца, а также из Жития Мыгленского епископа Ираклия, в XI–XIV вв. таковые имелись в Средеце (Софии), Мыглени и Деволе. В этих источниках подчеркивается наличие большого числа армян в названных епархиях, упоминается также об их церквях и священниках.

Византинист Г. Мейе считает, что на Балканах существовало значительное по численности армянское население не только в XI–XII вв., но и позже, до XIV в. К примеру, среди трофеев, захваченных ханом Крумом во Фракии, летописцы упоминают о множестве украшений, предметов роскоши, коврах и медных сосудах, изготовленных местными армянскими мастерами.

Об армянах, проживавших в Болгарии, упоминал и Папа Николай в своих письмах, адресованных царю Борису I и относящихся к 866 г. Серединой IX в. датируется и Житие Святой Марии Новой, армянки из Восточной Фракии⁹; началом XI в. — армянское рукописное Евангелие, список которого изготовлен в Адрианополе в 1007 г. К концу XI — началу XII в. относится моливдовул (оловянная печать) из крепости Красен, что возле Панагюриште. На нем сохранилась надпись: «Печать Тиграна из Аршакидидов» Найдены подобные моливдовулы Григория Аршакида и вестарха Преслава Врахамия (Вахрама) Аршакида. Оба они жили в XI веке. Все это потомки существовавшей некогда царской династии Аршагуни¹⁰.

Византийский летописец Никитас свидетельствовал о том, что в 1189 г. в Пловдиве проживало значительное число армян, которые во время Третьего крестового похода были единственными, кто не покинул город. Надпись билингва на армянском и церковно-славянском языках, относящаяся к 1213 г. и обнаруженная в северо-восточной части нынешней Сербии, удостоверяет постройку церкви неким Ладом, сыном Папука, в память о его родителях¹¹. Другая надпись, но уже только на армянском языке, датирован-

9. Бартикян Е. М. Размышления о Житии св. Марии Новой // *Българското средновековие*. Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Ив. Дуйчев. София, 1980. С. 63.

10. Ширинян Нерсес. Интересна находка // *Ереван (София)*, 16 апрел 1988 (Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду софийская газета «Ереван» — *Ред.*).

11. Бошкович, Дж. Средновековни споменици Североисточне Србије // *Српска Академија Наук*. Старианар, Орган Археолошког Института САН. Нова серија. Кн. 1. Београд, 1950. С. 185.

ная 1202 г., обнаружена близ г. Прилеп (нынешняя Республика Македония). В ней сообщается о постройке священником Афанасием церкви Святых апостолов¹².

В XIII в. в Тырново существовала богатая армянская колония, у которой была своя небольшая церковь. О ней упоминается в одной армянской рукописи, относящейся к этому времени. Там речь идет о том, что в 1258 г. в Тырново был рукоположен армянский священник в церкви Пресвятой Богородицы и утверждается, что произошло это после убийства болгарского царя Михаила Асеня его двоюродным братом Коломаном (1256)¹³. Кроме того, Патриарх Евтимий в письме, относящемся к концу XIV в., выражал недовольство в связи с деятельностью в городе «последователь павликианской ереси».

Династические браки также можно воспринимать как элемент происходившего в то время болгарско-армянского синтеза. Вторая жена царя Симеона и супруга его сына, царя Петра (X в.) Мария (Мириам — внучка императора Романа I Лакапина, 919–944) обе принадлежали к Византийскому, т. е. армянскому двору. При описании свадебного торжества Петра летописец Симеон Логотед детально обрисовал армянское убранство (сейчас употребили бы термин «дизайн») помещения, обязательным атрибутом которого был армянский ковер.

Брат царя Петра, Иван также был женат на «армянской принцессе», проживал в Малой Азии в кругу византийской аристократии. Известно, что двое из сыновей Петра и Марии (позднее — Ирины), Борис II (970–971) и Роман (977–991), последовательно занимали болгарский престол. Наследником Романа стал уже упоминавшийся царь Самуил. Зять Самуила Ашот, женатый на его дочери Мирославе, был сыном салоникского правителя Григория Таронита (по некоторым сведениям, командовавший византийской армией Таронит был пленен Самуилом после битвы при Ларисе), и т. д.

Об армянском присутствии свидетельствует множество имен собственных, наименований населенных пунктов и местностей, являющихся производными от слова «армянин» или «павликиане». Что касается топонимики, такие данные находятся во многих болгарских средневековых источниках. В грамоте царя Ивана Шишмана, дарованной Рильскому монастырю, мы встречаем местность под названием «Арменци». Близ села Бачково (Пловдивский округ) находится местность Арменка с раннехристианской бази-

12. Мошин Владимир. Прилепско-Варошкот таинствен натпис на една античка плоча. Институт за истражување на старословенската култура // Прилеп. Споменици на средновековната и по-новата историја на Македонија. Том IV. Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Прилепска област. Скопје, 1981. С. 509–513.

13. Арменски пџтеписи за Балканите XVII–XIX в.. С. 193.

ликой¹⁴. Местность под названием Армянская поляна существует близ с. Видраре (Тетевенского округа)¹⁵. Местность Эрменлии расположена возле села Царимир (Даутларе) Пловдивского округа. Одно из сел Никопольского округа называлось Эрменлуй (ныне — Драгаш воевода, Плевенского округа), а другое, в Варненском округе, существовало под названием Эрменлии. Последнее позднее было переименовано и стало называться «Богомил», а в 1938 г. оно опустело. В Габровском округе также есть населенные пункты, которые носят названия Армените и Армянковци, а в Риле — село Арменица¹⁶. Встречаются такие наименования и в Македонии. Это село Арменохор близ г. Битоля, а также села Эрменово и Эрменско в Леринском округе¹⁷.

Между тем, после ликвидации в начале XV в. Багратидского государства Армения на протяжении почти трех веков находилась на перекрестке путей шедших с Востока тюркских и татаро-монгольских племен и народов. Апогеем их опустошительных набегов стало взятие и разорение в 60-х гг. XIV в. Ани. Поток беженцев теперь устремился на Север, к Кавказу, на юг России, к Бессарабии и Польше, где вскорости появились армянские колонии.

В 1603 г. между Персией и Турцией разразилась война, которая завершилась новым переделом Армении. Персидский шах Аббас переселил большую часть армян в свои владения (в Персию). Однако из-за невыносимых условий жизни там в последующие четыре десятилетия свыше 300 тыс. армян мигрировали на Кавказ, в Крым, в Турцию, на Балканы, в Валахию, Молдавию, Бессарабию, Польшу и Венгрию.

Именно оттуда и из собственно Армении направился поток беженцев, которые насильственно или «добровольно» в период османского владычества обосновались в нынешних болгарских землях. «И если [человек], — пишет в 1608 г. исходивший Балканы вдоль и поперек армянский путешественник Симеон Тбир Лехацци, — окинет взором земли от Молдавии до Константинополя, всю Румелию и так до самой Великой Венеции, то увидит, что нет села, города или чифлика, где бы не жили армяне»¹⁸.

В 1484 г. султан Баязид II Бели овладел г. Акерманом (Молдова) и переселил тамошних армян в Константинополь и во Фракию. В 1551 г. вторая волна армянских беженцев направилась из Мол-

14. Цончев Д. Строежи на Григорий Бакуриани в Асеновград и околността // Известия на археологическия институт при БАН. XXIII. София, 1960. С. 107.

15. Миков Васил. Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. София, 1943. С. 105.

16. Делирадев П. Принос към историческата география на Тракия. София, 1953. Т. 2. С. 300.

17. Акад. Иванов Йордан. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 19.

18. Арменски пџтеписи. С. 6–17.

давии к Кюстендже и Добричу. Армянский архиепископ Родоста Крикор Таранахци (конец XVI — первая половина XVII вв.) в своей обширной «Хронографии» сообщает, что в 1605 г. из-за разразившейся эпидемии чумы и неимоверного голода армяне, проживавшие в крымском г. Кафа (Феодосия), покинули его и переехали во Фракию. В 1672 г. султан Мехмед IV (1648–1687) захватил польский город Каменец и изгнал тамошнее армянское население во Фракию и Малую Азию¹⁹.

Продолжались переселения и из Восточной Армении. Их причиной стали турецко — персидские войны, внутренние раздоры (к примеру, упоминавшиеся Таранахци бесчинства джелалий в 1606 г.), а также природные катаклизмы (среди них землетрясение 1679 г.). Масса беженцев из областей Нахичевань, Хапан и Шорот обосновалась в Родосто, Мальгаре, Адрианополе, Пловдиве, Софии, Ямболе, Тырново, Шумене, Разграде, Русе и других местах²⁰.

Так после перерыва в несколько веков в болгарских землях вновь начали создаваться армянские колонии со своими церквами, а в некоторых местах и школами. Об этом писали в своих путевых заметках Ганс Дернштвам (1553), Вольфранг (1559, о Софии), Герлах (1573), Иоганн Вильд (1605), С. Лехаца (1608), англичанин Питер Мэнди (1620, о Софии), Эвлия Челеби (1656, об армянском квартале в Варне), Иоанн Киаромани (1659, о Софии), польский посол Ян Гилевский (1677, об армянах и церкви в Провадии), француз Монтрае (о Никополе и Силистре), австриец Герард Корнелиус Дриш (1718, о Софии), хорватский аббат Руджиер Бошковиц (1762, о Добриче), датчанин Карстен Нибур (1765, о Разграде), австриец Никола Эрнст Климан (1768), французский дипломат Конт де Готерия (1785, о Силистре), француз Севюр Лузиньян (1786, о Пловдиве)²¹.

Наряду с этим Хугас Инджиджян (1804), Пыжишкян (1808), Гевонт Алишан (1853) и Феликс Каниц (70-е гг. XIX в.) писали об армянских колониях в Варне, Хаджиоглу, Пазарджике (Добриче), Шумене, Русе, Видине, Софии и Сливене. Ценные сведения об армянском присутствии в Болгарии во времена османского владычества профессор А. Иширков нашел в турецких источниках. По мнению болгарского ученого, большинство армян обосновалось здесь в качестве торговцев, ремесленников, государственных чиновников.

19. Григорян В. Е. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ереван, 1980. С. 89–90.

20. История армянского народа Ереван, 1972. Т. IV. С. 95–111 (на арм. яз.). Джелалиями назывались участники крестьянского восстания под руководством шейха Джеляла в районах Токат и Амасия в Западной Армении.

21. Маргос Ара. Арменците в България. Бележки на европейски пътешественици // Ереван (София). 3 януари 1981.

Первые сведения о компактной массе армян относятся к Варне и датируются 1436 г. Известно, что эти армяне поселились там при содействии и покровительстве генуэзцев. В 1470 г. переселенцы из Кафы и Генуи построили в Варне церковь. К концу XVII в., в силу ряда обстоятельств, численность варненских армян резко сократилась и составила около 50 семей. Но к 1808 г. их уже 150. Во время переписи населения в Дунайском вилаете в 1866 г. выяснилось, что в Варне проживает 596 армян-мужчин, а всего — около 2000 человек. Русский офицер В. Теплов отметил в 1878 г., что здесь существует 200 армянских домов²².

В 1608 г. в Адрианополе на 200–300 армянских семей приходилась одна каменная церковь (армянская), где служили шесть священников, два монаха, один епископ. В 1808 г. в городе разместилась резиденция архиепископа и появилась импозантная церковь, в приходе которой было 1000 армянских домов²³.

В 1608 г. в Провадии «проживало много армян, у них был молитвенный дом с двумя священниками и одним монахом». К концу XVIII — началу XIX вв. там жило сто армян и свои религиозные обряды они отправляли в маленькой, вкопанной в землю и прекрасно украшенной церкви. О ее существовании в 1677 г. сообщает Ян Гилевский²⁴.

Согласно памятной надписи, находящейся над порталом церкви в Сливене, ее освещение состоялось 19 марта 1830 г. До этого в центре города в Кокочарской махале существовала часовня, поблизости находились армянские захоронения²⁵. Эта церковь была разрушена в 60-х гг. XX в. при расчистке площадки под строительство Дома для местных руководящих органов БКП.

По сведениям Германа Шкорпила, первая церковь в Добриче, которая была деревянной, построена в 1834 г. в соответствии фирманом Махмуда II. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. турки сожгли ее. После освобождения страны она была воссоздана в прежнем виде, но уже на каменном фундаменте. В Теплов констатировал, что в 1878 г. в Добриче было 30 армянских домов. Во время боевых действий 1877–1878 гг. церковь вновь была сожжена турками. Уже после освобождения страны на месте дважды уничтожавшейся церкви вырос нынешний её каменный вариант²⁶.

В 1608 г. в Пловдиве насчитывалось 100 армянских домовладений, на них приходился один священник. Церковь датируется

22. Арменски пътеписи. С. 195, 187. Тодоров Николай. Балканският град XI–XIX в. София, 1977. С. 327.

23. Арменски пътеписи. С. 32, 194.

24. Арменски пътеписи. С. 16, 136; Първев Г. Полски пътешественици за българските земи от 1677 г. // Изв. на БИД. XXVIII. 1972. С. 335.

25. Ереван (София). 14 април 1990.

26. Там же. 30 юли 1992.

1677 г. Она построена при финансовой помощи влиятельного видного армянина Абро (Апрамаха) Челеби, который осуществлял поставки для армии Мехмеда I и был одним из первых, кому султан Ибрагим разрешил вести свободную торговлю с Россией и Европой.

В своем первоначальном виде Армянская церковь просуществовала до 1828 г., когда она была разобрана и отстроена в нынешнем варианте. В начале XIX в. в Пловдиве проживало, как минимум, 150–200 армянских семей, поскольку по данным первой переписи населения, проводившейся в Румелии в 1830 г., число армянских мужчин там составляло 334, а всего армян — около 1500 человек.²⁷

Как следует из турецких кадийских (судебных) протоколов, в XVII в. в Софии существовала армянская община. Епископ Петр Богдан Бакшич пишет, что в 1640 г. в Софии проживало 200 армянских семей, насчитывавших приблизительно 1600 человек. Главной цеха хлебопек (пекарей) был некий армянин Вартавармян, а главным хлебопек в турецкой махале (квартале) Ат Бунар являлся некий Ованес. В то время армяне сосредоточились в т. н. Эрмени махалеси (армянском квартале). Он находился между нынешними улицами Графа Игнатьева, Алабина, Гурко и Левско-го. Именно поэтому и построенная между 1620 и 1640 гг. армянская церковь располагалась в этом районе, а захоронения — на месте нынешнего здания министерства земледелия. В XVIII в. в Софию прибывали новые беженцы, и армянская колония достигла численности около 3 тысяч человек.²⁸

О Русе Бакшич писал, что в 1640 г. там было 200 армянских домов, в которых проживали более 1000 человек, главным образом, торговцев. Однако своей церкви у них не было. Армянская церковь и школа появились здесь в середине XVIII в. В 1806 г. в этом районе насчитывалось 150 армянских домов и каменная церковь, почти наполовину вкопанная в землю. Генерал Обручев сообщал, что в 1868 г. число армян здесь составляло 778 человек, через 10 лет он же упоминал о 800 домах.²⁹

В Тырново армянская церковь датируется началом XVII в. Католический епископ Антонио Стефани свидетельствовал, что в 1865 г. тамошние армяне были достаточно богатыми людьми и являлись прихожанами бывшей дубровницкой церкви. Такие сведения подтверждались и католическими священниками Марко Андриаши (1721) и Николо Пульези (1753). Отреставрированная в 1768 г. церковь как постройка просуществовала до 1930 г. Она начала заметно разрушаться и была окончательно разобрана в 40-х гг. XX в. Известно, что армяне жили в махалах (кварталах) Попа

27. Арменски пътеписи. С. 32, 19; Тодоров Н. Указ. соч. С. 299.

28. Бохосян Мхитран. Армените в София. Исторически очерк. София, 1999.

29. Ереван (София). 30 юли 1992.

Георгия и Вароша, которые до начала XX в. продолжали называться Армянской махалой (кварталом)³⁰.

Армянская церковь в Бургасе существовала с 1748 г., о чем свидетельствовала каменная надпись над входом в нее. В 1806 г. там было 20 армянских домов. По сведениям русского полковника Е. Энехольма, в 1828 г. их насчитывалось 29³¹.

В Татар-Пазарджик первые 20–30 армянских семей прибыли в начале XVIII в. Церковь, как гласят обнаруженные в ней письменные источники, построена к 1759 г. Однако, судя по надгробной надписи, относящейся к 1748 г., церковь, в которой служил священник, существовала и в более ранний период. В 1808 г. в городе проживало 30 армянских семей³². Сведения о Пазарджике середины XIX в. мы встречаем в книге Стефана Захариева «Географическое, историческое, статистическое описание Татар-Пазарджикской каазы» (уезда), подготовленной в 1851 г. и напечатанной в Вене в 1870 г. Там, на странице 17 главы X читаем, что у армян есть церковь и при ней существует школа с 12 учениками, которые учатся «читать по-армянски и с помощью армянских букв писать турецкие слова». С. Захариев утверждал, что в городе проживало 620 армян. Церковь была отреставрирована в 1830 г. К сожалению, мы можем лишь добавить, что она подверглась разрушению в 50-х гг. XX в. под предлогом постройки на ее месте нового автовокзала.

О Шумене Бакшич пишет, что там в 1640 г. было 19 армянских домов, в которых проживало около 40 армян, имелся молитвенный дом. В 1808 г. в городе было уже 200 армян и они построили деревянную церковь, которая сгорела во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На том же самом месте в 1834 г. была возведена нынешняя каменная церковь, о чем свидетельствует надпись, вмонтированная в одну из ее стен. В 1829 г. Франс Барбье дю Боканж отмечал, что в Шумене 46 армянских домов, в 1847 г. английский генерал Иохмус указал наряду с ними и одну церковь. По свидетельству Гевонта, в 1853 г. домов было уже 150. Во время первой переписи населения в 1881 г. численность армян в Шумене составляла 927 человек³³.

В Силистре в 1808 г. существовало 20 армянских домов и одна церковь. По данным генерала Обручева, в 1868 г. там проживало 267 человек, а 10 годами позднее В. Теплов уже писал о 45 армянских домах³⁴.

В 1640 г. архиепископ Петр Богдан Бакшич отмечал, что армянская колония в Разграде состоит из 70 домов и имеет 460 человек — ремесленников и плотников. О церкви не упоминалось.

30. Там же.

31. Арменски пътеписи. С. 185, 193; Ереван (София). 30 юли 1992.

32. Арменски пътеписи. С. 194.

33. Там же. С. 149, 184, 192; Ереван (София). 30 юли 1992.

34. Арменски пътеписи. С. 184.

В 1808 г. церковь уже существовала, но число домов уменьшилось до 20. По сведениям Г. Энегольма, в 1829 г. в Айтосе было 4 армянских дома, а в Сливене — 23. В 1847 г. Йохмус констатирует наличие церкви в Сливене.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что армянские переселенцы времен османского владычества оставили глубокий след в болгарских землях. Почти в каждом городе, где они обособывались, они или строили новые церкви, или же переделывали уже существовавшие греческие или католические храмы в соответствии с канонами Армянской апостольской церкви. Во многих местах открывались килийные (религиозные) школы. Армяне занимались торговлей и ремеслами (реже — земледелием), очень быстро становились известными как искусные мастера и успешные торговцы. Однако это не означает, что армяне не проявили себя и в других областях. К примеру, в Пловдиве жил и творил отец армянской научной медицины и фармакологии Амирдовлат Амасиаци (1420–1496). Получили известность его труды: «Ахранпатин» (1459), «Польза от медицины» (1469) и «Ненужное для неучей» (1482). Он создал свою научную школу врачей в Пловдиве, обучал, главным образом, болгар и греков. Другим видным представителем армянской общности был Манук бей Мирзоян (1769–1817). Он родился в Русе и окончил там армянскую школу. Манук бей Мирзоян активно участвовал в политической жизни Османской империи, встречался с русским и австро-венгерским императорами, действовал в пользу болгар и России. Манук бей был близким другом русенского паши Исмаила Тырсеникли оглу³⁵.

В период турецкого господства армяне не были в стороне от национально-освободительной борьбы болгарского народа. Известно, что Г. С. Раковский в Шумене скрывался от преследования властей у Ованеса Аладжаджяна, последний предпринял большие усилия для того, чтобы освободить из-под ареста одного из руководителей Тайного революционного комитета в г. Ловече Атанаса поп Хинова³⁶. «Кровавое письмо» удалось сохранить для потомков благодаря копии, сделанной Ованесом Шишманяном — секретарем турецкой комиссии по расследованию деятельности участников Апрельского восстания³⁷ и т. д.

Приблизительно с этого времени бытует и употребляемое повратно некоторыми невеждами выражение: «Поплачься армянско-

35. Там же. С. 58, 189.

36. Страшимиров А. Т. Архив на Възраждането. София, 1908. Т. I. С. 165–169.

37. Стоянов Захари. Записки по българските въстания. София, 1965. С. 315, 331. Речь идет о письме, которым в апреле 1876 г. революционеры города Копривщица извещали окрестные села о том, что восстание началось раньше, чем планировалось, и призывали к нему присоединиться; прокламация завершалась крестом, написанным кровью, почему турки и называли его «Кровавым письмом».

му попу». Достаточно перелистать давно опубликованные в Болгарии воспоминания десятков заключенных в Диарбекире (город в Турецкой Армении) болгарских революционеров времен турецкого владычества, и особенно после Апрельского восстания, чтобы увидеть, какую роль играли армянские священники в освобождении их из тюрем, как помогали им материально и морально. Сам Христо Ботев через свою газету «Знаме» публично благодарил диарбекирского армянского священника «за его добрые христианские дела», а в журнале «Век» современник Ботева Марко Балабанов призывал болгарские общины брать пример с диарбекирских армян, которые во главе со своими священниками бескорыстно и при том действительно помогали находившимся в заточении. Известно немало число писем болгарских революционеров, где речь идет о роли в Пловдиве и других местах армянских священников, которые использовали свое влияние в Конаке (резиденция турецкого наместника) для спасения бунтовщиков от виселицы.

В связи с этим уместно вспомнить еще один факт. Петко Славейков через издававшуюся им в XIX в. Константинополе газету «Македония» адресовал горячие слова благодарности Константинопольской Армянской патриархии и армянским священникам за активное содействие в деле утверждения Болгарской Экзархии, за обустройство ее в одном из армянских кварталов турецкой столицы, за разрешение отправлять службы на болгарском языке в армянских церквях. В общем, повсюду армянское духовенство, исходя из собственных возможностей и используя свое влияние, откликалось на нужды и проблемы братьев-болгар.

Вспомним и несколько имен видных армян, которые были связаны с событиями периода Апрельского восстания в Болгарии (1876) и более поздними. Зажиточный и влиятельный пловдивчанин Хачер Вартазармян, будучи членом городской управы, лично знакомым с Тосун-пашой, после разгрома выступления в Перуштице спас от виселицы 17 молодых болгар. Гарабед Такорян — в течение многих лет главный секретарь при пловдивском мютесарифе (чиновнике, управлявшем частью губернии в султанской Турции — прим. пер.), также благодаря своему служебному положению спас от виселицы многих болгар: в течение 6–7 месяцев 1877 г. он занимал должность временного судебного следователя в Пловдиве. После освобождения Болгарии от османского ига Такорян был оставлен в Восточной Румелии в качестве главного секретаря по турецкой корреспонденции с Высокой Портой и служил при губернаторах Алеко-паше и Гаврииле Крыстевиче³⁸.

В период работы созданного в феврале 1879 г. Учредительного собрания болгарских нотаблей в Тырново его участником (в качестве турецкого императорского комиссара) был армянин Пертев

38. Слово (Пловдив). 1939. № 4985–4986. С. 12.

(Партев) эффенди, имевший смелость поддерживать интересы болгарского народа и России, хотя его обязанностью было отстаивать «права» султана и Турецкой империи. Для него была поставлена специальная скамья, которая и по сей день сохраняется в зале исторического Учредительного собрания, на ней есть надпись, свидетельствующая о том, кому она принадлежала³⁹.

И хотя часть армян с течением времени растворилась среди болгар, сохранились материальные свидетельства их присутствия: церкви, надгробные плиты, приписки на Евангелиях и т. д. Так, например, при реставрации росписей Боянской церкви в 1946 г. были обнаружены нацарапанные на армянском языке надписи, относящиеся к 1732 г. Подобные надписи обнаружены и в Драгалевском монастыре возле Софии, они датируются XVII в. В Софии сохранились надгробные плиты с армянскими надписями, на них значатся: 1709, 1730, 1736, 1753, 1771 и 1814 гг.. В Пловдиве и Айтосе таковые относятся ко второй половине XVII — началу XVIII вв., а в Пазарджике — к 1748 г. и к середине XIX в.⁴⁰ и т. д. В наиболее крупных городах, однако, таких как София, Пловдив, Варна, Шумен, Русе, Силистра, Сливен, Пазарджик, Ямбол и др., армяне сохранились как этнос, и к моменту освобождения страны от турецкого порабощения там существовали довольно многочисленные армянские колонии, которые в Княжестве Болгария объединяли около 13 тыс. человек⁴¹.

В Восточной Румелии с населением в 815 951 человек, армян было 1306 человек⁴². В 1878 г., когда в Пловдиве заседала Европейская комиссия по разработке Устава Восточной Румелии, лишь армяне, единственные из числа проживавших в области национальных меньшинств, направили европейским представителям адрес в защиту требований болгар⁴³. В ходе последовавших выборов в Областное собрание, благодаря поддержке армян, болгары всюду получили подавляющее большинство⁴⁴.

Часть армян утратила родной язык и стала говорить по-турецки и по-болгарски. Но, несмотря на это, они сохранили свои традиции и национальную идентичность.

Третий период, условно названный нами турецким, начался в 1894 г. и завершился в 1922 г. В это время переселение было вызвано целенаправленной политикой геноцида, которую турецкие

39. Ереван (София). 11 апрел 1991.

40. Гиличиан Агоп. Арменски надгробия през XVII–XIX в. по българските земи през периода на османското владичество // Култура (Пловдив). 21 август 1998. С. 7.

41. Софийски градски окръжен държавен архив. Ф. 453. Оп. 2. А. е. 8.

42. Официална статистика на източнорумелийското население. Пловдив, 1880.

43. Кацаров Гаврил И. България и Армения // Слово (Пловдив). 1936. № 4985–4986.

44. Агукян Степан. Арменците в Източна Румелия // Ереван (София). 18 апрел 1991.

правящие круги проводили в отношении армянского народа в конце XIX — начале XX вв. Она началась с кровавой резни в 1895–1896 гг. и эпизодически давала о себе знать в последующее время, до тех пор, пока дело не дошло до массовых депортаций и уничтожения в 1915–1916 гг. и последовавшей во время греко-турецкой войны 1920–1922 гг. окончательной ликвидации кемалистами уцелевшего после всего этого армянского населения. Тогда в Болгарии встретили радушный прием десятки тысяч человек. Большая часть из них, однако, продолжила свою путь на Запад. К 1926 г. число обосновавшихся на постоянное жительство в Болгарии армян составило 27 322 человек⁴⁵.

Несколько иные данные о численности армян в Болгарии в указанные сроки предлагает Статистический ежегодник Царства Болгария 1936 г.⁴⁶

	1910	1920	1926	1934
Общая численность	12 932	11 509	36 568*	34 000**
Мужчины	7 134	6 005	—	—
Женщины	5 798	5 504	—	—
Православные	12 259	10 848	—	—
Католик. протест.	673	66	—	—
Горожане	11 337	10 786	—	33 000
% населения	0,3	0,3	0,6	0,4

* Другие данные отсутствуют.

** Приблизительно, другие данные отсутствуют.

Согласно переписи 1934–1936 гг., численность армян в отдельных городах была такова: Пловдив — 6200, Варна — 4163, София — 2862, Русе — 2227, Бургас — 1800, Хасково — 1126, Ямбол — 1128, Пазарджик — 930, Сливен — 812, Шумен — 601, Стара Загора — 372, Нова Загора — 231, Карнобат — 315, Айтос — 182, Свиленград — 162, Борисовград — 83, Провадия — 72, Элхово — 45, т. е. всего 23 311 человек. А если к этим цифрам добавить численность армян, проживавших в маленьких городах, а также селах, таких, как Казанлык, Кырджали, Плевен, Харманли, Асеновград и т. д., то общая

45. Константиновъ Борисъ. Народностенъ съставъ и участие на народностите въ българското народно стопанство // Издание на «Народна дума». № 3. С. 5.

46. Бохосян М. Указ. соч. С. 10.

численность армян в Болгарии на этот период получается около 25 тыс. человек. Приведенные данные не менялись до второй мировой войны. Армяне составляли незначительный процент населения страны: в 1910—0,3 %, 1920—0,24 %, 1926—0,5 %, 1934—0,4 %.⁴⁷

«Измученные, подвергавшиеся преследованиям, живущие в лишениях, — писал о них журнал „Жеравна“, — они прибыли в нашу страну и сразу же окунулись в производительную хозяйственную деятельность; одни из них продолжили заниматься своими ремеслами, а другие, не имевшие никакой профессии, рассредоточились по всей территории в поисках работы на различных государственных службах: они находили себе применение как работники на железнодорожных станциях, в портах причерноморских и придунайских городов. Небольшая, наиболее состоятельная часть этих армян открывала механические мастерские, а также фабрики»⁴⁸.

Как мы уже упоминали, в соответствии о переписью 1926 г., армяне насчитывали 27 322 человек, т. е. 0,5 % населения страны. Из них 25 324 человек, т. е. 92,69 % разместились в городах и составили 2,24 % городского населения. Таблица, составленная по данным 1936 г., обнародованным Главной дирекцией экономики, свидетельствует о том, что в процентном отношении они занимали первое место по участию в промышленном и ремесленном производствах и второе — в торговле⁴⁹.

Национальность	Промышленность		Торговля		Число ремесленников
	Число занятых	% трудоспособного населения	Количество людей	%	
Болгары	252 905	9,38	65 535	2,56	100 368
Русские	6 720	47,79	1 380	9,51	-
Турки	19 477	6,27	3 271	1,05	4 954
Румыны	915	2,17	166	0,39	-
Греки	1 174	24,42	591	12,29	-
Евреи	6 122	38,20	8 326	51,95	1 683
Армяне	6 368	59,72	2 077	19,48	2 057
Прочие	25 379	30,13	2827	3,36	2 263

47. Централен държавен исторически архив. Ф. 453. Оп. 2. А. е. 8. Л. 4; Поход (София). 18 февруари 1941.

48. Жеравна (София). № 1 (23). Феврури 1943.

49. Константиновъ Борисъ. Указ. соч. С. 5, 9—10, 22.

Следующая таблица отражает участие армян в размещении капиталов в акционерных обществах.⁵⁰

	Болгарские	Местные еврейские	Иностранные еврейские	Армянские	Иностранные	Всего
Кредитные, %	63,5	3,4	5,7	0,5	25,1	100
Страховые, %	65,1	15,0	18,7	-	11,2	100
Промышленные, %	44,2	7,1	5,2	0,1	43,4	100
Торговые, %	41,3	24,3	4,4	1,9	28,1	100
Транспортные, %	33,6	11,1	45,6	-	9,7	100
Всего АО, %	47,5	9,5	5,7	0,5	36,8	100
Абсолютные цифры в левах	2424,9	486,9	290,4	24,9	1886,3	5116,4
На человека по национальности в левах	460	10,055	5,998	803	46,116	837

1 апреля 1918 г. группа армянских торговцев и управляющих торговыми предприятиями — Арис Гурбетян, Бедрос Эргаян, Бедрос Теллалян, С. Куюмджиан, Иервант Агопян, Иервант Папазян, Карник Мазлымян, Нигохос Сарафян, Гроник Папазян-сын, Агоп Демирджиан, Хетун Сетян, Ховханнес Арамян — совместно с депутатом Александром Христовым основали банк «Аспарез» с первоначальным капиталом в 3 млн. левов⁵¹.

25 июля 1931 г. софийское акционерное общество армянского землячества «Мамигонян», возглавлявшееся Ардашесом Халыджианом, основало Кооперативный (популярный) банк «Тракия», при этом 40 человек внесли по 100 левов. Через 5 месяцев число членов-пайщиков выросло до 140, а капитал уже составлял 181 500 левов. На следующий год имелось уже 252 члена с 474 700 левов капитала. До 1938 г. банк набрал капитал более 7 млн. левов. В 1940 г. число акционеров банка составило 407 человек, а его оборотный капитал — около 200 млн. левов⁵².

50. Там же. С. 33. Ошибки источника.

51. Витоша — Арарат. Българо-арменски годишник. 1935. I. Пловдив (на арм. яз.). С. 177.

52. Витоша — Арарат. С. 178; Бохосян М. Указ. соч. С. 62.

В 1913 г. в Софии был учрежден второй армянский популярный банк, получивший название «Севан». В 1936 г. он был принят в члены Союза популярных банков. Его первоначальный капитал составил 80 тыс. левов, но всего за две недели возрос на 200 тыс. левов. В 1938 г. в банке состояли 203 члена-пайщика, а его оборотный капитал достиг 64 724 457 левов. В 1940 г. он вырос на 1 млн. левов⁵³.

* * *

Отмеченный после освобождения страны от османского ига подъем в национальной экономике стимулировал развитие торговли, ремесел и создававшейся промышленности, где определенное место занимали и армяне. Армянские торговцы, развернувшие свою деятельность во времена турецкого господства, сохраняли и расширяли собственное дело. В Русе набирала обороты созданная еще до освобождения фирма братьев Харутюна и Ховханнеса Асланиянов, она торговала тканями и была единственной на всю область в этом роде; фирма Саркиса Куюмджияна (отца известного английского писателя Майкла Арлена-старшего), в 1885 г. открыла филиалы в Варне, в 1898 — в Пловдиве, в 1904 — в Софии и в 1890 — в Манчестере. В 1899 г. С. Куюмджиян переселился в Манчестер и вложил часть своих капиталов в производство тканей. Четырьмя годами позже он создал «Анонимное общество Англо-болгарской компании С. Куюмджиян лимитед», которое, помимо торговли и производства тканей, начало заниматься и иного рода деятельностью. Братья Гарабед и Нышан Безазяны основали фирму, занимающуюся торговлей тюлем. Впоследствии они открыли текстильную фабрику и распространили свою деятельность на Варну и Софию. В число русенских владельцев фирм вошел также Гарабед Степанян, и т. д.

В период 1880–1897 гг. в торговых центрах Русе, Варны, Пловдива часто встречались фирмы, названия которых давались на армянском языке. После 1897 г. в связи со специально введенным налогом на право пользоваться такого рода вывесками, владельцы различного рода заведений перешли на болгарский язык⁵⁴.

До русско-турецкой войны 1877–1878 гг. основными поставщиками в Болгарию товаров, в первую очередь мануфактурного производства, являлись армянские торговцы-оптовики, которые в то время занимали господствующее положение на константинопольском рынке. После освобождения страны этот канал в силу введения 8 % пошлины на импорт стал нерентабельным для тех, кто его проложил. И болгарские торговцы начали переходить

53. Бохосян М. Указ. соч. С. 62.

54. Витоша — Арарат. С. 154–160, 55.

на установление прямых контактов с иностранными производителями и поставщиками.

В силу этих причин армянские торговцы, поставщики мануфактурных изделий, стали создавать свои филиалы в Болгарии, или же целиком перемещали в страну свое дело. К числу таких относились константинопольские торговцы братья Гроник и Гарабед Папазяны, которые во времена турецкого господства регулярно участвовали в известной Узунджовской ярмарке. После освобождения они переселились в Тырново, а в 1880 г. — в Русе. Первоначально братья торговали тюлем. Впоследствии, после открытия своих филиалов в Варне и Пловдиве, они добавили в ассортимент товаров и изделия мануфактурного производства. В 1898 г. Гроник перебрался в Манчестер и открыл там торговый дом, через который получал необходимые ему товары. Позднее он открыл свои филиалы в Лондоне, Швейцарии и Константинополе. Братья Тимурияны из Кесарии (ныне Кайсери) в 1906 г. переселились в Русе. Накануне первой мировой войны они открыли свой филиал в Бухаресте. Мартирос и Назак Папазяны из Варны, имевшие свой торговый дом в Манчестере, впоследствии открыли его филиалы в Пловдиве и Софии. Парсех Манукян и его братья в 1882 г. покинули Кесарию и обосновались в Варне. Позднее они открыли торговые дома в Манчестере, Константинополе, Русе (1890), Пловдиве (1894), и т. д.⁵⁵

В конце XIX — начале XX вв. в Болгарии существовало около 30 армянских торговых фирм. В 1906 г. 10–12 их них местом своей деятельности избрали Пловдив, на их долю приходилась значительная часть городской торговли. Армяне владели солидным числом торговых фирм в Варне, Русе, Шумене, Софии, Сливене и других городах.

Деятельность этих фирм сводилась, главным образом, к ввозу английских и французских изделий из текстиля, а также шерсти, хлопковой и льняной пряжи, ситца, шелка, галантерейных товаров, ковров, пряностей и пр. Наиболее известными среди них были фирмы Тамиряна, Бедроса Астарджияна, Терзиян-Агопяна, Мамигона Тамламамяна, Арама Стамболяна, Мардироза Папазяна, Арамяна Губертяна, Гарабеда хаджи Степаняна, Каприела Кюркчияна и Саркиса Итюджияна.

В начале XX в. в деятельности этих фирм прослеживаются признаки упадка вследствие протекционистской политики государства, а также разразившихся в 1912–1913 гг. балканских войн. Часть владельцев фирм разорились или прекратили свою деятельность. Другие же сумели своевременно вложить свои капиталы в легкую и перерабатывающую промышленность, открыть новые предприятия.

55. Там же. С. 155–157.

После войн известное число армянских торговцев перебрались в западноевропейские страны, а также в Северную Америку.

После первой мировой войны и особенно в 30-х гг. XX в. на болгарском рынке появился новый слой армянских торговцев, которые в той или иной степени были связаны с армянскими промышленниками и иностранными торговыми фирмами. К числу таковых относилась фирма Иерванта Атамяна, торговавшая бумагой и учебными пособиями. По масштабам своей деятельности она не имела себе равных в Пловдиве. Большое количество товаров ввозили торговые фирмы Агопа Малхасяна (Пловдив), Парсеха Чилияна и Нагашяна (Варна), Хайга Агопяна и братьев Бедерянов (Русе), С. Аствадзадуряна и сыновей (Пловдив), Е. Гарабедяна, Армена Итюджияна, Гарбиса Саркисяна, М. Парсехяна, А. Куртикяна, Копера Мыхитаряна, Сынбада Арисяна и др.⁵⁶

Представители этих фирм являлись потомками прежнего сословия торговцев, которые, приспособившись к новым условиям, сумели продолжить свою деятельность. Они постепенно стали расширять свои производства, перемещать часть капиталов в отрасли развивавшейся промышленности и в течение десятилетий сотрудничать с болгарской буржуазией.

Армянские торговцы, кооперируясь с армянскими промышленниками (фабрикантами), вкладывали свои капиталы в такие отрасли промышленности, продукция которых имела спрос как на внутреннем, так и на западноевропейском рынке. В сотрудничестве с болгарскими и иностранными предпринимателями они приступили к производству шелковых ниток, выделке кож, выращиванию табака и переработке его в сигареты, ковроткачеству, а также выработке изделий из текстиля, и т. д. На этой основе создавались химические и металлургические предприятия. Представители торгового сословия, размер капитала которых не позволял им делать серьезные вложения в упомянутый отрасли промышленности, были вынуждены заниматься мануфактурным производством, продукция которого все еще имела спрос на внутреннем рынке.

Армяне являются основоположниками ряда отраслей болгарской экономики. Журнал «Жеравна» писал: «Уместно отметить, что первые часовые, а в некоторых городах и механические мастерские созданы армянами, благодаря которым получили распространение и были усовершенствованы эти ремесла. В большинстве крупных наших городов армяне возглавили упомянутые выше ремесла и молча, неутомимо и непрерывно творят, создавая блага на пользу нашего народа и государства».

Одним из армянских нововведений стало производство тюля, который использовался, главным образом, для изготовления женских головных платков и до 30-х гг. XX в. имел большой спрос на внут-

56. Там же. С. 160.

реннем рынке. Армяне были первыми, кто перешел к машинному производству этого вида продукции⁵⁷.

Производство и торговля платками, которыми женщины Востока традиционно прикрывали голову и лицо, в Турции всегда были в руках армян. Первоначально Константинополь являлся основным центром, где производился этот вид продукции. Отсюда он расходился по стране, а также поступал в другие балканские государства, включая и Болгарию. Однако с волной беженцев производство головных платков вышло за пределы турецких границ.

Первая фабрика по производству тюля в Болгарии основана в Русе 10 февраля 1896 г. выходцами из Константинополя Сары Ованесом Папазяном и его сыновьями Гарабедом и Нышаном. С этой целью из турецкой столицы были приглашены семь мастеров. Несколькими месяцами позднее там же подобную фабрику основали уже упоминавшиеся братья Папазяны. На ней работали приглашенные из Константинополя мастера и рабочие-армяне, среди которых был и Врамшабух Чакылджиян — специалист по изготовлению штампов для нанесения рисунка на ткань. До начала XX в. он был единственным штамповщиком в Болгарии.

В 1897 г. торговцы Астарджиян, Хачик Такворян и Тамирян организовали производство тюля в Пловдиве. К 1905 г. подобную фабрику открыл в Русе С. Куюмджиян. Сперва на ней была занято 50 работников, но вскоре фабрика выросла в крупное предприятие. После первой мировой войны Карник Мазлымян и Арис Курбанджиян купили русенскую фабрику Папазяна и расширили объем её производства. Еще одно предприятие такого же направления открыли в Русе К. Мыхитарян, Х. Агопян, Беделян и др. В это выгодное дело вложили свои капиталы и известные варненские торговцы А. Итюджиян и С. Гарбис, развернувшие подобное фабричное производство в Пловдиве.

До 1929 г. предприятия по производству тюля создавались и многими болгарскими предпринимателями в Софии, Тырново, Плевне, Пловдиве и других городах. Однако армяне сохраняли ведущие позиции в этой отрасли. Впоследствии, с развитием городской жизни в Болгарии, спрос на такого вида продукцию упал, что, соответственно, привело к сокращению ее производства. Поэтому часть армянских предпринимателей начала перевод своих капиталов в другие отрасли развивавшейся текстильной промышленности. Одна из первых текстильных фабрик в Болгарии была основана в Русе Х. и Х. Асланянами еще во время турецкого господства. После освобождения они расширили ее и одновременно создали подобные предприятия в других городах страны. В 1929 г. разорившийся наследник этой семьи Крикор Асланян закрыл их и переехал в Румынию. Другой армянин, С. Куюмджиян, наряду с много-

57. Витоша — Арарат. С. 161–163.

численными крупными и мелкими торговыми предприятиями, имел в собственности фабрику, оборудованную самыми современными английскими ткацкими станками, на которых производились высококачественные ткани. В 1929 г. Крикор Закарян открыл в Софийском квартале Военная рампа фабрику по производству ваты, ватина, искусственной шерсти и хлопчатобумажных ниток. Фабрика располагала и красильным цехом. Хозяин этого предприятия оснастил производство современной немецкой техникой и заботился об улучшении условий жизни занятых в нем рабочих. К. Закарян обладал монополией на снабжение болгарской армии⁵⁸.

Несмотря на изложенное выше, армянские предприниматели не смогли обеспечить себе в Болгарии ведущие позиции в текстильном производстве. Появившиеся позднее болгарские и иностранные акционерные общества, располагавшие более современными станками и механизмами, вытеснили их с внутреннего рынка. Большая часть армянских предпринимателей вынуждена была размещать свои капиталы в новых отраслях экономики.

В начале XX в. одним из наиболее востребованных видов продукции на международном рынке стал шелк. Исходя из такой конъюнктуры, болгарское правительство всячески поощряло развитие этой отрасли производства. К тому же, климатические условия страны благоприятствовали развитию шелководства. До начала XX в. коконы тутового шелкопряда ввозились с Ближнего Востока. Занимались этим, главным образом, армянские торговцы. Затем армяне организовали местное производство коконов и шелковой пряжи.

В 1896 г. в с. Водина, близ Асеновграда, Мардирос Гуруян сумел вырастить личинку тутового шелкопряда и получить высококачественные коконы. Армяне стали пионерами в деле выращивания шелковичных коконов и грены. Они создали и первые предприятия по размотыванию шелковичных коконов. Так, в то же самое время прибывший из Бургаса Агоп Крагъозян вместе со своим сыном Мардиросом одними из первых в Болгарии организовали в Асеновграде производство шелковой пряжи. Вместе с Вылко Шоповым они наняли в Адрианополе специальных рабочих — армянок и гречанок, а оборудование фабрики поручили приглашенному для этого в 1898 г. из Бургаса Агопджану Кюфтеленяну, впоследствии ставшему директором предприятия, которое имело 80 чанов (ванн) и было самым высокооснащенным в Болгарии. Высококачественная продукция фабрики экспортировалась во Францию и Англию⁵⁹.

Накануне балканских войн эта фабрика закрылась, поскольку она финансировалась Османским и Английским банками. Вследствие балканских и первой мировой войн производство шелковой

нити в Болгарии резко сократилось. Оно восстановилось и даже переживало подъем в послевоенные годы, когда болгарская экономика относительно стабилизировалась, а спрос на шелк на западноевропейском рынке возрос. Вклад в развитие шелководства и производство шелковичных коконов после первой мировой войны внесли армяне, переселившиеся в Болгарию в 1922 г.

Заметный след в расширении и укреплении шелкоткацкой промышленности в Болгарии в этот период оставили Михран Ханджиян и его сын Нерсес, который окончил сельскохозяйственный институт во Франции. В 1923 г. в Пловдиве и Калофере Нерсес методом скрещивания получил высококачественные коконы тутового шелкопряда, не уступавшие лучшим образцам, известным под названием «Багдадские». Его деятельности была дана высокая оценка со стороны болгарского правительства. Нерсес Ханджиян удостоился Золотом медали и звания «Почетный гражданин». В 1923–1927 гг. Ханджияны лишь в районе Пловдива привлекли к выращиванию коконов тутового шелкопряда около 400–500 специалистов. В большинстве своем это были бежавшие из Турции армянки⁶⁰.

В 1925–1931 гг. по инициативе армянских предпринимателей открылось много шелкоткацких фабрик. По этой отрасли экономики не ударил мировой экономический кризис и она продолжала развиваться, поскольку ее продукция широко использовалась в военной промышленности. Стали создаваться акционерные общества, многочисленные крупные и мелкие предприятия, обслуживавшие не только местные нужды, но и поставлявшие большое количество шелковой пряжи на мировой рынок. Основателями шелкоткацких фабрик в Пловдиве, Русе, Хасково, Сливене, Пазарджике, Софии, Варне и других городах были, главным образом, армяне, которые составили себе имя не только в стране, но и за рубежом. В 1922 г. Хачик Терзиян — один из наиболее известных в Бурсе производителей шелка, основал шелкоткацкую фабрику в Хасково. Тремя годами позднее он вместе в Грантом Мардикяном, братьями Искендерянами, Амаяком Хорсигяном и Арсеном Топчияном основали акционерное общество по производству шелка «Свила». Их фабрика имела 42 итальянских и 34 восточных (из Бурсы) чана (ванн) и на ней было занято 100–120 работниц-армянок. Продукция этой фабрики высоко ценилась в Европе, даже считалась лучше той, что производилась в Бурсе. В 1926 г. она была удостоена Золотой медали выставки, проходившей в Горной Оряховице⁶¹.

В 1925 г. Арам Аведисян открыл в Русе шелкоткацкую фабрику со 102 чанами (ваннами), на ней было занято 140 человек Ее фи-

58. Там же. С. 163.

59. Витоша — Арарат. С. 125; Марашлџян Агоп, Касабян Нерсес. Календарь. Пловдив, 1938. С. 125 (на арм. яз.).

60. Макарян Асадур. Памятная книга армянских колоний во Фракии и Македонии. Салоники, 1929. С. 281 (на арм. яз.); Папазян-Таниелян Сирануш. Арменците в България // България етнография. Год. V. 1994. Кн. 3–4. С. 74.

61. Витоша — Арарат. С. 165.

лиалом являлась фабрика «Алкала» с 82 чанами (ваннами), а также отделение по производству шелка на предприятии Мазлымяна-Гурбетяна с 48 чанами (ваннами)⁶².

В 1929 г. в Хасково было создано акционерное общество «Пашкул», с участием армян и болгар. Агоп Манукян, Крикор Терлемезян и Парунак Каралян стали директорами шелкоткацкой фабрики. Одновременно в городе действовало много средних и мелких мастерских, где занимались изготовлением шелковой нити. Их продукция расходилась на внутреннем рынке, а также закупалась крупными предпринимателями. Хазарос Демирджиян и Оник Ованисян владели мастерской с 12 чанами (ваннами), Вартес Казанджиян — с 10, Парунак Кюлханян и Гарабед Гюлмезян — с 8. Существовали и более мелкие мастерские. Многие армянские семьи выращивали тутовую шелкопряд и сдавали коконы предпринимателям⁶³.

В 30-х гг. XX в. Кеворк Аствадзадурян в содружестве с группой болгар основали в Пловдиве завод «Коприна», оборудованный 120 современными чанами (ваннами). На нем было занято 250 человек, главным образом, армянки. Предприятие производило высококачественную пряжу, которая вся экспортировалась в Германию⁶⁴.

В 1934 г. в Пловдиве было создано армянское акционерное общество «Медакс», во главе которого стоял Х. Терзиян. Первоначально оно владело шелкоткацкой фабрикой с 20 чанами (ваннами). В 1935 г. племянник Хачика Терзияна, Рупен Терзиян, открыл в Руссе шелкоткацкую фабрику со 130 чанами (ваннами), где было занято более 250 рабочих. Фабрика создавалась по поручению и на средства предпринимателей Мазлымянов — Гурбетянов. Значительное число армянских семей из различных городов Болгарии переселялись в Русе и начинали работать на этом предприятии. До второй мировой войны мастерские по производству шелка в Варне и Софии имели Ховсеп Вартанян и Арам Хорсикян, в Сливене — Агоп Езегелян, в Пазарджике — Т. Ашикян, и т. д.⁶⁵

Армяне в Болгарии заняли ведущие позиции в производстве ковров. В 1893 г. Ованес Бохосян открыл в Панагюреште мастерскую по изготовлению армянских и персидских ковров. В 1908 г. он со своей продукцией принимал участие в международной выставке в бельгийском г. Анверсе. Представленные там Бохосяном образцы получили высокую оценку. При содействии болгарского правительства Бохосян в 1924 г. отправился в Лондон, где познакомился с представителями фирм, занимавшихся производством и сбытом ковров, в том числе с руководством «Общества Костикиана» и директором принадлежащего ему завода Леомелом Костаняном. Че-

62. Там же. С. 164.

63. Там же. С. 165.

64. Марашлгян Агоп, Касабян Нерсес. Указ. соч. С. 127.

65. Аракс (София). 21 мая 1926 (на арм. яз.)

рез год последний прибыл в Панагюреште, там вместе Бохосяном они основали болгаро-американское общество, которое занялось производством и продажей ковров. Их крупная ковроткацкая фабрика постоянно расширялась и открыла целую сеть своих филиалов в многочисленных селах близ Панагюреште.

В ковроткачество привлекались женщины и девушки из Пирдопа, Клисурь, Златицы и других населенных пунктов. Готовые изделия экспортировались в США и страны Западной Европы. Предприятия по производству ковров создавались также Крикором Закаряном, Хасмигом Туманяном, Нигохосом Бохосяном, Серопе Бахаряном и Ованесом Авшаряном. Значительная часть продукции этих предприятий экспортировалась на американский и европейский рынки. Образцы ковров, производившихся С. Бахаряном и О. Авшаряном, были удостоены Золотых медалей на выставке в 1926 г. в Горна Оряховице⁶⁶.

Во время мирового экономического кризиса, особенно накануне второй мировой войны, ковроткачество в Болгарии пришло в состояние упадка, поскольку правительство установило государственную монополию на торговлю шерстью. Кроме того, в производстве ковров начали использовать искусственную нить, вследствие чего изделия стали терять свое качество и блеск.

Болгарские армяне проявили себя и как искусные кожевники. Их продукция высоко ценилась как на внутреннем, так и на внешнем рынке⁶⁷. После первой мировой войны большую известность приобрели производившиеся братьями Дадурянами лакированная кожа и замша. Эти армяне прибыли в Болгарию из США, где жили с 1907 по 1921 гг. и там освоили тонкости кожевенного дела. При переезде в Болгарию Дадуряны привезли с собой американские машины и организовали производство мягкой кожи. В 1926 г. они приобрели государственную монополию на производство своей продукции⁶⁸.

До второй мировой войны предлагавшийся Дадурянами товар высоко ценился на внешнем рынке. Он поставлялся, главным образом, в Европу и на Ближний Восток. И не однажды его образцы удостаивались наград и медалей на различных Международных ярмарках. Накануне второй мировой войны Дадуряны открыли филиал своего завода в Ливане.

В Болгарии также существовало много мастерских, принадлежавших армянам. В них производилась высококачественная кожа, которая пользовалась спросом у местных ремесленников. Значи-

66. Слово (София). 18 февраля 1939; Аракс (София). 18 мая 1926 (на арм. яз.)

67. Валева З. Б. Болгария. М., 1948. С. 222.

68. Пачаджян Саркис. Армяне в Софии // Эчмиадзин. Ереван, 1965. № 5. С. 47 (на арм. яз.); Валева З. Б. Указ. соч. С. 222; Великов Ст. Организации и борьбы на кожаро-обушарските и каучуковите работници в България. София, 1963. С. 150, 177.

тельным было также число дубильщиков кож, которые осуществляли предварительную обработку сырья и затем поставляли его крупным производителям.

С кожевенным производством непосредственно связано и производство обуви. Армянские предприниматели предлагали разнообразную и модную обувь, популярную во всей стране и соперничавшую с лучшими европейскими образцами⁶⁹. Продукция предприятий Малхасяна, братьев Паносянов, Палкаджяна, Авака Маркаряна, братьев Балянов, Минасяна, Харутюна Сывачяна, А. Серопяна, Сертака Караляна, Саркиса Налчаджяна и др. массово реализовывалась на внутреннем рынке. А если учесть, что в обувной промышленности были заняты тысячи работников-армян, то становится очевидным, насколько велика была роль представителей этого народа в производстве кожи и обуви в Болгарии.

С выделкой мягкой кожи было тесно связано и изготовление перчаток. Первую в Болгарии фабрику по пошиву мужских и дамских перчаток открыл Кеворк Мектубджиян, он разместил ее в Софии. На внутреннем рынке эта продукция более чем успешно конкурировала с импортной⁷⁰.

Первую в Болгарии фабрику по окраске мягкой кожи и тканей основал Таквор Сетракиян. В 1929 г. Крикор Закарян вместе со своими братьями организовал в Софии производство искусственной кожи, тканей, ковров. В цехах их предприятия производились также различные виды красок и осветлителей. Правительство предоставило Закаряну монополию на поставки для болгарской армии разного рода товаров и амуниции⁷¹.

После балканских войн, когда к Болгарии присоединились Западная Фракия и Пиринская Македония, сильный толчок получило производство табака. В эту сферу устремились капиталы иностранных, болгарских и армянских предпринимателей. Табак занимал значительное место во внешней торговле страны. Старые предприятия реконструировались, создавалось много новых. Крупные армянские предприниматели, такие как Таквор Такворян, Мыгырдич Томасян, Крикор Тютюнджиян расширяли переработку табака и фабрики по производству сигарет. После первой мировой войны они не только заняли ведущие позиции в производстве табачных изделий в стране, но и осуществляли большую часть экспорта высококачественной продукции на балканские и западноевропейские рынки⁷².

69. Витоша — Арарат. С. 172.

70. Там же. С. 228.

71. Там же. С. 169.

72. Макарян Асадур. Указ. соч. С. 351–352; Димитър Косев, Христо Христов, Димитър Ангелов. Кратка история на България. София, 1962. С. 221, 226.

Одним из магнатов в области табачного производства являлся Т. Такворян. Его предприятия по переработке табака охватили всю страну, в одном лишь Пловдиве на них трудилось свыше 1000 человек.

Табачная фабрика М. Томасяна и сыновей была открыта в Пловдиве еще в 1872 г. В начале XX в. М. Томасян вышел из картеля, объединявшего все более-менее крупные табачные фабрики страны, хотя был его директором. Извлекая уроки из неудач объединения, он решил развивать сопутствующие производства. Таким образом, Томасян сумел уйти от лобового столкновения с конкуренцией. После 1920 г. начала реконструироваться фабрика, расположенная у подножья холма Небет. Она оборудовалась современными механизмами, вводились передовые технологии. Именно Томасян начал производство первых болгарских сигар. После 1929 г. фабрика перешла в новое здание, там были заняты более 600 человек. Это предприятие процветало вплоть до национализации⁷³.

В 1921 г. братья Дердеряны обустроили в Софии склад табачных изделий и основали сигаретную фабрику. Сигареты с их маркой пользовались спросом у курильщиков. Накануне второй мировой войны основанная и руководимая К. Тютюджияном акционерная табачная компания экспортировала большие партии табака и сигарет в Бельгию и Англию⁷⁴.

Значительно было число армян-посредников, создававших в различных городах страны сушильни и склады, где сохранялись собранные запасы табака и откуда они поставлялись предпринимателям. Такими посредниками были представители англо-бельгийского акционерного общества П. Махмуриян, братья Морияны, Рупен Дердерян, Манук Манукян и др. Они действовали как представители государства, поскольку экспорт табака и его продажа являлись государственной монополией.

В болгарской экономике, особенно это касалось городов, не существовало области, где бы армяне не проявили себя как инициаторы или основатели различных отраслей в промышленности, ремеслах, торговле. Так, к примеру, в производстве металлических печей для обогрева комнат, а также кухонных плит в начале 20-х гг. XX в. большую известность приобрели братья Партамян и Аведис Сымбатовы. Первые открыли свое предприятие в Плевене, а второй — в Пловдиве. За свою качественную продукцию А. Сымбатов был удостоен 5 медалей различных ярмарок и выставок, а болгарское правительство присвоило ему звание почётного гражданина. Производством металлических отопительных печей в Варне занимались братья Енгибаровы⁷⁵.

73. Марица (Пловдив). 3 ноября 1977. С. 8.

74. Витоша-Арарат. С. 169.

75. Там же. С. 185.

В 20–30-х гг. XX в. завидную популярность приобрела фабрика известного не только в родном городе Стара Загора, но и во всей стране, мастера Агопа Тосуняна. Он, наряду с широко известным в прошлом производителем металлических огнеупорных сейфов Иваном Бурджиевым из Пловдива, входил в число наиболее компетентных специалистов в этой области. Двукрылые огнеупорные сейфы армянина, весом от 380 до 4 500 кг. неоднократно награждались золотыми медалями на выставках в 1925, 1926, 1927 гг. Специальный сплав, из которого были выполнены эти сейфы и уникальные ключи к ним, разработанные на основе пермутационной таблицы с абсолютно неправильными углублениями, сделанными с помощью особого механизма и приспособленные для противоположно действующих 11 насадок и 11 опорных плоскостей замка — все это в целом придавало сейфам А. Тосуняна такую недоступность для посягательств извне, что спрос на них был более чем высокий. Мастер уверенно конкурировал с подобного рода американской системой Braham, английской Chubb и комбинированной Braham-Chubb.

Агоп был не только чудо-мастером в области создания специальных сейфов по заявкам клиентов, но и оставался недостижимым по уровню изготовления замков любой сложности⁷⁶.

Первое в Болгарии предприятие, выпускавшее металлические водопроводные трубы на производственной основе, создали братья Экизяны из Варны. Впоследствии фабрику по изготовлению металлических труб и арматуры открыла в Софии компания Папазяна — Нахабетяна. В 1931 г. Сымбат Арисян организовал в Софии работу первой в Болгарии химчистки одежды. В это же время в столичном квартале Княжево Керемедчиян также открыл фабрику-химчистку, где оказывались услуги и по окраске вещей⁷⁷.

Большой вклад внесли армяне и в развитие ювелирного дела в Болгарии. Так, к примеру, Сукиасян и Степанян открыли первую в стране фабрику по производству золотых изделий. В 30-х гг. XX в. Оник Ованесян, Бердж Керестеджиян, братья Тосбийкяны и др. основали в Софии фабрику по обработке золота и алмазов и изготовлению золотых изделий и украшений. Ювелирными мастерскими и магазинами владели в Шумене — Крикор Гарабедян, в Пловдиве — Харутюн Телалаян, в Софии — братья Дер-Саркисяны и Манук Карагъозян; перечень можно продолжить применительно к ряду других городов. При освещении в 1912 г. храма-памятника Святого Александра Невского армяне подарили ему золотой престольный крест, высотой в 70 см, отлитый золотых дел мастером Крикором Гюрджияном⁷⁸.

76. Ереван (София). 29 мая — 4 июня 2000. № 21. С. 2–4.

77. Витоша — Арагат. С. 47.

78. Пачаджян С. Указ. соч. С. 47. Талант рожденного в 1876 г. ювелира и кузнеца К. Гюрджияна впервые проявился при создании золотой колыбели для сына

Армяне Болгарии дали искусных специалистов в области мельничного дела, строительства, деревообработки и т. д.

Варненская литейная мастерская Зенопяна — Быйкяна первой в стране приступила к производству типографских шрифтов всех видов и, помимо того, что обеспечивала внутренние потребности, выполняла и заграничные заказы⁷⁹.

В 1885 г. в Софии была открыта государственная типография, отливкой шрифта в ней занимался приглашенный из Константинополя специалист Гарутюн Манукян. До этого шрифт для набора текста ввозился из Западной Европы. Во время резни 1894–1896 гг. в Софию перебрался Иервант Халакашян, который привез с собой приспособление для отливки букв. После первой мировой войны его дело продолжил пловдивчанин Агоп Дзерунян.

Из существовавших в Болгарии 5 мастерских по отливке шрифта до второй мировой войны 2 принадлежали армянам. Их владельцами были Вахрам Буюков (Быйкян) и Кзенопян, а также Вахрам Миносян, которые долго доминировали на рынке в этой отрасли.

Что касается развития печатного дела в Болгарии, армяне внесли в него свой вклад еще до освобождения страны. В 1841–1844 гг. в константинопольской типографии Татевоса Дивитчяна были напечатаны 3 болгарских книги. Впоследствии их число возросло до 77. В типографии А. Минасяна в 1856–1873 гг. было напечатано 97 болгарских книг, а также целая серия газет, таких как «Гайда», «Македония», «Зорница» и др. Из 452 болгарских книг, увидевших свет до освобождения страны в Константинополе, 221 приходилась на армянские типографии⁸⁰. Там же выдающийся болгарский церковный живописец Георгий Данчов обучался литографии и осваивал тонкости своей профессии, практикуясь у армянина Исаряна⁸¹.

султана Абдул Гаида. Во время большой резни в 1894–1896 гг. мастер эмигрировал в Египет. Вскоре слава о нем разнеслась по Александрии. Туристы нарасхват раскупали выполненные им копии античных предметов и украшений. По просьбе наместника султана в Египте Тевфика-паши Гюрджиян был назначен придворным ювелиром. Переломным моментом в его жизни стала встреча с болгарским монархом Фердинандом при посещении последнего Константинополя. Фердинанд заказал ювелиру золотую копию старинной чаши с болгарским орнаментом, украшенную драгоценными камнями. В 1907 г. по приглашению придворного ювелира Кумрузяна золотых дел мастер перебрался в Софию. В течение 12 лет Гюрджиян работал в ювелирных мастерских придворных поставщиков Парсамяна и Сукиасяна. Среди его работ — великолепное серебряное блюдо, с которым в Софии встречали кайзера Вильгельма. Когда 10 мая 1953 г. была восстановлена болгарская патриархия, младшему сыну ювелира, Жирайру, было поручено изготовить головной убор для главы болгарской церкви, который используется и поныне.

79. Витоша-Арагат. С. 185.

80. Азакян С. Т. История армянской печати в Болгарии // Историко-филологический журнал. Ереван, 1989. Кн. 2. С. 219–220 (на арм. яз.).

81. Стъпов Петър. Георги Данчов Зографина. София, 1979.

В конце XIX в. газеты и книги, выходившие на армянском языке, печатались, главным образом, в болгарских типографиях. С начала XX в. в Болгарии действовали следующие армянские типографии: «Аравелян» варненца Оника Парсеяна (её продукция выходила на армянском, болгарском, греческом, турецком и других языках); софийца Бедроса Паликджяна (где использовались армянский, болгарский и европейские языки); к названным следует добавить типографии: «Балканян мамул», перемещенную из Русе в Софию, а также «Масис» (действовала в Софии на кооперативных началах), варненскую «Парос» (в 1929 г. она переведена в Софию, а в 1931 г. — в Пловдив). Эти типографии были крупнейшими и в них печатались издания армянских политических партий.

Накануне второй мировой войны в Болгарии действовало более 300 крупных, а также мелких типографий, в создании которых армяне принимали самое активное участие. В первую очередь следует упомянуть мастерские по отливке типографских шрифтов Агопа Кюсюляна и Вахана Бедеяна, которым принадлежит значительная роль в развитии печатного дела в Болгарии⁸².

Спектаклями театра «Люксембург» известная армянская театральная труппа Фасулджяна, базировавшаяся в Константинополе и в январе 1881 г. гастролировавшая в Пловдиве, предложила болгарскому зрителю первые профессиональные представления⁸³.

Армяне — собственники или архитекторы, строившие дома в Софии, Пловдиве, Русе, Варне, многое сделали для оформления центров этих городов. Значительное число построенных ими зданий объявлено архитектурно-художественными памятниками. В фундаментальном труде архитектора Христо Пеева «Пловдивската къща» («Пловдивский дом»), изданном в Софии в 1960 г., собраны данные о нескольких десятках пловдивских домов эпохи Болгарского национального возрождения, 10 из которых — армянские. Их владельцами являлись: Киркор (Крикор) Топрабян (ул. Четвертого января, 17), Ованес Степанян (ул. Доктор Константин Стоилов, 56-а), Агоп Папазян (дом снесен при строительстве тоннеля под холмом Джамбаз), Степан Манук Хиндлиян (ул. Артин Гидиков, 4, некогда ул. Армянска), Киркор (Крикор) Месробович (ул. Артин Гидиков, 11), Верен (Верониг) Стамболян (ул. Кирил Нектариев, 15), Бедрос Басмаджян (ул. Петко Рачо Славейков, 4), Степан Месробович (ул. Артин Гидиков, 9)⁸⁴.

Одним из наиболее ярких русенских архитекторов последнего десятилетия XIX в. был прибывший из Константинополя Негос Бедросян. Из сотен зданий русенского и архитектурно-исторического наследия в «золотую дожину» национального уровня вхо-

дят многие, построенные по его проекту. Это такие сооружения, как: Государственная берегательная касса (построено в 1885 г. для банка братьев Стефана и Ивана Симеоновых); здание бывшего австро-венгерского консульства и пароходства; Дом моряка (1898), Дом архитектора (1897, строился как жилой дом для Петко Хаджипеткова), ресторан «Дунавски вълни» (бывший дом Данаилова), Дом русенских художников (1894, бывший жилой дом И. Симеонова), дом Леона Флореса в Еврейской махале (квартале) (1897), фирменный торговый дом Элиаса Канети — деда писателя Е. Канети (1897, ул. Славянска).

В 1897 г. Н. Бедросян спроектировал жилой дом для Марьям Бедросян (ул. Флотска, ныне Цар Калоян). В нем размещалось турецкое консульство, затем поликлиники доктора Петковича и доктора Аструга и т. д. Этот же архитектор спроектировал и построил комплекс магазинов крупного торговца С. Куюмджяна. Комплекс располагался между улицами Александровска, Отец Паисий, Шеркетска (ныне Добруджа). Здесь упомянута лишь часть зданий, созданных этим крупным архитектором. Они занимают важное место в облике придунайского города⁸⁵.

Переселившийся из Константинополя известный архитектор Торос Тораманян, а также Л. Гюрехан застраивали ныне не существующую улицу Тырговска в Софии. По инициативе министра К. Величкова Тораманян подготовил проект здания Народного собрания, однако он не был реализован в силу финансовых причин. Т. Тораманян строил здания, главным образом, в Варне. Его детищем является Армянская школа, а также здание бывшего Комитета болгаро-советской дружбы, кафе «Сплендид» и многие другие сохранившиеся до наших дней импозантные сооружения в центре города. Построенные этим архитектором жилые дома и общественные заведения отличались передовыми для своего времени конструктивными решениями и самобытной архитектурой, а многие из них выполнены в стиле, типичном для европейских городов конца XIX в.

В связи с этим уместно упомянуть еще одно имя. Это тырновчанин Леон (Левон) Филиппов (1880–1976) — известный поборник сохранения памятников прошлого. Он внес вклад в сооружение самого монументального для своего времени здания в городе, где размещался Окружной совет. Л. Филиппов проектировал комплекс тырновского 18 пехотного полка, а также памятник Неизвестному солдату в Сухиндоле. К числу его работ принадлежит и здание музея отца Матая Преображенского, возле Ново село. Л. Филиппов восстановил колокольню и артику Дряновского монастыря. Он очень заботился о сохранении исторических и архитектурных памятников в г. Велико Тырново, Арбанаси и близлежащих монастырях. В 1909 г. Филиппов подготовил подробный список исто-

82. Витоша-Арагат. С. 279.

83. Марица (Пловдив). 5 януари 1881.

84. Гилиган А. Надписи в пловдивските арменски къщи от Възраждането // Пловдивеки неделник. Пловдив. № 50. 6 април 1998 г. С. 36.

85. Ереван (София). 22 октомври 1988.

рических и архитектурных памятников г. Велико Тырново с целью их сохранения и исследования. Под его руководством были восстановлены разрушенные землетрясением 1913 г. средневековые церкви Святых Петра и Павла, а также Святых сорока мучеников в Асеновской махале (квартале). На свои скромные средства Филиппов выкупил и отреставрировал архитектурный шедевр — заброшенный и полуразрушенный дом Констанцалиева в Арбанаси.

В течение всей своей жизни Л. Филиппов руководствовался главной целью — сохранить для будущих поколений болгарское культурное наследие эпохи Национального возрождения. Еще в 1906 г. Филиппов начал создавать гипсовые макеты тырновских средневековых церквей и домов. В 1920 г. он завершил изготовление снимков церкви Святой Софии, находящейся в центре столицы. Велик личный вклад Филиппова в ее восстановление. Он также создал ряд одноцветных и цветных макетов и рельефов документального характера. С их помощью он сохранил для поколений образы домов и церквей, деревянные и глиняные потолки, ворота и чешмы. В 1969 г. Л. Филиппов перестроил свой дом и два его верхних этажа превратил в своеобразный музей, где выставлены макеты, эскизы, снимки и рисунки. Он создал более 100 макетов памятников культуры, большая часть которых выкуплена тырновским окружным историческим музеем. За свою деятельность Л. Филиппов в 1956 г. удостоился Золотого ордена труда⁸⁶.

* * *

Жизненный путь Леона Филиппова является иллюстрацией того, как обосновавшиеся на Балканах армяне постепенно приобщались к болгарскому народу, воспринимались последним как «свои чужие» и активно подключались к развитию и утверждению болгарской народности и болгарского государства. Приведенные выше факты красноречиво свидетельствуют о созидательной роли, которую играли армяне в жизни болгарского общества как в период его взлета, так и во время спада. Армяне восприняли Болгарию как свою родину, самоотверженно трудились на ее благо и стали неделимой частью ее прошлого и настоящего.

*Перевод с болгарского
Т. Ф. Маковецкой*

86. Ереван (София). 10 января 1981.

БРЮС В. МЕННИНГ

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬИ — ЛЕГКО В ПОХОДЕ:

НАСЛЕДИЕ А. В. СУВОРОВА

И ЕГО «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»¹

За истекший век комментаторы и военные историки, за редкими исключениями, тяготели к двум крайностям в объяснении военных успехов царизма на протяжении золотого века русского оружия — эпохи, казалось бы, бесконечных побед, начавшихся с царствования Петра Великого (1689–1725) и продолжавшихся до царствования Павла I (1796–1801). Академическая школа искала объяснение военного триумфа в строгом соблюдении Россией общепринятых и повсеместно применяемых принципов военного искусства. Национальная (или русская) школа искала объяснение в специфически русских культурных факторах². Наблюдатели же,

1. Перевод статьи: Train Hard, Fight Easy: The Legacy of A. V. Suvorov and His Art of Victory // *Air University Review*. Vol. XXXVIII. No. 1 (November–December 1986). Pp. 79–88. В заголовке статьи использовано известное утверждение А. В. Суворова «Легко в ученьи — тяжело в походе, тяжело в ученьи — легко в походе», содержащееся в приказе Суворова войскам, находящимся в Польше. Этот суворовский приказ о боевой подготовке с указаниями по обучению войск был объявлен П. С. Потемкиным в приказе от 22 августа 1794 г. // Суворов А. В. *Документы* / Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 1–4. М., 1949–1953. Т. 3. С. 351. Этот сборник является наиболее полным изданием основных документов Суворова. Текст статьи остался неизменным и соответствует своему первому изданию. При подготовке статьи для русского издания автором были сверены все цитаты с первоисточниками, в связи с чем были уточнены отдельные прежние примечания и сделан ряд новых. Автор благодарит за подготовку статьи к русскому изданию М. Кипп. Оригинал статьи см.: <http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1986/nov-dec/menning.html>.
2. О происхождении академической и национальной школ см.: Бескровный Л. Г. *Очерки военной историографии России*. М., 1962. С. 185–188; Peter von Wahlde. *Military Thought in Imperial Russia*. Ph. D. dissertation, Indiana University, 1966, Pp. 115–116.

находившиеся между этими полюсами, искали правды в синтезе обоих подходов, в балансе между вышеуказанными постоянными и переменными факторами³.

На общем фоне историографических споров и компромиссов свидетельство главного — если не главнейшего — действующего лица, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова (1730–1800) остается особенно поучительным. В 1771 г., вынужденный объяснять свой новаторский подход к тактике и обучению в ходе боев против польских конфедератов, Суворов, в то время ещё генерал-майор, доказывал, что его методы были оправданы в свете русских военных успехов в борьбе против Пруссии в Семилетнюю войну. Он отмечал, что Фридрих II, позиция которого была смята противником со всех сторон, потерял при этом хорошо обученных солдат и вынужден был затем наспех формировать пополнения, не имея времени толком обучать своих новоиспеченных солдат. Напротив, русские к 1761 г. ничуть не уступали своему противнику. В чем же заключалась разница, с точки зрения Суворова? Именно в обучении. В то время как Фридрих заменял опытные войска наспех обученными рекрутами, уровень боевой подготовки русских солдат, уже побывавших в боях, был очень высок. В результате пруссаки уступили русским точно так же, как в 1709 г. под Полтавой шведы уступили Петру Великому, который тренировал свои войска более иностранцев, чьи собственные силы были недостаточно обучены⁴. Суворов позднее утверждал, что «за учёного трёх неучёных дают», а то и все десять, и любил говорить, что «ученье — свет, а неученье — тьма»⁵.

Эти утверждения подчеркивают важность, которую величайший из русских полководцев приписывал обучению и воспитанию солдат. К 1771 г. сочетание в его собственной биографии таких факторов, как прохождение рядовой службы, боевой опыт и пребывание на различных младших и старших командных и штабных должностях, легло в основу всеобъемлющей программы военной подготовки, необходимой для достижения победы. В 1795 г. Суворов, у которого за плечами были локальные конфликты 1770-х гг. в Польше, несколько войн и множество кампаний, обобщает опыт своей более

3. Christopher Duffy. *Russia's Military Way to the West*. London, 1981. Pp. xii, 234; Bruce W. Menning. *Russian Military Innovation in the Second Half of the Eighteenth Century* // *Military and Society*. 1984. May. Pp. 24–25, 36–37; Комаров А. А. Развитие тактической мысли в русской армии в 60–90-х гг. XVIII в. // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1982. № 3. С. 62–63.
4. А. В. Суворов И. И. Веймарну. 3 марта 1771 г. // Суворов А. В. *Документы*. Т. 1. С. 366–367.
5. Эти утверждения взяты из «Науки побеждать». // Суворов А. В. *Документы*. Т. 3. С. 508.

чем сорокалетней службы в наборе доступных инструкций по обучению солдат основам военного искусства.

Эти инструкции, известные как «Наука побеждать», поначалу ходили в рукописном виде. После смерти Суворова они были на какое-то время позабыты, но впоследствии, между 1806–1811 гг., издавались и переиздавались восемь раз⁶. Ко второй половине XIX в. «Наука побеждать» уже считалась образцом русской военной классики⁷. В тех или иных вариантах она стала впоследствии источником информации и вдохновения для русских и советских военных инструкторов. Именно в силу непреходящего влияния суворовских принципов обучения, обобщенных в «Науке побеждать», обзор этих принципов представляется целесообразным для уяснения сути не только русского, но и советского военного прошлого.

Никакой разговор о суворовских методах обучения невозможен без понимания обстоятельств их возникновения, а также их влияния. Суворов поступил на действительную военную службу в Императорскую Русскую Армию в 1748 г. в возрасте восемнадцати лет, и большая часть его карьеры совпала с расцветом линейной тактики восемнадцатого века. В те времена армии хорошо обученных профессионалов, вооруженных гладкоствольными кремневыми мушкетами, маршировали в колоннах, а сражались в линиях в тщательно отрежиссированных сражениях, которые, по крайней мере метафорически, отражали современную интеллектуальную поглощенность проблемами порядка, симметрии и рационализма⁸. Когда в 1760–1770-е гг. Суворов, наконец, получил командное назначение, он ворвался в строго упорядоченный мир как новатор, командир, чьи тактические и оперативные концепции часто находились в противоречии с европейской военной традицией. В противовес вялым методам и тактике того времени, Суворов маршировал стремительно, наносил удары внезапно, атаковал, как ка-

6. Более подробно об истории и издании «Науки побеждать» см.: Кочетков А. Н. К вопросу об истории, текстологии и библиографии «Науки побеждать» А. В. Суворова // *Суворовский сборник* / Отв. ред. А. В. Сухомлин. М., 1951. С. 157–182; Кавтарадзе А. Г. А. В. Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов / Под ред. Л. Г. Бескровного и А. А. Преображенского. М., 1980. С. 14–16.
7. «Наука побеждать» понималась буквально, т. е. как «наука» победы. Однако применительно к XVIII в. этот термин скорее следует понимать как «искусство». Подтверждением служит тот факт, что М. А. Рахматуллин использует именно термин «искусство» в своей работе. См. Рахматуллин М. А. *Генералиссимус А. В. Суворов. Его искусство побеждать*. // *История СССР*. 1980. № 9–10.
8. О взаимосвязи военного дела и интеллектуальной жизни см.: Lee Kennett. *Tactics and Culture: The Eighteenth-Century Experience* // *International Commission of Military History*. ACTA No. 5 (Bucharest 10–17 VIII 1980). Bucharest, 1981. Pp. 152–159.

залось, бессистемно, т. е. в нескольких типах боевых порядков, и преследовал неотступно⁹.

Суворов делал особый упор на детальное и реалистичное обучение войска, что воспитывало в солдатах собранность, дисциплину и ожесточённость в бою. Однако основным стержнем его программы являлся дополнительный (и новаторский для того времени) упор на страницах «Науки побеждать» на подвижность, гибкость, инициативу и быстроту. Эти и другие аспекты своей концепции Суворов обобщил в своей знаменитой триаде — быстрота, глазомер, натиск¹⁰. Под этим подразумевалось требование к солдатам и офицерам стремительно продвигаться, быстро и точно оценивать ситуацию, а затем стремительно переходить в атаку. В боях ли против польских мятежников, татар, турецких янычар, французских революционеров или прусских гренадер, упор Суворова на тщательную подготовку и быстрое исполнение оказался достоянием для того, чтобы принести шесть десятков больших и малых побед, часто перед лицом казалось бы безнадежного численного превосходства врага. По замечанию Филиппа Лонгворта, — наиболее современного западного биографа Суворова — «победы его были слишком многочисленны, чтобы приписывать их просто удаче: он вообще никогда не проигрывал»¹¹.

Хотя «Наука побеждать» датируется 1795 годом, есть основания полагать, что Суворов впервые озвучил систематические взгляды на обучение в 1760-е гг., когда по возвращении из прусских кампаний он принял командование сначала Астраханским, а затем Суздальским пехотными полками. К 1765 г. он составил успешную программу обучения — «Суздальское учреждение», — которое служило законным дополнением к официальным уставам 1763 г.¹² В соответствии с обстоятельствами и в согласии с уставом, на каждой очередной командной должности Суворов стремился расширить и утвердить свою систематическую программу обучения войск. Эти уточнения и разрозненные инструкции, в конце концов, слились в «Науку побеждать». Оставляя в стороне проблему дальнейшего

9. Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского. (Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984. С. 226–231.

10. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 506–507. Под быстротой понимается «скорость»; глазомер буквально означает «измерять расстояния глазом» или проще — «подсчитывать» или «давать оценку»; натиск означает «импульс» в смысле нанесения удара с импульсом; в данном случае перевод Филиппа Лонгворта как «hitting power» представляется наиболее соответствующим. См.: Longworth P. The Art of Victory. New York, 1965. P. 218.

11. Longworth P. Указ. соч. P. 11.

12. Опубликовано под названием «Полковое учреждение». (1764–1765) // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 75–152.

развития суворовской концепции и её практического применения, следует отметить, что в «Суздальском учреждении» уже заложены основы суворовской системы обучения, сводившиеся к следующему: 1) понимать солдата и его нужды; 2) осознавать необходимость воспитания под строгим надзором уверенного в себе воина; 3) развивать в солдатах чувство индивидуальной и коллективной идентичности и, наконец, 4) проводить возрастающие по трудности учения в условиях, постепенно всё более приближающихся к реальному бою. Этот подход оправдал себя настолько, что уже в середине 1760-х гг. великолепно обученные суздальцы удостоились высочайшего внимания на летних маневрах под Царским Селом¹³.

Для Суворова обучение начиналось с каждого отдельного солдата. Задача состояла в том, чтобы превратить ежегодный набор необученных и неграмотных крестьян-рекрутов в боевые войска. Надо было преобразить в воинов растерянных и недовольных молодых людей, вырванных из привычной сельской жизни и брошенных, как им казалось, в качестве наказания в чуждую им жизнь рутины, правил, ритуалов и строгой субординации. Современные историки зачастую упоминают, что казарменная жизнь по-существу мало чем отличалась от жизни в деревне. Не следует, однако, забывать, что солдатская жизнь содержала в себе нечто новое и пугающее, а именно, сознательное подвержение себя опасности с реальной возможностью «отдать жизнь за царя»¹⁴. Суворов подходил к этой, как и к другим проблемам обучения, со свойственной ему прямотой. В «Науке побеждать» он объясняет рекрутам на доступном им языке, что, если «крестьянин не умеет сохой владеть — хлеб не родится»¹⁵. Всякому ясно, что точно так же бывает и в бою: если солдат необучен, то победа в бою невозможна. И именно потому Суворов — мастер боевой учебы — сознательно перевоспитывал своих крестьян-рекрутов таким образом, чтобы они воспринимали трудное как возможное, а невозможное как более приемлемое.

В замысле Суворова ничего особенно нового не было, но самый подход его был новаторским. Он не делал упора на телесные наказания, и ещё до начала курса предписывал строгое соблюдение правил, благоприятствующих сохранению здоровья солдат, а также соблюдение рациона и соответствующих условий расквартирования. Военные врачи и командиры делали ежедневные проверки

13. См.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 138–139. О суздальском периоде см.: Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1–3. СПб., 1884. Т. 1. С. 41–49. Для издания 2005 г. (перепечатано с издания 1900 г. с исправлениями и дополнениями): СПб. (Серия «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»). С. 30–33.

14. John Bushnell. Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Journal of Social History. Summer 1980. Pp. 566–569.

15. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 508.

состояния войск и их биваков. Солдаты никогда не спали на голой земле, в рацион предписывалось включать овощи, воду требовалось кипятить, и соответствующие меры должны были предприниматься для обеспечения полевой гигиены¹⁶. В эпоху, когда всякий командир норовил урезать солдатский рацион в целях собственного обогащения, Суворов возлагал на офицеров прямую ответственность за благополучие своих войск¹⁷. Такая забота приносила ощутимые результаты — процент смертности снижался, а боевая готовность возрастала. Снижалась также необходимость возмещения потерь при обучении и происходил заметный переворот в моральном состоянии, поскольку солдат, как ветеран так и новобранец, начал понимать смысл обучения. Денис Давыдов, русский герой-партизан 1812 г., отмечал в своих мемуарных записках, что Суворов «положил руку на сердце русского солдата и изучил его бытие»¹⁸.

«Наука побеждать» усиливала общее чувство сопричастности, предписывая офицерам говорить с солдатами их языком. Упор делался на практическое объяснение и показ в выражениях, доступных простому солдату¹⁹. Сам Суворов любил делить со своими солдатами немногие часы досуга на походе или во время учений, сидя с ними у костра и обмениваясь с ними шутками — привычка, сложившаяся у него ещё в период, когда он сам служил рядовым²⁰.

Визиты командующего и его простота в общении с солдатами отнюдь не означали недостатка дисциплины. Напротив, Суворов был уверен, что военная жизнь как таковая не могла существовать без строгой дисциплины и субординации²¹. Суворов пристально изучал историю Рима и явно понимал, что восстановление римской дисциплины было в большой степени способно возместить недостаток технических усовершенствований в век застоя технологии. В одном из приказов он указывал, что непоколебимость воинской дисциплины основывается на беспрекословном подчинении²². В другом — отмечал, что из подчинения следует четкое и легкое ис-

полнение каждым человеком своих обязанностей и гордость за безупречность исполнения²³. Именно в этом, как Суворов считал, заключалась вся сущность военной дисциплины. Он требовал, чтобы солдатская форма была в образцовом порядке, а сам солдат вёл себя, как и подобает солдату. Ответственность за поведение рядовых Суворов возлагал на штаб-офицеров, полковых и ротных командиров²⁴. В условиях мирного времени, Суворов ожидал, что его люди будут ладить с местным населением, и на своей, и на завоеванной территории, и будут твёрдо следовать уставу²⁵; в военное время — будут сохранять дисциплину и присутствие духа, что способствует выполнению боевой задачи и ведёт к победе²⁶. Если кавалерист в ходе преследования останавливался, чтобы обогнать павшего врага, офицеру предписывалось его застрелить. Если старший по чину офицер видел, что нижестоящий офицер не настаивает на исполнении устава, то его обязанностью было поместить этого младшего офицера под немедленный арест²⁷.

Упор на традиционную дисциплину как на основу воинской жизни не должен затенять того значения, которое Суворов придавал энтузиазму и положительным аспектам системного подхода к обучению, которое вселяло уверенность в себе. Он учитывал также важность религиозного чувства в укреплении идентичности и в верности разделяемым ценностям. Суворов понимал, что достижение целей обучения зависит от степени эффективности его методов воспитания в солдате уверенности в собственных силах и в способности одержать победу даже в самых тяжелых условиях боя. Он запрещал своим войскам испускать боевые кличи на манер «варваров». Во время боя солдатам выкрикивать можно было только всеобщее воодушевляющее «ура». «Господам начальствующим» позволялось выкрикивать только команду²⁸. В солдатах он ценил самообладание, дисциплину и силу воли, которые обычно подавляют противника и неизменно ведут к победе.

16. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 507; Приказ А. В. Суворова войскам. 18 сентября 1778 г. // Там же. Т. 2. С. 122–123.

17. См., например, инструкцию Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 2-е). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 355.

18. Давыдов Д. В. Встреча с великим Суворовым (1793) // Военные записки. М., 1982. С. 24.

19. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 504.

20. См. также: John L. H. Keep. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985. P. 211.

21. Известно его утверждение: «Субординация или послушание — мать дисциплины, или военному искусству», из инструкции Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 2-е). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 355.

22. Из приказа А. В. Суворова. 18 сентября 1778 г. — «Подчиненных во всем содержать в строжайшей воинской дисциплине...» // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 122.

23. См., например: Полковое учреждение и Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 98–99, 152. Т. 3. С. 508.

24. См., например: Полковое учреждение. Глава IV // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 98–128.

25. Об отношении к местному населению см., например, приказы А. В. Суворова. 18 сентября 1778 г. и 22 августа 1794 г., Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 122. Т. 3. С. 350, 505.

26. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 351.

27. См., например, об аресте за неисполнение положений устава — Полковое учреждение // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 140.

28. Приказ А. В. Суворова. 21 декабря 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 374. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. // Там же. Т. 3. С. 350.

Но как было воспитать уверенность в себе в людях, приученных к жизни на низших ступенях социальной иерархии? Прежде всего следовало позаботиться о благосостоянии солдат, затем пробудить в них сознание своего долга и важности дисциплины, и только после этого начинать настоящее обучение. Объяснение всегда сопровождалось показом. Обучение строилось по возрастающей — от простого к сложному. Процесс был целесообразным, постепенным и методичным. Каждый отдельный новобранец получал наставление касательно нравственности, военной выправки и опрятности. Далее следовало элементарное введение в приемы владения оружием. Затем приступали к тому, что Суворов называл «маневрами, маршами и эволюциями», сначала на уровне отделения, затем взвода и роты. Основное внимание уделялось умению менять боевой порядок, как можно быстрее перестраиваться из походного порядка в соответствующий боевой. Как и другой военный гений XVIII в. — маршал Мориц Саксонский, Суворов, безусловно, верил, что весь секрет маневрирования заключается в тренированных ногах. Хотя Суворов проповедовал строгое соблюдение уставов в гарнизонной службе, в поле он был менее озабочен внешним видом, ровностью шага и блеском, нежели умением войск быстро передвигаться и легко перестраиваться²⁹.

Ловкость и быстрота развивались в процессе физической закалки, и, хотя сам Суворов не отличался крепким телосложением, он подвергал свои войска суровой физической подготовке. Они учились быстро покрывать большие расстояния, плавать, передвигаться по труднопроходимой местности, перепрыгивать через препятствия. С закалкой приходила выносливость и гордость за хорошо выполненную задачу. С закалкой приходила также и скорость. Суворов непрерывно тренировал своих солдат на преодоление огромных расстояний с короткими передышками. Естественно, такая суровая закалка себя оправдывала. Так в 1769 г. на пути в Брест его суздальцы прошли 420 верст за 11 переходов, со средним маршевым темпом 39 верст в день. В 1799 г., во время итальянской кампании, несмотря на летнюю жару, он однажды прошел 80 верст за 36 часов, чтобы сразу же вслед затем дать трехдневное сражение. Не без основания Лонгворт замечает, что Суворов «был одержим идеей скорости»³⁰.

В тактическом и оперативном контексте такое высказывание не является преувеличением. Русский генералиссимус однажды

29. Комаров А. А. Великий полководец и педагог // Преподавание истории в школе. 1980. № 6. С. 17; William H. McNeill. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A. D. 1000*. Chicago, 1982. Pp. 132–133.
30. Longworth. Указ. соч. P. 36. См. также: Орлов Н. А. *Тактика Суворова // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба*. Т. 1–2. Спб., 1900–1901. Т. 2. С. 248, 251.

напомнил австрийскому союзнику, что деньги дороги; жизнь человека еще дороже, но время дороже всего. Суворов высоко ценил скорость, потому что она делала время его союзником и увеличивала возможность достижения внезапности. «Одна минута — утверждал Суворов — решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империй, я действую не часами, а минутами»³¹. В «Науке побеждать» он писал: «Неприятель нас не чаёт, считает нас за 100 верст, а коли издалека, на двух, трехстах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову»³². В сердце суворовской тактической системы лежало понимание того, что армия воюет «не численностью, но умением» и что «скорость и быстрота важнее численности, а натиск и удар решают исход боя»³³.

Однако делая упор на «обучение движению ног», Суворов отнюдь не пренебрегал «обучением действию рук», хотя и уделял меньше внимания отточности движений во время «экзерциций» по мушкетной стрельбе. Кроме умения надлежащим образом вскидывать ружьё на плечо, Суворов требовал ещё обучения частой стрельбе и штыковому бою. Упор на частый огонь во время учений делался не с целью увеличения плотности огня, а с тем, чтобы солдат научился «приёмам скорого заряжания». Заряжать следовало быстро, а стрелять медленно и точно³⁴. Он учил, что в рукопашном бою пулю надо беречь, а полагаться, в первую очередь, на штык. Если три турка в бою нападут на русского солдата, то, как он говорил, «первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун»³⁵.

Предписание Суворова полагаться в первую очередь на штык было вполне обосновано, принимая во внимание его концепцию решительных наступательных действий и современный ему уровень технического оснащения. Русские солдаты были вооружены 70-калиберным гладкоствольным кремневым мушкетом, скорострельность которого в идеальных условиях составляла 3–4 выстрела в минуту. В условиях настоящего огневого боя обученные соединения могли сохранять дисциплину и слаженность в течение нескольких минут, после чего шум, дым и суматоха сраже-

31. Цит. по Петрушевский А. Указ. соч. Т. 3. С. 33. Для издания 2005 г. (перепеч. с изд. 1900 г. с испр. и доп.) С. 463.

32. *Наука побеждать // Суворов А. В. Документы*. Т. 3. С. 506.

33. А. В. Суворов Г. Бельгарду 20 мая 1799 г. // Суворов А. В. *Документы*. Т. 4. С. 116. См. также: Крупченко И. А. В. Суворов и военное искусство // *Военно-исторический журнал*. 1980. № 10. С. 73; Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 66.

34. *Полковое учреждение (глава II — О экзерцировании) // Суворов А. В. Документы*. Т. 1. С. 86, 87, 88; см. также Кочетков А. Н. *Тактические взгляды А. В. Суворова // Развитие тактики русской армии (XVIII в. — начало XX)*. Под ред. Д. В. Панкова. М., 1957. С. 90.

35. *Наука побеждать // Суворов А. В. Документы*. Т. 3. С. 505.

ния постепенно брали верх, заметно снижая производительность огня. В то же время, замковый механизм был ломким, а эффективная дальность стрельбы небольшой. Сломанный кремль или задержка с перезарядкой мгновенно преображали снабженный штыком мушкет в пику, а огневой бой в рукопашный. Неудивительно, что Бенжамин Франклин — современник Суворова — однажды всерьез предложил вооружить континентальную армию луками. Несовершенная и ненадежная техника побуждала Суворова придавать особое значение штыку: солдат был обязан уметь стрелять, но, в конечном счёте, штык всё же был более надежным товарищем. Или, как выразился Суворов на языке, доступном простому солдату: «пуля — дура, штык молодец»³⁶.

Суворову часто приписывают «культ штыка», который возродится в России век спустя, когда М. И. Драгомиров будет ставить холодную сталь выше современных тактических и технических новаций. Оставляя в стороне проблему военной техники, следует отметить, что критики штыка склонны игнорировать психологический фактор. Победа в бою, в конечном счете, олицетворяет триумф воли, и нет лучшего способа продемонстрировать своё полное превосходство, нежели подчинить себе противника физически, со штыком в руке. Неоспоримо, что новейшие достижения в военной технике постепенно вытеснили применение штыка. Но и современные солдаты обязаны демонстрировать способность навязать свою волю врагу, и если надо — в ближнем бою. Суворов прекрасно это понимал; военный опыт периода Французской Революции был тому примером; и лучшие военные педагоги всё ещё ищут методы воспитания в солдатах такого же рода решительности³⁷. Как и другие мастера боевого обучения, включая Драгомирова и Ардан дю-Пика, Суворов был знатоком солдатской психологии и боевого стресса.

Почему Суворов отдавал такое предпочтение штыку понятно. Но требует разъяснения почему Суворов так верил в дисциплинированное применение огня, как средства навязать свою волю противнику. Воздержание от ведения огня могло нервировать противника сильнее, чем стрельба залпами без осязательного эффекта. Такая стрельба, по его мнению, лишь «ободряла варваров», которые приближались и убивали, в то время как русские перезаряжали ружья³⁸. Когда суворовские солдаты прибегали к пулям, огонь отдельных солдат и подразделений должен был взаимно поддержи-

36. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 504. См. также: Орлов Н. А. Тактика Суворова. С. 251.

37. Thomas V. Moseley. Evolution of the American Civil War Infantry Tactics. Ph. D. dissertation. University of North Carolina, 1967. Pp. 214–215.

38. Инструкция А. В. Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 1). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 354.

вать друг друга. Он также должен был быть метким: стрелять попусту со слабой крестьянской надеждой, что пуля сама виноватого отыщет, возбранялось³⁹. Суворов учил каждое подразделение выделять несколько лучших стрелков, в чью задачу входило произвольно, без команды, стрелять по кавалерии и офицерам наступающего противника. Не следует думать, что Суворов не придавал особого значения огневой мощи: ведь именно он приказывал солдатам иметь при себе в боях в южных степях по 100 патронов на каждого⁴⁰. Для XVIII в. такое количество боеприпасов было необычно. Более того, именно Суворов, — командующий, который, как известно, подчеркивал превосходство штыка над пулей — сказал: «пехотные огни открывают победу»⁴¹.

Указание на взаимосвязанную природу огневой мощи и штыка подчеркивало важность наступления и в обучении, и в боевой практике. Офицеров, точно так же, как и солдат, всегда учили думать в категориях движения вперед, использования преимуществ. Для Суворова отступление было синонимом предательства. Это слово никогда не употреблялось во время учений. Офицеры, которые говорили об этом прямо или завуалировано, подвергались строгому выговору. «Шаг назад — смерть...» — говорил полковдец⁴². На учениях идти можно было только вперед. Другой альтернативы не было. Разумеется, то же касалось и боя. В бою не разрешалась даже замена одних частей другими, дабы не приняли это невзначай за сигнал к отступлению⁴³.

При таком подходе главной заботой была, естественно, подвижность и манёвренность войск. В бою или перед приближающимся боем, Суворов настаивал, чтобы младшие офицеры вели свои части в атаку на противника. При этом солдатам некогда было думать о своих страхах, а противнику трудно было приблизиться к движущейся цели. В то же время, за пределами непосредственных границ поля боя, главной заботой Суворова была быстрота передвижения, что отражало его одержимость идеей скорости. В период

39. Приказ А. В. Суворова. Июнь 1770 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 271.

40. Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса с изложением учебной инструкции о способах действия в бою. 16 мая 1778 г. (этот приказ был повторен для войск Крымского корпуса в июне 1778 г.) // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 60 (раздел 5). См. также: Записка А. В. Суворова [В. С. Попову] с рассуждениями о русской гвардии и воспитании офицеров. 11 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 348.

41. Цитируется по: Кочетков А. Н. Тактические взгляды А. В. Суворова. С. 97.

42. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. Полный текст данной фразы: «Шаг назад — смерть, всякая стрельба кончается штыками» // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 351.

43. Наука побеждать — «Никто не смеет пятиться назад ни четверти шага» // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 502. См. также: Кочетков А. Н. Тактические взгляды А. В. Суворова. С. 89–90.

технологического застоя даже очень малое улучшение приносило существенные результаты. Именно так получилось и с суворовской философией подвижности. Насколько позволяли рамки устава, он приказывал облегчать снаряжение и униформу. Он искренне поддерживал реформу мундира, предпринятую князем Г. А. Потемкиным в 1784 г., так как она означала функциональный отход от более ранних экспериментов с мундиром прусского образца. Очевидной целью было сократить расходы и способствовать скорости движений⁴⁴.

Чтобы добиться приемлемого уровня профессионализма, обучение должно было быть непрерывным и подконтрольным. Для Суворова боевая подготовка была постоянным делом, вне зависимости от времени года и обстоятельств. Его солдаты проходили боевую подготовку зимой и летом. Постоянно стремясь к совершенству, он проводил учения даже в ходе кампании. Во время несения службы в боевом охранении малыми отрядами, требовательность командиров вполне могла ослабляться, а солдатам недолго было отпугнуть от ежедневной аванпостной и караульной службы. Противоядием служили учения, которые проводились даже в малых гарнизонах под непосредственным офицерским контролем. Суворов и убеждал, и приказывал офицерам принимать непосредственное участие в учениях⁴⁵. В эпоху, когда обер-офицеры перепоручали скучные аспекты строевой службы младшим командирам и когда начальники обучали своих солдат только в хорошую погоду, действия Суворова означали существенный отход от современной практики.

В дополнение к постепенному и непрерывному обучению, Суворов настаивал также и на том, чтобы учения были целенаправленными и полезными. Ещё одним его принципом было — учить войска только тому, что нужно на войне. Его практический подход к владению оружием и быстрому заряджению демонстрируют его стремление исключить всё, что не служило увеличению огневой мощи. В то же время, он настаивал на том, что «каждый воин должен понимать свой маневр»⁴⁶. Это означало, что учения были нацелены на то, что солдату пригодится в бою. Обычной муштры, маневров и боевой подготовки было достаточно, чтобы привить самые существенные боевые навыки. Но обстоятельства иногда требовали отхода от рутины. Например, когда Суворов стоял лагерем под турецкой крепостью Измаил в 1790 г., он приказал инженерам построить

для учений точные копии отдельных секций крепостных стен, которые его солдатам предстояло штурмовать. Благодаря такой тщательной подготовке перед всяким наступлением, каждый солдат знал свое место в боевом порядке и каждый знал стоявшую перед ним задачу⁴⁷. Даже при наиболее благоприятных обстоятельствах во всяком бою содержится элемент внезапности; сам Суворов широко пользовался приёмом внезапности, и своих солдат он обучал так, чтобы они были готовы к любым неожиданностям.

Возможно, наилучшей страховкой от неожиданного было настойчивое требование стремиться к правдоподобию в маневрах и строевых учениях. Несмотря на своё кажущееся некрепкое телосложение, Суворов прославился тем, что выводил своих солдат на летние учения, где они маневрировали в составе более крупных подразделений, в которых офицеры приобретали опыт применения всех трех родов войск. В XVIII в. русские воинские уставы предписывали несколько видов учений, каждое из которых обычно начиналось с развертывания из походного порядка в боевой, изменения направления атаки или движения, а затем возвращения к походному порядку. В соответствии со своей триадой, Суворов стремился к ускоренному движению при боевом контакте, быстрой, но четкой оценке ситуации, и немедленной атаке. День за днем его войска тренировались на стремительное сближение, развертывание из походного порядка в линию или каре, за которым следовала атака. Боевые порядки и тактика всегда зависели от условий местности и предполагаемого противника⁴⁸. Гибкий подход к развертыванию Суворов четко обобщил в учебной инструкции 1778 г. для Крымского и Кубанского корпусов: «Против регулярных войск — линейные, как в прошлой прусской войне, против иррегулярных, как в прошлой турецкой»⁴⁹.

Однако лучше всего обучение воспроизводило условия реального боя в жестоких двухсторонних учениях, когда одна сторона выступала против другой. В этом отношении вкладом Суворова в реализм — основой его учебной системы — являлась «сквозная атака». Очевидно, он придумал это упражнение несколько позднее своих опытов в Суздальском полку в 1760-е гг. С марша он разделял свои войска на две противостоящие группы, а затем приказывал им развернуться в боевые порядки в 200–250 шагах напротив друг дру-

44. А. В. Суворов [В. С. Попову]. 11 октября 1787 // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 347–348; Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса. 16 мая 1777 г. // Там же. Т. 2. С. 64.

45. Приказ А. В. Суворова в Казанский пехотный полк о необходимости производить военные обучения. 9 декабря 1771 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 474.

46. Суворов А. В. Документы. Т. 4. С. 20.

47. Ростунов И. И. Штурм Измаила // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 114.

48. Столетие Военного Министерства. 1802–1903. СПб., 1902–1914. Т. 4. Составил полк. Гиппиус А. И. Образование (обучение) войск. Часть I. Книга II. Отдел III. СПб. 1903. С. 118.

49. Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса с изложением учебной инструкции о способах действия в бою от 16 мая 1778 г. (этот приказ был повторен для войск Крымского корпуса в июне 1778 г.) // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 63 (раздел 12).

га (дистанция картечного выстрела). Стороны переходили в атаку, останавливаясь на предписанных интервалах, чтобы дать холостые залпы в мнимого противника, и в конце переходили в стремительную штыковую атаку. Чтобы они запомнили момент сближения с противником, Суворов приказывал солдатам не замедлять шага, но в последний момент сделать полшага, поднять ружья и прорваться сквозь узкие интервалы в противоположных рядах. На небольшом расстоянии за линией условного соприкосновения, солдаты делали полный оборот и вновь оказывались лицом к лицу с противником. Упражнение повторялось до тех пор, пока сохранение сплоченности, порыва и натиска не становилось автоматическим⁵⁰.

Чтобы как можно сильнее приблизиться к условиям боя Суворов часто включал кавалерию и артиллерию в учения со «сквозной атакой». Грохот артиллерийской пальбы, топот копыт, блеск штыков и сабель, шум и дым учебного сражения вносили в него серьезную долю реализма. Суворов верил, что это было лучшим способом обучить кавалерию всем сложностям пехотной атаки и вселить в пехоту необходимую стойкость для отражения кавалерийской атаки.

Реализм увеличивал риск, и свидетельства очевидцев говорят о ранениях и даже смертельных случаях в ходе учений со «сквозной атакой». В 1794 г. Денис Давыдов отмечал реакцию Суворова на беспокойство своих подчиненных по поводу возможности потерь во время учений. «Бог с ними!» — отвечал он — «Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу»⁵¹. Таким образом, Суворов принимал возможность ранений и даже случаев смертельного исхода, но оправдывал их тем, что сегодняшние малые потери в ходе учений предотвратят куда большие потери в завтрашнем бою. Действительно, постоянная забота Суворова о благополучии и здоровье своих солдат хорошо документирована. Обученные солдаты были слишком ценны, чтобы терять их в небоевых условиях. Тем не менее, суровое обучение являлось лучшей гарантией того, что они выживут в бою и выйдут из него победителями. Главной задачей Суворова, отнюдь не безразличного к судьбе своих солдат, было успешно провести их через бой⁵².

Реалистичные учения и их обсуждения давали возможность обучать офицеров их задачам и функциям. Суворов побуждал офицеров читать историю, выбирать нужное из прошлого военных героев, чьи карьеры были достойны подражания. Для Суворова военная история являлась школой тактического обучения. «Без све-

50. Гареев М. А. Общевоинские учения. М., 1983. С. 31–32. См. также: Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 502–503.

51. Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 32.

52. См., например, приказ А. В. Суворова по Финляндскому корпусу о мерах по сохранению здоровья солдат. 1792 г. (документ не имеет точной даты) // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 74–75.

тильника истории — тактика потемки» — говорил он⁵³. Изучением истории или разбором кампаний он подчеркивал прямую контролирующую роль офицеров в проведении учений. По окончании ежедневных занятий Суворов собирал офицеров, давал здравую оценку преподанных уроков, обозначал области, которые требовали улучшения, и скупно раздавал равные порции похвал и замечаний⁵⁴. И хотя он никогда не слыл легким начальником, он всегда был щедр на похвалы в адрес тех, кто исполнял свои обязанности толково и добросовестно.

Итак, в чем же заключалась цель такого обучения? Цель состояла в подготовке дисциплинированных солдат, которые черпали силы в глубоком чувстве идентичности и преданности и которые сохраняли уверенность в своей способности одержать победу, потому что были уверены в себе, в своей задаче и в своих вождях. Один европейский военный наблюдатель так резюмировал ситуацию в 1799 г., после наблюдения за русскими учениями в северной Италии: «Последний солдат, из попавших в сферу его (суворовского — Б. М.) влияния узнавал, и практически, и теоретически, боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время... А, если человек выдержан так, что его ничем удивить невозможно; если он при том знает, что делает в своей скромной сфере, — он не может быть побежден, он не может не победить»⁵⁵. Эта установка, в сочетании с суворовской триадой быстроты, глазомера и натиска, во многом объясняет успех русских армий, сражавшихся под командованием гномоподобного генералиссимуса, ставшего впоследствии идеалом для русских и советских военных историков.

И, действительно, уроки Суворова не были позабыты последующими поколениями. Те, кто сражались вместе с Суворовым, некоторое время, пусть и недолгое, хранили верность его наставлениям и методам. К концу 1830-х гг. новое поколение возродило наследие мастера и предложило реформы в его духе. К 1860-м гг., немногочисленные последователи Суворова, такие как Д. А. Милютин, проложили дорогу целой школе приверженцев и подражателей во главе с неутомимым М. И. Драгомировым — одним из выдающихся специалистов по военному обучению в современной военной истории. Хотя Драгомиров преувеличивал значение штыка в современных ему боевых условиях, он многое сделал для того, чтобы повысить качество боевой подготовки в массовой призывной армии⁵⁶. В 1918 г. Ленин предписывал включить учебные па-

53. Цит. по: История военного искусства. Т. 1–2. М., 1963. Т. 1. С. 159.

54. См.: Гареев М. А. Указ. соч. С. 29–30.

55. Цит. по: Гареев М. А. Указ. соч. С. 35.

56. Зайцев Л. А. Военно-педагогические взгляды М. И. Драгомирова // Военно-исторический журнал. 1985. № 9. С. 72–73.

раграфы суворовской «Науки побеждать» в «Книжку красноармейца»⁵⁷. Суворов оставался постоянным источником вдохновения, как в ходе трудного периода военной модернизации 1920–1930-х гг., так и в ходе развития советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны. Его пример всё ещё является важной отправной точкой для современных специалистов по обучению, включая такую видную фигуру, как генерал-полковник М. А. Гареев. И вряд ли могло быть иначе. По словам А. А. Комарова, важность Суворова заключается не только в его внимании к прогрессивному обучению, не только в его заботе о солдате, но в его упоре на простоту, ясность и реализм. Комаров отмечал, что «такие аспекты его педагогической системы... звучат вполне современно»⁵⁸.

Классика всегда современна. Чтобы американскому специалисту понять Суворова, нужно представить себе человека, в котором соединились военно-педагогические принципы барона Ф. В. фон Штойбена, Френсиса Мэриона и Натаниэля Грина и который продемонстрировал неизменную универсальность и актуальность этих принципов.

О таких учителях и воинах слагаются легенды. Существует, например одна русская легенда, согласно которой Суворов никогда не умирал, что спит он глубоким сном, чтобы проснуться, когда России будет угрожать смертельная военная опасность⁵⁹. И пока ответом на военный вызов в эпоху современных массовых армий является возможность либо выставить в поле большое количество уже обученных солдат, либо быстро их создать, как в Великую Отечественную войну, дух Суворова скорее всего не умрёт. Его принципы обучения бесспорно не утратили своей актуальности и через два столетия после его смерти — и не только для русских.

*Перевод с английского
А. А. Кривопалова*

57. См. подробнее: Бескровный Л. Г. Система обучения и воспитания войск А. В. Суворова // Александр Васильевич Суворов. Под ред. Л. Г. Бескровного и А. А. Преображенского. С. 193–194; Кавтарадзе А. Г. А. В. Суворов в отечественной историографии // Там же. С. 44–45.

58. Комаров А. А. Великий полководец и педагог. С. 16.

59. Орлов Н. А. Суворов — русский военный деятель // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба. Т. 2. С. 309. См. также: John L. H. Keep. Ibid. P. 212.

КРИСТОФ ГУМБ

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТАРОЙ
ПРОБЛЕМАТИКЕ¹

Они хотели мира — а обрели насилие. Духоборам и молоканам, которые в течение XIX столетия селились в Закавказье, очень скоро стало ясно, что они не могут рассчитывать на помощь государства. Поскольку оно без особой симпатии отнеслось к их поселениям, да уже и к самому их присутствию в этом уголке империи². Но гораздо важнее было то, что империя была не в состоянии обеспечить им хоть какую-то безопасность — Закавказье было слишком удалено. И, поскольку им никто не помогал, у поселенцев не оставалось выбора. Им пришлось нарушить одну из основ их веры, запрет насилия, и взять в свои руки ситуацию. И они основательно подошли к этому. Они вершили суд над иноверцами. Они превращали в крепости свои деревни. Они создали отряды, вооруженные саблями, кинжалами и револьверами, одели их в мундиры на манер казачьих. Иными словами, они действовали как государство. Очевидно, они надеялись таким образом утратить своих врагов.

* * *

Через столетие с лишним офицер совсем другой армии написал фразу, примечательную по своей откровенности и самокритике: «Справедливости ради отмечу, что в 2003 г. большинство армейских

-
1. Выражаю свою признательность Даниэлю Хедингеру (Берлин/Цюрих) за побуждение к спору и критические замечания.
 2. Описание этого эпизода я взял в: Nicholas B. Breyfogle. *Heretics and Colonizers. Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 188–201, особенно P. 192–195.

офицеров знали о Гражданской войне в США больше, чем о методах подавления восстаний». Эта цитата взята из предисловия к новому «Руководству по подавлению восстаний» армии и морской пехоты США³. Джон Нагл, подполковник армии США и выпускник Оксфорда, иллюстрирует этим последствия, которые возникнут, если полученные данные исследований будут слепо переноситься на другой контекст.

В нижеследующих строчках никак не имеется в виду, что изучение историографии русской армии показало такие же результаты, как и пример Нагла. Я лишь попытался описать и прокомментировать основные положения и тенденции в западной историографии последних десятилетий, касающиеся русской армии. Ситуация, в обобщенном виде и по аналогии с Наглом, получается следующая. Многие историки-русисты прошедших десятилетий, на западе и востоке, знали больше об армиях западных стран, чем об армии Российской империи. Они описывали и анализировали армию идеальную, какая грезилась элите империи. (И в этом они походили на офицеров именно этой армии). Но сама армия, которой приходилось действовать в разных контекстах империи и, значит, окрашиваться повседневными приметами, просто не фигурировала в их интерпретации, равно как и конкретные особенности царской империи. Центральный аргумент этой статьи состоит в том, что все дело в исходных посылах, которыми руководствовались историки имперской армии: сознательно или бессознательно. Поскольку они исходили из посылок изучения *civil-military relations*, возникших в контексте политологии и социологии 1950-х. И вместе с этими исходными посылами в анализ вплетались также нормативные и методические представления того времени. Так, история царской армии обычно изображалась как отклонение от истории национальной регулярной армии западного образца. Поэтому такие особенности, как полиэтничный контекст, в котором существовали и действовали большинство царских солдат и офицеров, многократное применение армии внутри страны против собственного населения, тесное включение армии в демонстрацию правящим домом своей власти и ряд других часто недооценивались в их значении для армии и общества в целом.

Следующие размышления не нужно понимать ни как обзор истории *civil-military relations*⁴, ни как исчерпывающее исследование

3. The U. S. Army/Marine Corps Counterinsurgency Field Manual. U. S. Army Field Manual No. 3 –24; Marine Corps Warfighting Publication No. 3 –33.5. Chicago/London: University of Chicago Press, 2007. P. XV.

4. О дальнейшем развитии концепций см.: Constantine P. Danopoulos & Dharendra Vajpeyi, «Introduction: Notes and Concepts» // *Civil-Military Relations, Nation-Building, and National Identity. Comparative Perspectives*/Edit. Constantine P. Danopoulos, Dharendra Vajpeyi & Amir Bar-or. Westport, Conn/London: Praeger, 2004. P. 1–18.

об имперской русской армии⁵. Моя задача — рассмотреть один — хоть и центральный — аспект военной историографии в конкретном контексте: труды о русской армии на закате царской империи. Поэтому я сначала вкратце упомяну двух родоначальников современной военной истории и социологии. Поскольку их основные идеи, как говорится ниже, присутствуют в тех или иных конstellациях.

Мой выбор текстов неизбежно оказался субъективным. Это узкие исследования в западной историографии царской армии после «Великих реформ»; мною не рассматривались работы, написанные на русском языке, а также труды, посвященные стратегическому аспекту русской военной истории.

Сверхотцы: Длинная тень теории⁶

Пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что начало истории отношений общества и армии, то есть, *civil-military relations*, можно увязать с появлением двух книг: «Солдат и государство» Сэмюэля Хантингтона (1957) и «Профессиональный солдат» Мориса Яновица (1960)⁷. При всех различиях в выводах оба они в своей аргументации прибегают к термину, который оказался плодотворным для описания истории русской армии: «профессионализм»⁸. Хантингтон определяет его детально — компетент-

5. Ближе всего к этому: Bruce W. Menning. A Decade Half-Full: Post-Cold War Studies in Russian and Soviet Military History // *Kritika* 2 (2001), 2. P. 337–358 (Русский перевод см.: Брюс В. Меннинг. Скромные итоги десятилетия: Русская и советская военная история после Холодной войны // *Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Том I* / Ред.-сост. М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти. М., 2004. — *Ред.*). Неудовлетворительно описывает ситуацию в царской империи: Martin Zückert. Krieg und Militär in Forschungen der osteuropäischen Geschichte. Fragestellungen, Ergebnisse, Desiderata // *Zeitenblicke* 6 (2007), 2. См.: <http://www.zeitenblicke.de/2007/2/zueckert/index.html>.

6. «Сверхотцы» — термин психоанализа (прим. переводчика).

7. Ср. Edward M. Coffman. The Long Shadow of The Soldier and the State // *Journal of Military History* 55 (1991). 1, 69–82; James Burk. Morris Janowitz and the Origins of Sociological Research on Armed Forces and Society // *Armed Forces & Society* 19 (1993). 2, 167–185. По Восточной Европе см.: Harald von Riekhoff. Introduction // *The Evolution of Civil-Military Relations in East-Central Europe and the Former Soviet Union*/Edit. Natalie L. Mychajlyszyn & Harald Von Riekhoff. Westport, Conn./London: Praeger, 2004. P. 3–18, здесь P. 6. Оба классика цитируются здесь по следующим изданиям: Samuel P. Huntington. The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations. New York: Vintage, 1964; Morris Janowitz. The Professional Soldier. A Social and Political Portrait. Glencoe, IL: The Free Press of Glencoe, 1960.

8. Peter D. Feaver. The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civilian Control // *Armed Forces & Society* 23 (1996). 2, 149–178, особенно P. 160, 165 и далее; Sam C. Sarkesian. The Dimension of Amer-

ность, ответственность и командный дух (*expertise, responsibility, cooperativity*)⁹.

Это термин ясно показывает, в каком контексте следует понимать оба этих труда: в контексте прусской армии XIX в. Точней: создания прусского Генерального штаба после реформ Штейна-Гарденберга вследствие освободительных войн Пруссии¹⁰. По утверждению авторов, эти реформы внесли коренные изменения в прусскую армию. Она превратилась в институт, который формировался исключительно по функциональным и профессиональным критериям, а не по сословной принадлежности, как раньше, офицерский чин открылся теперь для широких слоев населения, и на остатках прежней армии возникла новая, функциональная, социально неоднородная, короче: современная и профессиональная военная элита. А эти институциональные перемены, в свою очередь, привели к трансформации взглядов офицерства, их ценностного ряда и норм. Хантингтон говорит о профессиональной этике «*professional ethic*» военного склада мышления «*military mind*», которая выработалась в это время¹¹. В трудах Карла фон Клаузевица, по мнению Хантингтона, наиболее ясно нашла свое выражение эта новая, профессиональная военная этика. Образец для современного профессионального солдата XX в. возник в западноевропейском государстве XIX в.¹²

Здесь соль аргументации Хантингтона. Поскольку свой ответ на классический вопрос исследований «*civil-military relations*» он обосновывает профессиональной этикой этих солдат. Самуэль Файнер перефразировал его так: Почему профессиональные армии так редко вмешиваются в принятие политических решений?¹³ То есть, как происходит, что офицеры не часто поддаются соблазну взять в свои руки власть в государстве? Ответ Хантингтона на этот вопрос таков: благодаря *objective civilian control* и профессиональному, добровольному самоограничению. Современные офицеры — «менеджеры по применению насилия», как метко выразился Хантингтон¹⁴. В процессе обучения они становятся специалистами в этой сфере, а политические решения предоставляют людям политики. Признавая вполне обоснованный приоритет поли-

ican Military Professionalism: Two Scholarly Viewpoints // Beyond the Battlefield. The New Military Professionalism/Edit. Sam C. Sarkesian. New York u. a.: Pergamon Press, 1981. P. 41–54.

9. Huntington. The Soldier and the State. P. 8.

10. Там же. P. 30

11. Об этом подробнее: Там же. P. 59–79.

12. James Burk. Theories of Democratic Civil-Military Relations // Armed Forces & Society 29 (2002). 1, 7–29.

13. Samuel Finer. The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics. Boulder/London: Westview Press/Printer Publishers, 1988. P. 5, 10.

14. Huntington. The Soldier and the State. P. 12.

тики, они научились признавать эту прерогативу за гражданской властью и добровольно ей служить.

Родоначальник современной военной социологии Морис Яновиц опирался в своих доводах на другие аргументы¹⁵. Он соглашался с Хантингтоном, впрочем, как уже упоминалось выше, приводя в конце нормативный аргумент. Он видел в профессиональной этике профессионального солдата причину тому, чтобы он действовал с политической сознательностью и добровольно входил в гражданское общество, стремясь к благу для своей государственности¹⁶.

Итак, Хантингтон и Яновиц рассматривают один и тот же предмет, но с разных позиций и с разными целями¹⁷. Но в основе обоих подходов лежит отрицательная точка отсчета — апокалиптическая картина государства, управляющегося одними лишь военными: «государства-гарнизона» (*garrison state*), как его описал в 1941 г. Гарольд Лассуэлл, глядя на две большие диктатуры своего времени¹⁸. То есть, оба придерживаются нормативного, демократического подхода¹⁹. Но при этом в основе модели Хантингтона лежит *либеральная* концепция государственности: мир хаоса, по Томасу Хоббсу, в котором задача государства — с помощью армии, своей длани, держащей меч, защищать индивидуальное право своих граждан на свободу. Модель предполагает две независимых друг от друга, различных общественных сферы — политическую и гражданскую — которые четко отделены друг от друга, без всякого взаимопроникновения. Идеальным состоянием здесь является профессиональная армия, которая из понимания доминантной роли политики добровольно подчиняется приказам штатских властителей.

Наоборот, *республиканско-гражданская* модель Яновица видит свой идеал в гражданском участии армии в жизни государства. Армия и общество здесь мыслятся как две взаимопроникающие сферы: в этой традиции военные и общество исследуются в их обоюдном влиянии и взаимозависимости. Вершина модели Яновица — персона гражданина в военной форме (*citizen soldier*) — который,

15. О нем подробнее см.: Burk. Morris Janowitz. P. 168.

16. Janowitz. The Professional Soldier. P. 233–256. Ср. также: Feaver. The Civil-Military Problematique. P. 233–356.

17. Burk. Theories. P. 9

18. Harold Lasswell. The Garrison State // War. Studies from Psychology, Sociology, Anthropology/Edit. Leon Bramson & George W. Goethals. New York/London: Basic Books, 1968. P. 309–320. Впервые издано в The American Journal of Sociology. (66) 1941. P. 455–468. Позже Лассуэлл переформулировал свою теорию, написанную под впечатлением от двух больших тоталитарных режимов этого столетия, в (трудночитаемой) монографии. См.: Harold Lasswell. The Garrison-State Hypothesis Today // Changing Patterns of Military Politics/Edit. Samuel P. Huntington. New York: The Free Press of Glencoe, 1972. P. 51–70.

19. Ср. Burk. Theories. P. 9–12.

вероятно, интегрирован в демократическое общество даже несмотря на отмену всеобщей военной повинности.

Таким образом, Хантингтон и Яновиц предлагают две различных модели, которые впоследствии оказали влияние и на труды по военной истории. Питер Фивер проводит различие между политологическим подходом Хантингтона и социологической точкой зрения Яновица: «Для политологов институциональный гражданский контроль является самой сутью взаимоотношений между военными и гражданскими. Для социологов, сутью отношений военные-гражданские является интеграция (или ее отсутствие) гражданских и военных институтов»²⁰.

Несмотря на множество изощренных, нередко на удивление точных и остроумных аргументов, которые приводят адепты обоих мыслителей, современную военную науку тоже можно упрекнуть в том, что она до сих пор находится в тени этих людей²¹.

Итак, обе влиятельные посылки в западной военной науке, имеющей социологический уклон, построены, во-первых, на *нормативном фундаменте*. Возникли они в контексте холодной войны, на фоне грозной картины «государства-казармы», и, следовательно, искали причины гибели царской империи в том, что они называли «милитаризм»²². Во-вторых, как уже вкратце говорилось выше, они создавались на идеальной модели западно-европейского, суверенного *национального государства*. Явления, которые не вписываются в рамки национального государства, например, специфические обстоятельства, с которыми вынуждены считаться мультиэтнические империи, и ведение «малых» колониальных войн, объяснения не находят. В третьих, в них рассматриваются в основном идеологические и культурные черты *офицерства*, в поле зрения находят лишь программные труды и заметки элиты. Поведение и взгляды военных низшего звена в анализ, как правило, не включаются.

Элита — социальная история

С этой точки зрения отнюдь не удивительно, что первые достойные упоминания²³ работы, опубликованные западными историками и касающиеся русской армии в последние десятилетия царской

20. Feaver. The Civil-Military Problematique. P. 166.

21. В отношении истории армии США так утверждает: Coffman. The Long Shadow. P. 82.

22. Несомненно яркий пример этого приводит: John Keep. The Origins of Russian Militarism // Cahiers du Monde russe et soviétique, 26 (1985). 1, 5–19.

23. Не заслуживает упоминания, но посвящена тому же предмету статья: Oliver Allan Ray. The Imperial Russian Army Officer // Political Science Quarterly 76 (1961). 4, 576–592.

империи, рассматривают в основном один предмет исследования: офицерство.

Немецкий историк Петер Штейн изучал в 1967 г. эту «лидирующую часть» русской армии²⁴. Аргументация Штейна многогранная и сдержанная. Он интерпретирует офицерство — осторожно, в противоположность большинству англо-саксонских исследователей, — как единую социальную группу, находящуюся в процессе становления. Очень разное социальное происхождение офицеров препятствует возникновению сплоченности между ними²⁵. Поэтому, по мнению Штейна, в русской общественности того времени не было распространено выражение «офицерство»²⁶. Государство же, наоборот, пыталось преодолеть эту гетерогенность, создавая различные военные институты, например, нечто вроде единой корпорации с соответствующим духом

Петер Кенец дополнил эту картину расшифровав «военный склад мышления» (military mind), как нечто вроде коллективной «психе» русского офицера. Поскольку увидел проблему в том, что русское офицерство было весьма мобильным образованием и после реформ 1860-х одним из немногих институтов, где аристократические критерии отбора были заменены на меритократические²⁷. Но именно поэтому трудно объяснить неуспех такой армии в 1917 г. Кенец ищет причины на уровне истории ментальности и культуры. Сугубо неполитический характер армии привел в такие кризисные годы, как 1905 и 1917, к тому, что офицеры не могли идентифицировать себя с государством, которое были призваны защищать. И в 1917 г. заплатили высокую цену за свою политическую наивность²⁸. Иными словами: недостаточная связь армии с обществом, ее изолированное положение — одна из причин заката старой России. И параллели в аргументации с двумя вышеупомянутыми авторами очевидны.

В традиции этих ранних трудов по социальной истории в конечном счете написаны и некоторые современные социологические исследования взаимоотношений между гражданским обществом и военными; несмотря на то, что их методический инструмента-

24. А также П. А. Зайончковский, который, цитируя, ошибочно называет его «Hein», «с фактической стороны» как «положительно» оцениваемого (Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 29–30).

25. Hans-Peter Stein. Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 13 (1967). 346–507, 420.

26. Там же. S. 419.

27. Например: Peter Kenez. A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies 7 (1973). 121–158, 136.

28. Peter Kenez. The Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind // Russian Review 31 (1972), 3, 226–236, здесь P. 235, 236.

рий стал значительно точней, в конечном счете он все равно опирается на аргументацию из сферы идеологии и культуры. Впрочем, у них это называется «организационная культура» (*organizational culture*)²⁹. Но и им присуща та же слепота в отношении событий и процессов, происходивших в армии ниже командного уровня.

«Генеральная репетиция» — государство и общество в годы революции

Различия в наследии двух отцов-основателей, пожалуй, наиболее наглядно видны в двух замечательных книгах, которые увидели свет почти одновременно, посвящены одному и тому же отрезку истории, но диаметрально отличаются в подходе к проблеме³⁰. Один из этих авторов — Джон Бушнелл. Во множестве статей³¹ и монографии³² он рисует панораму русской армии в революционные 1905–1906 гг. с точки зрения бунтующих солдат. Уильям Г. Фуллер, напротив, рассматривая те же последние годы существования империи, конфликты между русскими военными и гражданским населением, основное внимание уделяет коридорам власти, то есть разногласиям внутри министерств, офицерству и спорам в комиссии по государственной обороне Думы³³.

Возникает соблазн отнести две эти работы — по аналогии с исследованиями сталинизма — к русской военной истории, увиденной «сверху» и «снизу»³⁴. Однако, в нашем контексте значительно

интересней то, как у обоих авторов изображены отношения армии и общества. Инновационный шаг Бушнелла — он видит в русских солдатах представителей (крестьянского) общества (*не общины — Gemeinde, a Gesellschaft — прим. пер.*). Как он пишет в предисловии, его книга повествует «о взаимосвязи между армией и обществом — общество влияет на облик армии, армия скрепляет общество»³⁵. И ничто не иллюстрирует взаимоотношения армии и общества у Бушнелла лучше, чем название статьи: солдаты, по Бушнеллу, были «крестьяне в военном мундире», а русская армия «крестьянское общество». Хотя и отделенные от своих деревень, солдаты все еще были с ними связаны образом мышления и действий³⁶.

Фуллер, напротив, рассматривает армию и общество как две отдельные сферы, которые встречаются при возникновении конфликтов, в межбюрократических, межминистерских распрях или для подавления бунта³⁷. Будни армии по Фуллеру — в отличие от Бушнелла — это сумма приказов и стратегических записок ее генералов. Короче говоря, здесь дается такой портрет армии, каким он представлялся в мечтах и фобиях элиты.

Если Бушнелл и Фуллер, в определенном роде продолжая традицию Яновица и Хантингтона, представляют собой два противоположных полюса в разработке этой темы, то появившаяся в том же году немецкая работа «Армия и общество в дореволюционной России», автор Дитрих Бейрау, как бы выполняет функцию посредника³⁸. В ней хотя и нет четкого концептуального разграничения между «армией» и «обществом», однако обе сферы изображены если не во взаимопроникновении, то уж точно во взаимодействии. Такие темы, как «муштра» и быт солдат, превращение солдатского тела в инструмент, а также участие армейской верхушки в петербургской политике и роль военных в управлении огромными областями на периферии империи, представляют военных одновременно как зависимую и независимую переменную общества.

29. Brian D. Taylor. *Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689–2000*. Cambridge: University Press, 2003.

30. Так, в одной из рецензий: Peter Kenez. *Russian Soldiers and Military Conflict // Slavic Review*, 45 (1986). 4, 720–723, здесь P. 720.

31. John Bushnell. *The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // American Historical Review*, 86 (1981). 4, 753–780; John Bushnell. *Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Journal of Social History*, 13 (1980). 4, 565–576; John Bushnell. *The Revolution of 1905 in the Army: The Incidence and Impact of Mutiny // Russian History*, 12 (1985). 1, 71–94.

32. John Bushnell. *Mutiny amid Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906*. Bloomington: Indiana University Press, 1985.

33. William C. Fuller. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.

34. Ср. например, обзор, выполненный одной из центральных участниц этих дебатов, Sheila Fitzpatrick, в: *Stalinism. New Directions*. London/New York: Routledge, 2000. P. 1–14. Два обзора на немецком языке сделали Stephan Plaggenborg. *Die wichtigsten Herangehensweisen an den Stalinismus in der westlichen Forschung // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Hrsg von Ders. Berlin: Arno Spitz, 1998. S. 13–34; Jörg Baberowski. *Wandel und Terror: Die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941. Ein Literaturbericht // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 43 (1995). S. 97–129; а также введение к: Мальте Ролф. *Советский массовый праздник*. М., 2007. Классический немецкий текст о военной истории — «взгляд снизу»: Wolfram Wette. *Der Krieg*

des kleinen Mannes. *Eine Militärgeschichte von unten*. München Zürich: Piper, 1992. Ср. также: Wolfram Wette. *Militärgeschichte von unten // Geschichte von unten. Modelle alternativer Geschichtsschreibung/Edit. Bernd Jaspert. Hofgeismar: Evangelische Akademie, 1990. S. 130–149.*

35. Bushnell. *Mutiny amid Repression*. P. VIII.

36. Он же. *Peasants in Uniform*.

37. Примечательно, что споры вокруг военного бюджета и применения войск при подавлении беспорядков — два примера, стоящие в центре работы Фуллера.

38. Dietrich Beyrau. *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 1984. Две противоположные позиции — условно говоря, либеральную и республиканско-гражданскую — Бейрау в своем введении определил как позиции Отто Хинцеля и Фридриха Энгельса. Ср.: Там же. S. 3, 4.

Долгое время в исторических исследованиях, посвященных России, тон задавало изучение сталинизма. Здесь разрабатывались — часто в прямой связи с теоретическими выкладками исследователей национал-социализма — новые, волнующие темы. Открытие архивов в начале 1990-х годов послужило основой для нового поколения исследователей³⁹. Они обнаружили для себя в истории сталинизма две темы, которые важны и для изучения истории заката царской империи. С одной стороны, был как бы заново открыт полиэтничный характер истории России и Советского Союза. И одновременно в противовес позициям «ревизионистов» 1980-х гг. возникли интерпретации, которые вновь выдвинули на первый план роль государства и поставили Советский Союз межвоенного периода в междунациональный контекст, определяемый как «паневропейский модерн» (*pan-European modernity*)⁴⁰. Ссылаясь на таких авторов, как Зигмунт Бауман, Мишель Фуко и Джеймс Скотт⁴¹, эта *modernity group*⁴² подчеркивала современный характер сталинизма, который они ставили в один ряд с государственно-интервенционистской практикой других европейских диктатур, а также социальных государств в эпоху между двумя войнами⁴³. Цель этого направления, говоря вкратце, заключалась в том, чтобы обрисовать, как государства «видели» свое население, как они хотели вмешаться в привычный ход жизни с целью ее полного преобразования.

В ответ раздались справедливые возражения, что все это никак не объясняет безмерное, не знающее границ насилие сталинизма.

39. Ср. статьи в специальном выпуске «Ежегодников по истории Восточной Европы» (*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*): Jörg Baberowski. Arbeit an der Geschichte. Vom Umgang mit den Archiven // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 51 (2003). 1, 36–56, здесь S. 3, 4; Jan Plamper. Archival Revolution or Illusion? Historicizing The Russian Archives and Our Work in Them // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 51 (2003). 1, 57–69.
40. Пример историзации исследований: David L. Hoffmann (Ed.). *Stalinism. The Essential Readings*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003; Daniel Beer. Origins, Modernity and Resistance in the Historiography of Stalinism // *Journal of Contemporary History*, 40 (2005). 2, 363–379; и недавно: Matthias Braun. Die Vermessung der Diktatur. Zwischen «archival revolution» und «new cultural history»: Neue Literatur über die Sowjetunion vor dem Zweiten Weltkrieg // *Zeitenblicke* 6 (2007). 2. См.: <http://www.zeitenblicke.de/2007/2/braun/index.html>.
41. Zygmunt Bauman. *Modernity and Ambivalence*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991; James C. Scott. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven/London: Yale University Press, 1998.
42. Fitzpatrick. Introduction. P. 11.
43. Обзор этого: Mark Mazower. Violence and the State in the Twentieth Century // *American Historical Review*, 107 (2002). 4, 1158–1178. О понятиях *Moderne* и *Modernität*: Stephen Kotkin. *Modern Times. The Soviet Union and the Interwar Conjuncture* // *Kritika*, 2 (2001). 1, 156–161.

И ведь именно оно образовало корень этой системы господства — и в гораздо меньшей степени оно свойственно социальным государствам, таким как Швеция или Норвегия⁴⁴. Наиболее плодотворными оказались те труды, которые четко связывали историю последних лет царской империи с первыми годами Советского Союза⁴⁵. Период с 1905 по 1921 гг. рассматривался как время специфических исторических обстоятельств, в которых следует искать объяснение последовавших позднее эксцессов насилия⁴⁶. И при взгляде на причины «По ту сторону Великого Октября», который немецкий историк Карл Шлэгель отважился бросить еще в середине 1980-х гг.⁴⁷, становится очевидно, что ключевую роль там играли взаимоотношения армии и общества.

Так, Петер Холквист, один из наиболее известных представителей этого направления, видит корни сталинского насилия в методах господства военной машины царизма. Методология и такие научные дисциплины, как военная статистика, учили Россию «государственному взгляду» на события, когда индивид рассматривается на фоне огромного целого. Таким образом, становится понятным и целенаправленное применение насилия для преобразования социальной среды. Методы насилия прижились в России во время переселения и изгнания мирного населения в годы Первой мировой войны, и уже потом к ним прибегли в Советском Союзе⁴⁸. Военные, считает Холквист, стояли здесь на самом переднем фронте. Научные дисциплины — военная география и статистика, которые лично поддерживал и продвигал Дмитрий Милютин, — создавали основы для политики «счета, сортировки и уничтожения». Опробованные еще в 1860-е гг. на Кавказе методы массовой депортации и изгнания сделались в царской империи массовым явлением в годы Первой мировой войны⁴⁹. Тогда общество еще только формировалось, вырабатывались социологические категории — чтобы

44. Jörg Baberowski. *Moderne Zeiten? Einführende Bemerkungen* // *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert*/Hrsg. von Jörg Baberowski. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. S. 7–11. Это главный аргумент у Йорпа Баберовски: *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003). Русский перевод: Йорг Баберовский. *Красный террор*. М., 2008.
45. Beer. Origins. P. 370–371.
46. Peter Holquist. *Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–1921* // *Kritika*, 4 (2003). 3, 627–652, здесь P. 630.
47. Karl Schlögel. *Jenseits des Großen Oktober. Das Laboratorium der Moderne* Petersburg. Berlin: Siedler, 1988.
48. Peter Holquist. *State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism* // *Stalinism. The Essential Readings*/Ed. David L. Hoffmann. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 129–156, здесь P. 135–137.
49. *Ibid.* To Count, To Extract, and To Exterminate: Populations Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, ed. Richard Suny

вскоре превратиться в объект социальных утопий. В представлениях военного сознания население фигурировало исключительно как объект. Холквист, описывая царскую империю, говорит о взаимовлиянии военных и гражданского населения прежде всего в одном направлении. Ведь все планы военных исходили из тотальной пластичности общества, которому можно придать любую форму; в их мышлении был только один маленький шаг от надзора за настроением населения через *сводки*, сообщения о настроениях в обществе в годы Первой мировой и первых лет советской власти, до их активного преобразования⁵⁰. Тотальная мобилизация в Первую мировую, однако, привела к имплозии, взрыву границы между военными и обществом, и это в конечном счете создало основы для выхода насилия из берегов в гражданскую войну и в последующие годы большевистских экспериментов над населением⁵¹.

В своих исследованиях Холквист мог опираться на разработки, которые выполнил Дэвид Алан Рич⁵². Рич оперировал — хотя не совсем явно — такими концепциями, как «*gouvernementalité*» Фуко и методы колониального господства Эдварда Саида, и описал, как образовалась в Генеральном штабе русской армии и среди подчиненной бюрократии, в научных дисциплинах военной географии и статистике та самая рациональная культура знания — «когнитивная власть», как он ее называет⁵³. С годами она обрела самостоятельность и обратилась прежде всего против самодержавия и «системы великих князей», но в конечном счете и против самого царя. По мнению профессиональных военных технологов Генерального штаба, все в конечном счете можно было планировать.

& Terry Martin. Oxford/New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144, здесь P. 112–127.

50. Ср. яркий пример: Ibid. Anti-Soviet Svodki from the Civil War: Surveillance as a Shared Feature of Russian Political Culture // Russian Review, 56 (1997). 3, 445–450.

51. Этот процесс радикализации стал темой у него же: Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA/London: Harvard University Press, 2002.

52. David Alan Rich. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy and Subversions in Late Imperial Russia. Cambridge: University Press, 1998.

53. О термине Фуко *gouvernementalité* см. его лекции по истории *gouvernementalité* в Collège de France (1978–1979). Они опубликованы: Michel Foucault. Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France 1978–1979. Paris: Gallimard, 2004; Naissance de la Biopolitique. Cours au Collège de France 1978–1979. Paris: Gallimard, 2004. Теория «ориентализма» Саида, разумеется, изложена в: Edward Said. Orientalism. New York: Pantheon, 1978. О русских корнях Саида недавно написала Вера Тольц: European, National, and (Anti-) Imperial. The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Orientalism and Empire in Russia/Ed. Michael David-Fox, Peter Holquist & Alexander Martin. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. P. 107–134.

Вслед за обществом и сам царь превратился в объект планировочных фантазий⁵⁴.

В работе Рича термин «профессионализация» является одним из ключевых, но, если следовать его аргументации, в русской армии «профессионализация» проводилась в чрезмерной, радикализированной версии. И таким образом, приводила в итоге к сбою системы. Профессионализация, которая ведет к несказанному страданию и системному сбою: нормативное требование Хантингтона ставится здесь с ног на голову.

От такой картины немного отстывает недавно появившаяся монография Алекса Маршалла. Поскольку русский Генеральный штаб и прежде всего его азиатский отдел изображены здесь, вопреки ожиданиям, не как всеведущий колониальный «всевидающий страж», каким его себе представляют постколониальные авторы в своих кошмарах (или мечтах?) — и как можно было бы ожидать после трудов *modernist group*. Более того, по Маршаллу, оба эти института были «близорукими стражами». Там просто очень не хватало финансовых средств и отсутствовала эффективная организационная структура⁵⁵. Но все же и Маршалл признает центральное значение царских офицеров для утверждения военной статистики и опять-таки их фатальную роль в последние годы империи. Впрочем, по его мнению, существенней то, что мышление имперских элит было окрашено военным внедрением «науки о востоке» (востоковедения), т. е., военные искали научный подход к Азии.

Если для Холквиста и Рича население гибнувшей царской империи существовало лишь как объект утопий ведущих военных персон, то работы Йошуа Сэнборна выгодно отличаются тем, что снова возвращают население на сцену в роли субъекта действия. Это тем более примечательно, что и Сэнборн начинает с проекта царских военных реформаторов: моральное преобразование и обновление империи через введение всеобщей воинской повинности⁵⁶. Введение всеобщей воинской повинности планировалось сверху как революционный акт — совсем в традиции «общества как государственного мероприятия», термин, который немецкий историк Дитрих Гейер использовал для описания XVIII века⁵⁷. И, по мысли Сэнборна, эта мера была весьма эффективной, поскольку изменила глубин-

54. Rich. The Tsar's Colonels. P. 227.

55. Alex Marshall. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London/New York: Routledge, 2006. P. 180–183.

56. Особенно четко это показано в: Josh Sanborn. Military Reform, Moral Reform, and the End of the Old Regime, 1450–1917 // Military and Society in Russia/Ed. Edgar Lohr & Marshall Poe. Leiden/Boston/Köln: Brill, 2002. P. 507–524.

57. Dietrich Geyer. «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaates im 18. Jahrhundert // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland/Hrsg. Dietrich Geyer. Köln: Kiepenheuer und Witsch, 1975. S. 20–52.

ную структуру общества. Изменилось то, как отныне индивиды — а не государство, как у Холквиста — воспринимали себя и свою принадлежность к большой общности. Здесь это были солдаты царской армии, которые учились смотреть «с точки зрения государства». Для царской России такая трансформация возымела чрезвычайно большие последствия — и в конечном счете стала фатальной. Ведь коль скоро подданные многонациональной царской империи, неоднородной в социальном и культурном плане, начали ощущать себя русскими гражданами национального государства, коль скоро «русская нация» была собрана и мобилизована, а значит, создана, это привело к конфликтам с повседневностью империи. Патриотическая мобилизация в солдаты крестьян не приводила — как считал Яновиц — к зарождению республиканских идеалов у прото-граждан в военных мундирах. Наоборот, как показывают исследования Сэнборна в сферах национализма, национальной политики, представления о мужском достоинстве и практик насилия, последствия привели к взрыву всей государственности⁵⁸. В момент мобилизации, в момент взаимопроникновения общества и военных империя была выведена из равновесия⁵⁹. Если гиперпрофессиональные, модернистские генералы у Рича поставили с ног на голову профессиональность в духе Хантингтона, то работа Сэнборна служит скорей примером извращения идеи Яновица о гражданах-солдатах.

Эта картина общества, целиком пропитанная милитаризмом и национализмом, была недавно поставлена под сомнение одной немецкой работой⁶⁰. В своем исследовании всеобщей воинской повинности и повседневной солдатской жизни Вернер Бенеке приходит к парадоксальному результату, который он намеренно противопоставляет точке зрения реформистов — и, таким образом, работе Сэнборна⁶¹. Перефразируя Бенеке, именно отсталость уберегала Россию от «яда милитаризма». Царская империя не обладала в целом ни институциональной инфраструктурой, ни общей базой для сотрудничества военных, государства и интеллигенции, чтобы стало возможным нечто вроде использования общества в военно-политических целях. Кроме того, считает Бенеке, было бы абсурдом верить, что автократия когда-либо могла породить хотя бы намек на «гражданина в военном мундире»⁶². Да у него

58. Joshua A. Sanborn. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.

59. Joshua Sanborn. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // The Journal of Modern History 77 (2005). 2, 290–324.

60. Werner Benecke. Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland, 1874–1914. Paderborn u. a.: Ferdinand Schöningh, 2006.

61. Ср. например: Он же. S. 364.

62. Таковы итоги его исследований: Он же. S. 391–405. Более подробное обсу-

и не было бы ни единого шанса, поскольку воля генералов разбивалась о сопротивление русской обыденности, тонула в преимущественно крестьянском обществе и не могла наложить на него свой отпечаток⁶³. Поэтому не армия формировала окружавшее общество, а ровно наоборот.

Вторым направлением исследований, активно развивавшимся историками после открытия архивов, был мультиэтнический характер царской империи. Высокой конъюнктурой пользуются работы, представляющие Россию прежде всего как многонациональную империю⁶⁴. История России и Советского Союза, как констатируют отныне, непредставима без взгляда на мультинациональную периферию⁶⁵. Что касается нашего предмета исследований, то здесь прежде всего очевидно одно: если сделать темой мультинациональный характер армии, то на первый план выходит организационная проблема царской национальной политики, например, при введении всеобщей воинской повинности или после революции 1905 г.⁶⁶ А специальные исследования о роли армии на национальных окраинах страны — вообще товар повышенного спроса⁶⁷.

Наряду с вышеперечисленными работами, рассматривающими экстремальные случаи и колониальную практику кануна Пер-

ждение работы Бенеке см.: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 55 (2007), 55 (2007). 3, 444–446.

63. Там же. S. 385.

64. См. обзор: Aleksei Miller. Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // Kritika, 5 (2004). 1, 7–26; Michael David-Fox & Peter Holquist. The Imperial Turn // Kritika 7 (2006). 4, 705–712 и недавняя работа: Ricarda Vulpius. Das Imperium als Thema der russischen Geschichte. Tendenzen und Perspektiven der jüngeren Forschung // Zeitenblicke 6 (2007), 2: <http://www.zeitenblicke.de/2007/2/vulpius/index.html>. Блестящий обзор на русском языке: Алексей Миллер. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

65. См., например: Jörg Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 47 (1999), 4, 482–504.

66. Robert F. Baumann. Universal Service Reform: Conception to Implementation, 1873–1883 // Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution/Ed. David Schimmelpenninck van der Oye & Bruce Menning. Washington D. C./Cambridge: Woodrow Wilson Center Press/Cambridge University Press, 2004. P. 11–33; Robert F. Baumann. Universal Military Service and Russia's Imperial Dilemma // War and Society 1986), 31–49; Robert F. Baumann. Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia: The Case of the Bashkirs // Slavic Review, 46 (1987). 3/4, 489–502 и недавняя работа: Gregory Vitarbo. Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914 // Slavic Review, 66 (2007). 4, 682–701. Для сравнения см.: Jörg Leonhard & Ulrike von Hirschhausen. Does the Empire Strike back? The Model of the Nation in Arms as a Challenge for Multi-Ethnic Empires in the Nineteenth and early Twentieth Century // Journal of Modern European History, 5 (2007). 2, 194–221.

67. Также: Миллер. Империя Романовых... С. 7.

вой мировой войны, немногие историки, и прежде всего Марк фон Хаген, исследовали многонациональный характер армии на закате царской империи⁶⁸. Это досадное упущение, поскольку из новейших исследований ясно: здесь, на периферии выработывалось новое понимание отношений между военными и гражданскими институтами. История армии и общества в России должна рассматривать этот контекст, ситуации, когда солдаты и штатские вступали друг с другом в конфликт.

Так, конфликты между гражданскими институтами и военным министерством были рассмотрены Даниэлем Броуэром в рамках исследования русской колониальной политики в Туркестане⁶⁹. Назначение генерал-адъютанта Константина Петровича фон Кауфмана генерал-губернатором Туркестана было, по его мнению, компромиссом между военными интересами, связанными с безопасностью империи, и перспективной реформ, которые посредством концепции «гражданственности» должны были привести к полной интеграции Туркестана в Российскую империю⁷⁰. Однако на взгляды и административный опыт Кауфмана повлияла его служба на Кавказе под началом Милютин и в Вильно после восстания 1863 г.⁷¹ Понятно, что в Туркестане Кауфман создал — первоначально введенный в качестве временной меры — военный режим, где вера в могущество военного планирования и организации привела к завышенной до гротеска оценке собственных возможностей. От этого, по мнению Броуэра, вела прямая дорога к катастрофическому началу конца царской колониальной империи и вспышкам насилия в 1916 г.⁷²

68. Например: Mark von Hagen. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire // Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building, ed. Barnett R. Rubin & Jack Snyder. London/New York: Routledge, 1998. P. 34–57; Он же. The Limits of Reform. The Multiethnic Army Confronts Nationalism, 1874–1917 // Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution/Ed. David Schimmelpenninck van der Oye & Bruce Menning. Washington D. C./Cambridge: Woodrow Wilson Center Press/Cambridge University Press, 2004. P. 34–55; Он же. The Russian Imperial Army and the Ukrainian National Movement in 1917 // The Ukrainian Quarterly 54 (1998). 3–4, 220–256.

69. Daniel Brower. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London/New York: RoutledgeCurzon, 2003.

70. О концепции «гражданственности»: Dov Yaroshevski. Empire and Citizenship // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917/Ed. Daniel Brower & Edward J. Lazzerini. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 58–79; Austin Lee Jersild. From Savagery to Citizenship: Caucasian Mountaineers and Muslims in the Russian Empire // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. P. 101–114.

71. Brower. Turkestan. P. 31–35.

72. Daniel Brower. Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 44 (1996), 1, 41–53.

Это одно из тематических полей, которые могут стать центральными для новой истории отношений между гражданской и военной властью. Во-первых, можно было бы задать вопрос, по аналогии с исследованием армии Германской империи (Изабелл Халл): как русский колониальный опыт влиял на «военную культуру» царской империи?⁷³ Но тут речь не о простодушном лозунге «Армия — вне политики», кредо царских офицеров, которое многие исследователи часто путали с реальностью⁷⁴. На периферии, например, в Туркестане, царские военные как раз *определяли* политику. Для всего правящего слоя введенное здесь чрезвычайное положение *стало* через несколько лет нормой⁷⁵. Генерал-губернаторы обладали тут почти абсолютной властью. А это опять-таки были, как правило, заслуженные военные⁷⁶. История отношений общества и армии в России не может не считаться с тем фактом, что царские офицеры действовали в административных рамках, где не всегда была четко разграничена компетенция «штатских» и «военных», и где военные часто не получали гражданского партнера, и, как правило, были вынуждены сотрудничать с автохтонными элитами. А это имело слишком мало общего с административными мечтаниями петербургских бюрократов⁷⁷.

Колониальным солдатам царской империи приходилось в повседневной жизни — наряду с практикой крайнего насилия, которая стояла в центре исследований в прошлые годы — владеть административными методами, к которым их никто не готовил во время обучения⁷⁸. Ведь армия была здесь тесно связана с жизнью на-

73. Isabel V. Hull. Absolute Destruction. Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Ithaca/London: Cornell UP, 2005.

74. Яркий пример: Taylor. Politics and the Russian Army.

75. О Польше и времени после 1905 г.: Robert Blobaum. Rewolucija. Russian Poland, 1904–1907. Ithaca/London: Cornell University Press, 1995). О военном положении в целом: Jörg Baberowski. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich, 1864–1914. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. S. 691–722, 729–766.

76. Последнее подчеркивает и Холквист: Violent Russia, Deadly Marxism?. P. 633. См. также: Richard G. Robbins. The Tsar's Viceroy. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca/London: Cornell University Press, 1987.

77. Stephen Velychenko. Local Officialdom and National Movements in Imperial Russia: Administrative Shortcomings and Under-government // Ethnic and National Issues in Russian and East European History. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995/Ed. John Morison. Houndsmills u. a.: MacMillan Press/St. Martin's Press, 2000. P. 74–85.

78. Интересно в этой связи, например, сравнение с колониальным обучением британских солдат. См также: T. R. Moreman. «Small Wars» and «Imperial Policing»: The British Army and the Theory and Practice of Colonial Warfare in the British Empire, 1919–1939 // Journal of Strategic Studies, 19 (1996). 4, 105–131.

селения. Написанная Робертом Крю история исламских территорий империи показывает, что имперские будни часто были гораздо менее конфронтационными, чем может показаться из рассказов историков — которые часто по роду своей деятельности сосредотачиваются на конфликтах. Имперское государство было опутано сетью обоюдных связей с местным населением: русская практика господства располагала механизмами урегулирования конфликтов, увеличивала свое влияние, решая хронические религиозные и клановые распри в местных обществах и одновременно массированно вмешивалась в их повседневную жизнь⁷⁹. Какова при этом была роль армии, местных командиров и солдат? Насколько могли они на месте влиять на осуществление имперской политики? Как это отражалось на взглядах и ценностных категориях этих солдат? Исследования по приграничным конфликтам на окраинах империи хоть и имеются, но они касаются почти исключительно штатских лиц⁸⁰.

Наряду с различиями между «штатскими» и «военными» здесь оказываются шаткими и другие понятийные категории. Недавно Йорг Баберовски описал, как в удаленных регионах на периферии царской империи становились повседневностью те случаи насилия, которые — с большим апломбом и анти-исторически — в новейших политологических исследованиях именуется «новыми войнами»⁸¹. Русские солдаты действовали в обстановке, где не всегда можно было провести различия между «штатскими» и «военными», меж-

ду воюющими и невоюющими, между «властителями» и «подвластными»⁸². Да, разрушение границы между обществом и армией *действительно* является целью такого ведения войны⁸³. Как часто и с ужасом были вынуждены констатировать офицеры, солдаты вскоре делались внешне похожими на местное население и по виду почти не отличались от него⁸⁴. Для армии в колониальной ситуации это типично⁸⁵. Разница эта является предпосылкой колониального господства. Колониальная власть всегда стремится к тому, чтобы воспроизводить разницу между властителями и подвластными, институционально, но прежде всего визуально⁸⁶. Какими методами, может спросить история «*civil-military relations*», вновь и вновь проводилась граница между властителями и подвластными, между штатскими и военными? Как была представлена государственная власть на улицах колониальных центров царской империи, штатскими или военными? Как согласовывались действия полиции и военных?⁸⁷ Какую роль здесь играло создание символов господства, например, казарм и крепостей?⁸⁸ Как виделась их роль

79. Robert Crews. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *American Historical Review*, 108 (2003). 1, 50–83; Robert D. Crews. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA/London: Harvard University Press, 2006.
80. Например: Thomas Barrett. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // *Slavic Review* 54 (1995). 3, 578–601; Thomas Barrett. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*/Ed. Daniel Brower & Edward J. Lazzarini. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 227–248.
81. Jörg Baberowski. Kriege in staatsfernen Räumen: Rußland und die Sowjetunion 1905–1950 // *Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart*/Hrsg. von Dietrich Beyrau, Michael Hoehgeschwender & Dieter Langewiesche. Paderborn u. a.: Ferdinand Schöningh, 2007. S. 291–309. По дискуссии о «новых войнах» ср. следующие, очень влиятельные в Германии работы: Herfried Münkler. Die neuen Kriege 5. Auflage. Hamburg: Rowohlt, 2003; Mary Kaldor. New and Old Wars. Organized violence in a global era. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999; Josef Schröfl & Thomas Pankratz (Hrsg.). Asymmetrische Kriegführung — ein neues Phänomen der Internationalen Politik? Baden-Baden: Nomos, 2004; Martin Rink. Der kleine Krieg. Entwicklungen und Trends asymmetrischer Gewalt 1740–1815 // *Militär-geschichtliche Zeitschrift*, 65 (2006). 2, 355–388. Как защита перед историей: Edward Newman. The 'New Wars Debate': A Historical Perspective is Needed // *Security Dialogue*. 35 (2004). 2, 125–151.

82. Paul W. Werth. From Resistance to Subversion: Imperial Power, Indigenous Opposition, and their Entanglement // *Kritika*, 1 (2000). 1, 21–44, здесь P. 22.
83. Christopher Daase. Kleine Kriege — Große Wirkung. Wie unkonventionelle Kriegführung die internationale Politik verändert. Baden-Baden: Nomos, 1999. S. 91, 220–224.
84. Примеры см.: Лапин В. В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // *Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв./Сост. Я. А. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов. СПб., 2005. С. 9–29; Marshall. The Russian General Staff; Barret. Crossing Boundaries.*
85. Dierk Walter. Warum Kolonialkrieg? // *Kolonialkriege. Militärische Gewalt im Zeichen des Imperialismus*/Hrsg von. Thorald Klein & Frank Schumacher. Hamburg: Hamburger Edition, 2006., S. 14–43, здесь S. 34. См. также: Daase. Kleine Kriege. S. 216.
86. Ср.: Jürgen Zimmerer. Die Geburt des «Ostlandes» aus dem Geist des Kolonialismus. Die nationalsozialistische Eroberungs- und Beherrschungspolitik in (post-) kolonialer Perspektive // *Sozial. Geschichte*, 19 (2004). 10–43, здесь см. S. 24. По Восточной Африке это недавно исследовал: Michael Pesek. Koloniale Herrschaft in Deutsch-Ostafrika. Expeditionen, Militär und Verwaltung seit 1880. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005.; Он же. Die Grenzen des kolonialen Staates // *Figurationen des Staates. Deutschland und Frankreich, 1870–1945. Les figures de l'Etat en Allemagne et en France, 1870–1945*/Ed. Alain Chartriot & Dieter Gosewinkel. München: Oldenbourg, 2006. P. 117–140.
87. О роли полиции на закате царской империи см. недавнюю работу: Felix Schnell. Ordnungshüter auf Abwegen? Herrschaft und illegitime polizeiliche Gewalt in Moskau 1905–1914. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 2006.
88. Первая попытка: Christoph Gumb. Die Festung. Repräsentationen von Herrschaft und die Präsenz der Gewalt. Warschau 1905–1906 // *Imperiale Herrschaft in Russland*/Hrsg von Jörg Baberowski, David Feest & Christoph Gumb. Frankfurt am Main/New York: Campus [B печати].

в рамках архитектуры имперского господства?⁸⁹ С помощью каких ритуалов и символов колониальные различия делались наглядными, осязаемыми и таким образом реальными?⁹⁰ Все это можно с успехом отнести и к центру царской империи: Джон Стейнберг уже продемонстрировал в одной из статей, как дебаты о символическом масштабе маневров были также дебатами о «профессионализации» армии.⁹¹

Труды, рассматривающие контакты военных и штатских в третьей Думе, роль технологии в преодолении конфронтации между штатскими и военными или молодежные организации, продемонстрировали преимущества метода, который не оперирует такими крупными категориями, как «штатские» и «военные», а регистрирует, как контакты людей в определенной ситуации могут наполнять эти понятия различным содержанием⁹². Так, к примеру, в военной политике, которая обычно преподносится как оплот авторитарической прерогативы, военные были связаны неформальными контактами с (гражданскими) депутатами Думы — они встречались в салоне П. Н. Крупенского, члена Думской комиссии по государственной обороне. Военные и штатские, достаточно назвать имя Гучкова, могли в интересах безопасности страны объединяться даже против самодержавия⁹³. Существовал ли у полити-

ков и военных — или, по крайней мере, у специфической группировки внутри армии — общий взгляд на политику, который мог бы создать основу для их сотрудничества и одновременно вызывал их конфронтацию с самодержавием?⁹⁴ Здесь проявляется вся бессмыслица историографии, которая хочет придумать для России некое подобие «гражданского общества» по западному образцу.

Чисто фактографическая историография хотя и может (чрезмерно) подробно обрисовать встречи этого рода — но едва ли справится с объяснением и классификацией таких явлений. Особенно наглядно это видно в сфере, которая в последнее время попала в поле зрения историков: в истории техники. Именно здесь проявляются преимущества метода, который восходит к теориям новой культурной истории — но всегда с пользой применяет их в исторических науках⁹⁵. Слишком громогласные заявления на уровне теории не только делают исследования нечитабельными, но нередко и просто невыполнимыми⁹⁶. То же можно сказать и в адрес так называемой «военной антропологии»⁹⁷, феномена, который для на-

89. О Ташкенте: Robert Crews. *Civilization in the City. Architecture, Urbanism, and the Colonization of Tashkent* // *Architectures of Russian Identity. 1500 to the Present*/Ed. James Cracraft & Daniel Rowland. Ithaca/London: Cornell University Press, 2003. P. 117–134; о Варшаве: Piotr Paszkiewicz. *Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915*. Warszawa: Instytut Sztuki/Polska Akademia Nauk, 1991; Robert L. Przygodzki. *Tsar Vasiliu Shuiskii, the Stasz Palace, and Nineteenth-Century Russian Politics in Warsaw* // *Polish Encounters, Russian Identity*/Ed. David L. Ransel & Bozena Shallcross. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press, 2005. P. 144–159.
90. Ср. статьи в: Jörg Baberowski, David Feest & Christoph Gumb (Hrsg.). *Imperiale Herrschaft in der Provinz: Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich* (Frankfurt am Main/New York: Campus [В печати]). О сакральных зданиях: Richard S. Wortman. *The «Russian Style» in Church Architecture as Imperial Symbol after 1881* // *Architectures of Russian Identity. 1500 to the Present*/Ed. James Cracraft & Daniel Rowland. Ithaca/London: Cornell University Press, 2003. P. 101–116.
91. John W. Steinberg. *Imperial War Games (1898–1906): Symbolic Displays of Power or Practical Training?* // *The Military and Society in Russia, 1450–1917*/Ed. Eric Lohr & Marshall Poe. Leiden/Boston/Köln: Brill, 2002. P. 253–271.
92. David R. Jones. *Forerunners of the Komsomol. Scouting in Imperial Russia* // *Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*, ed. David Schimmelpenninck van der Oye & Bruce Menning. Washington D. C./Cambridge: Woodrow Wilson Center Press/Cambridge University Press, 2004. P. 56–81.
93. David Schimmelpenninck van der Oye. «To Build A Great Russia»: Civil-Military Relations in the Third Duma, 1907–1912 // *Military and Society in Russia*/Ed. Edgar Lohr & Marshall Poe. Leiden/Boston/Köln: Brill, 2002. P. 294–312.

94. Новые политические термины в военной истории: Thomas Mergel. *Politikbegriffe in der Militärgeschichte. Einige Beobachtungen und ein Vorschlag* // *Was ist Militärgeschichte?*/Ed. Thomas Kühne & Benjamin Ziemann. Paderborn u. a.: Ferdinand Schöningh, 2000. S. 141–156.
95. О воздухоплавании: Scott W. Palmer. *On Wings of Courage: Public «Air-mindedness» and National Identity in Late Imperial Russia* // *The Russian Review*, 54 (1995). 2, 206–262; Scott W. Palmer. *Dictatorship of the Air. Aviation Culture and the Faith of Modern Russia*. New York: Cambridge University Press, 2006; Gregory Vitarbo. *Military Aviation, National Identity, and the Imperatives of Modernity in Late Imperial Russia* // *The Military and Society in Russia, 1450–1917*/Ed. Edgar Lohr & Marshall Poe. Leiden/Boston/Köln: Brill, 2002. P. 273–291.
96. Парадигма: Roland Cvetkovski. *Modernisierung durch Beschleunigung. Raum und Mobilität im Zarenreich*. Frankfurt/New York: Campus, 2006. Контраргументы: Benjamin Schenk. *Imperiale Raumerschließung. Beherrschung der russischen Weite* // *Osteuropa*. Nr. 3 (2005). 33–45. Со следующим текстом я, к сожалению, ознакомился лишь после завершения данной статьи: Benjamin Schenk. *Kommunikation und Raum im Jahr 1905. Die Eisenbahn in Krieg und Revolution* // *Russland 1905 — Perspektiven auf die erste Revolution im Zarenreich*/Hrsg. von. Martin Aust & Ludwig Steindorff. Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 47–67.
97. Таким образом, выбор названия для этого направления исследований представляется несколько неудачным: на английском языке словосочетание *military anthropology* может означать также применение в военных целях антропологов и этнографов. В недавнем прошлом это обстоятельство послужило предметом яростных дискуссий. См., например: Roberto González. *Towards mercenary anthropology? The US Army counterinsurgency manual FM 3–24 and the military-anthropology complex* // *Anthropology Today*, 23 (2007). 3. P. 14–19; David Kilcullen. *Comment: Ethics, Politics and Non-State Warfare* // *Ibid.*. P. 20. Интересна также дискуссия в интернете о том, существует ли вообще такое понятие, как *military anthropology*: <http://answers.yahoo.com/question/index?qid=20070713022230AAPxGd8>.

шей темы — взаимоотношения военных и общества — важен прежде всего с двух точек зрения: своей гуманистической направленностью на изучение судеб русских ветеранов и по публикуемым творческим исследованиям⁹⁸.

И наоборот, исследования по истории воздухоплавания в России, оперирующие культурологическими терминами, сумели показать, как в авиации видели средство преодоления раскола в обществе, воспринимавшегося как прискорбный. Последние из названных работ имеют общую черту, они подчеркивают пользу метода, который ввел Алексей Миллер: описание контекстов (*situational approach*), в которых действуют люди, и, таким образом, их взаимодействие существенно также для истории *civil-military relations*.

Контексты: По ту сторону крупномасштабных категорий

История отношений армии и общества в России описана при помощи двух различных моделей. В историко-политической традиции Хантингтона она предстает как история потерпевшей крах профессионализации. Работы по социальной истории, которые скорее следуют модели Яновица о внедрении армии в общество, колеблются между крайностями — крестьянской армией, с одной стороны, и милитаризацией всего общества, с другой. Обе точки зрения, ставя широкие и точные вопросы, пришли к глубоким результатам и дали возможность заново взглянуть на место военных в русском обществе. Особенно ценными представляются работы, дающие описание конкретных исторических контекстов.

Ирония судьбы, что оба основателя *civil-military relations* сами отходят в своих трудах от того дуалистического противопоставления общества и армии, на котором настаивали затем несколько поколений их последователей. Так, Морис Яновиц завершает *The Professional Soldier* своими размышлениями о задачах профессиональной армии в будущем. Он видит ее роль, как *constabulary forces*, т. е., своего рода как международную полицию, владеющую всеми средствами силового воздействия, от обычной войны до грязных «малых войн» прошлого и современности, которые Яновиц описывал. Но это означает, что преодолеваются различия между «войной» и «миром», между «полицией» и «военными».

Хантингтон также признавал, что многочисленные негосударственные конфликты заставляют современные армии, ориентированные на межгосударственные войны, переосмысливать свой ар-

сенал; то же можно сказать и о социологическом анализе⁹⁹. И здесь Хантингтон намечает путь, который может быть полезен и для истории царской армии — денационализация и разгосударствление истории государственного насилия¹⁰⁰.

* * *

Что же *духоборы* и их вооруженные группы, упомянутые в начале? Кем их считать — военными или паравоенными? Что происходило среди них, кто там действовал: государство? Или это сам контекст определяет, как воспринимать эти отряды? И для горцев Кавказа они были кем-то иным, чем для местных чиновников? Возникают и другие вопросы о том, как в подобных контактах на периферии многонациональной империи проявлялось и изменялось значение происходящего для всех участников. Другими словами, в этих историях контактов можно показать, как возникли и обрели тот или иной смысл те понятия, которыми мы оперируем — и которые мы слишком часто воспринимаем как существовавшие вечно неизменные смысловые единицы. С категориями и понятиями 1950-х гг. или идеализированных национальных государств тут далеко не продвнешься.

Тематизация собственных предпосылок: истории отношений между штатскими и военными требует выработки собственных понятий, тем более в таком многообразном сообществе, каким была многонациональная империя Романовых. История отношений между штатскими и военными в России должна прежде всего объяснить одно. Кто были, собственно говоря, «штатские», кто были «военные» в царской империи? На это можно дать ответ, лишь рассмотрев контексты, в которых люди действовали и которые определяли их действия.

Авторизованный перевод с немецкого
Ирины Гиляровой

99. Samuel P. Huntington. *Patterns of Violence in World Politics // Changing Patterns of Military Politics*/Edit. Samuel P. Huntington. New York: Free Press of Glencoe, 1962. P. 17–50.

100. Там же. P. 46.

~

98. Е. С. Сенияевская. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. См. также статьи, напечатанные стараниями Сенияевской в ежегоднике «Военно-антропологический сборник».

НИКОЛАС ПАПАСТРАТИГАКИС
БРИТАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ:
РУССКИЙ ФЛОТ И ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ,
1890–1904

В течение большей части XIX века и по меньшей мере до 1904 г. самая серьезная угроза для британской глобальной гегемонии, основанной на военно-морской мощи, исходила, как ни странно, от России — наиболее сухопутной из всех европейских держав. Одной из важных географических точек, в которой сталкивались геостратегические интересы двух империй, являлись черноморские Проливы, принадлежащие Турции. В историографическом плане и по сей день наилучшим исследованием британских планов по недопущению российского военно-морского присутствия в черноморских Проливах с 1890 г. до начала русско-японской войны в 1904 г. остается классическая книга А. Мардера о британском флоте в додредноутную эпоху¹. Эта тема или её отдельные стороны рассматривались с различной степенью углубления и в работах других авторов². Однако для освещения этой темы в целом характерна неравномерность, поскольку внимание большинства историков сосредоточено на периоде с 1890 по 1898 гг. Напротив, период с 1899 по 1904 гг. исследовался по большей части поверхностно и отрывочно. Цель данной статьи — заполнить пробел в литературе посредством обобщаю-

1. Marder, A. J. *British Naval Policy, 1880–1905: The Anatomy of British Sea Power*. London, 1940.
2. См., например: Allen, M. Rear Admiral Reginald Custance: Director of Naval Intelligence 1899–1902 // *Mariners Mirror*. 78. 1992. P. 61–75; Jefferson, M. M. Lord Salisbury and the Eastern Question, 1890–1898 // *Slavonic and East European Review*. 34. 1960. P. 44–60; Lowe, C. J. *Salisbury and the Mediterranean, 1886–1896*. London, 1965; Mackay, R. F. *Fisher of Kilverstone*. Oxford, 1973; Neilson, K. *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Oxford, 1995; Wilson, K. M. *Empire and Continent: Studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War*. London, 1987.

щего и подробного анализа, основанного на широком использовании архивных материалов. Хотя российское военно-морское планирование в отношении черноморских Проливов играет не менее важную роль, оно не будет рассматриваться нами за отсутствием места³.

В 1890 г. британский Королевский военно-морской флот (КВМФ) представлял собой грозное оружие, более чем способное защитить интересы национальной безопасности Великобритании от посягательств со стороны большинства великих держав. Серьезным исключением являлась Россия. Теоретически Россия, наступая через Среднюю Азию, создавала угрозу для Индии — важнейшей британской колонии. Британских политиков не слишком прельщала перспектива противопоставить этой угрозе удары по России на других направлениях. Относительно низкие объемы российской морской торговли, которую в основном было несложно переключить на сухопутные маршруты, делали политику морской блокады неэффективной. Но что самое важное, материковая Российская империя почти не имела точек, на которые мог бы успешно обрушиться удар непосредственно британских военно-морских сил. Кроме того, развивающаяся сеть российских железных дорог позволяла производить достаточно быструю переброску и сосредоточение крупных воинских формирований, притом что Великобритания могла выставить лишь небольшой экспедиционный корпус и не имела на континенте надежных союзников с крупными армиями. Поэтому десантные операции на российских берегах не смогли бы отвлечь серьезных сил из Средней Азии. На балтийском побережье Королевский флот мог лишь обстреливать прибрежные города и блокировать вражеский флот, однако военное министерство и высшие флотские адмиралы считали главные российские военно-морские базы и столицу — Санкт-Петербург — почти неприступными. Большая часть российского побережья на Черном море считалась непригодной для высадки десанта, который мог бы нарушить со-

3. См. следующие работы, написанные с российской точки зрения: Айрапетов О. Р. На восточном направлении: Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // *Последняя война императорской России/Под ред. О. Р. Айрапетова*. М., 2002. С. 158–261; Киняпина Н. С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; Хевролина В. М., Чиркова Е. А. Проливы во внешней политике России в 80–90 гг. XIX в. // *Россия и Черноморские проливы, XVIII–XX столетия/Под ред. Л. Н. Нежинского и А. В. Игнатъева*. М., 1999. С. 223–252; Кондратенко Р. В. *Морская политика России 80-х годов XIX века*. СПб., 2006; Папастратиगाкис Н. *Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905 гг.: Взгляд через столетие/под ред. О. Р. Айрапетова*. М., 2004. С. 111–138; Петров М. А. *Подготовка России к мировой войне на море*. Л., 1926; Рыбаченок И. С. *Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в.* М., 1993. Автор данной статьи также завершает работу над монографией о русской военно-морской стратегии в 1894–1904 гг.

общение со Средней Азией. В первую очередь успешные действия такого десанта зависели бы от турецкого военного сотрудничества, которое никем не гарантировалось. Однако англичане были полны решимости не допустить захвата Россией османской столицы — Константинополя — и Проливов, соединяющих Черное море со Средиземным; к этому их подталкивало стремление защитить жизненно важные коммуникации и коммерческие артерии, ведущие в Индию через Средиземное море и Суэцкий канал, находившийся на территории Египта — фактически британского протектората⁴.

В конце 1880-х гг. британское военное планирование строилось на предположении, что другим наиболее вероятным противником окажется Франция. В 1887 г., имея в виду противостояние с этими двумя державами, Великобритания заключила Средиземноморские соглашения с двумя членами Тройственного союза — Австро-Венгрией и Италией. Целью этих соглашений было сохранение статус-кво в средиземноморском бассейне и в черноморских Проливах и налаживание связей с Германией, которая могла сыграть ключевую роль в сдерживании России и Франции⁵. В 1889 г. Адмиралтейство приняло большую судостроительную программу, отчасти побуждаемое к этому постоянным усилением французского флота и предупреждениями Отдела военно-морской разведки (ОВМР) и старших адмиралов о том, что Британия может столкнуться с франко-русской военно-морской коалицией. В основу программы был положен принцип, требующий, чтобы британский флот имел по меньшей мере столько же эскадренных броненосцев, сколько и два любых других флота, вместе взятые. Такой «двухдержавный стандарт» получил широкую поддержку общественности, но вопреки стремлению Адмиралтейства иметь некий задел превосходства, сменявшие друг друга правительства проводили политику паритета с Францией и Россией. На рубеже 1880-х — 1890-х гг. оперативные планы Адмиралтейства на случай войны с Францией фактически сводились к защите британских островов от вторжения путем обеспечения своего преобладания в отечественных водах и дости-

4. Gillard, D. R. Salisbury and the Indian Defence Problem, 1885–1902 // *Studies in International History: Essays presented to W. Norton Medlicott/Edited by Bourne, K. and Watt, D. C.* London, 1967. P. 237–241; Lambert, A. Part of a Long Line of Circumvallation to Confine the Future Expansion of Russia // *Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500–1890/Edited by Rystad, G., Bohme, K.-R. and Carlgren, W. M.* Vol. I. Lund, 1994. P. 323–327; Mahajan, S. The Defence of India and the End of Isolation: A Study in the Foreign Policy of the Conservative Government, 1900–1905 // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 10:2. 1982. P. 168–170; Neilson, K. Greatly Exaggerated: The Myth of the Decline of Great Britain before 1914 // *International History Review*. 13:4. 1991. P. 709–712; Neilson. Last Tsar. P. 110–113.

5. Германия являлась третьим членом Тройственного союза.

жению превосходства над вражеской средиземноморской эскадрой, базирующейся в Тулоне. Последняя задача решалась переводом британского Средиземноморского флота накануне войны с Мальты в Гибралтар, где он должен был соединиться с Флотом Канала. В случае войны и с Францией, и с Россией Адмиралтейство дополнительно намеревалось предотвратить выход Балтийского флота в Северное море, надеясь также на то, что сумеет не пропустить русских через черноморские Проливы⁶.

Между 1890 и 1894 гг. оптимизм Адмиралтейства в отношении черноморских Проливов постепенно улетучивался. Русский Черноморский флот, получивший несколько новых броненосцев, мог без особого труда справиться в своих водах со слабым турецким флотом. Таким образом, у русского командования имелась возможность быстро высадить крупный экспедиционный корпус и захватить практически неохранный восточный пролив — Босфор, — а затем развить наступление на соседний Константинополь и западный пролив — Дарданеллы. Более того, англичане не питали никаких иллюзий относительно турецкого содействия, поскольку султан не был настроен на отражение русского вторжения. Соответственно предполагалось, что британской эскадре придется прорываться через достаточно хорошо укрепленные Дарданеллы. Охрана коммуникационных линий эскадры отвлекла бы почти все силы Средиземноморского флота и потребовала бы оккупации Дарданелл. Однако, составители британских военных и военно-морских планов полагали, что такой курс действий повлечет за собой многочисленные осложнения. Во-первых, хотя десантный отряд смог бы захватить Дарданеллы, не имелось возможности регулярно снабжать его и усиливать за счет подкреплений. Во-вторых, если Франция не будет соблюдать нейтралитет, переправка войск по Средиземному морю станет делом крайне рискованным. Что особенно важно, в случае союза между Францией и Россией присутствие большей части Средиземноморского флота в Леванте позволит Франции взять под свой контроль западное Средиземноморье. Используя эту ситуацию, Тулонская эскадра сможет пройти Гибралтарским Проливом, что даст Франции возможность обеспечить себе преимущество в Ла-Манше. 18 марта 1892 г. директор Военной разведки (ДВР) и директор Военно-морской разведки (ДВМР) заявили, что «в одиночку Великобритания не сможет

6. Lowe. Salisbury and the Mediterranean. P. 2–26, 44–46, 54; Lowe, C. J. The Reluctant Imperialists: British Foreign Policy 1878–1902: The Documents. Vol. II. London, 2002. P. 77–82. Меморандум первого лорда Адмиралтейства Г. Гамильтона от 10 ноября 1888 г. и меморандум адмирала Худа от июля 1888 г.; Lambert N. Sir John Fisher's Naval Revolution. Columbia, 1999. P. 18–20; Marder. Anatomy. P. 120–132, 146–147; Sumida, J. T. In Defence of Naval Supremacy: Finance, Technology and British Naval Policy, 1889–1914. Boston, 1989. P. 10–15.

предотвратить внезапный удар, не подвергая угрозе свои общие военно-морские позиции», и что «если мы не будем действовать в согласии с Францией, дорога британских сил на Константинополь в случае военных действий пройдет по руинам французского флота». Через пару лет вести о заключении Двойственного союза между Парижем и Петербургом заставили британское правительство сделать неверный вывод о том, что ему придется сражаться против объединенной мощи Франции и России⁷. Постоянное присутствие небольших русских сил в Средиземном море в сочетании с нежеланием полагаться на содействие итальянского флота вызывало серьезное беспокойство в Великобритании. После ряда консультаций Адмиралтейство решило, что приоритетной задачей является разгром Франции. Хотя в мирное время поблизости от Проливов предполагалось держать эскадру для предотвращения какого-либо коварства со стороны России, в военное время и Флот Канала, и весь Средиземноморский флот должны были собраться в Гибралтаре, тем самым дав России возможность захватить черноморские Проливы. Тем не менее, премьер-министр от консерваторов лорд Солсбери, находившийся в должности до лета 1892 г., сохранял верность идее об отражении русского удара. Либеральное правительство лорда Розбери надеялось сохранить в Проливах статус-кво, но было согласно с тем, что Великобритания в одиночку не предотвратит захват Константинополя русскими⁸.

Осенью 1895 г. в Османской империи разразился кризис, и министерский комитет обороны, озабоченный возможностью внезапного русского удара, обратился к Адмиралтейству с запросом на изучение последствий русской оккупации Константинополя для военно-морских и стратегических интересов Великобритании. 12 ноября ДВМР контр-адмирал Л. Бомонт ответил, что Россия неизбежно получит контроль над Дарданеллами и устроит военно-морскую базу в Проливах, откуда русский Черноморский флот сможет беспрепятственно проникать в левантинские воды и со временем возь-

7. Фундаментом этого союза стало оборонительное соглашение на случай сухопутной кампании против Тройственного союза. В 1900–1901 гг. Франция и Россия обсуждали возможность некоторых мер в отношении Великобритании, но это обсуждение носило сугубо поверхностный характер и не привело к заключению военно-морского соглашения. См. об этом: Fuller, W. C. Jr. *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*. New York, 1992. P. 352–361; Ropp, T. *The Development of Modern Navy: French Naval Policy, 1871–1914*. Annapolis, 1987. P. 239–243; Walser, R. *France's Search for a Battlefleet: French Naval Policy, 1898–1914*. Ph. D. dissertation, North Carolina University — Published in book format: Chapel Hill: North Carolina University Press, 1976). P. 112–113.

8. Jefferson. *Lord Salisbury*. P. 46–48; Lowe. *Reluctant Imperialists*. P. 85–91. Совместный меморандум ДВР и ДВМР от 18 марта 1892 и приложение от 20 мая 1892. Меморандум Солсбери от 20 мая 1892; Marder. *Anatomy*. P. 152–161, 172–182, 189, 209–210, 212–214, 219–224; Wilson. *Empire and Continent*. P. 2–3.

мет под свой контроль все восточное Средиземноморье. Это приведет к сокращению британской торговли в тех водах, уменьшению британского влияния в Египте и последующему разрыву коммуникаций с Индией и другими восточными владениями. В данных обстоятельствах Великобритании следовало держать крупную эскадру в Леванте, даже ценой невозможности нанесения адекватного удара по Франции. ДВМР недвусмысленно констатировал, что Великобритания собственными силами не справится с русскими, если те захотят завладеть Проливами. Тем не менее, он считал, что операция по оккупации Дарданелл сможет принести англичанам успех и что им даже удастся спасти Константинополь, если турки готовы оказать сопротивление русским. Солсбери, вернувшись к власти в июле 1895 г., добивался от кабинета согласия на превентивную отправку флота в Дарданеллы, утверждая, что хочет предвосхитить русские замыслы в отношении Проливов. Адмиралтейство и некоторые члены кабинета решительно противились предложению премьера, указывая на то, какими опасностями чреваты французское вмешательство, отказ Вены выступить в поддержку Великобритании и провал попыток Солсбери убедить своих коллег в неизбежности русской угрозы. И хотя вопрос о том, ответила бы Великобритания на захват русскими Проливов, а если да — то каким образом, служит темой для дискуссий, несомненно, что Адмиралтейство по-прежнему рассматривало вариант с оккупацией Дарданелл⁹.

В начале 1896 г. кабинет рассматривал возможность вступления Великобритании в войну в случае, если Россия захватит Проливы. Британский военный атташе в Константинополе полковник Г. Чермсайд советовал оккупировать полуостров Галлиполи, составляющий один из берегов Дарданелл, и соседний остров Лемнос, чтобы не допустить выхода Черноморского флота в Средиземное море. В феврале ДВР генерал-майор Э. Чепмен указывал, что армия не сможет выделить достаточно войск для обороны Галлиполи и что при отсутствии французского нейтралитета перевозка войск морем влечет за собой большой риск. Бомонт скептически относился к идее оккупации Галлиполи для предотвращения прохода русского флота через Дарданеллы. Кроме того, он предупреждал, что военные корабли, размещенные у входа в Дарданеллы и у Лемноса, будут находиться под постоянной угрозой неожиданного вражеского нападения. Более того, он возражал против обре-

9. The National Archives (далее — NA) [Кью, Великобритания]. ADM [адмиралтейские документы] 116/866B. Меморандум Бомонта от 12 ноября 1895; Jefferson. *Lord Salisbury*. P. 50–51; Lowe. *Salisbury and the Mediterranean*. P. 50–51, 102–105; Lowe. *Reluctant Imperialists*. P. 103–105. Письмо Гошена Солсбери от 7 декабря 1895; Marder. *Anatomy*. P. 241–248; Wilson. *Empire and Continent*. P. 3–4, 7–9.

менения флота защитой неукрепленного острова. Соответственно, в глазах ДВМР наилучшим способом предотвратить врагу путь в Средиземноморье были действия флота. Когда несколько месяцев спустя Османская империя вновь погрузилась в пучину кризиса, подозрения кабинета в отношении русских намерений опять усилились. В октябре 1896 г. Бомонт и новый ДВР сэр Дж. Арда произвели оценку ситуации. Арда повторил мнение своего предшественника в отношении Галлиполи, утверждая, что флот при попытке пройти Дарданеллами может понести большие потери. В результате потрепанный британский флот окажется заперт в Проливах, имея перед собой Черноморский флот, а в тылу — Тулонскую эскадру. ДВМР в том же духе полагал, что если Франция и Россия будут действовать в союзе — что он считал вероятным, — то Великобритания в одиночку не сможет противостоять России в Проливах. По мнению обоих директоров разведки, владычество России над Проливами обеспечило бы Черноморскому флоту беспрепятственный выход в Средиземное море и со временем поставило бы под угрозу британский контроль над Египтом и Суэцким каналом. В первые месяцы 1897 г. Солсбери, под влиянием советов обоих ведомств, враждебности общественного мнения к жестокому режиму султана и вследствие того, что координация усилий с Тройственным союзом становилась все более затруднительной, неохотно согласился с тем, что Великобритания не должна препятствовать попыткам России утвердиться в Проливах. Однако, плюсом являлось то, что отныне Средиземноморский флот мог целиком сосредоточиться на борьбе с Тулонской эскадрой. К 1898 г. Адмиралтейство, довольное усилением Флота Канала и Резервного флота, а также техническим совершенством и высокой однородностью английских броненосцев, обрело уверенность в превосходстве британского флота над флотами Двойственного союза¹⁰.

В первые месяцы 1898 г. внимание Адмиралтейства было приковано к Дальнему Востоку, где Китайская станция КВМФ несколько превосходила силой соединенные французскую и русскую эскадры и лишь чуть-чуть уступала им же в придачу с германской эскадрой. Однако, аренда китайских портов Германией и Россией и соответствующее возрастание их военно-морской мощи в этих водах служили для британского правительства источником беспокойства. С целью защиты важных стратегических и коммерческих интересов в данном регионе Великобритания предпринимала меры по уси-

10. NA. ADM 1/7464C. Доклад Чермсайда от 27 января 1896; NA. ADM 116/866B. Меморандум Чепмена от 26 февраля 1896. Меморандумы Бомонта от 29 февраля и 28 октября 1896. Меморандум Арды от 13 октября 1896; Jefferson. Lord Salisbury. P. 52, 57–59; Lowe. Salisbury and the Mediterranean. P. 91–118; Marder. Anatomy. P. 249–250, 266–270, 280–281; Wilson. Empire and Continent. P. 4–6, 9–10.

лению Китайской станции и взяла в аренду китайский порт Вэйхайвэй. Русские не проявляли никакой воинственности, но в любом случае весной 1898 г. Адмиралтейство было уверено, что его силы имеют численный перевес над русской Тихоокеанской эскадрой¹¹. В апреле 1898 г. главнокомандующий Средиземноморского флота сэр Дж. Хопкинс доносил Адмиралтейству, что при объединении Средиземноморского флота с Флотом Канала он будет обладать «силами, вполне достаточными для успешной борьбы только с Францией, но едва ли достаточными на тот случай, если Россия также будет нашим врагом и встанет на сторону Франции... по броненосцам они получают преобладание в один корабль, хотя наши броненосцы намного крупнее и современнее, чем броненосцы противника». Хопкинс был уверен в том, что Черноморский флот вырвется в Средиземное море. Однако, он считал, что нападать на русских в Дарданеллах неразумно, так как французский и русский флоты могут объединиться и взять верх над британской эскадрой, выделенной для этой миссии. Вместо этого Средиземноморский флот должен отходить к Гибралтару, оставив лишь отряд крейсеров для наблюдения за Дарданеллами. При условии, что Великобритания не утратит контроля за Средиземным морем, Хопкинс оптимистично полагал, что Египет может не опасаться французского или русского вторжения с моря. Бомонт не был с этим согласен и подчеркивал, что Египет окажется беззащитным перед русскими экспедиционными силами. ДВМР, утверждая, что Королевский флот вполне способен разбить французов в европейских водах, предлагал оставить часть Средиземноморского флота в Эгейском архипелаге для противодействия русской эскадре¹².

Адмиралтейство внесло изменения в оперативный план лишь 26 октября. В тот день Хопкинса поставили в известность о том, что Флот Канала по этому плану перейдет в Гибралтар, откуда сможет вступить в бой с Тулонской эскадрой, если она направится на запад, либо на восток. Средиземноморский флот останется на Мальте и отрядит эскадру для противостояния Черноморскому флоту в Леванте. Инициатором этих поправок являлся первый морской лорд сэр Ф. Ричардс, убежденный в том, что Королевский флот обладает в северо-европейских водах достаточными силами. С точки зрения Ричардса, главным преимуществом такого плана было то, что Тулонская эскадра не сможет ни выйти в Ла-Манш, ни прорваться к Египту, не сразившись с британским флотом. Помимо этого, «нахождение Средиземноморского флота на Мальте в любом случае защитит Египет от внезапного удара с Черного

11. Marder. Anatomy. P. 303–304, 309–310. Nish, I. The Royal Navy and the Taking of Weihaiwei, 1898–1905 // *Mariners Mirror*. 54, 1968. P. 39–54.

12. NA. ADM 1/7376B. Меморандум Хопкинса Адмиралтейству от 5 апреля 1898 с замечаниями Бомонта от 3 мая 1898.

моря», поскольку англичане смогут разбить Черноморский флот, миновавший Дарданеллы¹³.

Приказания Адмиралтейства оказались своевременными. Осенью 1898 г. колониальное противостояние Англии и Франции поставило две державы на грань войны. В конце концов Париж уступил, признав бесспорное военно-морское превосходство Великобритании. Более того, русские не испытывали желания оказать военную помощь своему союзнику. В любом случае, британское Адмиралтейство было полно уверенности в том, что вполне справится с флотами Двойственного союза. Помимо оптимизма в отношении стратегической ситуации на Средиземном море, военно-морское руководство страны полагало, что небольшого отряда в Северном море хватит для отражения угрозы со стороны маленького и неподготовленного Балтийского флота. На Дальнем Востоке, по оценкам Адмиралтейства, корабли, размещенные в северо-китайских водах, разобьют разрозненные русские отряды, а британские силы в Гонконге обладали полным превосходством над французской эскадрой на юге¹⁴.

Тем временем в конце января 1898 г. военно-морской атташе в России капитан Э. Пэйджет предупредил о возможном принятии дорогостоящей дополнительной программы кораблестроения. В феврале он доносил: русские военно-морские власти полагают, что «русский флот в северной части Тихого океана необходимо в кратчайшие сроки резко усилить, однако русские верфи не в состоянии быстро построить требуемое количество кораблей»¹⁵. В конце концов, удостоверившись в верности этих сведений, первый лорд Адмиралтейства Г. Гошен 6 июня официально предупредил кабинет о том, что Россия приняла новую кораблестроительную программу с целью создания сильного броненосного флота для Дальнего Востока, и посоветовал заложить дополнительные броненосцы с целью сохранения паритета с Двойственным союзом. Под эту задачу Адмиралтейству были выделены дополнительные средства, но Гошен зловеще прогнозировал, что последуют и дальнейшие расходы¹⁶. К концу 1898 г. сменивший Пэйджета капитан Г. Джексон докладывал о недостатках русской судостроительной инфраструктуры. Кроме того, он подчеркивал тот факт, что кораб-

13. Ibid., меморандум Ричардса от 15 октября 1898. Письмо из Адмиралтейства Хопкинсу от 26 октября 1898.

14. Masson, P. Histoire de la Marine: De la vapeur à l'atome. Vol. II. Paris and Limoges, 1983. P. 170–171; Marder. Anatomy. P. 320–336; Walsler. France's Search. P. 74–76. О позиции Адмиралтейства в отношении Дальнего Востока см. также: NA. ADM 1/7595. Отрывки из телеграммы командующего Китайской станции от 31 октября 1898 и ответ Адмиралтейства от 2 ноября 1898.

15. NA. ADM 1/7384. Донесения Пэйджета от 27 января и 8 февраля 1898.

16. NA. CAB [документы кабинета] 37/46/60. Меморандум Гошена кабинету от 6 июня 1898; Lambert. Fisher. P. 23–24; Neilson. Last Tsar. P. 117.

лестроительная программа, выполнявшаяся в Балтийском регионе, оставляла без достаточных ресурсов судостроительные мощности на Черном море¹⁷. Соответственно Бомонт отмечал: «создается впечатление, что [русское] правительство стремится всемерно ускорить постройку кораблей на Балтике, оставив без внимания флот на Черном море — если целью России является резкое усиление ее эскадры в Китае, то такая политика вполне нормальна»¹⁸.

Осенью 1899 г. вновь назначенный главнокомандующий Средиземноморского флота вице-адмирал Дж. Фишер попросил контр-адмирала Дж. Нойла сделать обзор стратегической ситуации на данном театре¹⁹. Нойл составил подробный меморандум, в котором подчеркивал, что вследствие кардинальной стратегической необходимости в обороне подходов к Британским островам «вне зависимости от нашей относительной силы или слабости, Гибралтар является наилучшим местом для сбора нашего флота». Средиземноморский флот и Флот Канала должны собраться в Гибралтаре, оставив в Леванте крейсеры и миноносцы для создания угрозы Черноморскому флоту, который почти наверняка пройдет через Дарданеллы. Затем единый британский флот нападет либо на французскую, либо на объединенную франко-русскую эскадру. Если русские предпочтут действовать независимо, Нойл предлагал подумать о том, чтобы выделить для противодействия им несколько броненосцев²⁰. В ноябре Фишер отправил в Адмиралтейство письмо с изложением собственных идей, приложив к нему меморандум Нойла и иные материалы. Фишер был согласен с оперативными наметками Нойла, однако, по его оценкам, Средиземноморский флот и Флот Канала могли справиться лишь с Тулонской эскадрой. Поэтому он полагал, что Египет окажется беззащитен перед вторжением русского экспедиционного корпуса, конвоируемого Черноморским флотом. Указывая на эту опасность, Фишер призывал срочно и существенно усилить Средиземноморскую станцию, направив туда дополнительные броненосцы²¹.

Новый ДВМР контр-адмирал Р. Кастенс представил обзор вышеупомянутых материалов в январе 1900 г. Кастенс одобрил оперативный план Нойла и Фишера, но указывал, что хотя КВМФ обладает превосходством в северо-европейских водах, наличие у врага современных броненосцев делает невозможной отправку

17. NA. ADM 231/29. Брошюра ОВМР о российском флоте на основе донесений Джексона, июнь 1899.

18. NA. ADM 1/7389B. Замечания Бомонта касательно донесения Джексона от 18 декабря 1898, 24 декабря 1898.

19. Нойл временно командовал Средиземноморским флотом с июня 1899 г.

20. NA. ADM 1/7417. Меморандум Нойла от 24 октября 1899.

21. NA. ADM 121/75. Письмо Фишера в Адмиралтейство от 1 ноября 1899. Извлечения из исправленного частного донесения бывшего начальника штаба Средиземноморской станции капитана У. Мэя, март 1896.

всего Флота Канала в Средиземное море²². 9 февраля Адмиралтейство отменило оперативный план Ричардса и заменило его планом Нойла и Фишера. Кроме того, оно уведомило последнего о том, что из-за недостаточных темпов постройки новых кораблей и усиления французского флота в северных водах лишь часть Флота Канала сможет соединиться со Средиземноморским флотом в Гибралтаре. После того, как это произойдет, обоим британским флотам следует перехватить и разбить Тулонскую эскадру. Выделение быстроходной эскадры для наблюдения за Дарданеллами будет зависеть от того, как сложится стратегическая ситуация²³.

Несколько месяцев спустя контр-адмирал лорд Ч. Бересфорд, заместитель Фишера, дал свою оценку Тулонской эскадре и Черноморскому флоту, полагая, что они существенно превосходят своей силой Средиземноморский флот и что соответственно противник спокойно может высадить 20-тысячную армию в Египте. Бересфорд призывал Адмиралтейство усилить Средиземноморский флот по меньшей мере 14 броненосцами и большим количеством других кораблей с целью сохранения паритета и защиты Египта от вторжения. Кастенс решительно оспаривал оценки Бересфорда и предупреждал, что избыточное усиление Средиземноморского флота обеспечит Двойственному союзу численное превосходство в Ла-Манше и в Северном море. Более того, с отправкой части Флота Канала в Гибралтар силы Британии в том бассейне по численности броненосцев сравняются с противником. В любом случае, Адмиралтейство уже решило усилить Средиземноморский флот тремя броненосцами, когда к этому представится возможность. Первый морской лорд У. Керр был согласен с ДВМР и отмечал, что Бересфорд мечтает об идеальном раскладе, полностью игнорируя осложнения, возникающие при попытке осуществить его²⁴.

В эти годы Адмиралтейство бдительно отслеживало состояние русских военно-морских дел. В 1899 г. ОВМР выяснил, что русский военно-морской бюджет не отвечает общим потребностям флота, и предсказал, что это скажется на кораблестроительной программе, хотя и продолжал ожидать существенного увеличения размеров Тихоокеанской эскадры²⁵. В августе 1900 г., опираясь на донесения военно-морского атташе в России, капитана Г. Уильямса, ОВМР выказывал уверенность в том, что русская кораблестро-

22. NA. ADM 1/7417. Замечания Кастенса от 29 января 1900.

23. NA. ADM 1/7379B. Меморандум Адмиралтейства Фишеру от 9 февраля 1900.

24. NA. ADM 1/7464A. Письмо Бересфора Фишеру с предлагаемыми поправками, 12 и 19 июня 1900. Меморандум Кастенса от 10 августа 1900. Замечания Керра от 15 сентября 1900.

25. NA. ADM 1/7417. Составленная ОВМР таблица российских военно-морских расходов на 1886–1900 гг. Замечания ОВМР об усилении российского Тихоокеанского флота, 6 декабря 1899. Статья из газеты Morning Post с замечаниями ОВМР. Замечания Кастенса от 12 декабря 1899.

тельная программа не будет выполнена в заявленные сроки. Расходы на некоторые корабли уже превысили первоначальные оценки, а постройка тормозится рядом факторов, включая медленное изготовление вооружения на русских заводах и проблемы с закалкой броневых плит. Кроме того, Уильямс скептически оценивал квалификацию флотского личного состава, редко выходящего в море и не имевшего достаточного опыта командования. В отношении Черноморского флота Уильямс писал: «Я полагаю его вполне эффективным для действий на Черном море, но не думаю, что русские намерены посылать его дальше Константинополя; самый факт наличия на кораблях казеннозарядных орудий и изношенных котлов свидетельствует, что этот флот не предназначен для борьбы против средиземноморских флотов», и прибавлял, что «вследствие отсутствия на сегодняшний день базы на Средиземном море и крайне слабого оснащения флота миноносцами и разведчиками, полагаю, что в настоящий момент не имеется планов по его прорыву в Средиземное море, тем более что вся энергия Адмиралтейства уделяется Дальнему Востоку»²⁶. Кастенс, высоко оценивавший разведданные Уильямса, делал вывод о том, что «русский флот — искусственное образование, неспособное выдержать продолжительную борьбу на море». Ссылаясь на состояние Черноморского флота, ДВМР констатировал, что «одна лишь угроза встретиться с равным числом наших кораблей, вероятно, предотвратит выход этих сил в Средиземное море», и выражал удовлетворение тем, что «в данном отношении от нас требуется не так много усилий, как считалось ранее»²⁷.

В течение 1900 г. Фишера все больше беспокоила скрытая угроза, исходящая от Черноморского флота. В этих условиях в сентябре он провел маневры Средиземноморского флота в Эгейском море. Целью маневров являлась проверка способности небольшой британской эскадры измотать, а по возможности и истребить часть русского Черноморского флота и другие русские корабли, конвоирующие экспедиционный корпус от Дарданелл к Египту²⁸. Присутствие флота в Леванте дало Фишеру возможность посетить Константинополь и Проливы. У него сложилось впечатление, что «Босфор практически беззащитен», и что турки не демонстрируют склонности оказать сопротивление русским. Явно взволнованный этим, он утверждал, что к появлению Черноморского флота в Константинополе не имеется никаких препятствий.

26. NA. ADM 1/7472. Брошюра ОВМР о состоянии российского флота, основанная на донесениях Уильямса с декабря 1899 по июнь 1900 гг., август 1900.

27. Ibid., замечания Кастенса от 10 сентября 1900.

28. NA. ADM 1/7450A. Письмо Фишера в Адмиралтейство о цели предстоящих маневров в Леванте, 15 сентября 1900; Allen. Custance. P. 64; Marder. Anatomy. P. 401–402.

Встревоженный не меньше Фишера британский посол в Турции сэр Н. О'Коннор предлагал англичанам ответить на это оккупацией Дарданелл и Галлиполи. Однако, в глазах вице-адмирала вся операция строилась на улучшении англо-османских отношений, поскольку для своевременного прибытия британских войск требовалось, чтобы турки оказали какое-либо сопротивление на Босфоре. Фишер указывал, что до тех пор, пока это условие не будет выполнено, «мы в любой момент должны быть готовы к тому, что русский флот и армия в состоянии беспрепятственно проследовать с Черного моря в Египет». Желая развернуть против русских адекватное количество броненосцев, Фишер настаивал, чтобы Адмиралтейство немедленно довело силы Средиземноморского флота до уровня военного времени и в дальнейшем сохраняло их на этом уровне²⁹.

Хорошо помня оценки, сделанные Уильямсом, Кастенс, очевидно, не был склонен соглашаться с взглядами Фишера. ДВМР указывал, что Константинополь и Проливы уже давно оставлены на милость русских, и это всем известно. Кроме того, он полагал оккупацию Галлиполи и Дарданелл неосуществимой, поскольку «при существующих условиях никакие отправленные нами силы не успеют предотвратить удара русских сил по Константинополю». Но в первую очередь он подчеркивал, что начальные этапы конфликта с Двойственным союзом будут отмечены борьбой за господство на море, и «пока она не закончится, крупную заморскую военную экспедицию невозможно будет осуществить без риска», что в равной мере относится и к Дарданеллам, и к Египту. Также Кастенс отмечал, что нехватка личного состава и потребности других станций делают существенное усиление Средиземноморского флота в мирное время невозможным. Первый морской лорд также считал, что Фишер «чрезмерно преувеличивает» русскую угрозу. Признавая, что русские почти без всяких усилий смогут захватить Проливы, он все же полагал, что реакция других держав станет препятствием для осуществления русских замыслов. Соглашаясь со своим ДВМР, Керр высказал сомнение в том, что русские нападут на Египет, «пока существует Средиземноморская эскадра»³⁰. Соответственно 28 сентября Адмиралтейство попеняло Фишеру за его требования³¹. Вскоре после этого комитет по расследованию, ознакомившись с итогами маневров Средиземноморского флота, проводившихся 24–25 сентября, отмечал, что хотя «русские» и потеряли пару броненосцев, они сумели прорваться в Египет. Однако Кастенс и его начальство критиковали эти маневры

29. NA. ADM 1/7464C. Письмо Фишера в Адмиралтейство от 8 сентября 1900.

30. Ibid., меморандум Кастенса и замечания Керра от 20 сентября 1900.

31. NA. ADM 1/7450A. Письмо из Адмиралтейства Фишеру от 28 сентября 1900.

за то, что их сценарий якобы основан на чрезмерно надуманных предпосылках³².

Фишер, стоявший на своем, 1 декабря 1900 г. в частном письме графу Селборну, новому первому лорду Адмиралтейства, утверждал, что Средиземное море станет ключевым театром морской войны. Соответственно, по его мнению, это требовало постоянного содержания здесь военно-морских сил по штатам военного времени. В течение следующего месяца, особенно 16 января 1901 г., Фишер продолжал настаивать на серьезном усилении своего флота. В тот день он отправил новое частное письмо Селборну, надеясь склонить его на свою точку зрения. Помимо стратегических убеждений, непоколебимое стремление Фишера повысить мощь Средиземноморского флота можно также объяснить его амбициозным характером с признаками мании величия. Фишер добивался того, чтобы его нахождение во главе Средиземноморского флота запомнилось надолго. Важно также и то, что существенное увеличение подчиненных ему сил в мирное время косвенно повышало влияние Фишера³³.

В начале марта 1901 г. ДВМР тщательно изучил военно-морскую угрозу, исходящую со стороны Франции и России в европейских водах. На севере Великобритания располагала 24 броненосцами против 16 броненосцев Двойственного союза, в том числе трех русских броненосцев, которые были изолированы на Балтике и поэтому вряд ли могли быть использованы в решающих действиях в Ла-Манше. В то же время Великобритания теперь могла отправить весь Флот Канала в Средиземное море и выставить в том бассейне 18 сильных броненосцев против девяти французских и семи русских. Более того, Кастенс полагал, что подозрительность, расхождение в целях и тактические затруднения, снижающие мощь объединенного франко-русского флота как в Ла-Манше, так и на Средиземном море, помешают эффективному сотрудничеству партнеров по Двойственному союзу. ДВМР заключал, что французы попытаются сосредоточить все свои броненосцы в Ла-Манше, а русские будут оказывать им содействие диверсионными операциями в Леванте. Но даже и в этом случае нахождение Флота Канала и Средиземноморского флота в Гибралтаре помешает Тулонской эскадре выйти в Ла-Манш. Однако, если не разместить британский отряд в восточном Средиземноморье, будет затруднительно помешать соединению Черноморского флота с Тулонской эскадрой. Напротив тому, русские могут попытаться захватить Египет. Тем не менее Кастенс не думал, что их корабли после этого прой-

32. Ibid., Доклад комитета по расследованию о маневрах, 2 октября 1900. Меморандум Кастенса от 3 ноября 1900.

33. NA. ADM 1/7515. Письмо Фишера в Адмиралтейство от 16 января 1901; Mackay. Fisher. P. 224, 230–231, 241–244, 246–247.

дут Суэцким каналом и направятся на Дальний Восток. Поступив так, Россия «утратит контроль над Черным морем со всеми вытекающими последствиями и обеспечит нам преобладание над Францией в европейских водах, даже если мы отрядим в погоню за русскими шесть кораблей» — силу, способную разгромить Черноморский флот. На основе всего вышеизложенного ДВМР рекомендовал придерживаться существующего оперативного плана³⁴.

Первый морской лорд одобрил анализ, произведенный ДВМР. Он полагал, что пока Королевский флот обладает полным или частичным господством на морях, никакая держава не станет осуществлять крупной десантной операции против Египта. Керр утверждал: «Полагаю, что Россия не ставит перед собой цель захватить Египет... Но даже если наши корабли будут размещены не ближе Гибралтара, по моему мнению, этот факт заставит воздержаться от подобной экспедиции». 23 марта Селборн, ознакомившись с мнением Кастенса и Керра, прогнозировал, что «наши позиции в настоящий момент дадут нам несомненную победу над Францией и Россией»³⁵.

Три дня спустя Кастенс ответил запоздалым меморандумом на письмо О'Коннора, в котором тот спрашивал, станет ли Великобритания оккупировать Дарданеллы и Лемнос в ответ на русское наступление в Проливах. Кастенс полагал, что «в оккупации берегов Дарданелл нет необходимости», поскольку главной задачей Великобритании станет разгром русского флота. Однако он указывал, что такую операцию можно предпринять лишь в том случае, если «французский флот останется нейтральным или будет полностью прикрыт превосходящими морскими силами». Далее он утверждал, что «при откровенно враждебной ... или сомнительной позиции Франции Великобритания в одиночку не сможет предотвратить оккупацию Россией Константинополя и Дарданелл», если турки не окажут русским сопротивления. В отношении Лемноса ДВМР считал, что решение на этот счет должен принимать, «когда настанет время», адмирал, командующий кораблями Королевского флота³⁶.

Вскоре после этого Селборн в сопровождении Керра и Кастенса отправился на Мальту, где они провели переговоры с Фишером, настаивавшим на том, чтобы постоянно поддерживать силы Средиземноморского флота на уровне военного времени. Вернувшись в Великобританию, Селборн отказался выполнять это требование, которое бы повлекло за собой серьезные расходы, привело бы к проблемам укомплектования личным составом, противоречило запросам других станций и пробудило бы у других государств аппетит к увеличению своих военно-морских сил. Керр был со-

34. NA. ADM 1/7516. Меморандум Кастенса от 2 марта 1901.

35. Ibid., замечания Керра от 19 марта 1901. Заметки Селборна от 23 марта 1901.

36. NA. ADM 116/866B. Меморандум Кастенса от 26 марта 1901.

гласен с ним, прибавляя, что усиление Средиземноморского флота до уровня, на котором настаивал Фишер, приведет к подрыву британских позиций в Ла-Манше³⁷. По мнению ДВМР, в 1902 г. Флот метрополии должен был сохранить численное преобладание над флотами Двойственного союза в североευропейских водах. Тем не менее, принимая в соображение тактико-технические параметры кораблей, он предупреждал, что превосходство Королевского флота окажется весьма небольшим³⁸.

Фишер по-прежнему был одержим угрозой со стороны Черноморского флота. В мае он выказывал убеждение в том, что Черноморский флот в любой момент готов прорваться через Дарданеллы, и весьма смело предлагал, чтобы Великобритания подготовилась к десантным операциям на черноморском побережье России. Кастенс, разумеется, отвечал отказом, указывая, что «при отсутствии союзников наша страна в настоящее время не располагает достаточными силами для того, чтобы направить экспедицию на это море. До тех пор, пока мы не уничтожим французский и русский флоты, бессмысленно говорить о таких вещах»³⁹. В следующем месяце, косвенно упрекая Адмиралтейство за благодушие, Фишер выдвигал мнение, что «даже при самой низкой оценке русских военно-морских и сухопутных сил на Черном море их применение может иметь последствия, несопоставимые с их численностью или эффективностью, потому что с броненосцем не справятся никакие крейсера, и непоправимое может случиться прежде, чем наши броненосцы прибудут в Левант». Он подчеркивал, что «вне зависимости от реальной эффективности русского Черноморского флота по сравнению с его заявленной силой, он даже по самым скромным оценкам достаточно силен для того, чтобы склонить чашу весов на свою сторону», в первую очередь содействуя вторжению в Египет. Фишер полагал, что практическое господство России над Босфором можно нейтрализовать, лишь разместив сильную эскадру на Лемносе⁴⁰.

ДВМР на это отвечал, что Фишер находится не в том положении, чтобы выказывать осведомленное мнение о силе Черноморского флота. Кастенс под влиянием донесений консулов и Уильямса утверждал, что эффективность русского флота оставляет желать много лучшего. Он даже предполагал, что появление

37. Allen. Custance. P. 65; Boyce, D. G. The Crisis of British Power: The Imperial and Naval Papers of the Second Earl of Selborne 1895–1910. London, 1990. P. 115–118, 120–121. Письмо Селборна Керру от 2 мая 1901 и ответ Керра от 7 мая 1901.

38. NA. ADM 116/900B. Меморандум Кастенса от 29 мая 1901.

39. NA. ADM 1/7504. Письмо Фишера в Адмиралтейство от 8 мая 1901. Замечания Кастенса от 23 мая 1901.

40. Ibid., письмо Фишера в Адмиралтейство от 26 июня 1901.

Черноморского флота в Средиземном море в конечном счете лишь сыграет на руку Великобритании, потому что «с ним можно будет вступить в бой и лишить его возможности к причинению нового зла». Керр отвергал идею о размещении кораблей на Лемносе, ибо это может приблизить войну, ожесточив как Турцию, так и Россию. В целом Керр выступал за то, чтобы не вносить принципиальных изменений в план стратегического развертывания Средиземноморского флота, и Селборн поддержал его в этом⁴¹. Предваряя этот письменный обмен мнениями, Адмиралтейство 1 июля уже уведомило Фишера о том, что его ключевой задачей после соединения Средиземноморского флота и Флота Канала в Гибралтаре станет уничтожение Тулонской эскадры. Более того, Фишеру было приказано принять все возможные меры к тому, чтобы «захватить или уничтожить русскую эскадру, если она выйдет из Черного моря, и тем самым предотвратить ее соединение с французской эскадрой». Тем не менее, Адмиралтейство ясно дало понять, что постепенно Средиземноморский флот будет несколько усилен, но не до уровня военного времени⁴².

Между тем, начиная с весны 1901 г. британское Адмиралтейство было обеспокоено существенным усилением русской Тихоокеанской эскадры, получившей новые броненосцы. В 1902 г. французская и русская эскадры сильно превосходили численностью корабли Китайской станции, тем самым создавая угрозу британским колониям в том регионе и прибыльной морской торговле. Некоторые британские адмиралы выступали за то, чтобы дать аналогичный ответ на усиление России, однако военно-морское руководство и другие адмиралы полагали, что решение состоит в сближении с Японией. От Адмиралтейства требовали принять меры к сокращению расходов, возрастающих по экспоненте, и в то же самое время попыток сохранять приблизительное равенство в числе броненосцев с Двойственным союзом в условиях, когда источником беспокойства служило непрерывное наращивание германской военно-морской мощи. В сентябре 1901 г. Селборн представил Кабинету меморандум, в котором заявлял, что в случае войны против Франции и России «решающие сражения, несомненно, произойдут в европейских водах». Таким образом, невзирая на признание необходимости защищать британские интересы на Дальнем Востоке, Селборн отказался от выделения дорогостоящих активов для периферийной Китайской станции. Он предупреждал, что в резуль-

41. Ibid., меморандум Кастенса от 6 июля. Меморандум Керра и замечания Селборна от 9 июля 1901. Возможно, непоколебимое противодействие Кастенса резкому усилению Средиземноморского флота за счет Флота метрополии можно также частично объяснить его обеспокоенностью непрерывным ростом германского флота: Maskau, Fisher. P. 237–238.

42. NA. ADM 121/75. Письмо из Адмиралтейства Фишеру от 1 июля 1901.

тате Адмиралтейство получит «лишь незначительное преобладание или численное равенство сил в Ла-Манше и на Средиземном море, а численное равенство в сердце империи — это опасный риск». Первый лорд выражал мнение, что японская военно-морская помощь станет решающим фактором, который склонит чашу весов в китайских водах в пользу Королевского флота. Токио, будучи не в состоянии поддерживать паритет с возрастающими военно-морскими силами России на Дальнем Востоке, с энтузиазмом приветствовал эту перспективу. В январе 1902 г., исходя из соображений военно-морского плана и политико-экономического противостояния с Россией в Азии, Великобритания и Япония заключили союз. Согласно условиям договора, в случае войны одной из договаривающихся сторон с третьей державой другая сторона может оставаться нейтральной, если только кто-либо не придет на помощь этой третьей державе. Условия договора также включали в себя общий, но не имеющий обязательной силы принцип о поддержании регионального военно-морского превосходства над третьей державой. Еще до лета 1902 г. оба союзника договорились о сотрудничестве в некоторых сферах. И хотя военные и военно-морские представители обеих сторон воздерживались от разработки оперативных планов и их соблюдения, союзники пришли к единому мнению о том, что их эскадры должны совместно добиваться господства на море путем уничтожения врага⁴³.

Во второй половине 1901 г. и в начале 1902 г. военное министерство произвело исчерпывающий анализ стратегической позиции Великобритании в случае войны с Двойственным союзом. Согласно этому анализу, острова метрополии и подавляющее большинство британских заморских владений могли не опасаться вторжения, за весьма серьезным исключением Египта и Индии. Последняя считалась особенно уязвимой для русского наступления из Средней Азии⁴⁴. Напротив, на берегах России практически не имелось уязвимых целей, захват которых привел бы войну к победному кон-

43. NA. CAB 37/58/81. Меморандум Селборна Кабинету от 4 сентября 1901; Allen, Custance. P. 70–71; Chapman, J. The Secret Dimensions of the Anglo-Japanese Alliance, 1900–1905 // The Anglo-Japanese Alliance, 1902–1922/Edited by O'Brien, P. P. London, 2004. P. 84–88; Gooch, J. The Plans of War: The General Staff and British Military Strategy, 1900–1916. New York, 1974. P. 170–173; Ion, H. Towards a Naval Alliance: Some Naval Antecedents to the Anglo-Japanese Alliance, 1854–1902 // The Anglo-Japanese Alliance. P. 70–78; Marder, Anatomy. P. 288–300; Neilson, K. The Anglo-Japanese Alliance and British Strategic Foreign Policy, 1902–1914 // The Anglo-Japanese Alliance. P. 50–52; Nish, I. Naval Thinking and the Anglo-Japanese Alliance, 1900–1904 // Hogaku Kenkyu. 56:3. 1983. P. 5–14; Nish, I. The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907. London and Dover, 1985. P. 99–246.

44. Был предложен ряд планов по обороне Индии, но удовлетворительного ответа на этот вопрос вплоть до начала Русско-японской войны так и не было найдено.

цу. Первоначально военное министерство полагало, что оккупация французских заморских колоний вынудит Париж просить о мире и оставить Россию в одиночестве и без финансовой поддержки, позволяющей нести бремя войны. Однако, в течение следующей пары лет британские надежды развеялись после того, как французы существенно усилили свои колониальные гарнизоны⁴⁵.

Одновременно с тем сменивший Уильямса капитан Ч. Оттли предоставил дальнейшие разведанные о русском флоте. Оттли отмечал, что, невзирая на непрерывное увеличение русских военно-морских расходов, судостроительная программа страны тормозится ограниченным числом стапелей для строительства крупных кораблей. Атташе также обследовал состояние русского Черноморского флота. Он писал, что русские стремятся рано или поздно обеспечить себе выход в Средиземное море, но полагал, что Черноморский флот в настоящее время неспособен решить эту задачу, не в последней степени из-за того, что все броненосцы, кроме двух, нуждаются в установке новых котлов и в перевооружении. По словам Оттли, «думаю, многое предстоит сделать, прежде чем русский Черноморский флот будет в состоянии дать бой эскадре современных кораблей равной численности»⁴⁶.

В первой половине 1902 г. Королевский военно-морской колледж (КВМК) провел военную игру, имитирующую действия против сил Двойственного союза на Средиземном море. Обе стороны выставили на театр военных действий равное число броненосцев, хотя подавляющее большинство британских кораблей были более современными или обладали техническим преимуществом. Англичане разместили часть своего флота, превосходящую силой Тулонскую эскадру, в западном Средиземноморье, а другую — в Леванте, для наблюдения за русскими. После ряда маневров и сражений Королевский флот одержал убедительную победу над обоими противниками. В ходе игры выяснилось, что несмотря на отправку подкреплений в Средиземное море, Королевский флот сохранил господство в северо-европейских водах и сумел воспрепятствовать соединению русского Балтийского флота с французской эскадрой⁴⁷.

Сменивший Оттли капитан А. Калторп сообщал новую информацию о Черноморском флоте, которую ОВМР широко использовал в своем всеобъемлющем докладе в январе 1903 г. Помимо того, что личный состав флота характеризовался в этом докладе

как недостаточно подготовленный и малобоеспособный, под сомнение ставилась и боевая ценность самих кораблей. Например, пять из семи броненосцев были оснащены старыми котлами и орудиями низкой скорострельности и имели неадекватную броню. В докладе отмечалось, что «в существующих условиях этот флот следует рассматривать как сколько-нибудь эффективную подмогу врагам Великобритании разве что лишь в отрицательном смысле, связанном с необходимостью выделить определенные силы для наблюдения и контроля за этими русскими кораблями и соответствующим неизбежным ослаблением нашей боевой мощи на Средиземном море». И хотя Калторп подтверждал, что русские надеются увидеть, как их Черноморский флот утвердится на Средиземном море, он указывал, что в настоящее время это неосуществимо даже с французской помощью. В конце доклада рассматривался сценарий, согласно которому британская эскадра войдет в Черное море, уничтожит русский флот и свяжет вражеские войска необходимостью оборонять важные береговые пункты, однако доклад приводил к выводу о том, что этот план невозможно выполнить без турецкого содействия⁴⁸.

В начале 1903 г. КВМК повторил прошлогоднюю военную игру в новом варианте. На этот раз Средиземноморский флот уступал в численности силам Двойственного союза. Игра строилась на пренебрежительной оценке Черноморского флота. Предполагалось, что он неспособен оказать французам серьезное содействие, поскольку всего лишь два современных французских броненосца равноценны целой русской эскадре. В целом считалось, что объединенный франко-русский флот окажется медлительным и тактически неполноценным по сравнению с британскими кораблями, в большинстве своем более быстроходными и обладающими равной или превосходящей огневой мощью⁴⁹.

В декабре 1902 г. только что созданный Комитет по обороне империи (КОИ) обратился к ДВМР с запросом, в котором просил оценить последствия возможной оккупации русскими Константинополя и Проливов для военно-морских позиций Великобритании в Средиземном море⁵⁰. Менее чем два месяца спустя Адмиралтейство подготовило меморандум, в котором утверждалось, что захват Проливов силой или соглашение с Турцией, открывающее Проливы для использования Россией, «соответственно осложнит нашу задачу». Возможное создание военно-морской стоянки у входа в Дарданеллы значительно приблизило бы Черноморский флот к Египту и к точке встречи с Тулонской эскадрой, одновре-

45. Gooch. Plans of War. P. 177–185; Mahajan. The Defence of India. P. 170–171, 175–179; McDermott, J. The Revolution in British Military Thinking from the Boer War to the Moroccan Crisis // Canadian Journal of History. 9:2. 1974. P. 162–164, 167–170.

46. NA. ADM 1/7555. Донесения Оттли от 23 ноября 1901 и 1 января 1902.

47. NA. ADM 231/37. Брошюра ОВМР о стратегической военной игре, проводившейся КВМК в январе-мае 1902, ноябрь 1902.

48. NA. ADM 1/7621. Доклад ОВМР, январь 1903.

49. NA. ADM 231/38. Брошюра ОВМР о стратегической военной игре, проводившейся КВМК в начале 1903, октябрь 1903.

50. NA. CAB 38/1/13. Заметки о совещании КОИ 18 декабря 1902 г.

менно обеспечив защищенное убежище для русских кораблей, где они смогли бы укрыться в случае поражения в бою. Тем не менее, Адмиралтейство констатировало, что все это «не внесет серьезных изменений в наши стратегические диспозиции по сравнению с текущими обстоятельствами». По всей вероятности, под влиянием невысокого мнения Калторпа и ДВМР о возможностях Черноморского флота, авторы меморандума недвусмысленно утверждали, что русские не осмелятся в одиночку напасть на Средиземноморский флот без французского содействия. Адмиралтейство констатировало, что «флот этой страны [Франции], как и прежде, останется основной целью действий нашего флота, и до тех пор, пока с этими силами придется считаться, мы не сможем сделать большего, чем наблюдать за действиями русских в Леванте», хотя «Россия не сможет рассчитывать на какие-либо серьезные результаты, будь то в Египте или в других местах, до тех пор, пока ее флот не сразится с нашим и не разобьет его». В этом отношении Адмиралтейство было против захвата Лемноса или какого-либо иного острова вблизи от Проливов, не желая обременять Средиземноморский флот излишними оборонительными обязанностями⁵¹.

Всего лишь два дня спустя КОИ провел совещание, на котором обсуждалась британская политика в Проливах. По прогнозам КОИ, Россия обладала более чем достаточными возможностями для того, чтобы за неделю захватить Константинополь, а затем взять под свой контроль Дарданеллы. О'Коннор, присутствовавший на совещании, оказался в меньшинстве, требуя, чтобы Великобритания отправила 5-тысячный отряд оккупировать Дарданеллы. Другие участники совещания разошлись во мнениях о том, будет ли таких сил достаточно и имеется ли возможность их выделить. Более того, они присоединились к позиции Адмиралтейства относительно Лемноса. КОИ констатировал: «Очевидно, Великобритания не в состоянии дать эффективный военный или военно-морской ответ на удар по Константинополю». Однако, далее недвусмысленно указывалось, что это «не требует от нас внесения существенных поправок в состав и расположение нашего Средиземноморского флота». Предшествовавшая дискуссия строилась на предположении о военных действиях против объединенных сил Франции и России. КОИ был уверен, что в случае войны Великобритании с одной лишь Россией, «ее [русский] флот не осмелится выйти в Черное море до тех пор, пока относительная военно-морская мощь России и Великобритании остается неизменной». Тем не менее, из этого не вытекало, что Великобритании придется

51. NA. CAB 4/1/1. Меморандум Адмиралтейства от 9 февраля 1903.

принимать односторонние меры по отражению русского наступления в Проливах⁵².

После совещания Генеральный директор по мобилизации и военной разведке (ГДМВР) У. Николсон рассмотрел проблемы, связанные с захватом Галлиполи в ответ на русские действия против Константинополя — в первую очередь тот факт, что отправленный из Великобритании экспедиционный корпус высадится в Дарданеллах лишь месяц спустя после того, как русские войдут в Проливы. Кроме того, успех операции зависел от «полного господства на море и отсутствия иных угроз в других регионах мира». Николсон отвергал идею о выделении 5-тысячного отряда из сил, размещенных в Средиземноморье, так как гарнизоны Мальты и Гибралтара слишком слабы. Считалось, что британских сил в Египте недостаточно для отражения даже относительно малочисленного десанта⁵³. В конце февраля Адмиралтейство писало в Военное министерство о том, что к концу года риск для Египта будет сведен к абсолютному минимуму благодаря соответствующему составу Средиземноморского флота. Но это не вполне успокоило Военное министерство, с неохотой согласившееся с прогнозом Адмиралтейства⁵⁴.

Весной 1903 г. военный атташе в Константинополе подполковник Ф. Маунселл доложил, что турецкая армия отныне может оказывать более решительное сопротивление при нападении на Константинополь. В Военном министерстве полагали, что если атташе прав, то русским понадобится больше времени на захват города. Однако, авторы планов из военного министерства не рассчитывали на серьезную задержку, которая позволит вовремя доставить из Великобритании экспедиционный корпус⁵⁵. Новый ДВМР, контр-адмирал принц Луис Баттенберг полагал, что Россия может рискнуть своими сухопутными силами, бросив их на Константинополь, но только не флотом, построенным ценой таких затрат. Баттенберг заключал, что «русские едва ли предпримут внезапное нападение на Константинополь, если не будут иметь полной уверенности в том, что смогут это сделать, не рискуя своими кораблями»⁵⁶.

Осенью 1903 г. военные корабли Китайской станции численно уступали русской Тихоокеанской эскадре, и местный командующий опасался того, что последняя сможет взять верх и над японским флотом. Селборн вслед за ним также выражал беспокойство

52. Ibid., Резюме итогов совещания КОИ 11 февраля 1903, составленное премьер-министром А. Бальфуrom, 14 февраля 1903.

53. Ibid., Записка Николсона от 23 февраля 1903.

54. Ibid., Меморандум Разведывательного отдела Военного министерства по вопросу о египетском гарнизоне, 9 апреля 1903.

55. NA. CAB 4/1/1. Донесение Маунселла от 9 марта 1903 г. и соображения Разведывательного отдела Военного министерства от 4 апреля 1903.

56. Ibid., замечания Баттенберга по вопросу о возможном захвате русскими Константинополя, 30 апреля 1903.

по поводу того, что ни Великобритания, ни Япония поодиночке не смогут разбить русскую эскадру. В октябре 1902 г. кабинет наконец отказался от «двухдержавного стандарта» в пользу политики паритета при небольшом британском преимуществе. Тем не менее, вплоть до февраля 1904 г. количественный баланс военно-морских сил между Великобританией и Двойственным союзом оставался хрупким. Соответственно, Селборн, движимый потребностью иметь преимущество над французами и русскими в Средиземном море, не желал усиливать Китайскую станцию. Все же руководство Адмиралтейства надеялось, что соединенные англо-японские силы наверняка одолеют русских⁵⁷. В декабре 1903 г. тучи, сгущавшиеся в русско-японских отношениях, привели британское правительство к выводу, что русско-японская война неминуема. 4 января 1904 г. КОИ рассудил, что британским интересам в наибольшей степени отвечает позиция нейтралитета, несмотря на почти полное равновесие военно-морских сил между Россией и Японией, при котором вмешательство Королевского флота решительно склонило бы чашу весов в пользу Токио⁵⁸. В тот же день Адмиралтейство в общих чертах подтвердило существующий оперативный план для Средиземноморского флота, с той поправкой, что британский флот также должен напасть на русские военные корабли, находящиеся в данном бассейне, еще до объявления войны⁵⁹.

Семь дней спустя министр иностранных дел маркиз Лэнсдаун, обеспокоенный тем, что Черноморский флот или его часть могут быть отправлены на Дальний Восток для усиления русской Тихоокеанской эскадры, обратился за советом в Адмиралтейство. Селборн ответил, что Великобритания не должна позволить России использовать корабли Черноморского флота против Японии. Он также переслал министру подробный анализ Керра и Баттенберга, отметив, что «их точка зрения чересчур логична для людской натуры». Керр полагал, что если не брать Японию в расчет, то маловероятно, чтобы Великобритания прибегла к принудительным мерам, пытаясь воспрепятствовать переходу Черноморского флота через Проливы. Однако, учитывая вовлеченность Японии, Лондон должен уведомить Санкт-Петербург о том, что нарушение договоров о проходе военных кораблей через Проливы бу-

57. Boyce. The Crisis of British Power. P. 171–172. Меморандум Селборна кабинету от 29 февраля 1904; Chapman. The Secret Dimensions. P. 87–88; Neilson. The Anglo-Japanese Alliance. P. 51; Sumida. In Defence. P. 23–24.

58. Gooch. Plans of War. P. 173–176; McKercher, B. J. C. Diplomatic Equipoise: The Lansdowne Foreign Office: The Russo-Japanese War of 1904–1905, and the Global Balance of Power // Canadian Journal of History. 23:3. 1989. P. 304–309; Neilson. Last Tsar. P. 238–244.

59. NA. ADM 121/75. Меморандум Адмиралтейства главнокомандующему Средиземноморским флотом от 4 января 1904.

дет представлять собой *casus foederis*. Одновременно с тем он писал: «Очень сильно сомневаюсь, чтобы Россия предполагала посылать свои черноморские корабли». Баттенберг советовал, чтобы в случае выхода Черноморского флота из Проливов во время русско-японской войны численно превосходящие британские силы напали на него у Суэцкого канала. Если же Черноморский флот выйдет из Проливов до начала войны, то за русскими кораблями на Дальний Восток должен проследовать сводный отряд из броненосцев и миноносцев. В таком случае англо-японские силы считывали бы 16 первоклассных и более-менее однородных броненосцев против 14 технически устаревших и разнородных русских кораблей. В том же случае, если Россия объединит свои силы с Францией, ДВМР полагал, что приоритет следует отдать разгрому французских сил в европейских водах. Вопрос был представлен на рассмотрение премьер-министра А. Бальфура. Бальфур, не желая провоцировать вмешательство Франции в конфликт, возразил против нападения на русские корабли у средиземноморских берегов Египта. Вместо этого, согласно его рекомендации, Лондон должен оказать косвенное давление на Санкт-Петербург, категорически заявив, что Великобритания предпримет любые действия, которые сочтет уместными, если корабли Черноморского флота пройдут Суэцким каналом⁶⁰.

27 января КОИ заключил, что поскольку в составе Черноморского флота имеются лишь два современных броненосца, «представляется невероятным, чтобы русское правительство пошло на риск серьезных осложнений, отправляя на театр военных действий столь незначительные подкрепления». Однако, если это все же случится, Великобритания по дипломатическим соображениям должна воздержаться как от нападения на русский флот, так и от попыток помешать ему пройти Суэцким каналом. Одновременно с тем Лондон должен жестко предупредить Санкт-Петербург о том, что «его кораблям никогда не позволят принять участие в войне». Сильная британская эскадра должна следовать по пятам за русскими кораблями, которые в Красном море столкнутся с серьезными затруднениями в плане получения угля и ремонта. После этого, по словам КОИ, «нам останется решать, либо сразиться с ними на пути из Суэца во Владивосток, либо задерживать их и отпустить после окончания русско-японской войны»⁶¹. В ночь с 7 на 8 февраля 1904 г. японцы предприняли внезапную атаку на русскую Тихоокеанскую эскадру. После ряда сражений

60. NA. CAB 37/68/11. Меморандум Лэнсдауна Селборну от 11 января 1904. Записка Селборна Лэнсдауну от 14 января 1904. Меморандумы Керра и Баттенберга от 13 января 1904. Меморандум Бальфура от 18 января 1904.

61. NA. CAB 38/4/7. Меморандум Бальфура о совещании КОИ, состоявшемся 27 января 1904, 28 января 1904.

японцы уничтожили все военно-морские силы царя на Дальнем Востоке, как и сильный отряд, посланный с Балтики. К концу войны в августе 1905 г., за исключением устаревшего Черноморского флота, не участвовавшего в конфликте, Россия практически лишилась военно-морских сил.

Таким образом, к 1898 г. британские политики, адмиралы и военачальники полагали, что не сумеют помешать русским захватить Константинополь и Проливы. С военной точки зрения это можно отчасти объяснить военной слабостью Турции, видимым нежеланием турецкого султана оказывать сопротивление русским и невозможностью выделить достаточные сухопутные силы для операций в Дарданеллах. Однако, решающим фактором было мнение о том, что Великобритании почти наверняка придется сражаться одновременно против Франции и России. Адмиралтейство было уверено в том, что ему в конечном счете удастся разбить флоты Двойственного союза в европейских водах. При этом Королевскому флоту пришлось бы сперва заняться французами, из-за чего он не смог бы воспрепятствовать проходу русского Черноморского флота через Проливы в Средиземное море. Подобное развитие событий не только сместило бы баланс сил в тех водах не в пользу Королевского флота, но в теории поставило бы Египет перед угрозой русского вторжения. Тем не менее, в течение пяти лет, предшествовавших Русско-японской войне, ведущие фигуры Адмиралтейства, невзирая на предупреждения Фишера, все сильнее склонялись к мнению о том, что Черноморский флот не представляет серьезной угрозы. Во-первых, они полагали, что безопасность Египта гарантируется стратегией *fleet-in-being*. Кроме того, на руку англичанам играло то, что русский флот направлял почти все свои ограниченные средства и ресурсы на укрепление своих дальневосточных позиций в ущерб Черноморскому флоту. Адмиралтейство, решив отвечать на действия русских заключением союза с Японией, сохранило свое преобладание в европейских водах над силами Двойственного союза. Ключевую роль сыграла разведка, сделав из донесений военно-морских атташе вывод о низкой боевой эффективности Черноморского флота, который был неспособен оказать серьезную помощь французам и мог быть почти без усилий уничтожен Королевским флотом. Соответственно, к 1904 г., вероятно, недооценивая готовность турок к сопротивлению и те проблемы, с которыми столкнулись бы русские, британское правительство было готово махнуть рукой на Проливы, успокоенное заявлениями Адмиралтейства о том, что Черноморский флот неспособен повредить британским военно-морским позициям в Средиземноморье. Более того, Адмиралтейство приняло эффективные меры по подготовке к возможному столкновению с силами Двойственного союза на море. Однако победа над ними в реальности была бы тщетной, так как она не решала насущную проблему обороны Индии. Бо-

лее того, хотя Черноморский флот в тот момент и не представлял угрозы для стратегической позиции Великобритании на Средиземном море, он мог бы стать такой угрозой, если бы Россия перестала уделять усиленное внимание Тихому океану. Мы имеем свидетельства о том, что хотя англичане преувеличивали способность России к захвату Проливов, к февралю 1904 г. царь санкционировал значительное усиление Черноморского флота. К счастью для англичан, начало Русско-японской войны помешало осуществлению этих планов.

*Авторизованный перевод с английского
Николая Эдельмана*

~

И. М. МАЙСКИЙ В ЯПОНИИ В 1927–1929 ГГ.

Во второй половине 1920-х годов международная обстановка в дальневосточном регионе носила достаточно запутанный характер. С одной стороны, подписание первого равноправного советско-китайского соглашения 1924 года и признание СССР со стороны Японии в 1925 году несколько стабилизировали отношения между тремя ключевыми странами региона, однако обострение борьбы между представителями различных военно-политических группировок внутри Китая серьёзно затрудняло диалог с китайской стороной относительно всего комплекса проблем советско-китайских и японо-китайских контактов. В этой связи, особое значение приобретали отношения Советского Союза и Японии. Среди представителей обеих стран стали проявляться попытки наладить продуктивный диалог и добиться улучшения двусторонних контактов.

На этом фоне пристального внимания заслуживает фигура И. М. Майского, служившего в советском полномочном представительстве в Токио в крайне важный для японо-советских отношений период. Блестящий аналитик, талантливый дипломат, Майский хорошо разобрался в обстановке на Дальнем Востоке и внутри Японии, а также сделал важный шаг для улучшения отношений между двумя странами в культурной сфере, организовав вместе с полпредом А. А. Трояновским концерты театра Кабуки в Советском Союзе. С этой точки зрения анализ деятельности Майского во время его пребывания в Японии представляет значительный интерес.

1. Японо-советские отношения после посещения СССР виконтом Гото Симпэй

Иван Михайлович Майский был советником полпредства со дня прибытия в Токио 30 октября 1927 года по 1 февраля 1929 года. Он приехал в Японию именно в то время, когда японская сторона как нико-

гда ранее надеялась на развитие японо-советских отношений. С декабря 1927 по январь следующего года бывший министр иностранных дел Японии, опытный политик Гото Симпэй, находился с визитом в Москве, пытаясь улучшить японо-советские отношения. Во время своего визита Гото призывал советскую сторону, прежде всего, разработать совместную политику относительно ситуации в Китае, поскольку из-за внутривластной нестабильности последнего не представлялось возможным осуществить трехсторонние консультации о сотрудничестве между СССР, Японией и Китаем, так необходимые для достижения мира в дальневосточном регионе.

Согласно сохранившимся в Японии материалам, на встрече с Гото, которая состоялась 7 января 1928 года, Сталин заявил следующее: «Хотел бы спросить у Вас по поводу конкретного содержания японо-русского двухстороннего соглашения». Гото ответил Сталину, что на данный момент у него нет конкретного плана, но после того, как обе стороны признают необходимость «откровенного понимания» относительно данного вопроса, нужно будет провести подробное обсуждение¹. В то же время, на встрече 14 числа Сталин заявил, что советская сторона, в принципе, не против заключения двухстороннего японо-русского соглашения в качестве меры для разрешения китайской проблемы².

Однако японо-советские отношения не получили дальнейшего развития. Из материалов японской стороны, опубликованных достаточно давно, причина этого была непонятна. Но когда в 2007 году был издан сборник материалов российской стороны, появилась возможность сравнить документы обеих сторон, после чего стало ясно, что проблема заключалась в том, что протоколы двух встреч между Чичериным и Гото на японском и русском языках сильно отличаются друг от друга.

Для начала рассмотрим японский вариант протокола встречи от 29 декабря:

«ЧИЧЕРИН: Даже в случае заключения двухстороннего соглашения в отношении к Китаю мы будем против того, чтобы делать Китай мишенью наших двух стран. К примеру, нынешнее правительство России не пойдет по такому пути, как ранее с Англией, когда Англия и Россия распределили сферы влияния в Китае. (...)

ГОТО: Конечно. Я говорю о трехсторонних совещаниях, необходимых для китайского народа и для мира в дальневосточном регионе в целом. Просто в данный момент в Китае царит беспорядок и нет реально существующей власти, поэтому речь и идет о том,

1. Цуруми Юсукаэ. Гото Симпэй. 4 том. С. 867. Оригинал был издан в 1937 году, но здесь цитируется перепечатка издательства Кэйсо-сёбо (1967). Русский вариант протокола переговоров не найден. См.: В. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006. С. 191–193.
2. Цуруми Юсукаэ. Гото Симпэй. С. 870.

чтобы вначале совещания проводились между Россией и Японией. В случае необходимости [я] готов лично провести совещания с политическими силами Южного и Северного Китая.

ЧИЧЕРИН: В Вашем меморандуме, так же как и в высказываниях других людей, сплошь и рядом встречаются такие фразы, как „советизация Китая“, однако Россия никогда не пропагандировала в Китае коммунизм...»³

Однако согласно русскому варианту протокола, последнее высказывание Гото и ответ Чичерина звучали следующим образом:

«ГОТО: Совершенно верно: Китай должен быть не объектом, но партнером. Именно поэтому я думаю о том, чтобы поехать в Китай и там говорить с их руководящими деятелями.

Я (*Чичерин*): Если Вы на данной стадии будете говорить об этом с китайскими генералами, то на следующий день английский посланник Тилли придет к генералу Танаке и поднимет очень большую историю. Я совершенно согласен с той мыслью, которая выражена в Вашем меморандуме, что на данной стадии надо действовать чрезвычайно осторожно и сохранять конфиденциальный характер этих разговоров. Таково Ваше же предложение»⁴.

Таким образом, из русскоязычного варианта следует, что Чичерин выступил против того, чтобы Гото вел переговоры с генералами из Китая, включая Чжан Цзолиня. Эта часть записи беседы полностью отсутствует в японском варианте. Далее перейдем к протоколу второй встречи, от 21 января.

Вначале рассмотрим японский вариант протокола.

Согласно данному документу, в начале беседы Гото говорит, что поскольку советская сторона, в целом, приняла его предложение по поводу китайской проблемы, он займется его воплощением в жизнь по возвращению на родину. В ответ Чичерин выражает согласие со словами собеседника, однако в то же время настаивает на том, чтобы привлечь китайскую сторону к японо-советскому соглашению. Гото отвечает согласием и добавляет, что в случае необходимости он намеревается убедить Чжан Цзолиня. На что Чичерин замечает следующее: «Дело в том, что в настоящее время он находится под влиянием Англии. Не только ему, но и другим китайским генералам было бы опасно сообщать сразу о работе в данном направлении. Надо быть очень осмотрительным!» Гото отвечает: «Конечно! Кроме того [я] думаю и над пактом о ненападении, и о торговом соглашении»⁵.

3. Там же, стр. 871–872.

4. Москва–Токио: политика и дипломатия Кремля 1921–1931 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Кн. 2. М., 2007. С. 203.

5. Архив Гото Симпэй. Р. 54, 18-12-6. С. 4. 21 января 1928, Цуруми Юсукэ. Гото Симпэй. С. 873–874.

Вместе с тем, в протоколе на русском языке содержится следующая запись этого отрывка: «Я (Чичерин) снова выдвинул прежние аргументы против этого: это сейчас же делается известным нашим врагам, англичане это сейчас же используют, и дальнейшее выполнение его плана не удастся. Надо, чтобы он прежде всего провел свои взгляды в Японии, а когда мы потом перейдем к их практическому осуществлению, тогда настанет момент для разговоров с китайскими генералами».⁶

Если сравнить эти две записи протокола, становится ясно, что в русском варианте Чичерин резко возражал против ведения Гото переговоров с Чжан Цзолинем, с чем виконт согласился. Кроме того, как видно из данного протокола, Чичерин настаивал на том, что в тот момент Гото должен был поработать с правительством Японии, убедив его поддержать соглашение между Советским Союзом, Китаем и Японией, в то время как в будущем в этот план возможно было посвятить и Чжан Цзолиня. Если это так, то в политическом смысле Гото не мог ничего сделать, так как СССР выступил и против того, чтобы сделать Китай объектом соглашения между Японией и Россией, и против того, чтобы вести прямые переговоры с Чжан Цзолинем. Следовательно, слова Сталина на встрече с Гото о том, что он, в принципе, не против японского предложения, по существу, теряли всякий смысл.

Нет возможности удостовериться, какой из двух вариантов протокола — японский или русский — более объективно отражает факты. Однако, согласно японским документам, известна ещё одна попытка Чичерина прозондировать позицию японской стороны по данной проблеме. Это произошло 23 февраля 1928 г. во время встречи с Мори Кодзо, секретарём Гото. Когда Чичерин затронул вопрос о действиях китайских властей, направленных на возврат КВЖД, Мори предложил продлить ЮМЖД и соединить её с КВЖД, и Чичерин выразил согласие с данным предложением⁷. После этого, согласно телеграмме от посла в СССР Танака, доставленной в Токио 26 февраля, Карахан был также в курсе предложения Мори⁸. Однако 10 марта Чичерин и Карахан утверждали, что они «только выслушали мнение Мори» по данному вопросу: «Поскольку относительно конкретных предложений о продлении ЮМЖД до Харбина необходимо учитывать позицию советской стороны и, естественно, согласие китайской, данный проект прак-

6. Москва–Токио. С. 233.

7. Нихон гайко: бунсё майкрофируму хан (Японские дипломатические документы в микрофильмах). «То: си тэцудо: мондай иккэн, тэцудо: дзё: то мондай (Вопросы о Восточно-Китайской железной дороге, Проблема передачи железной дороги)». Декабрь 15 года Тайсё (1926) — ноябрь 7 года Сёва (1932). S. 6.1.9.2–24, 314.

8. Там же. S. 6.1.9.2–24, 315.

тически невозможен, поэтому [мы] ни в коем случае не могли выразить согласие с этим предложением».

Истинные намерения Чичерина и советских представителей неизвестны, однако японское правительство видело в этих действиях советской стороны попытки рассмотреть различные варианты достижения согласия с Японией по железнодорожному вопросу. По крайней мере, не вызывает сомнений, что Гото решил дожидаться момента, когда СССР будет вынужден предпринять какие-либо действия в Маньчжурии в связи с растущей угрозой со стороны китайского национализма. Таким образом, ко времени прибытия Майского в Японию японо-советские отношения находились, фактически, в ожидании перемен. О чем он тогда размышлял, какие действия предпринимал? Попробуем рассмотреть это в контексте обстоятельств, предшествовавших его назначению в Японию.

2. Назначение Майского на должность советника полпредства СССР в Японии

Большой интерес представляют обстоятельства, сопутствовавшие назначению Майского на эту должность в Японии. Впервые о его назначении советником полпредства в Токио в советском руководстве заговорили весной 1926 года. Тогда коллегия НКВД выступила против назначения Майского, заявив, что он не подходит на эту должность, и Чичерин в своих письмах Сталину также поддерживал эту точку зрения⁹. Вероятно, они рассуждали, что Майскому больше подходит работа в Европе. В результате этого, вместо Токио Майский отправился на работу в Лондон. Однако после того, как в мае 1927 года английское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с СССР, он был вынужден покинуть Англию.

Разрыв англо-советских дипломатических отношений повлиял на будущее Майского и в несколько ином смысле. В связи с данным инцидентом усилились нападки на полпреда СССР во Франции Х. Раковского, и советское правительство вынуждено было отозвать его на родину. После этих событий советское руководство приняло решение перевести В. С. Довгалева, бывшего полномочного представителя СССР в Японии, на должность советского полпреда во Франции. Довгалева с 1908 по 1917 год находился в эмиграции в Бельгии, Швейцарии и Франции, поэтому считался наиболее подходящим человеком на должность полномочного представителя в Париж, значимость которого сильно возросла после закрытия полпредства в Англии. В то время внутри партии было мало людей, пригодных к деятельности во Франции, поэто-

9. Москва–Токио. С. 17.

му руководство партии призвало для этого только что прибывшего в Японию и не прослужившего и года на своей должности Довгалева¹⁰.

Кроме того, на назначение Майского определенное влияние оказал тот факт, что при Довгалева пост советника полпредства занимала такая фигура, как Г. З. Беседовский. Советское руководство было невысокого мнения о его дипломатических способностях, его считали чересчур мягкотелым и склонным к уступкам японцам¹¹. Если бы дипломатические способности Беседовского получили более высокую оценку, скорее всего, его бы оставили на должности советника, и Майский не получил бы это назначение. Однако все произошло по-другому. Через два года Беседовский эмигрировал во Францию, куда был назначен на работу после Токио, и издал воспоминания, в которых изложил все свои прошлые недовольства.

С другой стороны, сам Майский после отбытия из Лондона не горел желанием работать в Японии. Этот факт подтверждается и письмом Майского Молотову от апреля 1927 года¹², и его письмом к жене от июня того же года¹³. В первом письме Майский заявлял, что хотя руководство НКВД хочет направить его в Японию, сам он хотел бы работать в Ханькоу. Во втором из упомянутых писем Майский сообщает, что вероятность его назначения в Токио велика, но нельзя исключать и другие возможности. Работа в Японии для Майского не представляла никакого интереса.

Однако несмотря на это, из-за отсутствия подходящих кадров партийное руководство все-таки приняло решение направить Майского в Токио. Хотя ему было уже 43 года, его назначили не полпредом, в соответствии с возрастом, а всего лишь советником полномочного представителя¹⁴. 21 октября в Политбюро приняли решение назначить на должность полпреда Александра Трояновского, который до этого времени работал в Госторге. В тот же день Довгалева был назначен на пост в Париж, и ему было предписано отправляться туда сразу после прибытия Майского в Токио. Одновременно с этим, Политбюро поручило Чичерину и первому секретарю Далькрайкома Н. А. Кубяку начать переговоры с Трояновским. Как видно из предшествовавших этому событий, а также исходя из того, как развивалась ситуация далее, очевидно, что целью

10. А. Александров, Л. Сергеева. 90-я годовщина со дня рождения Валентина Довгалева // Международные отношения. 1976. № 1. С. 127–128. Довгалева занимал должность полпреда во Франции вплоть до самой смерти в 1934 году.

11. Москва–Токио. С. 179, прим. 1.

12. Москва–Токио. С. 112–114.

13. Иван Михайлович Майский: Научное наследие. Кн. 1. М., 2005. С. 280–281.

14. Его предшественник на этом посту, Беседовский, был 1896 года рождения.

этих переговоров ставилось добиться его согласия на пост в Токио в качестве преемника Довгалецкого¹⁵.

Трояновский, по решению Политбюро от 3 ноября 1927 года назначенный начальником Майского¹⁶, имел с ним много общего. Во-первых, Трояновский родился в 1881 году в семье военного и закончил Михайловское артиллерийское училище, так что семейная среда во многом была схожа со средой Майского, который родился в 1884 году в семье военного врача. Во-вторых, оба они перед революцией долгое время находились в эмиграции в Европе. Трояновский поступил на военную службу и, одновременно с этим, студентом-вольнослушателем посещал занятия на физическом и юридическом факультетах Киевского университета, где и начал принимать участие в революционном движении. В дальнейшем он эмигрировал, и вплоть до революции 1917 года находился в Европе. Майский также начал принимать участие в революционном движении, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, после чего долгое время находился в эмиграции в Германии и Англии. И в-третьих, во время Первой мировой войны Трояновский отдалился от Ленина и также, как и Майский, примкнул к партии меньшевиков.

Вместе с тем, между этими двумя людьми имелись и различия. Во-первых, Трояновский принимал участие в русско-японской войне и имел хотя бы какое-то определённое представление о Японии еще задолго до своего назначения на работу в Токио. Во-вторых, он достаточно давно имел знакомство со Сталиным. Когда в 1913 году Трояновский находился в Вене, он помогал последнему в написании статей по национальному вопросу, и после революции продолжал поддерживать с ним личные связи¹⁷. В 1927 году Трояновский работал в Госторге. Он как раз раздумывал над тем, чтобы сменить место работы, поскольку между ним и Коллегией Наркомата внешней торговли РСФСР возникли разногласия по поводу будущего Госторга¹⁸. Руководству партии было известно недовольство Трояновского, поэтому было решено назначить его полпредом в Японию.

Как видно из вышеизложенного, Майский был назначен на свою должность, не имея никакого представления о Японии. Более того, Трояновский, который выехал из Москвы 4 января 1928 года и прибыл в Токио 21 числа¹⁹, имел с ним много общего, однако при этом у него не было больше опыта в плане работы в НКВД. Благодаря

этим обстоятельствам, Майский мог наблюдать за Японией, будучи не отягощенным предрассудками о японо-советских отношениях в предыдущие годы, а общая ситуация благоприятствовала его активной деятельности. Подробные воспоминания об этом периоде он изложил спустя почти 40 лет. Из них следует, что Майский, не зная ни японского языка, ни имея каких-либо сведений о Японии, вместе с другими членами полпредства, находившимися в подобной ситуации, организовал кружок по изучению Японии, который занимался исследованием «различных сторон японских истории и жизни на основании всех тех печатных источников (на японском, английском и др. языках), которые были нам доступны». И «везде, куда только можно было проникнуть, я (Майский), как пчела, собирал по капельке знания о Японии и японцах... Тут мне пришлось в голову, что есть два учреждения, в которых хоть частично отражается подлинная жизнь народа, — это суд (особенно суд низших инстанций) и театр. Я стал посещать суды и театры».²⁰

Действительно, и в своем письме Луначарскому от 24 ноября 1927 года, и в письме к матери от 30 декабря он высоко отзывался о японском театре²¹, поэтому, вероятно, приведённые выше высказывания Майского соответствовали его реальному взгляду на эти вещи.

3. Позиция Майского относительно создания японо-советского соглашения

В Японии впервые Майский высказал свою точку зрения о японо-советских отношениях 27 января 1928 года в письме Д. В. Богомолу, который в то время был полпредом СССР в Польше. Они дружили семьями еще с тех пор, когда были коллегами в Лондоне, где Майский был советником полпреда, а Богомол — первым секретарем²². В письме к этому близкому другу Майский делится следующими мыслями:

«Сравнивая Лондон с Токио, я сказал так: точно с жестокого мориоза сразу попал в тепло натопленную комнату. Здесь, по крайней мере внешне, к нам относятся как великой державе, и при том, как к дружественной великой державе... Общая линия япра сейчас такая: всячески подчеркивать и укреплять «дружбу»... в по-

15. Москва-Токио», к. 2, с. 176.

16. Там же. С. 180.

17. Е. П. Крутицкая, И. С. Митрофанова. Полпред Александр Трояновский. М., 1975. С. 3–54; Олег Трояновский. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 9–41.

18. Олег Трояновский. С. 53.

19. До того как 21 января 1928 года Трояновский прибыл в Токио, обязанности полпреда исполнял Майский (Крутицкая и Митрофанова. С. 63).

20. И. Майский. Б. Шоу и другие воспоминания. М., 1967. С. 134–135.

21. Майский. С. 288.

22. В письме Майского от 10 апреля 1926 года встречается имя Д. В. Богомолова (в то время занимавшего пост первого секретаря полпредства СССР в Англии) (Майский. С. 275). Дополнительные справки см.: Ежегодник НКВД. М., 1926. С. 72. Богомол попал под политическую чистку после работы послом в Польше и в Китае и скончался в 1938 году (Книги памяти. М., 1989. С. 4).

рядке уступок экономических (рыболовная конвенция, концессии, выгодный для Японии торговый договор, к переговорам о кот [ором] мы, вероятно, скоро приступим, и т. д.) и политических (в первую очередь, выгодный японцам компромисс в Манчжурии, где сейчас, в связи с усилением Чжан Цзо Лина и ростом нацдвижения в Мукдене, они чувствуют себя не очень сладко)... Положение очень сложное, но при известной ловкости можно было бы удачно сманеврировать. Вот только, сумеем ли мы это сделать?²³

Здесь Майский оценил дружественность японской позиции как результат расчетливого подхода, следуя господствующему взгляду на Японию в НКВД. На тот момент Майский, скорее всего, почти не осознавал антиамериканских и антиевропейских настроений, распространенных в японской анти-Мидской правящей элите. С одной стороны Майский отмечает расчетливость Японии, а с другой говорит о том, что она занимает дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу, и пишет: «Не подлежит сомнению, что *инициатором* нападения на нас Япония сейчас не будет» И, что очень важно, добавляет следующее: «Как она себя поведет, если Англия проявит такую инициативу, сказать заранее трудно. Но нам тоже нельзя спать. Если мы не используем нынешних настроений Японии для выработки приемлемого для обеих сторон „модус вивенди“, Япония может, конечно, поискать себе каких-либо иных «друзей» и кто-нибудь другой успеет перекупить ее «дружбу». Самое важное тут — договориться о Манчжурии, и у меня на этот счет имеются уже кой-какие мысли, еще не вполне проработанные, о кот [орых] напишу тебе, может быть, в след [ующий] раз»²⁴

Несомненно, Майский написал, что Япония не станет зачинщиком нападения на СССР, так как отрицал теорию японской угрозы, царившую тогда в Советском Союзе. 15 июля 1927 года исполнительный комитет Коминтерна принял следующие тезисы о Японии, в первом из которых, под названием «Японский империализм и война», взгляд на обстановку излагался так: «Соединенные Штаты Америки, Англия и Япония совместно борются против китайской революции, одновременно с этим готовясь к войне против СССР, а также к войне друг против друга²⁵». Как ясно следует из вышеизложенного, Майский не разделял данного взгляда Коминтерна, и даже наоборот, обдумывал создание японо-советского соглашения.

В следующий раз о теории японо-советского соглашения Майский упоминает в письме С. Е. Чуцкалеву, председателю исполнительного комитета Дальневосточного [края], штаб которого

23. Майский. С. 294.

24. Там же. С. 294–295.

25. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 / Отв. ред. Г. Адибеков, Х. Вада. М., 2001. С. 450–451, 473.

располагался в Хабаровске. Как следует из переписки, Майский и Чуцкалев были старыми знакомыми, но не такими близкими, как в случае с Богомоловым, поэтому в письме к председателю дальневосточного исполкома от 3 февраля Майский использует более осторожные формулировки:

«Общая линия японской политики в отношении СССР рисуется нам здесь в следующих очертаниях: воевать с нами Япония не собирается/, для этого её внутреннее и внешнее положение недостаточно прочно/, во всяком случае, едва-ли можно ожидать, чтобы Япония выступила инициатором вооруженной атаки капиталистического мира против СССР, но, конечно, трудно поручиться за поведение Японии, если таким инициатором выступит кто-нибудь другой, например, Англия. Планы Японии в отношении нас носят несколько иной характер. Избегая вооруженных выступлений, она хочет использовать ухудшение нашего международного положения для того, чтобы содрать с нас за своё „миролюбие“ возможно более высокую цену. Чего она конкретно добиваться? Во-первых, экономических выгод... Во-вторых, Япония мечтает равным образом и о получении политических выгод. Здесь на первом месте стоят её китайские планы. Мы имеем сведения, что за спиной нанкинцев в деле разрыва отношений с СССР стояли не только англичане, но и японцы. Ибо Япония очень хотела бы выкинуть нас совсем из Китая. Точно также у нас имеются сведения, что Япония подталкивает Чжан Цзо-лина выкинуть нас из Маньчжурии, конкретно захватить КВЖД. Особенно этим делом занимается председатель ЮМЖД Ямамото. Т. к., однако, японское правительство не вполне уверенно в возможности нашего вытеснения из Маньчжурии./сейчас этому сопротивляется Чжан Цзо-лин,... то оно говорит нам хорошие слова в Токио и в Москве, намекая на желательность Японско-советского компромисса в Маньчжурии. Выход так: программа-максимум — выкинуть нас совсем из Маньчжурии, программа-минимум — если программа-максимум не удастся/, договориться с нами о каком-либо «модус-вивенди». Отсюда, естественно, вытекает что нам в ближайшем будущем придется проявить активность, иначе мы рискуем оказаться поставленными пред весьма неприятными для нас «совершившимися фактами». Мы уже указали на необходимость активизации нашей маньчжурской политики в Москве, и теперь ждет от неё тех или иных решение²⁶».

Это письмо Майский написал примерно через две недели после прибытия в Токио Трояновского, из чего следует, что излагающиеся в нем предложения написаны после того, как полпред просветил советника насчет политики советского руководства по отношению к Японии. Вероятно, что этот токийский дуэт выступил с предложением установить модус вивенди между Японией и Советским

26. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Лл. 27–28.

Союзом и активизировать политику СССР в Маньчжурии, при этом предупреждая советское руководство, что оно должно пристально наблюдать за движением Японии (программа-максимум), рассматривая положение в русле стабилизации японо-советских отношений. Содержание остальных предложений остается неизвестным, но нетрудно представить, что они касались того, чтобы сохранить совместное с Китаем право на управление КВЖД, а также защитить интересы СССР на территориях к северу от железной дороги. Ранее, в середине марта 1926 года, в своем письме к Карахану Чичерин писал, что в советской политике по отношению к КВЖД прослеживается противоречие между «империалистическим способом», имеющим свое продолжение со времен царизма и «исторической сущностью» такой страны как СССР²⁷, однако данный подход к проблеме в советском руководстве ослабел вместе с уходом Чичерина с дипломатической сцены. Майский также не придавал значения «исторической сущности» СССР, на которую указывал нарком иностранных дел. Наиболее отчетливо это начнет проявляться с апреля 1928 года, но прежде этого необходимо удостовериться, что к марту Майский оптимистически смотрел на японо-советские отношения. 8 марта он так пишет в письме своим близким друзьям М. В. и А. А. Нестеровым. «На нынешнюю дальневосточную ситуацию я не смотрю пессимистически и думаю, что у нас тут имеются довольно благоприятные возможности. Надо только ими пользоваться. Сама страна весьма любопытная, но и сложна, и требуется немало времени для настоящего ознобления с нею.»²⁸

Как видно из этого отрывка, содержание письма носило весьма общий характер, вероятно, по причине того, что Нестеров был членом ЦИК, а его супруга – врачом. Однако нетрудно представить, что упомянутые здесь Майским «благоприятные возможности» имели отношение к вероятности заключения японо-советского соглашения. Очевидно, у советника полпредства в Токио было достаточно уверенности в углублении японо-советских отношений.

Как указывается в японских документах, примерно в то же время, как было написано данное письмо Майского, Трояновский заявил премьер-министру Танака Гиити следующее: «Согласно сообщениям, которые я получил в Харбине по пути следования в Японию, отношения между КВЖД и ЮМЖД являются далеко не дружественными, и имеется весьма низкая вероятность, что соглашение, способное разрешить проблемы (между сторонами — *Ёкотэ Синдзи*) может быть достигнуто, если, как и прежде, предоставить это только консультациям между КВЖД и ЮМЖД. Поэтому я думаю, почему бы нам с Вами не обсудить [вопрос] в частной

27. Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом 1923–1926 гг. М., 2008. С. 609–613.

28. Майский. С. 299.

беседе за чашкой чая? Конечно же, я предлагаю это не на основе инструкций из Москвы. Это исключительно моя личная инициатива. Мы также не можем игнорировать соображения китайской стороны, однако пока неизвестно, когда правительства Южного и Северного Китая объединятся, и мы сможем выслушать мнение единого Китая, поэтому как насчёт того, чтобы пока провести неофициальные российско-японские консультации?»²⁹.

Как видно, вышесказанное не сильно отличалось от того, о чём Гото говорил в Москве. Очевидно, что японская сторона оценила данное предложение Трояновского. Однако 20 марта 1928 года Майский пригласил в полпредство Мори Кодзо, секретаря Гото, и сообщил ему, что советская сторона намерена на какое-то время воздержаться от японо-советских консультаций относительно железнодорожного вопроса в двусторонних отношениях на северо-востоке Китая. В письме к Гото Мори описывал содержание разговора с Майским следующим образом:

«Сегодня советник Майский сообщил мне о желании встретиться, я сразу же выехал на встречу. Относительно известного вопроса Майский сказал, что из Москвы... было две телеграммы, согласно им, проблема КВЖД сейчас вышла из кризиса, похоже, Чжан Цзо Линь испытывает угрозу со стороны продвигающихся войск Чан Кай Ши, в связи с чем смягчил позицию по отношению к советской стороне. Следовательно, исчезла необходимость принимать немедленные меры. Вместе с тем, проблемы отношений КВЖД и ЮМЖД, а также проблема Маньчжурии в целом по-прежнему являются важными вопросами будущего, поэтому советский представитель просил «виконта Гото продолжать уделять [им] внимание». В заключение беседы Майский «выразил благодарность виконту Гото и мне (Мори Кодзо) за проявление дружественных намерений относительно нынешней ситуации».³⁰

Определить точно, что именно имеется в виду под «известным вопросом», весьма затруднительно, однако как ясно следует из приведенных выше документов, в рассматриваемый период Трояновский и Майский осуществляли обмен мнениями с японскими представителями с целью выработки совместной японо-советской политики относительно железнодорожного вопроса в Маньчжурии, а также и пытались сблизить позиции обеих стран.

Однако данные соображения Майского значительно пошатнулись к 10 апреля 1928 года, когда он написал письмо Богомолу. В этом письме советник полпредства в Токио также пишет,

29. Нихон гайко: бунё майкросифуруму. «То: си тэцудо: мондай иккэн, тэцудо: дзё: то мондай». Декабрь 15 года Тайсё (1926) — ноябрь 7 года Сёва (1932). S. 6.1.9.2–24, 343.

30. Архив Гото Симпэй. Р. 88, 34–204. 20 марта 1928.

что в стабильных японо-советских отношениях нет изменений благодаря премьер-министру Танака Гиити и заместителю министра иностранных дел Табути Кацудзи, которые, как и прежде, дружелюбно настроены по отношению к СССР. Однако затем он прибавляет новую точку зрения, что и в японском правительстве есть враждебно настроенная к Советскому Союзу группа политиков, как, к примеру, министр внутренних дел Судзуки. Наверное, после массовых арестов членов японской компартии 15-го марта и последовавшего вслед за этим инцидентом с подбрасыванием бомбы на территорию советского полпредства советник ясно осознал, что в Японии существует не только дружественная к СССР группировка, но и полностью противоположная ей³¹.

Но даже в такой период Майский по-прежнему надеялся на то, что есть возможность заключить трехстороннее соглашение по Маньчжурии между СССР, Японией и Китаем. Он считал первоочередной задачей советского руководства проявить в Маньчжурии «достаточно гибкости и активности». А именно, было необходимо в высшей степени осознанно искать пути «для известного соглашения с мукденцами (они сейчас ведь ничем не лучше и не хуже Чан Кай Ши и Ли Ти Сина) в плоскости сотрудничества в области хозяйственной, оказания помощи им против япимпериализма и т. д». Согласно его соображениям, «такие возможности сейчас здесь имеются. Конечно, сотрудничество с мукденцами не должно идти за счет нашей „дружбы“ с Японией — это ясно само собой, но последнее вовсе не обязательно. Можно нащупать такую линию, которая, устанавливая приемлемый для нас практически и принципиально модус вивенди с мукденцами и японцами, хоть на некоторый срок стабилизирует наше положение в Маньчжурии, раз мы оттуда не хотим уходить»³².

Как видно из этих строк, Майский думал, что Советский Союз пообещает помощь Чжан Цзолиню, что приведет к установлению отношений между СССР и «мукденцами», а если присоединить к этой связке Японию, можно было заключить «модус вивенди» по Маньчжурии. Его точка зрения о ненужности выделения качественных различий между Чжан Цзолинем и Чан Кайши, а также Ли Ти Сином, очевидно, шла вразрез с политической позицией Чичерина, который последовательно выступал за «историческую сущность» советской системы. С точки зрения Чичерина, СССР поддержал Чан Кайши потому, что тот выбрал курс революции. Однако Майский считал, что социалистические идеи и идеологию не следовало выдвигать на первый план, когда речь шла о дипломатической тактике. Если бы удалось воплотить в жизнь идею поддержания положения СССР в северной Маньчжурии по-

31. Майский. С. 301.

32. Там же. С. 302.

средством заключения временного соглашения между «мукденцами», Японией и СССР, очевидно, это показало бы и внутри страны и за ее пределами, что Советский Союз оставил надежду на революционное движение в Китае. Майский же считал, что придется смириться с подобного рода компенсацией ради того, чтобы СССР смог удержать свои позиции в Северной Маньчжурии. К вышеизложенному можно добавить, что в указанный период он не имел в виду тот курс, который взяло советское руководство летом следующего года, когда военными методами был установлен контроль за КВЖД. Совершенно ясно, что Майский не понимал факт возобновления применения военной силы советской системой и не предполагал возможность разрешения конфликта силовым методом.

Вместе с тем, это было последним упоминанием Майского в письмах о создании японо-советского «модус вивенди». В письме Богомолову от 18 мая 1928 года он ни одним словом не обмолвился об этом³³. Вероятнее всего, он пришел к выводу, что после того, как в конце апреля премьер-министр Танака отправил войска в Шаньдун, а в начале мая произошли Цзинаньские события, современное положение дел делало нереалистичной перспективу заключения тройственного соглашения между Японией, СССР и Китаем. Однако и в данных непростых обстоятельствах Майский не прекращал своей деятельности, направленной на улучшение японо-советских отношений. Вместе с Трояновским они работали и осуществил очень важный проект по организации гастролей японского театра Кабуки в Советском Союзе, во многом проигнорировав мнение Москвы и вкладывая все свои силы для его реализации.

4. Познание Японии посредством культурного обмена

Руководство СССР обозначило позитивную позицию по отношению к гастролям японского театра Кабуки еще до того, как Трояновский был назначен на пост в Токио в январе 1927 года. Так, в письме Сталину от 8 декабря 1928 года полпред в Японии писал, что прошлым году перед отъездом на место назначения он обсудил этот вопрос с Караханом, Рыковым, Луначарским и другими, получив от них самые доброжелательные отзывы³⁴. Скорее всего, план о гастролях театра Кабуки в СССР был задуман находившимся в Токио Майским, который и попросил Трояновского заранее обговорить данный вопрос с влиятельными лицами³⁵.

33. Там же. С. 305–306.

34. Москва–Токио. С. 260.

35. Об этом достаточно подробно написано в воспоминаниях Майского: И. Майский. Б. Шоу и другие. С. 139.

Трояновский решил, что советское руководство доброжелательно отнеслось к гастролям театра Кабуки, и по прибытию в Японию с энтузиазмом принялся за реализацию данного проекта. Газета «Токио нити-нити симбун» от 10 марта 1928 года в статье под заголовком «Приглашение в Россию Садандзи», так разъясняет происходящее: «Дипломатия, как известно, начинается с взаимопонимания в области искусств, поэтому недавно приглашения получили Осанаи Каору, Масамунэ Хакутё, Накамура Китидзо и другие литературные деятели, а теперь очередь за Итикава. Новый уполномоченный советский посол Трояновский, который и ранее производил культурный обмен между Россией и Японией, пригласив Удаэмон, снова в полдень 9-го числа принял в посольстве трех человек, приглашенных в Россию — Итикава Садандзи, Энносукэ и Сётё. Осанаи Каору также присутствовал в качестве инструктора, а со стороны посольства был предоставлен переводчик доктор Спальвин, и пышным цветом расцвела беседа об искусстве. Кроме того, посол в районе 15 числа намерен пригласить директора фирмы „Сётику“ Отани»³⁶

Статью сопровождал фотоснимок, на котором изобраили что «Итикава Садандзи обменивался рукопожатиями с советским послом», однако вне всякого сомнения, на фотографии был изображен Майский. Вместе с Трояновским он и занимался организацией гастролей театра Кабуки в Советском Союзе. Благодаря их совместным усилиям, переговоры по данному вопросу в Японии прошли очень быстро. Та же газета в номере от 10 апреля поместила статью с фотографией под заголовком «Русский посол приглашает артиста», в которой было написано: «Вчера в полдень русский посол повторно пригласил Садандзи, который готовится к поездке в Россию, а вместе с ним 16 человек во главе с президентом фирмы «Сётику» Отани, которые провели плодотворную беседу на тему искусства.³⁷» А в статье от 6-го мая сообщается: «Переговоры по поводу гастролей в России Итикава Садандзи подошли уже к завершающей стадии и в ближайшее время будут произведены необходимые оформления, по окончании которых Садандзи вместе с 40 членами театральной труппы выедет из Токио в Россию в районе 15–16-го июля, весь август будет давать спектакли в театрах Москвы и Ленинграда, а в середине сентября вернется в Японию».³⁸

Просматривая эти статьи, можно подумать, что решение по поводу гастролей Кабуки в СССР было принято еще в начале мая 1928 года. Однако в действительности, к времени написания этих статей руководство СССР еще не одобрило план гастролей. Скорее всего, руководство СССР заняло выжидательную позицию

36. Токио нити нити симбун. 10 марта 1928. С. 2.

37. Там же. 10 апреля 1928. С. 6.

38. Токио нити нити симбун. 6 мая 1928. С. 7: «Наконец решился вопрос с поездкой в Россию Садандзи».

по причине недостатка финансирования, однако важную роль играла не только финансовая сторона вопроса. Как упоминалось выше, 15 марта в японской компартии произошли массовые аресты, а в конце апреля японские войска были повторно введены на полуостров Шаньдун, и данные события, очевидно, не могли не оказать воздействие на позицию советского руководства относительно расширения контактов с Японией. Тем не менее, несмотря на эти инциденты, Трояновский и Майский продолжали активную работу по организации гастролей Кабуки в Советском Союзе. Положение дел вокруг данного вопроса в упомянутом выше письме Трояновского Сталину объясняется следующим образом: «Пользуясь одно-временной посылкой письма по политическим вопросам, я считаю необходимым осветить перед Вами некоторые факты, связанные с моей деятельностью в качестве полпреда в Японии... Следующим моим вопросом является вопрос о поездке театра Кабуки в Москву. По этому вопросу я говорил еще перед моим отъездом в Токио в декабре.... Длительные переговоры подошли к концу в марте мес [яце], и 27 марта я послал о состоявшейся договоренности телеграмму в Москву в НКВД. Я настаивал тогда, чтобы дали быстрый положительный или отрицательный ответ, так как тянуть с этим делом было нельзя.... Но определенного ответа не было в течение двух месяцев. Правда, я 23 апреля получил телеграмму о том, чтобы не подписывать соглашение без согласия центра. Но в конце концов, несмотря на все мои настояния, оказалось невозможным быстро решить вопрос. И когда в конце концов перед угрозой прямого иска на огромную сумму денег и страшного скандала в очень серьезное время я взял на себя ответственность и подписал соглашение, я на следующий день получил ответ, что от него надо отказаться, что поездка невозможна. Если его можно было решить так быстро в самый последний момент, то почему его нельзя было решить быстро, когда вопрос был только поднят и когда от поездки можно было очень удобно отказаться?»³⁹

Как видно из содержания этого послания, оно фактически являлось объяснительной запиской Трояновского. Хотя в данном письме это не указывалось, известно, что полпред в Токио известил Москву о том, что поставил печать под договором, телеграммой в НКВД от 25 мая 1928 года. В данной телеграмме в одностороннем порядке указывалось, что в промежутке между 7 и 15 июля труппа Кабуки посетит СССР; об этом также сообщалось в письме Майского Каменевой от 24 апреля⁴⁰. Как бы не объяснял Трояновский ситуацию вокруг переговоров относительно гастролей японского театра, его утверждения противоречат информации, которая со-держалась в японских газетах. Таким образом, полпред в Токио

39. Москва–Токио. С. 260–261.

40. Документы внешней политики СССР. Т. 11. С. 338 (далее: ДВП СССР).

вместе с советником за короткое время зашли так далеко в продвижении этого плана, что отступить назад было уже нельзя.

Как видно из газеты «Известия», руководство Советского Союза задним числом одобрило своевольные действия полпредства в Токио примерно к середине июня 1928 года. 13 июня газета коротко сообщила, что труппа театра Кабуки планирует совершить гастролы по городам СССР⁴¹. Как представляется, советское руководство посчитало нецелесообразным принимать шаги, которые могли бы омрачить японо-советские отношения, поскольку дело с приглашением японского театра зашло достаточно далеко. В конечном итоге, для Майского и Трояновского стало большой удачей, что гастролы Кабуки в Советском Союзе сначала вызвали огромный общественный интерес внутри Японии, а потом привели к большому успеху театра в СССР. «Известия» писали об этом в статьях от 19 и 24 июня, а 5 июля даже поместили небольшой рассказ под названием «О посещении японским театром Кабуки Советского Союза», написанный Итикава Садандзи⁴².

Разногласия в понимании Японии между полпредством в Токио и советским руководством проявились и в вопросе реагирования на ввод японских войск на полуостров Шаньдун. В это время Трояновский внес следующее предложение: выступить с официальным протестом и критикой военных действий Японии. Однако в Москве сочли подобного рода резкую реакцию неприемлемой. 10 мая 1928 года Политбюро приказало Трояновскому не производить действий, которые содержались в его предложении, без получения указаний из центра, одновременно с этим в советских газетах началась кампания критики японского правительства, а Западно-европейское бюро Коминтерна приступило к антияпонской пропаганде⁴³. Советское руководство рассудило, что официальный протест с критикой действий японского правительства, рекомендованный Трояновским, может чрезмерно задеть Японию, поэтому решило придерживаться косвенной критики; При этом, из-за опасения относительно возможного принятия Трояновским каких-либо самостоятельных мер, ему было вынесено соответствующее предупреждение⁴⁴.

В это же время, Майский подробно сообщал Богомолу о действиях Японии. Ввод японских войск он рассматривал как меру внутривосточного сплочения и как способ побудить и «южную группу», и «северную группу» Китая учитывать интересы Японии

41. Известия. 13 июня 1928. С. 2.

42. Там же. 19 июня 1928. С. 4; 24 июня 1928. С. 2, 4; 5 июля 1928. С. 4.

43. Москва–Токио. С. 250.

44. Советское правительство опубликовало в газете «Известия» от 22 мая интервью с Народным комиссаром иностранных дел Чичериным по данному вопросу. Со стороны НКВД в нем только была дана «безусловно отрицательная оценка» действий Японии, без углубления в дополнительные комментарии о Японии (Известия. 22 мая 1928. С. 1).

перед лицом внешней опасности. Он совершенно не разделял точку зрения, что ввод войск является угрозой для СССР, а наоборот, писал, что «в местном министерстве иностранных дел ясно проследживается стремление каким бы то ни было способом срочно прекратить военное вмешательство в Китай. На данное время Китай отвлек от нас внимание и мы получили на этом месте временную передышку»⁴⁵. Таким образом, Майский считал, что для Советского Союза это событие не является таким уж отрицательным. Эти соображения совершенно явно сходятся с предложением Трояновского, о котором было написано выше. Они оба, в отличие от руководства в Москве, не рассматривали данные действия Японии как угрожающие по отношению к СССР.

Убийство Чжан Цзолиня 4 июня 1928 года и последовавшее за этим развитие ситуации в регионе также получили разные толкования в токийском полпредстве и в Москве. 14 числа советское руководство решило поместить во всех газетах статьи, которые опровергали облетевшие японские газеты в Маньчжурии слухи о том, что СССР имеет отношение к убийству Чжан Цзолиня⁴⁶. После этого, 19 июня, Карахан дал указания Трояновскому обратить внимание МИДа Японии на то, что в Маньчжурии проводится «клеветническая кампания», основанная на заявлении о причастности СССР к инциденту. По его мнению, это указывало на «стремление известных кругов провоцировать беспорядки и смуту в Маньчжурии».⁴⁷

20 июня произошел серьезный инцидент — здание советского консульства в Тяньцзине было обыскано группой полицейских и военных по приказу начальника гарнизона гоминдановского генерала Фу Цзо-и⁴⁸. После этого Карахан отправил срочные телеграммы в консульства в Пекине, Харбине и Шэньяне, а также в полпредство в Токио Трояновскому, в которых содержались следующие соображения:

«Обыск, несомненно, является результатом давления японцев и англичан, стремящихся сорвать через клики шаньсийцев и гуансийцев (Бай Чун-си) наметившуюся в руководящих группах данного состава национального правительства тенденцию к возобновлению с нами сношений.»⁴⁹

45. Майский. С. 305–306.

46. Москва–Токио. С. 252. В примечаниях к этой работе автор Севостьянов подерживает точку зрения о том, что убийство Чжан Цзолиня было спланировано по указанию Кремля, однако в Японии господствует утверждение, что покушение было осуществлено старшим офицерским составом Квантунской армии, Комото Дайсаку.

47. ДВП СССР. Т. 11. 19 июня 1928. С. 399–400.

48. Там же. С. 732, прим. 131.

49. Там же. 22 июня 1928. С. 401.

В то же время, как представляется, Майский считал неправильным приписывать все эти инциденты антисоветской кампании со стороны Японии. 28 июня в письме Чичерину он просит прислать в полпредство политбюллетени или телеграфную информацию, ссылаясь на нехватку информации в Токио. Советским представителям было необходимо разобраться в международной обстановке в целом. В письме Майского указывалось:

«По условиям географическим для нас, в Японии, чрезвычайно важна телеграфная информация о крупнейших событиях нашей внешней политики.... Ротштейн присылал нам по телеграфу информационные сводки. Они являлись для нас настоящим источником живой воды. Теперь эти сводки прекратились. Почему? Возможно, что тут действуют соображения экономии. Мне кажется, однако, что на данном деле экономить нельзя. Это экономия в конце концов может обойтись нам дороже.... Если НКВД не в состоянии нести таких расходов, то я просил бы во всяком случае сделать исключение для Токио и посылать телеграфную информацию хотя бы нам». ⁵⁰

После этого Майский, так и не получив информации, которой располагала Москва, под псевдонимом И. Тайгина написал работу, которая называлась «Японский империализм и Китай»⁵¹. Данная статья была завершена в июле 1928 года, а затем её напечатали в августовском и сентябрьском номерах литературного журнала «Новый мир». В этой работе Майский рассмотрел политику вышедшего на сцену в апреле 1927 года кабинета министров Танака по отношению к Китаю как «возврат японского империализма к активным действиям» после угнетенного состояния, в котором он находился после Первой мировой войны⁵². Кроме того, он проанализировал отношения между Японией и Китаем следующим образом.

Экономические интересы Японии в Китае рассматривались в двух плоскостях: инвестиции и прибыли от тяжелой промышленности в случае Южной Маньчжурии; прибыли от торговли, легкой промышленности и водных перевозок в случае остальных районов Китая. На первой части интересов основывалась «консервативная линия», возглавляемая премьер-министром Танака и министром железных дорог Огава, а на второй — курс, нацеленный на «дружественные отношения» с Китаем ради процветания внешней торговли, возглавляемый Сидэхара Кидзюро. Предполагалось, что японский империализм, находясь в положении противостояния двух интересов, в дальнейшем также должен был про-

50. Майский. С. 308–309.

51. Об этой работе Майский упомянул в письме к Богомолу 11 сентября: С. 327.

52. И. Тайгин. Японский империализм и Китай // Новый мир. 1928. Кн. 8. С. 165.

водить зигзагообразную политику по отношению к Китаю. Несомненным, по мнению советника полпредства в Токио, являлся тот факт, что «японский империализм во чтобы то ни стало хочет удержаться в южной Маньчжурии и сохранить права и привилегии, которыми обладает к данному моменту, вплоть до того, что прибегнет к военной силе»⁵³.

Если обобщить вышеизложенное, то становится ясно, что Майский рассматривал защиту японских прав в Маньчжурии в качестве основы японской политики в регионе, а согласительную «дипломатию Сидэхара» по отношению к Китаю — как выражение сильного интереса к экономической деятельности во всех регионах, кроме Южной Маньчжурии. Другими словами, по мнению Майского получалось, что если японский империализм в своей политике по отношению к Китаю действовал согласованно с английским и американским империализмом, то это распространяется только на регионы, выходящие за пределы Южной Маньчжурии, и на территории Маньчжурии не существовало так называемой «антисоветской кампании», которой опасались в Москве. Советник полпредства в Токио пришел к заключению, совершенно несхожему с точкой зрения Карахана, который за убийством Чжан Цзолиня и обыском в советском консульстве в Тяньдзине усматривал «антисоветскую кампанию» Англии и Японии.

Эти соображения Майский повторяет и в письме Богомолу от 11 сентября 1928 года. В нем он объясняет отношения между Японией и Маньчжурией следующим образом:

«В политике у нас сейчас здесь затишье. Японцы попали в клещи между американским империализмом и китайским национальным движением, отсюда их нежелание осложнять отношения с нами. По крайней мере, сейчас. Я не склонен думать, чтобы в Китае в ближайшие месяцы разыгрались какие-либо слишком крупные события. Японцы, конечно, зубами будут держаться за Ю [жную] Маньчжурию и в случае надобности станут её защищать даже с оружием в руках (там ведь вложено свыше 100 мил [лионов] фунтов японского капитала, и оттуда Япония получает уголь, железо и надеется теперь получать сланцевую нефть). Но южане еще слишком слабы, чтобы вытеснить сейчас оттуда японцев, американцы тоже на какие-либо военные меры против Японии не пойдут (у них нет для этого даже достаточно сильного флота), наша позиция тебе ясна. При таких условиях японцы будут продолжать сидеть в Южной Маньчжурии, а это для них самое важное. Если так, то нет почвы для „больших событий“ в Китае». ⁵⁴

53. Там же. Кн. 9. С. 229–232.

54. Майский. С. 326.

В этом письме Майский сообщает Богомолу, что написал работу о Китае под псевдонимом Тайгина. Очевидно, что он не поддерживал точку зрения Карахана.

Подобные соображения Майского по поводу Японии тесно связаны с тем, что он вместе с Трояновским вложил много сил в гастроли театра Кабуки в СССР. Газета «Токио нити-нити симбун» от 13 июня 1928 года широко осветила новость о том, что Итикава Садандзи был у премьер-министра Танака, который принял его с большим гостеприимством⁵⁵. Та же газета от 22 июня под заголовком «Намеревающийся посетить Россию Садандзи сегодня утром посетил виконта Гото» передает о том, что труппа Садандзи нанесла визит Гото Симпэй, который воодушевил их своими словами: «И, вот настала и ваша очередь поехать в Россию, а Россия — это страна искусства»⁵⁶. Эти статьи свидетельствуют о том, что гастроли Кабуки в СССР проходили при официальном одобрении японского правительства. Майский и Трояновский, которые внимательно следили за этой информацией⁵⁷, хорошо осознавали — хотя с одной стороны, в Японии усиливалось движение по контролю над коммунистическим движением, с другой стороны, в лице таких деятелей, как Танака и Гото существовала сила, стремившаяся удержать японо-советские отношения на дружественном уровне. Карахан, который рассматривал ситуацию с точки зрения китайского революционного движения, не мог этого понять.

5. Японо-советские отношения к моменту ухода Майского с занимаемой должности

Из собрания корреспонденции Майского становится понятно, что в течение июля 1928 года он был занят работой по успешной организации гастролей Кабуки в СССР⁵⁸. Однако к началу сентября, когда, казалось бы, чувство успеха от оказавшегося удачным замысла еще не должно было исчезнуть, стали появляться указания на то, что Майский желал своего перевода из Японии⁵⁹. В январе 1929 года он написал в письме Чичерину о невозможности вести свободную деятельность в Японии из-за избыточного контро-

55. Токио нити-нити симбун. 13 июня 1928. С. 2: «Собирающийся посетить Россию Садандзи нанес приветственный визит премьер-министру».

56. Токио нити-нити симбун. 22 июня 1928. С. 2.

57. В связи с гастролями Кабуки в СССР, 26 июня Трояновский предложил заместителю министра иностранных дел Дэбути принять меры против «фашистской агитации» (ДВП СССР. Т. 11. С. 405–406).

58. Майский. С. 309–313, 321–324.

59. Там же. С. 325–326.

ля со стороны японской полиции⁶⁰. Этот вывод он сделал, опираясь на опыт, полученный в процессе общения с японскими деятелями искусства и актерами театра Кабуки, которые подвергались преследованиям со стороны полиции после возвращения из Советского Союза. Также очевидно, к осени 1928 года Майский утвердился в мысли, что действия Японии в Китае должны были ограничиться определенными предсказуемыми рамками, и что в Токио у него уже не оставалось существенных возможностей использовать свой дипломатический талант.

Таким образом, 8 ноября он подал заявление в НКВД с просьбой перевести его из Японии на другой пост⁶¹. В качестве причины для перевода указывалось плохое состояние здоровья его жены, но как видно из приведенного выше материала, скорее всего, истинная причина заключалась в его восприятии ситуации вокруг деятельности в должности советника полпредства в Токио в сложившейся обстановке внутри Японии и в дальневосточном регионе.

В январе 1929 года Майский нанес прощальные визиты заместителю министра иностранных дел Ёсида Сигэру и графу Гото Симпэй по случаю ухода со своей должности. Во время встречи японские представители предприняли попытку развить разговор о согласовании внешнеполитических шагов обеих стран для принятия мер по сложившейся в Китае ситуации, но советник советского полпредства отреагировал на японские предложения достаточно прохладно⁶². В ходе работы за предшествующий год Майский выяснил позицию руководства в Москве и пришел к выводу, что СССР и Японии не суждено было прийти к двустороннему соглашению по китайской проблеме. После того, как в июле того же года произошел инцидент с захватом КВЖД Чжан Сюэляном, внутри Японии утвердился взгляд о том, что сближение с СССР становилось неизбежным, однако руководство Советского Союза, считавшее безальтернативным использование военной силы для разрешения данной проблемы, не проявило никакого интереса к тому, чтобы вместе с Японией объединить усилия в противостоянии китайскому национализму.

О вспышке китайско-советского конфликта Майский узнал уже будучи полпредом в Финляндии. Несмотря на то, что вместе с Трояновским он проигнорировал указания аппарата НКВД в деле о гастролях Кабуки в СССР, высшее советское руководство все же оценивало его как способного дипломата. Интерес вызывает также тот факт, что после отъезда Майского из Токио пост советника в пол-

60. Там же. С. 334–341.

61. Там же. С. 329

62. Москва–Токио. С. 274–277.

предстве остался вакантным⁶³. В качестве одного из аргументов в пользу своего перевода из Японии Майский называл отсутствие объема работы, для которого было необходимо двое сотрудников — полномочный представитель и советник по политическим вопросам. Очевидно, в Москве приняли эту точку зрения. Таким образом, советское руководство пришло к выводу, что в ближайшее время в отношениях между СССР и Японией не следовало ожидать ни сближения, ни противодействия. Подобная пауза в советско-японских отношениях продолжалась вплоть до возникновения Маньчжурского инцидента в 1931 году.

*Перевод с японского Марии Кириченко
под редакцией Ярослава Шулатова*

63. Ежегодник НКВД. М., 1929. С. 87. Информация о 1930 г.: «Японо-российский ежегодник» (Нитиро нэнкан). 1930. (5-й год Сева). С. 27 (японо-российское торговое телеграфное агентство).

ВИКТОР АКСЮЧИЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

БЕЛОВЕЖСКИЙ ПЕРЕВОРОТ (1991)

РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА (1993)

От редакции

Два ключевых события истории посткоммунистической России — распад Советского Союза и кровавый конфликт в октябре 1993 г. — породили на свет множество мемуаров, написанных их главными участниками. Эти труды стали важным источником для исследователей истории посткоммунистической России по всему земному шару.

Виктор Аксючиц в своем рассказе знакомит читателя с собственным видением двух этих эпохальных исторических событий конца XX века. Будучи в тот период парламентарием и партийным лидером, Аксючиц вносит ценный вклад в наше понимание политики тех дней. В начале 1990-х гг. Аксючиц был откровенным критиком Бориса Ельцина. Он выступал как против роспуска Советского Союза, так и против «шоковой терапии» правительства Гайдара. В своих мемуарах Аксючиц по-прежнему придерживается этой позиции.

Документы, созданные непосредственными участниками и свидетелями тех событий, бросают историкам такой вызов, который неспособна передать даже самая тщательно написанная статья или книга. Во-первых, они вынуждают историков устанавливать соответствие воспоминаний о событиях с фактами. В своем описании кризиса октября 1993 г. Аксючиц привлекает наше внимание к некоторым моментам этого кризиса, которые требуют дальнейших исследований, прежде чем их можно будет считать установленными фактами. Вспоминая о попытках прекратить противостояние между парламентом и президентом, продолжавшееся с 21 сентяб-

ря по 4 октября 1993 г., Аксютин сообщает о ряде инцидентов, которые особенно важны для дальнейших исследований. Например, требует подтверждения его описание разговора с первым заместителем председателя Верховного совета Юрием Ворониным, из которого следует, что в Даниловом монастыре был достигнут компромисс между парламентом и Кремлем, но Кремль в последний момент отказался от его соблюдения. Во-вторых, мемуары заставляют историков дать оценку авторской интерпретации событий прошлого и ее субъективного характера. Рассказ Аксютин основан на весьма спорных суждениях, требующих тщательного анализа. Например, историкам следует выяснить, насколько точны его слова о непопулярности экономической политики Бориса Ельцина.

Использование мемуаров и устных свидетельств в историческом анализе может привести к публичной дискуссии о том, что действительно происходило в обществе в конкретный момент времени. Такое случилось в Бразилии во время перехода от военного к гражданскому правлению. В бразильском обществе исследователям понадобилось много времени, чтобы разобраться с тем, как мемуары опровергают или дополняют официальные версии истории. Хотя распад Советского Союза и кризис октября 1993 г. по очевидным причинам по-прежнему остаются глубоко политизированными событиями, и российские, и зарубежные исследователи посткоммунистического периода начинают извлекать смысл из расширяющегося корпуса мемуаров и устных свидетельств. Делая эти источники доступными для исследователей, мы надеемся внести вклад в будущие исторические исследования.

Пол Чейсти

Беловежский переворот (1991)

Борясь с коммунистическим режимом, я с самого начала выступал против расчленения страны. На призывы Ельцина: «Суверенитет РСФСР должен основываться на суверенитете автономий, суверенитете территорий, суверенитете предприятий, суверенитете личности» или «Берите суверенитета столько, сколько сможете взять», — я отвечал: «В одном государстве не может быть более одного суверенитета. Применительно же к территориям надо говорить о самоуправлении, к предприятиям — о независимости, к личности — о правах и свободах».

В день ратификации «Беловежских соглашений» атмосфера заседания Верховного Совета 12 декабря 1991 года поражала общей испуганностью — и все как один — очень похоже на известные времена. По всей стране сохраняли трезвую голову немногие. Даже моя жена Галя — единомышленник во всем — не выдержала в этот раз: вечно ты против всех. Для меня с момента обнаружения

Беловежского сговора было ясно, что это катастрофа, ответил: это отзовется кровавой баней для наших детей». В те дни Рижская газета «Атмода» опубликовала мое высказывание: «Насильственный развал СССР превращает шестую часть суши в черную дыру человечества, на краях которой не отсидаются ни маленькая Прибалтика, ни близкая Европа, ни далекая Америка». Естественно, в зале заседаний я старался делать все, чтобы воспрепятствовать попыткам узаконить переворот.

Чувство, что находишься среди одержимых, не покидало всё время пребывания в большой политике. На заседании Верховного Совета в декабре 1991 года при ратификации Беловежских соглашений только несколько человек сохраняли здравомыслие и предупреждали о катастрофических последствиях переворота. После доклада Ельцина удалось задать ему вопрос: средства массовой информации сообщили, что Верховный Совет Украины при ратификации Беловежского Соглашения внес в него существенные поправки; будьте добры, сообщите их Верховному Совету. Хотя содержание этих поправок ещё не было опубликовано в СМИ, но мне они были известны: Верховный Совет Украины согласился ратифицировать беловежские решения только при условиях: 1) Отныне и навеки границы Украины и России остаются неизменными, вне зависимости от того, будет Украина оставаться в СНГ или нет; 2) Все виды вооруженных сил, находящиеся на территории Украины, переводятся под юрисдикцию Украины, после чего Кравчук объявил себя главнокомандующим. Это означает, что статус Крыма и Севастополя, и всех областей Украины с подавляющим русским населением — необсуждаем. И это значит, что Черноморский флот и ядерные стратегические вооружения на территории Украины отходят к ней. Осознание этих фактов могло помешать ратификации Беловежских соглашений, поэтому президент великой державы впрямую солгал: «Не было никаких поправок, а только редакционные замечания». Ложь была настолько вопиющей, что министр иностранных дел Козырев в своем выступлении был вынужден смягчить: «Были не только редакционные замечания, но и поправки, но не существенные». Я не был готов к тому, что наши вожди во имя своих целей будут действовать беспредельно лживо и безнравственно, иначе я огласил бы эти факты в вопросе Ельцину.

Опять же от микрофона мне удалось призвать депутатов немедленно принять решение о созыве Съезда народных депутатов России, ибо Соглашение об СНГ кардинальным образом меняет государственный статус и строй Российской Федерации, на что Верховный Совет совершенно не правомочен: «Предлагаю не спешить, так как никакие — ни мозговые, ни кавалерийские атаки не создадут новую государственность... Изменения в конституционный строй может вносить только Съезд депутатов Российской Федерации, поэтому, я прошу обязательно поставить на голосование во-

прос о созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов России для ратификации этого Соглашения». Эта очевидная истина даже для дилетантов от политики была отвергнута под завесой демагогии. И демократы, и коммунисты — все требовали прекращения прений: хватит болтать... мы предприняли мозговую атаку... президент впервые принял судьбоносное решение... давайте голосовать. Здравомыслящие голоса потонули в общем хоре — даешь единство трех славянских народов. Чего здесь было больше — глупости конформистов, предательства врагов России или шкурничества карьеристов и расхитителей!?

В этот же день состоялась встреча Президента с лидерами политических партий. От Российского Христианского демократического движения присутствовали его сопредседатели я и Глеб Анищенко. Нам удалось записать ее на диктофон, сегодня некоторые ее фрагменты звучат злободневно. И здесь удивляла общее благодушие перед лицом исторической катастрофы мирового масштаба. С этим я и обратился к Ельцину. Знаменательно, что Ельцин нас не прерывал — нас оскорбляли и пытались заставить молчать наши «демократы».

«Борис Николаевич, вам уже говорили много лестных слов, слов поддержки. Я же хочу донести до вас критическую позицию. Хотел бы остановиться на некоторых болевых точках. Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что сегодняшняя ратификация является грубым нарушением нескольких ключевых положений действующей Российской Конституции. Либо решение Верховного Совета неконституционно, незаконно, либо перестает действовать Конституция. Эта ситуация конституционной революции, переворота. По существу, высшей законодательной властью России стимулируется правовой беспредел». (Теперь и бывшим депутатам очевидно, что тогдашней ратификацией Верховный Совет открыл шлюзы такого беззакония, которое смыло и его в 1993 году).

После моего вопроса чинная атмосфера за столом была взорвана.

«Священник ГЛЕБ ЯКУНИН: Мы пришли сюда задавать вопросы, а не читать лекции.

ВИКТОР АКСЮЧИЦ: Ваша точка зрения была сегодня многократно высказана на Верховном Совете, позвольте изложить другую позицию. Думаю, и это будет полезно.

ГЛЕБ ЯКУНИН: Аксиуциц, мы вопросы задаем, а не лекции читаем президенту.

ТЕЛЬМАН ГДЛЯН: Что вы можете предложить, чтобы мы все вышли из этого опасного состояния, крючкотворство или политически выгодное решение?

В. АКСЮЧИЦ: Я все-таки прошу меня не перебивать. Я обращаюсь не к вам, а довожу позицию нашей партии до президента.

Т. ГДЛЯН: Вы уже пробовали выйти со своими лозунгами к народу и видели, какая была реакция. И эту митинговщину вы переносите сейчас сюда.

В. АКСЮЧИЦ: На наш взгляд, поспешный роспуск Союза чреват колоссальными опасностями. Прежде всего, вы сегодня сказали, что стратегическими войсками будут командовать представители всех республик. Это неизбежно создаст колоссальный очаг нестабильности, так как жесткий, централизованный организм армии требует четкого централизованного руководства.

БОРИС ЕЛЬЦИН: Единое командование стратегическими силами, оно и будет осуществлять контроль.

В. АКСЮЧИЦ: Тогда не следует всё время подчеркивать, что создаются не централизованные органы, а лишь координирующие. Единое командование не является органом координирующим.

Б. ЕЛЬЦИН: Тут вы правы. Армия — исключение. Здесь речь должна идти не о координирующих, а о командных функциях.

В. АКСЮЧИЦ: Союзное государство ликвидировано, а значит, ликвидирована и воинская присяга. Кому будут присягать сейчас призывники?

Б. ЕЛЬЦИН: Сегодня было хорошо сказано: народу.

В. АКСЮЧИЦ: Но это ведь может быть сказано лишь для красного словца.

Б. ЕЛЬЦИН: Почему? Народу России, если призывается в России, народу Украины, если призывается на Украине.

В. АКСЮЧИЦ: Но никаких законов на этот счет нет. Что делать армии сейчас? Те танки, которые раньше явочным порядком захватывало грузинское руководство, теперь уже оно может захватывать вполне законно, поскольку нет союзного государства, нет руководства союзной армии. Или другой пример. Кравчук уже объявил себя главнокомандующим. Понятно, что он немедленно подчинит себе те 20 дивизий, которые дислоцируются на Украине. Отдает ли себе отчет российское руководство, против кого будут направлены эти 20 дивизий?

Б. ЕЛЬЦИН: У нас с Украиной есть договор, в соответствии с которым число военнослужащих в национальной гвардии или армии устанавливается только по обоюдной договоренности. Поэтому о 200–300 тысячах речь не идет.

В. АКСЮЧИЦ: Однако Кравчук объявил себя главнокомандующим без консультаций с вами.

Б. ЕЛЬЦИН: Как раз он консультировался: он меня уговаривал стать главнокомандующим [российской армии] ...»

Неужели Ельцин не понимал, что приватизация союзной армии и вооружений неизбежно приведет к тому, что воинские контингенты страны очень скоро окажутся по разную сторону фронтов? Впрочем, впоследствии российское руководство вооружало Ду-

даева буквально из собственных рук. Против кого? Во имя чего? Да потому, что это было неизбежным следствием Беловежской доктрины. Далее была затронута ещё одна тема, кровоточащая ныне.

«В. АКСЮЧИЦ: Это Соглашение непременно будет стимулировать распад Российской Федерации. Многие автономии уже заявляли, что они согласны войти в Союз, но не в Российскую Федерацию.

Б. ЕЛЬЦИН: Например? Я могу привести вам много примеров обратных; из тех руководителей автономий, с кем я консультировался, все выступают за Содружество. А вы приведите другие примеры.

В. АКСЮЧИЦ: Ну, например, Чечня, Дудаев.

Б. ЕЛЬЦИН: А кто Дудаева признал законным правителем?

МИХАИЛ АСТАФЬЕВ: Его даже по Центральному телевидению называют не генерал Дудаев, а президент.

Б. ЕЛЬЦИН: Опротестовать определенное заявление можно, и мы это делаем, заявляя, что Дудаева руководство России не признавало. Я не загадываю, что будет в будущем. Пусть в Чечне процесс развивается естественным образом. Уже сейчас то там, то здесь возникает оппозиция Дудаеву, протестующая против его политики, направленной на выход из России. И этот процесс нарастает, Дудаев его очень боится. Что касается войск, расположенных в Чечне, то я специально посылал туда первого заместителя министра обороны Грачева, который встречался с Дудаевым, и тот твердо обещал не посягать на воинские части и на военное училище. Мы хотим всячески избежать крови. Я признал, что мой Указ был ошибочным (имеется в виду Указ в о введении чрезвычайного положения в Чечне в октябре 1991 года. — *Акс.*) и признал правильность решения Верховного Совета. Сейчас Россия ведет в Чечне более аккуратную политику».

Это, так сказать, аккуратная политика и процесс развивается естественным образом — и подготовили будущие войны в Чечне. Поскольку разговор о Дудаеве оттеснил важнейшую тему о целостности России, Глеб Анищенко вернулся к ней.

«Г. АНИЩЕНКО: Борис Николаевич, и все-таки вы совсем не опасаетесь, что Соглашение может послужить стремительному распаду РСФСР? Ведь в Содружество по замыслу могут войти образования, так сказать, принципиально разных государственных уровней. Вчера президент Татарии заявил, что он хочет войти на равных правах в СНГ.

Б. ЕЛЬЦИН: Нет, нет, нет. (Троекратно ударяет кулаком по столу)

Г. АНИЩЕНКО: Телевидение вчера передавало это заявление президента Татарии.

Б. ЕЛЬЦИН: Нет, нет, нет, нет, нет.

Г. АНИЩЕНКО: Борис Николаевич, но ведь сама логика подсказывает, что так и должно быть после развала единого государства...

Б. ЕЛЬЦИН: Нет, это исключается абсолютно. Войти могут только государства. В этом всё дело».

Увы, многократные заклинания и столотрясения мало повлияли на тех, кто хотел выйти из России. Глеб Анищенко указал на истинные причины беловежского переворота.

«Г. АНИЩЕНКО: Вы неоднократно повторяли, что главным аргументом за подписание Соглашения являлось то, что ничего другого нельзя было сделать. Мне непонятно, откуда вытекает подобный вывод. Один раз Союзный договор был практически готов, но его подписание совершенно искусственно сорвал путч. Другой раз все республики, кроме, может быть, Украины были согласны подписать договор об ССГ — едином конфедеративном государстве. Но теперь вместо путча появилась другое искусственное обстоятельство — Пуца. Так вот, откуда следует, что были объективные причины, препятствовавшие сохранению единого государства, пусть даже и в форме конфедерации? Ведь никто, по существу, не пытался довести подобные планы до конца.

Б. ЕЛЬЦИН: Не Пуца виновата, а Пуца — лишь запоздалое следствие того, что договор был взорван Горбачевым. Поэтому я не могу с вами согласиться, что Пуца искусственно сорвала договор. Может быть, и были какие-то ещё варианты, но мы считали, что единственный шанс состоит в том, чтобы каждое государство почувствовало свою независимость и одновременно было связано каким-то содружеством. Типа Британского содружества, ЕЭС и т. д.»

Очевидны подлинные мотивы брестского сговора: убрать конкурента — Горбачева — можно только развалив СССР, поэтому авторы решились расчленив государство, чтобы захватить власть в отдельных его кусках. Поражает масштабность сделки, ради которой на кон было брошено самое крупное в мире многовековое государство. Конечно же, «Соглашение об СНГ» — это беспримерное попрание закона. И всякого права. Вспомним, что договор 1922 года об образовании СССР был фактически отменен с принятием в 1924 году Конституции СССР. Союзный договор в 1922 году провозгласил создание СССР, с 1924 года юридической основой существования государства была Конституция. В частности, поэтому впоследствии вновь входящие (или присоединяемые) союзные республики не подписывали никакого Союзного Договора.

В таком случае возникает вопрос: какое государство распустило беловежско-алма-атинские разговорчики, денонсируя Договор об образовании СССР? Строго говоря, Соглашение об СНГ не распустило СССР, Советский Союз юридически должен существовать

и поныне. Должен, но не существует, потому что пока мы живем в ситуации закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Повернули известно куда, вопреки волеизъявлению народов о сохранении СССР на референдуме марта 1991, нарушив все существующие законы и поправ все конституции — Союзного государства и союзных республик.

Расстрел парламента (1993)

Выступая против разрушительного курса Ельцина, я оказался в оппозиции и к руководству Верховного Совета, ибо противоборствующие стороны являли собой плеяду советской номенклатуры, не соответствовали роковым событиям эпохи, не понимали сущности происходящего.

Трагические события октября 1993 года многим омыли взор. Перед расстрелом 4 октября десятки депутатов крестил в осаждённом Доме Советов протоиерей Алексей Злобин, — он был секретарём комитета Верховного Совета по свободе совести. Время способствует осознанию событий — на расстоянии затухают страсти. Кто-то одумался, когда обнажилось сокровище. Годовщина трагедии обязывает к её объективному осмыслению.

Прежде всего, о причинах переворота. Его сторонники до сих пор утверждают, что народные депутаты РФ были избраны при коммунистическом Советском Союзе, поэтому их деятельность в независимой России была по существу не законна и они подлежали роспуску. На это можно указать, что и Ельцин тоже был избран президентом республики в составе СССР, а не как президент независимой страны. Далее все время говорится, что российский парламент мешал реформам президента. В то время как, напротив, Съезд избрал Ельцина Председателем Верховного Совета, выведя его из политического небытия. Затем Съезд принял закон о введении поста президента и выдвинул Ельцина кандидатом в президенты. После чего парламент предоставил президенту чрезвычайные полномочия для проведения реформ. То есть, Ельцин как политический лидер состоялся только благодаря поддержке парламента и получил карт-бланш для благотворных преобразований. Только после того, как президент использовал свои чрезвычайные полномочиями не во благо страны: разрушил Союзное государство и развалил экономику, обездолил большинство жителей радикальными реформами, — парламентское большинство вынуждено было уйти в оппозицию «реформам». Именно крах реформ вынудил ельцинский режим пойти на силовую переворот, чтобы уничтожить мощную оппозицию в лице высшего органа государственной власти страны (каковым был Съезд народных депутатов), добиться безнаказанности и навязать стране жёстко авторитарный режим, за-

щищающий новый правящий слой и компрадорский номенклатурно-олигархический капитализм.

Вспоминаются эпизоды в осаждённом Доме Советов после указа № 1400 21 сентября 1993 года. На первом заседании разогнанного Ельциным Съезда по электронной системе выпало выступать одним из первых. Я призвал депутатов исходить из реальных фактов: президент, безусловно, является узурпатором и совершил государственный переворот, но он, в отличие от Верховного Совета обладает рычагами власти. Поэтому Съезд должен отказаться от обличительных бездейственных деклараций и утопических призывов, а принимать решения, которые способны реально остановить беззаконие. В этом смысле я озвучил предварительно размноженный на нашей полиграфической технике РХДД, незадолго до этого завезенной в здание Верховного Совета, проект постановления Съезда. В нем предлагалась чрезвычайная концепция выхода из чрезвычайной ситуации. В первом пункте предлагалось назначить сроки одновременных досрочных выборов президента и народных депутатов. Во втором — вступить в переговоры с президентской стороной для разработки правовых основ досрочных выборов. В третьем — в случае отказа президента пойти на законные досрочные выборы квалифицировать его действия как государственный переворот, что является тягчайшим преступлением. В итоге предписывалось всем силовым структурам страны приступить к задержанию участников переворота. Я пытался сформулировать реальную концепцию выхода из кризиса — задать поле между альтернативами: президентским заговорщикам предлагалось мирное разрешение конфликта, отказом от этого они обнажали свои узурпаторские мотивы и потому на законных основаниях подлежали аресту. В ответ со всех сторон, в том числе и от своих коллег патриотов-государственников я услышал обвинения в том, что предлагаю вступать в переговоры с узурпаторами, которые находятся вне закона. То есть услышал очевидные, но политически беспомощные декларации политиков, призванных к спасению страны. Выступая затем каждый день, мне с помощью Олега Румянцева удалось убедить Съезд принять-таки решение о досрочных одновременных выборах, но сделано это было уже после силовой и информационной блокады Дома Советов, отчего за пределами колючей проволоки никто об этом решении узнать не мог.

Через несколько дней после переворота руководство Верховного Совета поручило мне провести переговоры с председателем Центрального банка Виктором Геращенко о том, чтобы банк перечислил Верховному Совету причитающиеся ему финансовые средства, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность высшего органа государственной власти. Виктор Владимирович вышел из своего кабинета на лестничную клетку и сказал примерно следующее: если меня снимут, это не нужно и вам, только остава-

ясь здесь, я смогу как-то поддерживать вас, поэтому я могу срочно перечислить отпускные депутатов и сотрудников Верховного Совета, — это тоже приличные средства. На том и порешили. Но и за этот совершенно законный шаг «демократические» СМИ обвинили председателя ЦБ в предательстве.

До сих пор слышны слова о попытке *коммуно-фашистского переворота*, хотя об этом уже не прилично говорить. Примерно 25 сентября 1993 года ко мне в Доме Советов обратился знакомый американский тележурналист: *как вы — демократ по убеждениям — могли оказаться среди экстремистов и фашистов?* Я спросил, где он видит таковых. Журналист показал на площадь перед Домом Советов. Мне пришлось указать на очевидные факты. Всегда и везде политические перевороты сопровождаются выплеском на улицы экстремизма. С той лишь разницей, что у нас не бьют витрины, не жгут автомобили, не избивают милицию, что, в обстоятельствах гораздо менее радикальных, уличная толпа делает всегда в «добропорядочной» Америке и Европе. И сегодня нужно признать объективное: вплоть до 3 октября при потоках лжи в средствах информации, полной блокаде с колючей проволокой (даже машины скорой помощи не пропускались), отключении всех средств жизнеобеспечения — в течение двухнедельной эскалации насилия тысячи защитников Дома Советов вели себя невиданно сдержанно. Далее я попросил журналиста указать мне хотя бы на одного депутата-экстремиста или фашиста. Или, хотя бы на одно экстремистское фашиствующее выступление депутатов, или такого рода постановление российского парламента. Ничего подобного американский журналист привести не мог, ибо депутаты в той ситуации проявили удивительную уравновешенность.

Никаким *коммуно-фашизмом* в депутатском корпусе не пахло. Другое дело, что происходящее у стен Белого Дома, как всегда в подобных обстоятельствах, было неуправляемо со стороны парламента. Откуда пришли и кому были выгодны отряды РНС Баркашёва с фашистской символикой, марширующие у американского посольства и перед зарубежными телекамерами? То же и большевистские вопли агитбригады Анпилова. Как президентской пропаганде без таких провокаторов удалось бы убедить мир в *коммуно-фашистском* путче?

Один из примеров провокаций. За несколько дней до расстрела я подъехал к Краснопресненскому райисполкому, в котором был своего рода штаб той группы депутатов, которая осталась снаружи колючей проволоки вокруг Дома Советов. На моих глазах к райисполкому подбегает группа вооруженных до зубов молодых людей в камуфляже. Они ставят к стенке и разоряжают милиционеров, наряд которых постоянно находился в машине при входе. Размахивая огромными «базуками» — ручными пулеметами, они подни-

маются по этажам, обыскивая всех встречных. Я следом за ними вхожу в кабинет председателя райисполкома. Саша Краснов стоит за столом с большим количеством телефонов под дулами автоматов-пулеметов. Я называю себя и спрашиваю, в чём дело. Александр: *Виктор, они требуют, чтобы я немедленно отдал распоряжение всем отделениям милиции района выдать им оружие. Во-первых, у меня нет на это никаких полномочий, и меня никто не послушает. Во-вторых, милиция в данный момент занимает нейтральную позицию, и подобная акция немедленно подтолкнёт её выступить против Верховного Совета.* В общем, нам удалось убедить баркашёвцев (это были они), в бессмысленности требований. Это был не наивный патриотический энтузиазм, а хорошо продуманная провокация, и если бы она удалась, кровопролитие началось бы раньше. Кстати, никто из баркашёвцев не попался при штурме Дома Советов, все вовремя ушли известными им подземными тропами или дырами в оцеплении.

Каждую годовщину расстрела собирают массовые митинги протеста коммунистические организации — КПРФ Зюганова и радикалы Анпилова, что тоже способствует распространению мифа о «коммунистическом перевороте». Но у КПРФ не было своей фракции среди депутатов, коммунисты не имели большого влияния в парламенте. У Дома Советов они были тоже далеко не в большинстве, заметна была только малочисленная, но крикливая группа Анпилова. Уже забылось, что перед расстрелом лидер коммунистов Зюганов выступил по центральным телевизионным каналам и призвал коммунистов покинуть Дом Советов и не выходить на улицы.

После того, как Дом Советов изолировали колючей проволокой, я старался в различных «горячих» точках предотвращать насилие. Увёл с митинга с площади у здания МИД большую группу в тот момент, когда ОМОН по команде явно шёл на расправу с людьми. Около двух часов через мегафон разоблачительно-призывными спичами гасил импульсы агрессии со стороны ОМОНа, одновременно организуя не панический отход под натиском вооружённого до зубов милицейского отряда. У Киевского вокзала я призвал народ разойтись и собраться на следующий день в другом месте. В другой раз я оказался возле метро Краснопресненская, где перед милицейским заградительным кордоном собралась большая масса народа. Забрался на троллейбус, но без мегафона я безоружен. Обратился к людям с просьбой найти мегафон. Через полчаса какой-то бойкий парнишка принёс, а как это было, описал в своём дневнике белодомовского сидельца Хасбулатов: *«Ребриков рассказывает: вчера у Аксютинца не было мегафона для выступления перед стихийной демонстрацией. Парнишка лет 12 вызвался пройти через все кордоны и доставить. Прибежал. Говорит: „Меня дядя Аксютинца прислал за мегафоном, — от него передал*

записку: „Срочно нужен мегафон“. — Я пройду, я знаю как пройти“, — и пронёс, чертёнок».

Вскоре пошёл проливной дождь, но обстановка накалялась, люди заботливо передавали нам на троллейбус сухую одежду, зонтики. Я читал постановления Верховного Совета, противоборствующим сторонам вещал о ситуации, призывал ОМОН не проявлять насилия по отношению к своим согражданам. В результате нескольких часов «пропаганды» омовцы начали размягчаться, поддались нашим уговорам и стали передавать в Дом Советов еду и лекарства. Дело шло к тому, что могли пропускать врачей. Далее поступила команда (цитируется по записи радиоперехвата):

«— Начать оттеснение, не дать возможности прорыва демонстрантов. Сейчас от „Мира“ подбросим подкрепление...

— Как действовать?

— Оттесняйте, выдавливайте. Снимите с поливальной машины эту гниду Аксючица и других нардепов. Отобрать у них мегафон...

— Куда нардепов?

— Те, что с внутренней стороны — пусть стоят. Полезно помокнуть. А тех, кто вне оцепления, не пускать в Белый дом ни под каким предлогом. Если что — бить, но аккуратно, без следов...

— Поняли, погоним к „1905 году“ ...»

Появилось несколько автобусов со свежим подразделением милиции, гораздо свирепее вооружённом и настроенном. Под руководством человека в штатском они стали оттеснять людей и окружали наш троллейбус. Пришлось спрыгнуть и вновь организовывать организованный отход под натиском ОМОНа. Несколько часов стена щитов по широкой улице теснила скандирующую толпу к станции метро 1905 года. Периодически некоторые горячие головы или провокаторы пытались бросать в ОМОН металлические трубы и булыжники — их приходилось осаживать. В другую сторону обращался с призывами не проявлять насилия к мирным людям, вышедшим на мирную демонстрацию. У метро прокричал, что мы честно выполнили свой гражданский долг и сейчас нужно уйти от столкновения с милицией в метро. Несколько молодых людей обозвали меня предателем. Я же ответил, что предательством было бы провоцировать гражданских людей к столкновению с вооружённым до зубов отрядом, явно готовым пойти на самые крутые меры. Кровавые столкновения могли начаться раньше 3 октября...

Конечно, у депутатов было много ошибок, слабости, глупостей. Но где и когда в радикальной ситуации, в которую вогнал страну указ № 1400, было иначе? Да, решение об одновременных досрочных выборах президента и парламента нужно было принять в первый же день заседания Съезда (как настаивали я и Олег Румянцев), а не через неделю, когда об этом уже никто не узнал, ибо

информационная блокада была полная. (Гайдар в очередную годовщину лгал на страницах «НГ»: *депутатов пришлось разогнать потому, что они не соглашались на одновременные выборы.*)

Действительно, руководители Съезда проявили отсутствие политической и государственной мудрости. Примерно 27 сентября я принес руководству Верховного Совета проект постановления Съезда, в котором предлагалась одна из возможных (я убежден и поныне) моделей мирного урегулирования конфликта властей. Предлагал решением Съезда сформировать Конституционную Ассамблею. Задача такого рода экстраординарного органа (а ситуация и требовала только неординарных решений): разработка и принятие конституционных законов об одновременных выборах президента и парламента. Роль Верхней палаты Собрания мог выполнить Конституционный Суд, задача которого в ситуации острой законности найти границы допустимого в правовом смысле для выхода из чрезвычайной ситуации. Нижнюю палату предлагалось сформировать паритетно из представителей народных депутатов России и глав субъектов Федерации. Понятно, что это предложение, помимо всего, позволяло увеличить степень влияния Съезда, привлекая на свою сторону Конституционный Суд и губернаторов, которые в этот момент в помещении Конституционного Суда собрались на Совет Федерации, — как раз для поисков выхода из политического кризиса.

Председатель Верховного Совета Хасбулатов сжёг мой проект на свече (которая была единственным источником освещения) и дружески посоветовал никому об этом не говорить, так как *мы уже имеем одних узурпаторов, а эта затея превращает в узурпаторов и региональных руководителей.* На мой вопрос: отцы-командиры, что прикажете делать? — я получил ответ: не рыпаться и ждать. Дождались известно чего. Лидеры противостояния президенту мало соответствовали трагической ситуации и безвольно отдавались революционной стихии, которая умело направлялась профессиональными провокаторами. Сначала был двухнедельный концлагерь, устроенный президентской властью парламенту страны, затем выстрелы в защитников Дома Советов из мэрии, и только затем возгласы Руцкого о захвате Останкина — вслед бросившейся туда толпе.

Сознавая приближающуюся кровавую расправу, я предпринимал попытки поспособствовать началу переговоров. Из Конституционного Суда позвонил митрополиту Кириллу и призвал срочно начать переговоры, а посредником может быть только Патриархия. Он сказал, что сегодня руководители РПЦ встречаются с президентом, но до этого хотели бы встретиться с председателем палат Верховного Совета Абдулатиповым и Соколовым. Я отвез их из Конституционного суда в Данилов монастырь, где был ого-

ворен формат переговоров, начавшихся на следующий день. В переговорах участвовала делегация, представленная находящимися в Доме Советов, а я оказался за пределами колючей проволоки и потому непосредственно в переговорах участия не принимал.

Запомнился эпизод, когда после многочасовых сидений в холл вышел заместитель председателя Верховного Совета Воронин и сказал мне, что достигнуто соглашение, которое сейчас перепечатывается, после чего оно будет подписано: демилитаризация ситуации вокруг Дома Советов, частичное снятие блокады — пропуск в Дом Советов корреспондентов, продовольствия, включение водопровода, начало переговоров о разрешении политической ситуации. После этих разумных тезисов он добавил: *а завтра соберётся народ и — на Кремль...* (Ещё пример роковой неадекватности). Впоследствии депутат Валентина Домнина рассказывала, что в последний момент перед подписанием соглашения о перемирии Филатов сказал Лужкову, что президент не примет это соглашение, ибо оно узаконивает депутатов. Представители президента покинули переговоры, но средства массовой дезинформации объявили о том, что переговоры были прерваны по вине народных депутатов.

Танковый расстрел Дома Советов, к которому вынудил Ельцин армию, выплеснул на улицы столицы inferнальные силы. Самое страшное в том, что верховная власть не только разрешила, но и призвала к массовым убийствам, во многом организовала их. Как рассказывал впоследствии руководитель группы «Альфа», Ельцин приказал расстрелять в Доме Советов всех депутатов, приказал Коржакову пристрелить Хасбулатова и Руцкого. Слава Богу, «Альфа» не выполнила приказ, напротив, способствовала мирному выводу депутатов и многих защитников из Дома Советов. В прессе писали о сотне снайперов (собранных Коржаковым по стране и за её пределами), которые обстреливали обе противостоящие стороны и мирных жителей, чтобы взнудать конфликт и вынудить спецназ к штурму Белого Дома. При этом со стороны Дома Советов не было ни одного выстрела, которым кто-либо был ранен или убит. Беззаконие власти мгновенно отозвалось разнужданием звериных инстинктов у тех, кто не чувствует Бога в душе. Толпы мирных жителей глазели на расстрел и рукоплескали танковым залпам. Штурмовые отряды, сформированные из армейских выродков, спецслужб, а также частных охранных фирм, при первом запахе крови мгновенно расчеловечились и устроили кровавую бойню.

Инфернальную атмосферу вокруг Дома Советов отражает фрагмент расшифровки милицейского радио-эфира в ночь на 4 октября 1993 года:

«Никого живым не брать... Мы их перевешаем на флагштоках везде, б..., на каждом столбу перевешаем, пада... И пусть эти пи-

дарасы, б..., из Белого дома, они это, суки, запомнят, б..., что мы их будем вешать за...! Ребята, они там, суки, десятый съезд внеочередной затеяли... Хорош болтать, когда штурм будет? Скоро будет, скоро, ребята. Руки чешутся. Не говори, поскорее бы!... А мы их руками, руками. Анпилова ОМОНовцам отдать, вместе с Аксютинцем и Константиновым».

Вооруженные подонки расстреливали людей у бетонных стен стадиона, в подвалах, в укромных местах окрестностей Дома Советов избивали и пристреливали попавшихся безоружных, охотились за мелькающими в окнах жителями. Особенно усердствовали анонимные профессионалы, как впоследствии писали газеты — «снайперы Коржакова». Установлено около тысячи убитых. Сотни родителей с портретами расстрелянных молодых людей являлись на каждую годовщину к поминальному Кресту возле Дома Советов. А сколько убитых было сожжено в столичных моргах?! Мой друг, прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры Воледа Соловьёв бросил в радио-эфире короткую фразу, которая всё во мне перевернула. Ведущий передачи спросил: что заставляет его так ретиво отстаивать свою позицию. Он ответил: *после того, как я увидел около Белого Дома окровавленные машины с телами молодых людей, меня ничто не заставит говорить или делать что-либо противное своим убеждениям. И никто за это не понес никакой ответственности!*

Никакие ошибки белодомовцев, все провокации вокруг не оправдывают массовую кровавую бойню. Через два дня после расстрела Дома Советов я имел возможность спросить советника президента Сергея Станкевича: без споров — кто виноват, кто прав, что законно или нет, — зачем же танками, зачем столько крови, если своих целей вы могли достичь менее жестокими средствами, например, усыпляющими газами? Ответ я получил искренний: это — акция устрашения для сохранения порядка и единства России, ибо теперь никто и пикнуть не посмеет, особенно руководители регионов.

Столичная интеллигенция и потребовала от президента перманентного устрашения, называя это демократией. После кровавого расстрела Дома Советов группа московских интеллектуалов в своем обращении, видимо, устыдясь своей слабости (*«нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми»*), так определила самое «грозное» в происходящем: *«И „ведьмы“, а вернее — красно-коричневые оборотни, нагледя от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листовками, грозно оскорбляли народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли её продемонстрировать нашей юной... демократии?»* Пушечной де-

монстрации и расстрелов сотен молодых людей оказалось недостаточно, требовали чего-то более радикального.

И доньше одни из них заклинают, что благодаря кровавой расправе над политическими оппонентами *шаг к демократии* мы сделали, другие же убеждены, что тогда поступили правильно, хотя и признают, что ни к какой демократии это не привело. И никаких тебе мальчиков кровавых в глазах — всё та же классовая ненависть застит взор! Впоследствии только у Юрия Давыдова хватило мужества признаться: *«Мне не следовало пользоваться правом на глупость»*. У авторов обращения проявлялась не только глупость. Самые известные из подписантов впоследствии не защищали свои расстрельные призывы (Белла Ахмадулина, Василь Быков, Даниил Гранин, Дмитрий Лихачев, Булат Окуджава, Виктор Астафьев).

Один из печальных итогов того времени: *обе стороны хуже*, ибо ещё не сформировалась новая политическая элита России.

~

КРИТИКА

**Ю. Г. Алексеев. Походы русских войск при Иване III.
СПб., 2007**

Выбор способа историописания всегда сложен. Это вызвано наличием проблемы адекватности научного языка описания социокультурных систем и языка самоописания данных систем. С одной стороны, политические и социологические теории дают инструментарий, позволяющий обобщить, классифицировать и схематизировать наши знания о прошлом. Без подобной интеллектуальной операции, собственно, невозможна история как наука, потому что иначе, просто транслируя образы прошлого, историк оказывается не ученым, а летописцем, в лучшем случае писателем-моралистом.

Однако при преобразовании текстов древности с помощью категориального аппарата современной науки мы оказываемся перед другой проблемой: насколько наши построения адекватны анализируемому предмету, а насколько они являются конструктом, порожденным в большей степени нашим презентизмом, чем реальными историческими картинами?

Решение данной проблемы не найдено. По меткому замечанию Мишеля Фуко, изымая «операционный стол», на котором происходит препарирование понятий, мы не можем отделаться от «вполне определенной, трудно уловимой неловкости», обусловленной подозрением, что изъятие этого стола породит еще худший беспорядок, «чем беспорядок неуместного и сближения несовместимого»¹. Крайними точками здесь являются исторический позитивизм с его верой в возможность историка адекватно прочесть и понять любой древний текст, и исторический постмодернизм с его отрицанием исторической реальности и представлением об истории как всего лишь вербальной схеме.

Заметим, что неясна вообще перспектива решения данной задачи. Во всяком случае, даже допущение возможности разрешить данное противоречие до сих пор не имеет даже теоретического обоснования. Мы здесь находимся на эмпирической стадии — стадии сбора материала.

Рецензируемая книга интересна как раз в этой, эмпирической области. Ее автор, известный российский ученый, профес-

1. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 30.

сор Санкт-Петербургского университета Юрий Георгиевич Алексеев является патриархом среди российских военных историков. Его методологическая позиция тверда и последовательна: с одной стороны, строгий отбор фактов, стиль «последнего летописца», минимум теоретизирования и историографических обзоров. С другой, стройная объяснительная система, с помощью которой автор вписывает реалии прошлого в сознание своих современников. Для этого используется лексика и терминология военно-исторической литературы о Великой Отечественной войне.

Ю. Г. Алексеев выделил в военно-социальных структурах России конца XV в. ВГК — «Высшая инстанция, верховное главнокомандование, в чьих руках политическое и стратегическое руководство... функции ВГК — определение общего характера кампании, мобилизация и сосредоточение войск, назначение воевод и контроль над ними». Материал раскрывается через понятия «стратегического и оперативного планирования», «оперативно-стратегического маневра», «направления главного удара», «стратегического резерва», «примера стратегического взаимодействия сухопутных и морских сил» и т. д.

Презентизм терминологии здесь бросается в глаза. Но эта ситуация в чем-то неизбежна: понятно, что в любом случае было какое-то командование, что оно было иерархизировано по принципу от верховного к полевым командирам, что его надо как-то называть. Ю. Г. Алексеев в данном случае предпочитает терминологию из военной истории II мировой войны, и такой подход, по крайней мере, вписывает его монографию в конвенциональный и востребованный широким читателем понятийный контекст.

С помощью данного подхода Ю. Г. Алексеев разбил весь материал на пять глав, по хронологическому принципу, по десятилетиям, с 1460-х по 1500-е годы. При этом, как пишет сам автор, «первоочередное внимание уделяется самому ходу боевых действий, т. е. конечному результату деятельности всей военной системы в целом. Анализ хода боевых действий может дать возможность проследить в какой-то мере нити управления, движущие пружины боевой деятельности, т. е. перейти от видимых следствий к невидимым причинам, от результатов к порождающим их условиям» (С. 5.). Целью работы является «проследить реальный ход боевых действий, формы руководства войсками, основные стратегические идеи военно-политического руководства страны».

Ю. Г. Алексеев начинает обзор походов русских войск с похода 1462 г. на народы черемису и пермь, в Вятскую землю и бассейн р. Камы. Далее рассматриваются: кампания 1463 г. на псковско-ливонском рубеже (в книге опечатка, правильно: псковско-ливонском (С. 21)), казанские походы 1467–1468 и 1469 гг., кампания против Новгорода Великого и Шелонская битва 1471 г., поход на Пермь Федора Пестрого 1472 г., отражение нападения Большой Орды

1472 г. и подвиг защитников Алексина, псковско-ливонское столкновение 1473 г., новгородский поход 1477 г., казанская кампания 1478 г., «стояние на Угре» 1480 г., бои с ливонцами под Изборском и Псковом 1480 г., казанский поход 1482 г., большой поход за Уральские горы 1483 г., покорение Казани в 1487 г., поход на Вятку 1489 г., поход на Ахматовичей 1491 г., кампании русско-литовской войны 1492–1493 гг., русско-шведская война 1495–1497 гг., поход на Югорскую землю 1499 г., русско-литовская война 1500–1503 гг. и битва при Ведроше, русско-ливонская война 1500–1503 гг.

Здесь обращает на себя внимание выделение северных и зауральских походов, которые остаются малоизученными, и рисуемая ученым тотальная панорама боевых действий, которая позволяет воссоздать целостную картину внешней политики и боевых действий армии Русского государства на протяжении почти полувека. В этом плане книга Ю. Г. Алексеева — ценный энциклопедический труд.

Особенно стоит остановиться на источниковедении летописных статей. Ю. Г. Алексеев подвергает каждое летописное известие тщательному компаративистскому анализу, сопоставляет данные разных летописей (порой для наглядности демонстрируя обобщенные сведения в виде таблиц). Этот подход позволяет отметить заведомо преувеличенные, субъективные и ложные данные и отбирать для повествования только факты, прошедшие строгую процедуру верификации.

В целом высоко оценивая книгу Ю. Г. Алексеева, все же необходимо упомянуть один момент, который показывает перспективу дальнейшей разработки данной темы. Монография петербургского ученого практически целиком написана на основе отечественных источников, иностранные свидетельства привлекаются крайне редко (например, в рассказе о русско-шведской войне 1495–1497 гг.). Между тем, в войне всегда участвуют, как минимум, две стороны и для воссоздания действительно полной и объективной картины необходимо слышать голос из стана противника. И если в случае с Большой Ордой или Казанским ханством это крайне затруднительно из-за плохой сохранности источников, а по войнам с северными племенами никаких свидетельств пермского или югорского происхождения просто не существует, то и литовское, и ливонское направления фундированы источниками более чем основательно. Их привлечение (равно как и обращение к немецкой, польской, белорусской, литовской, шведской историографии) позволило бы сделать книгу еще более интересной и яркой.

А. И. Филлошкин

**Б. Р. Рахимзянов. Касимовское ханство (1445–1552 гг.).
Очерки истории. Казань, 2009**

В конце 2009 года в книжных магазинах Казани появилась монография кандидата исторических наук Булата Рахимзянова «Касимовское ханство (1445–1552 гг.) Очерки истории», посвященная истории уникального татарского ханства, существовавшего на территории Московского государства в XV–XVII вв. Книга издана Татарским книжным издательством. Появление этой новой книги следует рассматривать в контексте продолжения изучения ключевых моментов истории татарского народа, начатого в 90-е годы XX века. Несмотря на то, что история этого ханства уже изучена довольно подробно, имеется целый ряд вопросов, на которые историки еще не смогли выработать общепринятого взгляда.

К наиболее актуальным, на взгляд автора, относятся следующие вопросы: как могло находиться татарское мусульманское ханство в центре православного государства? Насколько добровольными были шаги Московского великого князя Василия II по созданию Касимовского ханства? Было ли это государственное образование ханством, княжеством или обычным административным округом в составе России? Как менялось положение Касимовского ханства в период формирования централизованного самодержавного государства? В чем причины его несамостоятельности? На эти и многие другие не менее сложные вопросы у автора монографии имеются собственные ответы, многие из них являются новым словом в татарской историографии и определяющими новое понимание этнополитической истории не только Касимовского, но и других татарских ханств.

Выйти на такой высокий уровень исследования позволили учеба автора на историческом факультете, затем в аспирантуре Казанского университета, успешная защита кандидатской диссертации «Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445–1552 гг.)» под руководством известного историка И. П. Ермолаева и его полугодовая стажировка во всемирно известном Гарвардском университете, позволившее ему познакомиться непосредственно с зарубежными историками и их творчеством и скрупулезно изучать англоязычную литературу в его библиотеках.

Открывает книгу глава «Тексты проблематики», которая сформулирована несколько необычно для российской историогра-

фии, хотя посвящена анализу литературы и источников по истории Касимовского ханства. В первом параграфе «Первичные тексты» автор подробно проанализировал комплекс договорных и духовных грамот великих и удельных князей, дипломатическую документацию (грамоты правителей, посольские книги, записи о переговорах), разрядные и родословные книги, описи архивов, материалы по хозяйственно-экономической жизни, летописи и «сказания иностранцев». Разностороннее изучение исключительно важных по информационной ценности договорных и духовных грамот привело ученого к оригинальному выводу о «бессмысленности ожесточенных споров вокруг различных версий образования Касимовского ханства, так как приверженцы противоположных точек зрения в качестве аргументов приводят зачастую данные одних и тех же источников» (С. 10). Впервые автор подробно рассмотрел посольские книги как цельный комплекс источников по истории Касимовского ханства. Именно этот источник помог детальной реконструкции участия сыновей Казанского хана Улуг Мухаммада Касима и Якуба в междоусобной войне Василия II и Дмитрия Шемяки (С. 12). Разрядные и родословные книги позволили автору прояснить проблему использования жителей Касимовского ханства в военных акциях Москвы, проверить достоверность летописных известий, которые через «завесу текста позволяют увидеть хотя бы краешек исторической реальности» (С. 16).

Для анализа хозяйственно экономической жизни Касимовского ханства были впервые использованы приходно-расходные, записные, переписные книги, выписки из отказных и писцовых книг, указные проезжие грамоты, отписки, памяти, боярские списки.

Автор справедливо считает, что первый этап разработки истории Касимовского ханства связан с именами таких выдающихся русских историков как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой, С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, которые разработали первые подходы к изучению данной проблемы, хотя четкого понимания сущности Касимовского ханства у этих авторов нет.

Фундаментальная работа В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» открывает второй этап изучения истории Касимовского ханства, продлившийся до 1917 года. Он характеризуется тем, что теперь все исследователи истории Касимовского ханства находятся под влиянием концепции Вельяминова-Зернова. По мнению Б. Рахимзянова, наиболее слабым местом данного исследования является разработка проблемы возникновения ханства. Данный недостаток является следствием слепого доверия к русским летописям и игнорирования общей исторической обстановки на территории Московского княжества в середине XV столетия.

По мнению автора, новую страницу в историографии проблемы открывают работы, появившиеся после 1917 года. К ним относятся, прежде всего, работа татарского историка Г. Газиза «История татар» и «Очерки по истории Казанского ханства» М. Г. Худякова, которые полностью отказались от русской историографической традиции и выдвигают смелые гипотезы по истории Касимовского ханства. К сожалению, советская историческая наука эти идеи фактически проигнорировала и целиком вернулась к идеям В. В. Вельяминова-Зернова.

Зарубежная историография (М. Флоринский, О. Бокус, С. Зенковски, Дж. Кларксон, Э. Л. Кинан, О. Прицак, А. Рорлих и др.) затрагивала историю Касимовского ханства в русле имперской и колониальной экспансии Российского государства. На формирование взглядов зарубежных историков по истории Касимовского ханства оказали идеи известного евразийца Георгия Вернадского и татарских историков.

Новаторской по духу, первой попыткой обстоятельно разбраться в клубке политических противоречий второй половины XV века во всей их полноте автор называет работу советского историка А. А. Зимина «Витязь на распутье», изданной в начале 1990-х годов. Из современных историков автор особо выделяет труды Д. М. Исхакова, особенно его фундаментальную монографию «От средневековых татар к татарам нового времени», оказавшую заметное влияние на автора в разработке наиболее сложных вопросов истории Касимовского ханства.

Подробно анализируя идеи В. В. Вельяминова-Зернова, М. Г. Худякова, М. Г. Сафаргалиева, А. А. Зимина по спорным вопросам начальной истории Касимовского ханства, автор выдвигает принципиально важный для понимания происхождения ханства тезис о том, что в первой половине XV века «Русского государства не существовало ни юридически, ни фактически. На территории будущего Русского государства находились независимые княжества: Московское, Ярославское, Ростовское, Рязанское, Тверское; Псковские и Новгородские земли также сохраняли независимость. Усилившееся Московское княжество претендовало на господство над остальными северо-восточными русскими землями» (С. 51).

Поскольку образование Касимовского ханства непосредственно связано с Казанским ханством, то попутно автору пришлось обосновать и свою позицию по времени образования Казанского ханства. Он справедливо считает, что Казанское ханство было образовано в 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммадом, а не его сыном Махмутеком в 1445 году, как традиционно считали и считают многие татарские и русские историки.

Непосредственным поводом образования Касимовского ханства стали результаты Суздальской битвы между войсками Московского великого князя Василия II и Казанского хана Улуг Мухамма-

да и пленение великого князя 7 июля 1445 года. В татарском плену Василия II находился довольно продолжительное время — с 7 июля по 1 октября 1445 г. Условием освобождения Василия II стало согласие на выплату огромного выкупа в 200.000 рублей Казанскому хану, выделение Мещеры в управление Касиму и раздача русских городов «в кормление» знатным татарам. На основе анализа надежных источников автор приходит к выводу о том, что выделение Касиму русского города Городца не было добровольной мерой великого князя Василия II. Как справедливо считает Б. Рахимзянов, «дань не может платиться слуге, каковым часто историки представляют касимовских ханов и султанов» (С. 59).

В противовес мнению известного татарского историка Шамиля Мухамадырова, следовавшего в русле традиционной русской историографии и утверждавшего, что Касимовское ханство — это «удельное княжество, созданное московскими князьями для татарских ханов, перешедших к ним на службу», автор книги убедительно обосновал причины сохранения Касимовского ханства в составе Русского государства на протяжении многих лет. Он считает, что данный шаг Московских великих князей оказался дальновидным и глубоко продуманным. Существование Касимовского ханства позволяло использовать его правителей в качестве претендентов на казанский престол и поддерживать различные распри и беспорядки внутри Казанского ханства, ослабляя его изнутри. К тому же Московское государство через татарских ханов управляло инородческим населением ханства.

При рассмотрении вопросов административно-политическое устройство ханства очень важным является вывод автора о том, что татарские ханства (Крымское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Касимовское) преемственно сохранили традиционные государственные институты Золотой Орды — ханский диван, состоящий из четырех карачи, основные правящие роды (Аргын, Барын, Кыпчак, Ширин, Мангыт). На основе тщательного анализа источников и литературы, автор проследил изменение правового положения Касимовского ханства, определил его географические границы, систему землевладения, феодальные повинности.

Подробно рассмотрена социальная структура ханства. Особое внимание уделено титулованным сословиям Касимовского ханства: ханам, султанам, уланам, бекам, мурзам, тарханам, карачибекам, сеидам, муллам, имамам, абызам и служилым татарам.

Третья глава книги посвящена политической истории Мещерского юрта второй половины XV — первой половины XVI в. Особый интерес представляет подробное описание участия Касима и Якуба в феодальной войне на стороне Василия II.

Василий II прибыл 26 октября 1445 года в Москву. Однако великому князю противостояла группа Дмитрия Шемяки. Воспользовавшись недовольством значительной части москвичей военным

поражением и протатарской политикой Василия II, в феврале 1446 года Дмитрий Шемяка в союзе с князем Иваном Можайским захватили Василия II в Троицком монастыре во время богомолья. В ночь с 13 на 14 февраля Василия II привезли в Москву и ослепили, а затем сослали в заточение в Углич. Москва оказалась в руках князя Дмитрия Шемяки. Татарские отряды Касима и Якуба приняли непосредственное участие в междоусобной борьбе на стороне Василия II. После продолжительной борьбы Василий Васильевич с триумфом вошел в Москву, а Шемяка был вынужден бежать (С. 97).

В качестве достоинств книги следует отметить анализ позиции Казанского хана Махмуда, когда он, изменив самому себе, стал поддерживать Дмитрия Шемяку с целью недопущения усиления Москвы (С. 97). Представляет значительный интерес вывод исследователя о том, что уже в конце 1447 г. сыновья Казанского хана Улуг-Мухаммада — Махмуд, Касим и Якуб — оказались по разные стороны баррикад.

Украшают книгу и тщательно подобранные цветные иллюстрации видов города Касимова (мечеть, мавзолей хана Шах-Али, общий вид татарского кладбища и др.). В приложении представлены генеалогические связи между правителями Касимовского ханства (касимовская, крымская, большеордынская династии), хронология основных событий, словарь исторических терминов.

Некоторые концептуально-содержательные позиции автора вызывают вопросы. Трудно согласиться с утверждением автора о том, что «никакой принципиальной разницы между источниками и литературой... не существует» (С. 8), что мешера и мордва — языческие племена (С. 67). Требуется более глубокого осмысления и использование таких понятий, как «улус», «ханство», «юрт». В книге весьма удачно использованы и материалы татарских генеалогий. Но автор почему-то проигнорировал труды известного татарского генеалога Марсея Ахметзянова и марийского исследователя А. Г. Бахтина, автора монографии «Образование Казанского и Касимовского ханств».

Книга удачно структурирована в соответствии с внутренней логикой изложения темы, хотя и носит очерковый характер, но история Касимовского ханства здесь освещена с достаточной полнотой и представляет значительный интерес. Монография, посвященная памяти известного казанского историка Григория Наумовича Вульфсона, является достойным сочинением, продолжающим традиции казанской школы историков.

Файзулхак Ислаев

Книга доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Татьяны Таировой-Яковлевой вызвала немалый резонанс и на Украине, и в России. На Украине выход книги был встречен с восторгом. Об этом событии упомянули в выпуске новостей Первого Национального канала Украинского радио (дискать, наконец-то в России появилась правдивая книга о знаменитом гетмане). Целый ряд украинских деятелей, считающих себя историками, выступили с положительными отзывами. Несколько газет («Зеркало недели», «День», «Украина молодая» и др.) опубликовали интервью с автором. А тогдашний президент страны Виктор Ющенко даже наградил Таирову-Яковлеву орденом княгини Ольги III степени «за значительный личный вклад в исследование истории Украины и украинско-российских взаимоотношений, плодотворную научную деятельность». Все это, в общем-то, неудивительно. Иван Мазепа возведен ныне на Украине в ранг национального героя и любая хвалебная книга о нем (а Таирова-Яковлева написала именно такую книгу) там приветствуется. К тому же, в определенных украинских кругах автор сочинения известна давно. В свое время она стажировалась в центрах украинской диаспоры США и Канады. Затем защищала кандидатскую диссертацию в Киеве. Здесь же охотно публиковали ее рассуждения об Украине XVII в., объявив их научными работами.

Благожелательный прием встретила книга и в России. По словам самой Таировой-Яковлевой, «очень серьезную поддержку» она получила в Санкт-Петербургском университете. «Мазепу» одобрили «коллеги-специалисты» — В. Артамонов (этого «ведущего специалиста» Таирова-Яковлева упоминает в каждом интервью), Е. Анисимов, Ю. Беспятых, Б. Флоря. Владимир Путин (тогда президент России) дал сочинительнице именной грант «как молодому доктору наук». Ее ввели в российско-украинскую комиссию историков. Министерство иностранных дел России попросило автора-мазеповеда подготовить историческую справку о событиях 1708 года в Батурине (и «молодой доктор наук» выполнила просьбу внешнеполитического ведомства). Книгу об украинском гетмане признали солидным научным трудом. Кое-кто из подвизающихся на ученом поприще (например, тот же В. Артамонов) в своих работах уже ссылается на нее, как на авторитетный источник информации.

Одним словом, успех книги и ее автора в России был значительным. И это по меньшей мере странно. Ибо вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) книга получилась замечательной сама по себе. Правда, замечательна она одним: вопиющим невежеством автора.

Первое, что поражает при чтении сего сочинения — это огромное, непростительное для обладателя ученой степени, количество ошибок. Так, гетман Правобережной Украины Михаил Ханенко «переименован» в Ивана¹. Киево-Могилянская коллегия применительно к XVII в. упорно называется Академией (каковой она стала лишь в 1701) и объявляется «первым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (10) (было ли то заведение высшим — вопрос спорный, но в любом случае университеты в Вильно и Дерпте основаны раньше). «Вторым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (142) назван Черниговский коллегийум, основанный в 1700 г., хотя, известно что Эллино-Греческая (позднее — Славяно-греко-латинская) академия в Москве существует с 1687 г. Русское государство времен Мазепы неоднократно именуется «Российской империей» (каковой Россия была провозглашена в 1721 г., после присоединения Прибалтики). Сообщается, что по условиям Карловицкого мирного договора (1699) Турция сохраняла за собой Подолье (122) (в действительности, турки уступали эту область Польше).

Рассказывая о взятии Семеном Палием Белой Церкви, автор книги заявляет: «После этого польская власть на Волыни была ликвидирована» (155). Однако Белая Церковь находится не на Волыни, значительная часть территории которой вообще не была охвачена восстанием Палия и, следовательно, польская власть там не ликвидировалась.

Взятие в 1695 г. малороссийскими (ими командовал Мазепа) и великороссийскими войсками татарской крепости Кизикирмен объявляется грандиозным событием мирового значения: «Победа имела огромный резонанс во всей Европе. Со времен Вены подобного удара туркам не наносили» (115). Между тем, «ученой» даме, состоящей в Санкт-Петербургском университете при кафедре истории славянских и балканских стран можно бы было знать (ну, хотя бы, в энциклопедии посмотреть), что в период с 1683 г. (разгром турецкой армии под Веной) и до 1695 г. произошло отвоевание у турок австрийцами восточной Венгрии, Славонии, Баната, взятие Буды, Белграда, захват венецианцами ряда важных крепостей в Далмации, отвоевание ими Морей. Все эти нанесенные Османской империи удары, были куда более серьезными, чем взятие Кизикирменского городка.

1. Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007 (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1041). С. 24. Далее страницы указываются в тексте в скобках.

Касаясь истории Церкви, Таирова-Яковлева отмечает, что после смерти Иова Борецкого казаки возвели «на должность митрополита» Петра Могилу (10), в то время как киевским митрополитом в действительности стал Исая Копинский. Петр Могила занял кафедру митрополита уже после него. И возводили церковных иерархов «на должность» не казаки.

Много в «Мазепе» заурядной путаницы. К примеру, на одной странице Иван Искра (соратник Кочубея) именуется внуком известного казацкого вождя Якова Остряницы (101), а на другой — его правнуком (34) (правилен первый вариант). В одном месте книги утверждается, что генеральный писарь контролировал всю переписку гетмана (140), а в другом — что гетман мог переписываться «и без ведома генерального писаря» (47). На одной и той же странице сначала сообщается, что Мазепа перешел к шведам «без всякого предварительного соглашения», а потом (в следующем абзаце), что «перед лицом наступления шведов Мазепа заключил с ними соглашение и тем самым пытался спасти Украину от разорения (как русскими, так и шведскими войсками)» (219). Утверждается, что Василия Кочубея гетман в первые годы правления «считал доверенным человеком, делился с ним своими переживаниями» (105), затем же сообщается, что Кочубею он «не верил никогда, с самых первых дней своего гетманства» (200).

Последнее утверждение вызывает сомнение еще и потому, что опирается тут «ученая» дама на письмо Мазепы к Меньшикову, где будто бы есть подтверждающие данный тезис высказывания («Кочубей исконный мой есть враг, который от начала моего хлопотливого гетманства всегда был мне противный» и т. д.). Исходя из этого Таирова-Яковлева считает «совершенно невероятным», чтобы гетман мог доверить Кочубею свои тайные планы. Однако упомянутое письмо к Меньшикову было написано Мазепой в марте 1708 г., как раз когда гетман узнал о донесении Кочубея и отношение его к «предателю» резко ухудшилось.

Кстати, с Василием Кочубеем связаны еще несколько «проколов» Таировой-Яковлевой. К этому деятелю она испытывает явную антипатию, объявляя его «туповатым» (165), с «местечковой ограниченностью взглядов» (208). С другой стороны, тот же Кочубей, по уверению сочинительницы, играл «ключевую роль» (50) в свержении Самойловича, тайно поддерживал мятеж Петрика (105). Резонно спросить: мог ли туповатый и ограниченный человек руководить успешным заговором, в течении многих лет ловко плести интриги? Однако ставить такой вопрос излишне, ибо и «туповатость» Кочубея, и его «ключевая роль» в интригах и заговорах — плод авторского вымысла.

Еще один пример необедительности «ученой» дамы — ее комментарий к содержащемуся в донесении Кочубея известию о том, что Мазепа планировал убить Петра I, заманив его в Батурин.

«Представить, что верующий православный, стремившийся до последнего сохранять союз с Россией (это все о Мазепе! — Авт.) и отступить от него лишь в крайнем случае, когда обоснованность этого поступка будет очевидна для Европы, станет покушаться на подлое убийство — более чем невероятно» (207–208), — заявляет Таирова-Яковлева. И она же именует Мазепу «талантливым последователем Макиавелли» (200), даже одну из глав своего сочинения называет «Ученик Макиавелли»². Между тем, Макиавелли как раз и известен тем, что считал вполне допустимым для достижения политических целей любые средства, самые преступные и аморальные, включая подлое убийство. Создается впечатление, что часто упоминающая итальянского мыслителя, объявляющая Мазепу его учеником и вместе с тем глубоко верующим православным человеком, сочинительница просто не понимает, о чем пишет.

Впечатление такое создается не только в отношении Макиавелли. Скажем, Таирова-Яковлева уверяет, что по одному и тому же русско-польскому договору о «вечном мире» (1686) «Подолье попало под власть Турции», все договоры с турками аннулировались и Москва вступала в антитурецкую Священную лигу (47). Автор даже не задумывается, как Подолье могло попасть под власть Турции по договору, в котором Турция участия не принимала и который, к тому же, носил антитурецкую направленность. На самом деле, эта область вошла в состав Османской империи по польско-турецкому договору 1672 г., а в 1686 г. Польша пыталась вернуть ее с помощью России.

Это ошибки в деталях. Есть и более серьезные. Неправомерно, например, трактовать переход Мазепы к шведам как «русско-украинский конфликт» (238). Ведь известно, что Украина не поддержала гетмана-перебежчика. Вместе с великорусами, украинцы (малорусы) отражали шведское нашествие. Имя же Мазепы в сознании малорусского народа надолго стало синонимом предательства.

Точно также несправедливо утверждать, будто крепостное право на Украине «ввели только в конце XVIII в. при Екатерине II», а при гетманах его «не существовало» (130). Крепостнические порядки старательно устанавливались именно гетманами (Мазепой особенно) и другими представителями казацкой старшины. Екатерина II в 1783 г. официально оформила положение, которое уже было в реальности.

2. Не исключено, что это название Таирова-Яковлева позаимствовала у считающего себя историком русофобствующего украинского публициста С. Павленко, одна из главок сочинения которого «Міф про Мазепу» (Чернигов, 1998) называется также. На это может указывать и то, что данную книгу Павленко она не включила в список использованной литературы, несмотря на то, что в более ранних своих работах ссылалась на нее. Хотя, возможно, тут имеет место всего лишь параллелизм мыслей двух равных по уровню знаний и политическим предпочтениям авторов.

Вряд ли правомерно проводить «прямую параллель» (186) между вынужденным разрывом польским королем Августом II антишведского союза с Россией и предательством Мазепы. Август II был главой суверенной страны, а Мазепа — царским подданным, руководителем одного из регионов Русского государства.

И уж, конечно, не имеет ничего общего с исторической правдой давно опровергнутый миф о «Батуриной резне», который Таирова-Яковлева тужится распространять, демонстрируя, как обычно, собственную неосведомленность. Например, она сообщает о неудачных попытках Меньшикова «взять хорошо укрепленный город штурмом» (222). На самом деле город был укреплен плохо и взяли его с первой попытки. Видимо, столь усердно бичующая Кочубея «ученая» дама недостаточно внимательно читала его «донос», где сообщалось и о состоянии гетманской столицы: «Батурин 20 лет стоит без починки и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися; взглядом того и одного дня неприятельского наступления отсидеться невозможно»³.

Говорит Таирова-Яковлева и об уничтожении российскими войсками «всего гражданского населения» (223): «Погибло тогда около 15 тысяч украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и согласно царскому указу сожжены» (Там же).

Между тем, никакой резни в Батурине не было. Был штурм Батуриного замка, бой с частью его гарнизона (только с частью — другая часть не поддержала изменников). Разумеется, во время штурма могли быть (вероятно и были) жертвы среди мирных жителей, оказавшихся в эпицентре сражения. Но случайную гибель некоторого (точно не установленного) количества людей неправомерно называть резней, целенаправленным уничтожением «всего гражданского населения». Выдумку про «резню» сочинил еще сам Мазепа. Вместе с другими выдумками она содержалась в универсале, рассылавшемся гетманом-изменником по Малороссии с пропагандистской целью. Но уже преемником Мазепы — новым гетманом Иваном Скоропадским ложь была опровергнута (универсал от 8 декабря 1708): «Що о женах и детях, о гвалтованю панен и о ином, що написано во изменничом универсале, то самая есть неправда, гды ж не тылко тые не имеючие в руках оружия, але большая часть з сердюков и з городовых войсковых людей, в Батурине бывших, на по том пощажены и свободно в дома, по указу Царского Пресветлого Величества, от князя, Его Милости, Меньшикова, отпушены»⁴.

3. Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Киев, 1893. С. 256.

4. Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским. Ч. II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете. 1859. Кн. 1. С. 204–205.

Вряд ли можно для доказательства резни сослаться и на «временные исследования археологов». Несколько десятков (а не 15 тысяч!) скелетов, найденных на месте раскопок в Батуристине, были объявлены в современной Украине «жертвами московского геноцида» совершенно голословно, из политических соображений. «Ученой» даме, живоописующей «трагедию», очевидно, неизвестно об универсале Ивана Скоропадского от 22 декабря 1708 г., выданном батуринскому атаману Данилу Харевскому. Тот универсал разрешал жителям Батурина (тем самым, кого якобы вырезали!) вновь селиться на старых местах⁵. Опись города, произведенная в 1726 г. зафиксировала наличие 428 дворов жителей посполитого звания и 104 двора казаков⁶, большинство из которых жили в Батуристине еще во времена Мазепы и, вернувшись после разорения города, «поселились в старых домах на своих местах»⁷. Как видим, и дома были сожжены не все. Но Таирова-Яковлева ничего об этом не знает. Можно только представить, какую «историческую справку» подготовила она для российского МИД.

Не блещет сочинительница информированностью и при описании жизнедеятельности главного героя повествования. Например, крайне неумело пытается она опровергнуть рассказ польского шляхтича Яна Пасека о получившем широкую огласку финале романа Мазепы с замужней шляхтянкой: оскорбленный муж Мазепиной возлюбленной приказал слугам привязать голого ловеласа к дикому коню и отправить в степь. Уцелел тогда будущий гетман чудом.

Таирова-Яковлева объявила эту историю неправдой, а самого рассказчика обвинила в клевете: «Пасек в своем произведении заявляет, что Мазепа „от стыда“ поехал вон из Польши и что якобы не знает, что с ним дальше стало. Это явная ложь, так как в 90-е годы XVII века, когда Пасек писал свой «Памятник», о Мазепе, тогда уже гетмане Украины, знали в Речи Посполитой все» (19).

«Знали все» — конечно же, преувеличение, но дело в другом. Свой «Памятник» (мемуары) Пасек писал не в 90-х годах XVII века, а между 1670–1690 гг. (точная датировка неизвестна)⁸, т. е., скорее всего, до того, как в 1687 г. Мазепа стал гетманом и получил, по мнению «ученой» дамы, всепольскую известность.

Столь же несостоятельно другое, приводимое Таировой-Яковлевой, «опровержение» того же эпизода — с помощью факта женитьбы Мазепы в 1668 г. на родной сестре супруги гетмана Правобе-

режной Украины Петра Дорошенко. «Это лишний раз доказывает, что на прошлом Мазепы не было никакого „пятна позора“ в стиле рассказней Пасека — можно не сомневаться, что в противном случае ему бы не позволили породниться с казацкой элитой Правобе-режья» (21) — пишет сочинительница.

Однако обиды, понесенные от шляхты, вовсе не считались бесчестием в казацкой среде. Наоборот, такой «несправедливо пострадавший» мог рассчитывать на сочувствие, тем более, если он сам оскорбил шляхтича, наставив тому «рога». Процитированный пассаж из сочинения Таировой-Яковлевой доказывает всего лишь, что она не вполне знакома с нравами эпохи, о которой взялась рассказывать.

Об этом же свидетельствуют рассуждения автора о нашумевшем романе старого гетмана с Мотрей. Сообщив, что Василий Кочубей и его жена обвиняли Мазепу в совращении (и даже изнасиловании) девушки, «ученая» дама заявляет: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что... Кочубеи переживали за „опороченную честь дочери“ (какая же она опороченная, если гетман предлагал на ней жениться)» (201). Между тем, еще и в наше время во многих семьях добрая утрата девушкой невинности считается позором. В начале же XVIII в. такие взгляды были всеобщими.

Касаясь доноса (причем, скорее всего, доноса ложного), сделанного в Москве Мазепой (еще не гетманом) на кошевого Ивана Сирко, Таирова-Яковлева оправдывает главного героя книги, поясняя, что Мазепа в данном случае мстил запорожцу и «основания у него для этого, как мы увидим ниже, имелись» (26). А ниже «ученая» дама повествует о том, как Мазепа по приказанию Петра Дорошенко вез под охраной татар подарок крымскому хану — 15 пленных казаков, предназначенных для обращения в рабство.

Караван перехватили запорожцы. Татар перебили, пленных освободили. Мазепа, осознав бесполезность сопротивления (нападавших было намного больше) предпочел сдаться сразу. «Запорожцы, услышав показания освобожденных ими казаков и прочитав бывшие с Мазепой письма, тут же хотели его „расстерзать и убить“. Но сделать этого не дали Сирко и другие «товарищи» (то есть заслуженные казаки)» (27).

Иными словами, кошевой спас Ивану Мазепе жизнь. И позднее, отправляя своего пленника к гетману Ивану Самойловичу (тот настойчиво требовал доставить схваченного посланца Дорошенко к себе), Сирко в сопроводительном письме просил о снисхождении к Мазепе: «Зело и покорно велможности твоей прошение свое приносим о Иване Мазепе... твоя милость, яко отец милосердый, покажи милость свою, чтоб он в неволе не был». «Могу с уверенностью сказать, что никогда, ни до этого, ни после, Сирко так ни за кого не просил» (29) — комментирует письмо Таирова-Яковлева.

5. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 921.

6. Лазаревский А. М. Исторический очерк Батурина (1625–1760 гг.) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 6. Киев, 1892. С. 113–114.

7. Там же. С. 113.

8. Мацьків Т. Иван Мазепа в західноєвропейських джерелах. 1687–1709. Киев; Полтава, 1995. С. 174.

Сведения, сообщенные пленным Мазепой Самойловичу и царскому воеводе Григорию Ромадановскому, показались им интересными. Мазепу отправили в Москву, где он, выражаясь словами Таировой-Яковлевой, «не приминул насолить запорожцам и их атаману» (30), изобразив Сирко изменником, действующим в интересах турецкого султана.

«Где же основания для мести?» — вправе спросить читатель. Их нет. Есть черная неблагодарность по отношению к человеку, спасшему ему жизнь. И есть очень уж оригинальная (назовем это так) трактовка «ученой» дамой норм морали.

Не менее «оригинальна» Таирова-Яковлева и в комментировании самого момента захвата Мазепы в плен: «Сопротивляться большому отряду запорожцев, равно как и пытаться бежать от них — означало верную смерть. Но и остаться, и добровольно отдать себя им в руки можно было, только не потеряв присутствия духа. Впрочем, надо признать — Мазепа умел быть храбрым, встречать опасность с холодной головой и с достоинством смотреть в лицо смерти» (27).

Желание Мазепы избежать смерти вполне понятно. Но логично ли сдачу в плен без боя, капитуляцию, обусловленную исключительно желанием сохранить себе жизнь, именовать храбростью?

Из таких вот «оригинальных» суждений в значительной мере и состоит книга «Мазепа». Пообещав в предисловии создать «объективный портрет» гетмана, предоставить читателю «выверенные факты», выйти за рамки черно-белых оценок, использовать «всю палитру красок» (6), Таирова-Яковлева применяет только одну краску — белую, подменяя выверенные факты набором собственных домыслов. В результате, ее книга представляет собой не биографию исторического деятеля, а некое житие святого (хотя до святости там очень далеко). Какие бы подлости не совершал Мазепа, кого бы ни предавал, как бы не торговал Украиной — для Таировой-Яковлевой он все равно остается патриотом, честным человеком, глубоко верующим христианином, даже спасителем страны. «Разве мог другой человек вырвать Украину из хаоса Руины? — восклицает „ученая“ дама, в очередной раз перечислив достоинства своего кумира. — История отвечает однозначно: сделать это смог только Мазепа» (22). (Следует напомнить, что эпоха Руины — кровавой междоусобицы — закончилась при Иване Самойловиче, т. е. до прихода гетмана Мазепы к власти).

Некоторые ошибки автора довольно курьезны. Так город Лебедин она называет «Леблядином» (228). Сообщает о письме, которое привез от княгини Дольской Мазепе «некий Волошин» (195). (Очевидно, доктор исторических наук думает, что «волошин» — это фамилия и пишет слово с большой буквы, хотя в действительности, так раньше называли выходцев из Валахии). Нельзя без улыбки читать и описание Таировой-Яковлевой бегства мазепинцев после

Полтавской битвы: «На Днепре разыгрывалась настоящая трагедия. Украинцы бежали со всем своим скарбом. 30 возов с серебром и деньгами Орлика погибли при переправе. Его жена „в одном платье“ с детьми сумела захватить только шкатулку с драгоценностями и тысячей червонцев. Орлик — поэт, панегирист и образец учености своего времени — метался в отчаянии и обещал казакам 300 талеров за переправу его возов» (232). Характерно, что «трагедией» сочинительница называет не гибель людей, не ужасы переправы перед лицом наступающего противника, даже не военную катастрофу еще недавно непобедимой армии, а утрату «поэтом»⁹ Орликом награбленного имущества.

Наверное, нет нужды перечислять все огрехи книги. Чтобы привести их полный перечень с необходимыми в таком случае опровержениями, потребовалось бы писать труд не меньший по объему, чем сочинение самой «ученой» дамы. А потому, в дополнение к вышесказанному, стоит ограничиться еще раз тем, что указанием на склонность Таировой-Яковлевой к фантазированию. Тут надо отдать ей должное: воображение у сочинительницы развито превосходно. Только функционирует оно в ущерб достоверной истории.

Вот автор книги ведет рассказ о церковной анафеме Мазепе, провозглашенной митрополитом Стефаном Яворским (малорусом по происхождению). «Очень интересно узнать, какие истинные чувства владели Яворским» (225) — пишет «ученая» дама и начинает строить предположения о тайном сочувствии архиерея гетману, которого он анафемствовал якобы лишь из опасения самому подвергнуться репрессиям. Историки, конечно, знают, что свои истинные чувства Стефан Яворский выразил в собственноручно (и добровольно, по побуждению души) написанном стихотворении, где Мазепа назван Иудой, вторым Каином, вторым Иродом, сатаниным сыном и т. п.¹⁰ Но что до того Таировой-Яковлевой?

Примерно такую же степень правдивости имеет утверждение сочинительницы о скрытых симпатиях к Ивану Мазепе его преемника Ивана Скоропадского: «В своих универсалах он (Скоропадский — Авт.) именовал Мазепу не иначе как „бывший гетман“ или „мой антецессор“, но никогда „изменником“, как того требовали российские власти» (225). Между тем, универсалы те опубликованы. Изменником в них Иван Степанович называется много-

9. «Поэтическое» наследие Ф. Орлика состоит из нескольких откровенно подхалимских панегириков власти имущим.

10. Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1847. Кн. 9 (13). С. 54.

кратно (а еще: *супостатом, богоотступником, згубцею* и т. п.)¹¹. Очевидно, что указанные документы Таирова-Яковлева не читала, а просто напридумывала то, что лучше соответствует концепции жития.

Ну а самым курьезным в книге является приписывание автором своему герою роли «серого кардинала» в свержении в 1689 г. правительницы Софьи. Как провинциальный деятель, только изредка наезжавший в столицу, вообще мог играть такую роль — загадка для всех, но не для «ученой» дамы. Целиком находясь в плену собственных фантазий, не без гордости сообщает она, что ранее «никто из историков не задавался этими вопросами» (248). А далее живописует, как фаворит Софьи князь Василий Голицын, считая Мазепу союзником, планировал двинуть на Москву армию украинских казаков, как обхаживала Ивана Степановича сама правительница и как гетман, давно связанный с партией царя Петра, встал на сторону юного монарха.

Изрекая такие «откровения», доказательств сочинительница, естественно, не приводит. Кроме, разве что, одного: за десять лет до описываемых событий Мазепа вел «долгие, смелые и откровенные разговоры» с думным дьяком Ларионом Лопухиным, тем самым, что «был отцом Евдокии, жены Петра». И «нет оснований полагать, что эти контакты впоследствии прекратились» (79). Достаточно ли для столь фантастического предположения одного факта беседы десятилетней давности (когда в Кремле сидел другой царь, Софья не являлась правительницей, Мазепа — гетманом, а Евдокия Лопухина женой Петра) — вопрос, по-видимому, риторический. К тому же «нет оснований полагать» — это не аргумент, ибо точно также нет оснований полагать, что те контакты продолжались (во всяком случае «ученая» дама ни одного такого факта не приводит).

Если бы Таирова-Яковлева писала художественные произведения, то, возможно, смогла бы затмить самого Валентина Пикуля (тоже весьма посредственно знавшего историю, что не мешало ему строчить «исторические» романы один за другим). Однако она считает себя ученой, сочинения свои отдает в солидные издательства и, увы, там их иногда печатают. Остается надеяться, что появления сей дамы в когорте авторов ЖЗЛ — досадное недоразумение.

Вопрос этот немаловажен. Ибо сочинительница останавливаясь на достигнутом не собирается. Своими творческими планами она поделилась в упомянутых интервью украинским газетам, где сообщила, что будет писать (может, написала уже?) еще одну книгу о Мазепе. И снова продемонстрировала свой уровень владе-

11. Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 1. С. 197–205.

ния темой: «В новой книге напишу и обязательно приведу много интересных фактов о том, как этот украинский гетман вообще-то на протяжении двух десятилетий своего правления вместе с московскими руководителями очень успешно создавал Российскую империю. В том числе и с помощью оружия. Вспомним хотя бы победные Азовские походы, которые ни до Мазепы, ни после него никто не смог повторить».¹² Или (в другом интервью): «Участие именно И. Мазепы, его опыт, знания, советы имели очень большое значение для успехов русского и украинского оружия во время Азовских походов».¹³

Если учесть при этом, что Мазепа в Азовских походах участия не принимал (кстати, победным был только второй из них), то несложно догадаться, какой книгой планирует очастливить публику профессор Санкт-Петербургского университета.

В заключение — еще одно замечание. Доктору исторических наук, мнящему себя специалистом по истории Украины, следовало бы знать, что орган власти, возглавлявшийся Михаилом Грушевским назывался Центральной, а не Генеральной Радой (258). О Грушевском сочинительница вспоминает, как об одном из авторов, писавших о мазепинской эпохе. И сильно гневается на него, а также на Николая Костомарова, за негативные отзывы о ее герое. Справедливости ради нужно признать, что и Костомарова, и (тем более) Грушевского критиковать есть за что. Вот только не Таировой-Яковлевой упрекать их в «поверхностном» изучении биографии гетмана (5). Ибо ее произведение о Мазепе получилось не просто поверхностным. Оно получилось скандально слабым, даже позорным.

И последнее. Книгу «Мазепа» нельзя подвести под русскую поговорку «Первый блин комом». Ком, увы, не первый. На Украине еще в 1998 и 2003 гг. издали на украинском языке две книги Т. Г. Яковлевой (тогда еще не Таировой)¹⁴. Обе они также переполнены элементарными ошибками. Чего стоит, например, рассуждение автора о Молдавии середины XVII века, как о «независимом государстве»¹⁵ (!).

На первую из этих книг появилась рецензия в малотиражном украинском журнале¹⁶. Рецензент добросовестно перечислил многие недостатки сочинения, точь-в-точь такие же, какие повтори-

12. Україна молода. № 215. 14.11.2008.

13. Дзеркало тижня. № 40. 25–31.10.2008.

14. Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Київ, 1998; Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.

15. Яковлева Т. Гетьманщина. С. 56.

16. Горобець В. Немає пророка у своїй Вітчизні. А в чужій? (Історія української Руїни в інтерпретації російської дослідниці) // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 2. С. 46–65.

лись потом в «Мазепе». Тут и отсутствие концептуальной стройности и логичности изложения, и крайне субъективные, предвзятые оценки исторических персонажей, и грубые ошибки, путаница, игнорирование (а то и незнание) фактов, неписывающихся в построенную автором концепцию, слишком уж вольная трактовка исторических источников и т. д. Правда, поскольку в современной Украине (как когда-то в тоталитарном СССР) главным достоинством книг по истории считается не научность их, а идеологическая направленность (с этим, с точки зрения адептов «украинской национальной идеи», у российской «ученой» дамы все в порядке), то сие сочинение автор рецензии все же одобрил. При этом он выразил сожаление, что книга «увидела свет только в Украине, и таким образом российскому читателю неизвестна»¹⁷.

К данному сожалению вполне можно присоединиться. Если бы первая книга Таировой-Яковлевой стала известна в России раньше, то, может быть, никому в издательстве «Молодая гвардия» не пришлось бы в голову привлекать к сотрудничеству такую «специалистку», а ее коллеги не поторопились бы с одобрением безграмотного сочинения.

Александр Каревин

17. Там же. С. 65.

Если бы так случилось, что талантливый кавалерийский генерал, герой наполеоновских войн Александр Христофорович Бенкендорф умер в 1820 г. (или чуть раньше), то, бесспорно, он стал бы одним из ярких положительных героев российской истории, а его славная военная биография послужила бы предметом заинтересованного изучения не одного российского историка. Но события разворачивались по несколько иному сценарию. Весной 1821 г. генерал-адъютант Бенкендорф, в то время начальник штаба Гвардейского корпуса, передал императору Александру I записку с подробным поименным перечнем лиц, входивших в состав тайных антиправительственных обществ. Через несколько лет тот же генерал-адъютант Бенкендорф был поставлен во главе «высшей» полиции Российской империи. Этим он прочно заслужил себе звание «гонителя свободы» и «крепостника», специальное внимание к биографии которого казалось долгие годы «неоправданным», прежде всего, с этической точки зрения. В итоге вполне закономерно образовался определенный историографический вакуум: любой исследователь русской истории XIX века слышал о военных и амурных подвигах молодого Бенкендорфа, но писать о них не решался. Не изучалась специально и деятельность Александра Христофоровича в качестве главного начальника III Отделения и шефа жандармов. В последние 20 лет этот пробел заполнился множеством чуть более или чуть менее серьезных публикаций, но для полноценной биографии не хватало источникового «каркаса».

Такой «каркас», в лице хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации подробнейших собственноручных записок графа Бенкендорфа (более 600 листов текста посвящены только периоду от рождения до 1825 г.), был использован московским историком Д. И. Олейниковым¹. Его книга о первом шефе жандармов, вышедшая в серии «ЖЗЛ», делится на две части, границей между которыми служит восшествие на престол императора Николая I.

Первая часть книги (главы 1–2) представляет собой увлекательный рассказ, «о том, как жил, воевал, путешествовал, любил граф

1. Даже в последние годы исследователи в большинстве своем проходили мимо этого интереснейшего источника, вероятно, по той простой причине, что он написан по-французски. В настоящее время записки готовятся к печати.

Бенкендорф» (слова из аннотации), написанный легко, местами изящно. Вместе с главным героем читатель путешествует на страницах книги по просторам России и Европы: оказывается в Сибири в экспедиции шведского генерала-авантюриста Г.-М. Спрентпортена, воюет в Грузии при знаменитом князе П. Д. Цицианове, едет в Париж в составе русского посольства, первым входит в оставленную наполеоновскими войсками Москву... Особо удались автору самые яркие сюжеты — история с похищением французской оперной певицы мадемуазель Жорж в 1808 г., освобождение Голландии в 1813 г., петербургское наводнение 1824 г. Они читаются с большим интересом, как интересной и насыщенной была сама жизнь главного героя книги. Фактически перед нами готовый сценарий для красочного приключенческого фильма.

Первая часть работы, кажется, лишена существенных фактических ошибок, хотя на некоторые можно обратить внимание. Так, автор уверенно заявляет, что Александр Христофорович родился в 1782 г., хотя прямых доказательств этому не представлено. Тем более что с годом рождения его старшей сестры также заметна путаница — сначала 1784 г. (с. 11), затем — 1785 (с. 14). Вызывает удивление подпись к иллюстрации с родовым гербом дворян Бенкендорфов, утверждающая, что это графский герб.

В глаза бросается другая особенность книги: в своем легком и непринужденном повествовании автор не делает остановок для обобщений и выводов — они просто не предусмотрены. Забегая вперед, заметим, что в книге отсутствует заключение. Исследование Д. И. Олейникова составлено из множества более или менее увлекательных или поучительных историй, выстроенных в хронологическом порядке. Кажется, автор понимает «историю» в одной из ранних трактовок этого термина — как собрание нравоучительных рассказов и анекдотов. Большинство из них прямо или опосредованно связаны с личностью А. Х. Бенкендорфа, но некоторые, кажется, ничего не добавляют к пониманию его биографии — к примеру, информация, что во французском городе Монбельяре сейчас производят автомобили «Пежо» (с. 8) или история с дуэлью младшего брата Бенкендорфа — Константина (с. 117). Если каждая история в отдельности восстановлена почти досконально, то задача показать общий проблемный контекст автором не ставится — не случайно им почти не задействована серьезная историография последних лет.

Но сказать, что между различными сюжетами первых двух глав нет связующей нити, было бы большим преувеличением — ею служит мысль, с которой трудно не согласиться: Александр Христофорович был честным, храбрым и исполнительным боевым генералом, человеком неглупым и жизнелюбивым. Каждый отдельный рассказ служит тому более или менее убедительным доказательством. Дополнительную «монологичность» изложению придает ис-

пользование мемуаров главного героя в качестве главного и местами единственного источника, что, однако, одновременно лишает повествование важных оттенков, в том числе психологических, добавить которые могли бы другие источники личного происхождения (в частности, фрагментарно использованная в книге переписка с М. С. Воронцовым). Возьмем, к примеру, период жизни Бенкендорфа после его возвращения из Франции в 1808 г. По Д. И. Олейникову — это время очередных карьерных достижений Александра Христофоровича... А переписка рисует образ человека, неуверенного в себе, не находящего себе места в жизни — мечущегося между военной, придворной и дипломатической службой. Хотя в первой части книги автор исследования в целом бережно обходится с фактами, порой он позволяет себе закрывать глаза на те из них, которые в определенной мере не согласуются с «идеальным» образом героя. Так, не понятно, почему в изложении опущен важный эпизод конфликта Бенкендорфа с генералом от инфантерии П. И. Багратионом, который Александр Христофорович сам же излагает на страницах своих записок².

И вот читатель подходит к переломному моменту в биографии главного героя — восшествию на престол Николая I. Легкое недоумение вызывает уже тот факт, что основная часть книги осталась позади. Но впереди должно быть самое интересное. Ведь хорошо известно, что ближайшее николаевское окружение в подавляющем большинстве составляли люди, имевшие немалый боевой опыт, и, как у Бенкендорфа, их биографии до 1825 г. нередко читаются как увлекательный приключенческий роман. Вот несколько имен навскидку — Александр Иванович Чернышев, Михаил Семенович Воронцов, Павел Дмитриевич Киселев... Но подлинный масштаб личности этих людей раскрылся именно в николаевскую эпоху, когда из талантливых военачальников они стали государственными деятелями. И пример Бенкендорфа в этом ряду, пожалуй, самый яркий — его взлет на политический Олимп был наиболее стремительным, всего за несколько месяцев он сменил командование дивизией на неформальный статус одного из ближайших советников императора.

Увы, в книге Д. И. Олейникова этого перехода заметить невозможно. Третья и четвертая главы книги состоят из таких же разрозненных «поучительных» историй — суд над декабристами, создание III Отделения, путешествия с императором по России и Европе и, под конец, рассказ об эстляндском имении Бенкендорфа. Из отдельных, не связанных друг с другом историй, сложена и глава о взаимодействии тайной полиции и литературного мира. Но описания с неизбежностью становятся банальнее: если первая часть книги основана на архивном материале и многие сю-

2. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1353. Л. 164.

жеты изложены впервые, то биографическая канва жизни Александра Христофоровича после 1825 г., во-первых, хорошо известна (хотя бы из опубликованных его записок), а, во-вторых, почти не изобилует яркими авантюрного характера историями. Александр Христофорович сидел в своем кабинете и работал, работал много, над действительно важными, подчас государственного масштаба вопросами, не только во главе III Отделения, Корпуса жандармов и Императорской главной квартиры, но также в составе целого ряда секретных комитетов, в Сенате и Государственном совете. Но вся эта деятельность осталась вне внимания биографа. А архивных материалов, без которых показать ее невозможно, Д. И. Олейников почти не привлекает (единственное, пожалуй, исключение, — переписка шефа жандармов с М. М. Сперанским). Почти не использована в работе и новейшая историография внутренней политики Николая I (а здесь были бы не лишними исследования не только по истории тайной полиции, но и, к примеру, по истории народного просвещения, крестьянского вопроса, развития вооруженных сил).

В итоге вместо исследования правительственной политики автор посвящает вторую часть книги разоблачению укоренившихся в историографии и общественном сознании мифов: доказывает, что III Отделение занималось не только и даже не в первую очередь делами по политическим преступлениям, что знаменитая история о «проваливающемся кресле» — не более чем легенда, а Бенкендорф вовсе не повинен в гибели А. С. Пушкина и А. А. Дельвига (в книге, почему-то, названного А. И. Дельвигом). Впрочем, все эти факты в литературе уже были изложены. Конечно, полностью отрешиться от анализа государственной деятельности Александра Христофоровича его биографу было бы проблематично, и в книге встречаются отдельные важные рассуждения на этот счет. К примеру, интересны наблюдения автора об отношении шефа жандармов к фигуре М. Л. Магницкого. Важно и другое замечание историка: популярность мифа о всевластии III Отделения покоилась, среди прочего, на «келейной» системе принятия важнейших политических решений, которая оставляла общество в неведении относительно планов правительства.

Но суждения и выводы исследователя не всегда носят основательный характер. Так, попытка написать историю III Отделения в качестве учреждения помощи бедным и притесненным выглядит неперспективной — историк в данном случае сам подхватывает очередной миф, созданный, на сей раз, властью. Не вполне корректно сравнение роли шефа жандармов и министра народного просвещения С. С. Уварова в литературном процессе 1830-х гг. на единственном примере их участия в судьбе Н. А. Полевого (с. 294). Непонятно, на каком основании Д. И. Олейников приходит к следующему заключению: «Со временем Бенкендорфу стало

понятно, что создать идеальную „когорту доброммыслящих“ не удалось» (с. 288).

К сожалению, вторая часть книги, не в пример первой, грешит отдельными ошибками и неточностями. Так, по мнению Д. И. Олейникова, после восстания 1830–1831 гг. Царство Польское «превратилось в имперское генерал-губернаторство» (с. 325). Ссылаясь на исследование С. И. Петина об императорском конвое, Д. И. Олейников утверждает, что служить в конвое было «необыкновенно престижно, поэтому преданность кавказцев государю была абсолютной» (с. 314). Однако в той же книге Петина целый раздел посвящен случаям побега горцев и участию в войне с русскими войсками на Кавказе. Не вполне ясно, на основе каких данных автор приходит к заключению, что «если свое ближайшее окружение Бенкендорф подбирает сам, то личный состав жандармских округов зависел от него в гораздо меньшей степени» (с. 287). Напротив, подбору офицеров для занятия штаб-офицерских должностей в губерниях уделялось самое пристальное внимание. Трудно понять, что имеет в виду автор, утверждая, что в ходе создания Корпуса жандармов «в Санкт-Петербург, Москву, Киев и Финляндию были назначены специальные офицеры» (с. 267). Далеко не случайно большинство таких неточностей связано с описанием деятельности III Отделения и Корпуса жандармов, которые оказались в книге на периферии исследовательского интереса.

Выдерживая общую линию, Д. И. Олейников настаивает, что храбрый генерал Бенкендорф стал добрым, честным, хотя и слегка забывчивым начальником тайного сыска. Возможно, так оно и было, но все это имеет весьма опосредованное отношение к политической истории николаевского царствования.

Тем более, что сама концепция «рыцаря без страха и упрека» оказывается очень шаткой по той простой причине, что для начальника политической полиции (и, тем более, крупного государственного деятеля) «добросердечие» не может быть главным и единственным свойством личности. Поэтому, заверяя читателей, что цель исследования — «не переиначить миф с черного на белый, а собрать воедино факты и свидетельства, дающие более или менее прочные основания для суждений и выводов» (с. 365) — автор биографии слегка лукавит. Особенно наглядно это видно на примере описания следствия и суда над декабристами, на котором в этой связи можно остановиться чуть подробнее. Ссылаясь на мемуарные источники, Д. И. Олейников, в духе официального отчета М. А. Корфа, упорно доказывает, что следствие велось честно и открыто, а узники содержались в идеальных условиях и снабжались в тюрьме всем необходимым. Но любой знаток движения декабристов прекрасно знает, что на основе тех же мемуарных данных можно без особого труда нарисовать совершенно противоположную картину, и вовсе не один только Д. И. Завалишин, как заверя-

ет Д. И. Олейников, оставил «нелицеприятное высказывание в адрес ведения следствия» (с. 253). Не менее странно выглядит попытка противопоставить роль А. Х. Бенкендорфа и А. И. Чернышева как участников Следственного комитета: явное расхождение в подходе к определению вины подсудимых, на котором акцентирует внимание Д. И. Олейников, должно было бы свидетельствовать, в первую очередь, о несоординированном ведении самого следствия, а не о «доброте» Бенкендорфа (с. 235–238). В том же разделе автор мимоходом замечает, что именно Бенкендорф пытался смягчить Николая I накануне казни (с. 245), хотя этот факт точно не установлен, и в мемуарных источниках можно, при желании, найти и прямо противоположные свидетельства.

Такая же «игра цитатами» хорошо заметна и в других фрагментах второй части книги. Целый параграф уделен автором свидетельствам современников о «добросердечии» шефа жандармов, но некоторые из этих цитат просто удачно выдернуты из контекста. Пушкин, действительно, как-то назвал Александра Христофоровича человеком «с добрым чувствительным сердцем», но этим далеко не исчерпывалось его отношение к начальнику тайной полиции. Особо неуместным в данном перечне выглядит свидетельство Корфа (с. 273–274), который в своих записках крайне резко отзывался о личных и деловых качествах Бенкендорфа. Другой пример: Бенкендорф, по мнению Д. И. Олейникова, в начале 1837 г. хлопотал за М. Ю. Лермонтова, сообщив императору о его стихотворении «На смерть поэта» «в самом успокоительном тоне». Источники, однако, говорят об обратном³. Так на глазах изумленного читателя вполне последовательно создается новый миф — вместо «гонителя свободы» появляется яркий положительный герой русской истории — добрый и благородный шеф жандармов. Увы, оба эти мифа очень далеки от реальности, поскольку вполне сознательно обходят стороной действительный вклад Бенкендорфа в выработку и осуществление политического курса николаевского правительства.

Конечно, формат популярной биографической серии диктует свои законы и не предполагает кропотливого анализа политической истории. Тем более, что история 1830–1840-х гг. (пик политической карьеры Бенкендорфа) для читателя-неспециалиста может показаться слишком «будничной», как бы зажатой между впечатляющим общественным подъемом Отечественной войны 1812 г., ярким эпизодом декабристского восстания, с одной стороны, а с другой — Крымской эпопеей и эпохой Великих реформ. Возможно, с этим в какой-то мере связано то безотрадное явление, что изучение политики николаевского правительства по-прежнему остается сильно «обезличенным» — у историков подчас нет под ру-

кой квалифицированной научной биографии того или иного деятеля из ближайшего окружения императора (это можно отнести к И. Ф. Паскевичу, А. С. Меншикову, А. Ф. Орлову и другим, чья государственная деятельность нуждается в современной научной трактовке). Такие исследования тем более полезны, что круг ближайших политических советников Николая I был довольно узким и почти не менялся на протяжении всего царствования. В этом плане направление исследовательского интереса Д. И. Олейникова кажется вполне актуальным, своей книгой он действительно ярко демонстрирует надуманность созданного еще дореволюционным общественным мнением мифа о Бенкендорфе, что особенно рельефно проступает на фоне выписанного историком героизированного образа шефа жандармов. В этом видится основное значение исследования и заслуга автора. Но Д. И. Олейников написал только историю Бенкендорфа — генерала, истории Бенкендорфа — государственного деятеля в его книге почти нет.

Г. Н. Бибиков

3. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 5. Л. 320б.

В. М. Муханов. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007

Выход в свет монографии В. М. Муханова является значительным и отрадным событием для сообщества кавказоведов. Начнем с того, что в центре исследования оказалась такая ключевая для истории Кавказа XIX столетия фигура, как князь Александр Иванович Барятинский, военные и административные таланты которого позволили завершить России многолетнюю и кровавую Кавказскую войну. Имя «покорителя Кавказа» справедливо стоит в одном ряду с именами А. П. Ермолова и М. С. Воронцова, однако в сравнении с ними Барятинский был обойден пристальным вниманием историков. Фигуре князя уделялось должное внимание в общих трудах как по истории Кавказа, так и по отечественной истории позапрошлого века. Особняком стоит фундаментальная работа Арнольда Зиссермана «Фельдмаршал князь А. И. Барятинский», представляющая собой единственный труд, который можно рассматривать в качестве подробного жизнеописания кавказского наместника. Однако с момента появления этого исследования прошло более ста лет. За это время историками-кавказоведами был введен в научный оборот обширный круг новых источников по русской политике на Кавказе в XIX в., а в историографии Кавказской войны закрепились новые концепции о ее сущности и причинах. С учетом этого, не будет преувеличением сказать, что новое масштабное исследование личности Барятинского оставалось востребованным, но так и не реализованным, на протяжении нескольких десятилетий. Ни в советское время, ни в последнее десятилетие так и не появилась специальная работа, посвященная жизни и деятельности князя, более того, ни разу не ставилась задача проведения комплексного исследования на эту тему. Интересно, что, в отличие от Барятинского, его противник Шамиль пользуется просто громадной популярностью (к примеру, только за последнее десятилетие вышло несколько десятков книг, посвященных ему). И часто фельдмаршал упоминается именно в работах о Шамиле и Кавказской войне как человек, которому «выпала удача» пленить имама и закончить военные действия на Северо-Восточном Кавказе. Естественно, что в данных исследованиях оценка его роли серьезно занижена.

Обращаясь непосредственно к рассматриваемой работе, сразу отметим, что автору удалось максимально использовать достоин-

ства жанра исторической биографии. Легкость и красочность изложения, а также захватывающие повороты сюжетной линии целиком завладеют вниманием читателя. Классически, в духе жизнеописаний Плутарха, написана глава о детстве и юности героя. На ее страницах постепенно вырисовывается живой образ одного из лучших представителей русской аристократии, по словам автора, «оптимально подготовленного для выполнения государственных задач». Здесь автор особое внимание обращает на семейные традиции княжеского дома Барятинских, а также его знаменитых представителей и предков будущего кавказского наместника. Красочно обрисованы молодые годы Барятинского, наполненные бурными приключениями и дерзкими проделками вместе с известными представителями великосветской молодежи того времени (князем Сергеем Трубецким, Лермонтовым и др.). Также автор показал начало и развитие дружеских отношений с великим князем, наследником Александром Николаевичем, что в будущем сыграло немаловажную роль в карьере Барятинского. Привлекают внимание страницы с описанием первых поездок князя на Кавказ, его участия в боевых действиях против горцев и, как итог, превращения столичного гвардейского офицера в «старого кавказца», отлично разбиравшегося в особенностях войны с горцами.

В то же время сквозь призму биографии героя перед читателем начинает разворачиваться панорама Кавказской войны и в целом политики Российской империи в регионе. На страницах книги представлена галерея портретов государственных и военных деятелей того времени: императоры Николай I и Александр II, кавказские наместники князь М. С. Воронцов, Н. Н. Муравьев и великий князь Михаил Николаевич, военный министр Д. А. Милютин, генералы и офицеры Кавказской армии Н. И. Евдокимов, Г. И. Филиппсон, Г. Д. Орбелиани, В. М. Козловский, А. Е. Врангель и др., и конечно, имам Шамиль с его наибами.

Безусловно, читателям будет интересно узнать об объективных причинах удачи князя А. И. Барятинского в деле покорения Кавказа. Автор подробно останавливается на возникшей в 1855–1856 гг. в высших военных кругах Российской империи полемике о методах покорения и умиротворения Северного Кавказа. Скрупулезно рассматриваются основные позиции и предложения в проектах Барятинского, Милютина, Муравьева и других крупных военных деятелей той эпохи. Значительное место отведено анализу преобразований Барятинского внутри Отдельного Кавказского корпуса, являвшихся составной частью разработанной наместником «единой стратегии войны с горцами».

Особый раздел книги посвящен заключительному этапу Кавказской войны, действиям русских войск под командованием Барятинского и его ближайших помощников — генералов Милютина, Евдокимова, Врангеля, Ростислава Фадеева. Автор справедливо акцен-

тирует внимание на высоком уровне подготовки военной операции Кавказской армии по ликвидации имамата Шамиля, «отличавшейся высокой степенью детализации, полным соответствием с местными географическими и этническими особенностями и реализованной по всем правилам оперативного искусства». При этом отмечается, что в деле покорения Северо-Восточного Кавказа большую роль сыграло не только военное искусство Барятинского и его штаба во главе с Милютиным, но также эффективное использование наместником «психологического давления на умы горцев с помощью пропаганды спокойной и счастливой жизни под русским управлением». Здесь же анализируется и сложившаяся к 1859 г. обстановка на Северо-Западном Кавказе и действия русских войск под командованием Филиппсона и Евдокимова. С учетом повышенно эмоционального восприятия темы мухаджирства среди части исследователей-кавказоведов, в заслугу автору можно поставить взвешенный и адекватный анализ причин и характера этого движения.

В целом отметим общую тенденцию исследования к объективному изложению исторической роли и заслуг князя Барятинского на посту наместника России на Кавказе. Этому вопросу посвящена третья глава монографии. Князь предстает как самостоятельный государственный деятель, занимавшийся преобразованием системы управления регионом и начавший процесс социально-экономической и культурной интеграции Кавказа в состав Российской империи. Автор анализирует ряд конкретных мер, предпринятых Барятинским в административной системе, социально-экономической и культурной областях: административно-территориальная реформа Закавказья; внедрение системы военно-народного управления на Северном Кавказе; реформирование таможенной части в регионе; определение сословных и имущественных прав населения Закавказья; создание Закавказской Межевой Палаты; реформирование системы образования в регионе и создание сети горских школ; стимулирование развития традиционных сельскохозяйственных отраслей (садоводства, виноделия, шелководства, коневодства); улучшение дорог и благоустройство городов Закавказья (в первую очередь, Тифлиса); геологическое обследование региона и начало освоения его природных ресурсов.

В то же время автор откровенно показывает, что не все начинания А. И. Барятинского увенчались успехом. В числе причин этого указываются не только объективные трудности, но и препятствия, связанные с личными качествами самого наместника (прожектерство, мягкость к подчиненным и т. д.).

В целом автору удалось избежать опасности создания апологии или панегирика князю. На страницах монографии перед читателем встает не бронзовый бюст героя, а живой человек со своими недостатками и страстями. Особенно ярко автор показал это в заключительной главе книги, посвященной жизни Барятинского после отставки

в 1862 г. Необходимо отметить, что крайне мало было известно о причинах ухода А. И. Барятинского с поста наместника, а также его частной и общественно-политической жизни после отъезда с Кавказа.

Автором предлагается ряд новых версий его отставки на основе архивных документов. Рассказывается о его бурной личной жизни, любовных связях на Кавказе, приведших в итоге к скандальной женитьбе на жене своего адъютанта В. Л. Давыдова. Не забыта и активная общественно-политическая деятельность Барятинского в отставке, особенно его конфликт с военным министром Д. А. Милютиным по вопросам реформирования русской армии. Раскрывая суть возникших разногласий между фельдмаршалом и его бывшим начальником штаба, автор стремится как можно более объективно рассмотреть позиции и аргументацию сторон. Хотя в целом здесь просматривается явная симпатия автора к герою. В данном контексте наибольший интерес представляют найденные и внимательно исследованные проекты реформ, составленные Барятинским, и являвшиеся возможной альтернативой преобразованиям Милютина. В заключение рассказывается о последних годах жизни Барятинского и его фактически иждивенческом положении при императоре.

Украшением рецензируемого издания являются обширные приложения, которые вводят в научный оборот большой комплекс документальных материалов и источников личного происхождения, относящихся к персоналии Барятинского, а также к теме истории Кавказской войны XIX века. Некоторые из этих документов были опубликованы ранее, но давно превратились в библиографическую редкость.

Автор посчитал необходимым включить в состав приложений и несколько родословных схем, проясняющих происхождение и родственные связи княжеского дома Барятинских. Ценными источниками, включенными в приложение, являются полный послужной список князя Барятинского (РГВИА), а также личные письма императора Александра II к Барятинскому с комментариями (ГА РФ) и переписка с великими князьями Константином и Михаилом Николаевичами, игравшими заметную роль в политической жизни Российской империи.

В приложении нашлось место и таким интересным материалам, как приказы князя Барятинского, его завещание и речь в зале Российского Дворянского Собрания после пленения Шамиля, а также переписка с последним и его семейством, завязавшаяся вскоре после пленения имама в 1859 году. Барятинский стал другом не только старого имама, но и всей его семьи, что подтверждают последние письма, написанные к нему женами и детьми Шамиля уже после смерти главы семейства. Бесспорно, стоит обратить внимание и на письма кавказского наместника к министру иностранных дел России князю А. М. Горчакову и его ближайшему сподвижнику Евдокимову, также помещенные во второй части данного издания.

Михаил Волхонский

У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

Появление русского издания монографии У. Фуллера¹ о «деле» Мясоедова нельзя не приветствовать. Издательство «Новое литературное обозрение», очевидно, взяло курс на издание добротной переводной исторической литературы, что, несомненно, пойдет на пользу тому небольшому кругу интересующейся историей Отечества читающей публики, который каким-то чудом еще сохранился в наши дни.

Впрочем, знакомство с этой работой стоит порекомендовать далеко не только историкам. Как отмечал один юрист — *historia est magistra vitae*. А в этой темной, а вернее грязной и подлой, как у всяких судебных расправ, истории есть немало поучительно-го, как говорится, на все времена.

Перечислим ряд очевидных из нее выводов: 1) не стоит инициировать процессы, остановить или даже контролировать которые трудно, а порой и невозможно; 2) даже во имя достижения самой светлой и прогрессивной цели опасно прибегать к анонимкам или вдохновлять лживые доносы; 3) последствия могут оказаться непредсказуемыми для самих «организаторов общественного мнения».

При изучении «дела» Мясоедова, а равно и обстоятельств, его породивших, возникают малоприятные мысли. Мне даже кажется, что, по примеру последней телевизионной серии «Приключений Шерлока Холмса и д-ра Ватсона», герои которой, кстати, также борются со шпионами, практически любое исследование о «деле» Мясоедова можно было бы назвать так: «XX век начинается».

Очень уж многое в этом «деле» является закономерным для стандартов XX столетия. И эти стандарты, позволяющие говорить о начале нового века, описаны Фуллером очень убедительно: «Дело Мясоедова / Сухомлинова проливает свет на одно отвратительное обстоятельство: русская политика в эпоху так называемого конституционного эксперимента на деле была безгранично жестокой и абсолютно беспринципной борьбой за власть. Историки последних лет старого режима в России часто обращают внимание на неразборчивость большевиков в средствах („тактическую

гибкость“, на языке их поклонников), на продажность министров, на упадок нравов в высшем обществе и на неспособность Николая II управлять страной. Однако поведение некоторых политиков, как либеральных, так и консервативных, а также кое-кого из генералитета в деле Мясоедова / Сухомлинова в нравственном смысле оказалось столь чудовищным, что невозможно не содрогнуться. Принести в жертву политической целесообразности жизнь невинного человека — это подлость. Но еще большая подлость — разбить его семью, обесчестить страдальца и самое его имя смешать с грязью. Те, кто приложил к этому руку, вероятно, для успокоения собственной совести упирали на благородство цели или требования национальной безопасности, но в конечном счете совершенное ими было не только дурно, но и опасно» (С. 17 — здесь и далее в скобках указываются страницы рецензируемого издания).

Ах, как это правильно сказано. И ведь, что самое интересное: правота этих слов может и должна быть обращена, прежде всего, к причудливому союзу Великих Князей, высшего генералитета и лидеров либеральной оппозиции, которые ради достижения своих целей готовы были пойти на очень многое, в том числе и на тайную травлю жертвы, выбранной, разумеется, из самых высоких соображений. По верному замечанию Фуллера, в деле Мясоедова / Сухомлинова «неожиданным образом оказались высвечены некоторые черты будущих практик сталинизма. Речь идет, конечно, не о масштабе или суровости репрессий. Непозволительно ставить знак равенства между несправедливостью, пусть ужасной, в отношении Мясоедова и террором и массовыми убийствами, учиненными в тридцатые годы Сталиным. Однако юридические и полицейские процедуры 1915 и 1937 годов имеют нечто общее — это презумпция виновности» (17).

Мне представляется, что презумпция виновности, о которой писал Фуллер, была всего лишь средством, но всё же никак не основной причиной верно замеченного единства процессов 1915 и 1937 гг. Господство моноидеи — вот что позволяло сделать замысел творцов достоянием масс и, как следствие, готовность последних вместо мысли воспользоваться предлагаемыми схемами. В результате и мораль, и право подчинялись политической целесообразности, а приносить этому идолу человеческие жертвы было не страшно ни в 1915, ни в 1937 году. Ведь никто из жрецов не ожидал, что в результате образуется очередь на заклатание, где следующим может оказаться он сам. Но вернемся к книге Фуллера.

История «дела Мясоедова» была неплохо исследована и до ее появления. Именно поэтому хотелось бы высказать несколько замечаний автору, пытающемуся сказать свое собственное слово в этом вопросе. Прежде всего, прекрасный обзор историографии и неплохой — источников мог (а наверное и должен!) бы быть более детальным в целом ряде вопросов.

1. Fuller W. C. The foe within. Fantasies of treason and the end of Imperial Russia. Cornell University Press. Ithaca and London. 2006. 286 pp.

Прежде всего, это касается упоминаемой Фуллером работы О. Г. Фрейната², после публикации которой фальсификационный характер «дела» уже не мог вызывать подозрений у объективного исследователя. Оттон Генрихович Фрейнат — первый настоящий исследователь этой истории. Представляется, что этого уже было бы достаточно для того, чтобы уделить особое внимание и автору, и его труду.

Между тем Фуллер почему то называет Фрейната не только чиновником МВД (на самом деле он был чиновником по особым поручениям этого министерства), но и «лично выступавшим защитником на одном из судебных процессов, последовавших за казнью Мясоедова» (15). Между тем Фрейнат был одной из жертв этого «дела». Он сам был привлечен к суду по ложным обвинениям в шпионаже в пользу Германии и осужден на 8 лет каторжных работ³. Его приговор, кстати, также бурно приветствовался либералами — в свое время Фрейнат вел следствие по Кишиневскому погрому и тем (во всяком случае, по мнению центрального органа кадетов) давно уже заработал себе наказание⁴.

Обладая доступом к документам, он убедительно доказал и незаконность суда, и фальшивость обвинений, на основании которых Мясоедов, а вслед за ним и еще нескольких человек были приговорены к смертной казни. Более того, эта первая работа по «делу», опубликованная в 1918 г. в Вильно в период германской оккупации (странная, казалось бы, картина — русский немец, облыжно обвиненный и осужденный в России за шпионаж в пользу Германии, при немецкой оккупации доказывает, что был осужден несправедливо и что никогда не сотрудничал с германцами!!! — такое сейчас, во время повального консюмеризма и коллаборационизма на постсоветском пространстве, не часто встретишь), фактически закрыла проблему. Смею уверить читателя, что Фрейнатом были даны решительно все принципиально важные оценки этому событию, после чего в объективной научной среде речь в лучшем случае могла идти лишь об акцентах. В худшем она сводилась к повторению. Причем к такому, которое является не матерью учения, а скорее дитем заимствования.

Не названы автором и опубликованные в 1924 г. в «Архиве Русской революции» воспоминания полковника (в 1915 г. — подполковника) Б. И. Бучинского, присутствовавшего в качестве свидетеля на суде над Мясоедовым, полностью подтверждающие концепцию Фрейната⁵. В 1964 г. Бучинский повторил свои свидетельства

2. Фрейнат О. Г. Правда о деле Мясоедова и др. по официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918.
3. Русский инвалид. 1 (14) августа 1915. № 168. С. 1.
4. Речь. 4 (17) августа 1915. № 212 (3235). С. 1.
5. Б. Б-ий [Бучинский Б. И.]. Суд над Мясоедовым (Впечатления очевидца) // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 14.

о процессе, который он назвал «постыдным для русского правосудия», в письме в редакцию журнала «Военная быль»⁶.

Фуллер совершенно верно указывает на то, что это «дело» имело политический характер, причем сторонниками версии обвинения с самого начала были представители оппозиции, а противниками — как правило, «убежденные реакционеры и ультрамонархисты» (14). Хотелось бы отметить одну важную деталь — автор ссылается при этом только на воспоминания П. Г. Курлова и А. И. Спиридовича⁷, а ведь этот список можно было и расширить⁸.

Представляется, что двух авторов, упомянутых Фуллером, правильнее было бы назвать охранителями, опиравшимися в своих выводах как раз не на политические пристрастия. Как часто бывает в любезном Отечестве нашем, ссылка на необходимость соблюдения хотя бы элементарных норм законности является признаком, верно указующим на отсутствие прогрессивных убеждений. Впрочем, право по самой природе своей консервативно — оно фиксирует уже существующие реалии и сохраняет их. Право может быть нацелено на смягчение нравов, но оно не оперирует соображениями политической необходимости или интересами будущего общества — в противном случае оно неизбежно приведет к такого рода «делам».

В основном Фуллер, конечно, прав. Отношение к этому позорному процессу в русской эмиграции никогда не было однозначным. И все же, как правило, воспоминания непосредственных свидетелей, а также ряда высших чинов МВД и ОКЖ, не имевших отношения к его организации, дают достаточно объективную картину произошедшего. Исключением в профессиональном ряду являются написанные в 1923 г. в Сербии и опубликованные в 1965 г. воспоминания старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 10-й армии (с ноября 1914) полковника Ю. Н. Плющика-Плющевского⁹. Не скрывая своей неприязни к Мясоедову и даже признавая возможность того, что тот мог шпионить на немцев до войны, даже этот мемуарист, тем не менее, считает, что на фронте Мясоедов никак не мог бы делать этого, так как постоянно на-

6. Бучинский Б. [И.] Письмо в редакцию // Военная быль. Париж, 1964. № 67. С. 46.
7. Курлов П. [Г.] Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Пг. — М., 1923; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992; Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1.
8. См., например: фон Рихтер В. Дело полковника Мясоедова // Военная быль. Париж, 1964. № 66; Заварзин П. П. Защита Империи // Часовой. Париж, 1974. № 572; Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения (Вступительная статья Дж. Дейли и Э. И. Перегудовой) // Вопросы Истории. 2002. № 8.
9. Плющик-Плющевский Ю. [Н.] Страничка из истории недавнего прошлого // Военная быль. Париж, 1965. № 72. С. 44–45.

ходил под наблюдением¹⁰. В то же самое время деятели либерального лагеря и лица, близкие к ним, действительно выдвигают версию об обоснованности обвинений и справедливом характере следствия¹¹.

В связи с этим, как представляется, исследованию необходимо небольшое введение в проблему источников рассматриваемого вопроса. Фуллеру стоило бы представить читателю некоторых авторов. Так, например, Б. Парес (Pares) назван всего лишь современником и «авторитетом в области русской истории» (13). Между тем, этот британский журналист, с 1905 года работавший в России и в 1908 году ставший профессором русской истории, языка и литературы Ливерпульского университета, был и осведомителем британского посольства в России¹², и активным сторонником либерального лагеря России, симпатизантом Милюкова и Гучкова. Может быть, не случайно именно этому «авторитету» мы обязаны названием лживой версии о том, что Мясоедов накануне своей казни сознался в шпионаже и объяснил свою измену тем, что «только победа Германии могла спасти русское самодержавие» (13)? Вернувшись после русской революции домой, Парес стал таким активным мемуаристом¹³...

«Дело» Мясоедова — важнейший этап на пути к Февралю, важнейший инструмент в руках неразборчивых провокаторов, которые боролись таким образом с монархией и ее институтами. Как верно отмечает автор, «эта история создала особую грамматику измены, где традиционный монархизм, многие поколения сплывающий империю, стал синонимом не преданности, а прямо противоположного» (16). Это требует особо внимательного отношения к свидетельствам, исходящим от эмигрантов-представителей оппозиционного лагеря. Совсем другое дело — поведение «группы поддержки» обвинения в 1915 г. Тогда даже самым осторожным в будущем мемуаристам было не страшно. Они были уверены в неизбежности своего триумфа. Не их ли оценки повторяет Фуллер в выражениях вроде «Николай, проявив несвойственный ему здравый смысл» (233) и т. п. легенды о влиянии императрицы на назначение членов правительства (229)?

10. Плющик-Плющевский Ю. [Н.] Ук. соч. // Военная быль. Париж, 1965. № 73. С. 30.

11. См., например: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2.; Орлов В. [Г.] Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998; Батюшин Н. С. Тайная разведка и борьба с ней. М., 2002.

12. Казнина О. А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей первой половины XX века. М., 1997. С. 103.

13. См., напр.: Pares B. My Russian memoirs. Lnd., 1931.; Pares B. The fall of the Russian monarchy. A study of the evidence. Lnd., 1939.

Признаюсь, хотя я и не являюсь сторонником восхваления последнего императора, такие фразы звучат не слишком убедительно, особенно на фоне утверждений о том, как были созданы Военно-Промышленные комитеты, или о том, что Земгор был создан летом 1915 г. (226). Неплохо было бы уточнить время создания этих организаций и соотнести его с политическими процессами, которые шли в стране. И уж в любом случае стоило бы знать, что Союз земств и Союз городов были созданы в самом начале войны, а летом 1915 г. произошло их формальное объединение. Фуллером было явно переоценено влияние Александры Федоровны на политические решения, принимаемые императором. Даже приведенный автором пример с назначением А. А. Поливанова (229) не свидетельствует о том, что Николай II прислушивался к мнению жены. Как известно, несмотря на ее рекомендации, генерал все же был назначен на должность Военного министра.

И ведь это не единственный случай. Императрица уговаривала супруга отказаться от поездки в Галицию в апреле 1915 г. между прочим, ссылаясь на мнение Распутина. В худшем случае она просила мужа оставить Верховного в Ставке и ехать одному¹⁴. Однако все эти уговоры, как известно, были безрезультатными. Конечно, негативное отношение к Поливанову как к либералу и стороннику Гучкова со стороны императрицы не вызывает сомнения. Но и при отставке министра оно не было решающим. Так, например, опять ссылаясь на мнение Распутина, в марте 1916 г. она рекомендовала на пост Военного министра генерала Н. И. Иванова¹⁵. Однако назначен был именно Шуваев¹⁶, а еще через два дня Иванов был замещен на посту Главкоюза Брусиловым. Николай Иудович получил Высочайший рескрипт, был введен в Государственный Совет, назначен состоять при императоре¹⁷. И все же это была отставка.

Следует особо отметить, что оценки деятельности Поливанова на посту министра, анализ причин его отставки и замены «бесцветным военным управленцем» Д. С. Шуваевым даны Фуллером столь кратко и традиционно, т. е. апологетично (234, 242), что не выдерживают никакой критики. Приведу лишь пример реакции на увольнение слишком уж «цветастого» министра — человека, в профессионализме которого в области организации военной промышленности не сомневался никто из современников и историков — главы ГАУ генерала А. А. Маниковского. 14 (27) марта он прибыл в Ставку и был принят Николаем II. «Он заявил мне, — писал импера-

14. Переписка Николая и Александры. 1914–1915. М. — Пг., 1923. Т. 3. С. 149, 150, 154, 159.

15. Переписка Николая и Александры. 1916. М. — Л., 1926. Т. 4. С. 143, 145.

16. Русский инвалид. 17 марта 1916. № 74. С. 1.

17. Русский инвалид. 22 марта 1916. № 79. С. 1.

тор, — что хотел бы подать в отставку, так как Пол<иванов> держит себя с ним совершенно невозможно. Когда он узнал, что П<оливанов> уволен и назначен Шув<аев>, он трижды перекрестился»¹⁸.

Не менее схематично описана и работа Земгора (237). В его традиционной апологетике как-то незаметно выпал вопрос о том, во что обошлась русской казне работа земских и городских учреждений — вопрос далеко не закрытый и имеющий прямое отношение ко многим процессам, шедшим с 1914 по 1917 гг. в России. Менее традиционна критика в адрес работы военно-промышленных комитетов (237-238), но противопоставление ВПК Земгору как организации, в которой больше занимались «противоправительственной политической деятельностью» настолько ново, что, как минимум, требует доказательств, а их автор не предоставил. Посему я лучше воздержусь от комментариев¹⁹.

Между прочим, возможны и другие, не столь архаичные оценки того, насколько верным был курс на диалог с общественностью (здесь стоило бы заметить, кем и когда он был инспирирован). Вот пример выступлений 6 (19) сентября 1915 года на съезде Городского союза. Это период, когда какофония шпиономании, последовавшей за казнью Мясоедова и созданием следственной комиссии по «делу» Сухомлинова, достигла почти пика. Более других выступавших отличился Вл. И. Гурко, который предложил следующую формулу желательной для либералов власти: «Мы хотим сильной власти. Пусть с исключительным положением, пусть с хлыстом, но только, чтобы не власть была под хлыстом»²⁰. Намек на Распутина был очевиден. Очевидны и причины, прочему Гурко не акцентировал внимание на этих страницах своего прошлого в мемуарах (кстати, он также считал обвинение Мясоедова справедливым)²¹.

Не очевидно другое — а чем, собственно, он и аплодировавшие ему в сентябре 1915 г. были так недовольны в эмиграции — к власти в России пришла сила и с исключительным положением, и с хлыстом, да еще с каким! Но в 1915 г. эти люди все еще наслаждались упражнением в остроумии под присмотром столь ненавистной им власти, которую они готовы были принять из слабых и безвольных рук того, кому эта ноша была не по плечам. Так, во всяком случае, они считали. Те, кто обладают монопольным знанием о завтрашнем дне, не боятся его, пока не выясняется, что действительность отли-

18. Переписка Николая и Александры. 1916. М. — Л., 1926. Т. 4. С. 149.

19. О работе ВПК и Земгора см.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003.

20. Речь. 8 (21) сентября 1915. № 247 (3270). С. 3.

21. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 661, 677.

чается от надуманных схем. Когда выяснилось, что присмотр власти был охраной «от ярости народной», было уже поздно. «Процесс пошел», и справиться с ним смогли люди уже совсем другого рода. Между прочим, лично мне, например, никогда не приходилось слышать о том, что И. В. Сталину была «не по Сеньке шапка». Невольно задумаешься: если даже у «сливок общества» власть, идущая с ними на диалог, вызывает лишь презрение — стоит ли искушать подобное общество этими диалогами?

В 1915–1917 гг. оно ответило власти легендой о «тёмных силах» (кстати, также имевшей еще довоенную предысторию), истерией шпиономании и псевдо-разоблачений. При этом настоящими «тёмными силами» в развитии этой истории выступили практически все представители либеральной оппозиции, которые были весьма активны в Думе. «Кто знал интриги Петрограда, — вспоминал Спиридович, — понимали, что Мясоедовым ваял Сухомлинова, а Сухомлиновым быт по трону...»²² Уже тогда, в первый раз за XX столетие, наши либералы оказались никудышными стратегами (во всяком случае, если сами они искренно верили в декларированные ими же лозунги). Перефразируя позднейшую формулу — целили в царя, а попали в Россию.

А между тем, стрелцы считали себя почти снайперами. К своим заслугам в борьбе с Мясоедовым Гучков, например, пытался апеллировать и после свержения императора. 30 апреля (13 мая) 1917 г., выступая перед делегатами фронтового съезда в Петрограде, он сообщил им о своей отставке с поста Военного министра и сразу же обратился к истории своей борьбы за интересы армии. Вспомнив о дуэли на Крестовском острове 22 апреля (5 мая) 1912 г., которая закончилась бескровно, лидер октябристов заявил, что, будучи прекрасным стрелком, он специально промахнулся, чтобы в будущем Мясоедова покарала не пистолетная пуля, а «заслуженная» им виселица. Гучкову тогда еще аплодировали, впрочем, шум аплодисментов не помог вернуть потерянного уже положения²³.

Поневоле задумаешься о том, что представляет из себя история Февральской революции, о природе которой так часто говорит на страницах своей работы Фуллер. При трезвом анализе невозможно не заметить, что западная и советская историографии — эти борющиеся противоположности — были во многом едины по отношению к процессам, предшествовавшим свержению монархии. Так же как едины были в ее неприятии Милюков и Гучков (на деле) и Ленин (во всех отношениях). Наверное, поэтому либеральная версия обоснованности судебной расправы так близка к официальной советской, утверждавшей о существовавших накануне и в годы Первой Мировой войны связях Военного министра

22. Спиридович А. И. Ук. соч. С. 68.

23. Утро России. 2 мая 1917. № 109. С. 3.

В. А. Сухомлинова с германской разведкой. Разумеется, эти связи поддерживались через С. Н. Мясоедова²⁴. Выходит, что схожие процессы в 1915 и 1937 годах затронули не только область права.

Остается совершенно непонятным, как при анализе истории проблемы Фуллер сумел проигнорировать сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». Ведь он заложил фундаментальные основы развития советской исторической науки, влияние которых в СССР не поддается переоценке. Версии обвинения Мясоедова придерживается в своих мемуарах и один из главных организаторов этого процесса генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич. Отметим, что его воспоминания вышли в свет после XX съезда²⁵. Увы, автор дает им характеристику только ближе к концу своей работы, справедливо называя их «свокорыстной и лживой книгой» (197). Представляется, что эти мемуары и этого человека можно было представить и раньше, и желательнее — с учетом предшествующей критики.

На мой взгляд, просто невозможно не вспомнить одну из первых и наиболее точных характеристик, данных этой работе вскоре после выхода ее из печати: «Книга Бонч-Бруевича очень отражает весь низкий нравственный облик ее автора. Та грязь, ложь, клевета, которой забрасывал он как царя, от которого долгие годы униженно принимал разные награды и назначения, так и своих сослуживцев, товарищей по академии и по службе генерального штаба; все это конечно рикошетом сказывается на нем самом и показывает нам, что за гадкий и подлый человек был генерал Бонч-Бруевич»²⁶. Увы, но проблема не ограничивается личными качествами этого человека — гораздо хуже было то, что они были востребованы стоящими у власти современниками, обществом, в котором он жил, что помогло Бонч-Бруевичу успешно использовать эти качества как до, так и после революции.

Впервые в советской историографии точка зрения первого объективного исследователя дела — О. Г. Фрейната — прозвучала в работе К. Ф. Шацилло²⁷. Заслугой этого автора следует назвать полное, а иной раз и буквальное подтверждение концепции и данных Фрейната (хотя ссылок на эту работу в статье не имеется) на документах архивного происхождения. Кроме того, в указанной статье был использован целый ряд эмигрантских источников, опубликованных после 1918 г. Недостатком работы Шацилло является избирательный и не всегда точный анализ октябристской прессы. В результате он повторяет некоторые мелкие неточности работы Фрейната (очевидно, не имевшего в оккупированном германцами Вильно доступа к московской прессе), иногда разви-

24. См., напр.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.

25. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957.

26. Бекау. Возмутительная книга // Часовой. Париж, 1960. № 409. С. 16.

27. Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.

вая их в ошибки. Так, например, Фрейнат датирует опровержение в пользу Мясоедова, опубликованное по требованию суда в «Голосе Москвы», осенью 1912 г.²⁸ По мнению Шацилло, ссылающегося на указанную газету, это произошло после выборов — 5 (18) октября 1912 г.²⁹, в то время как выборы в Москве состоялись 18 (31) октября, а опровержение было опубликовано 6 (19) ноября 1912 г. Вскоре вслед за этой статьей вышло исследование эмигрантского историка А. Г. Тарсаидзе, в котором повторялись выводы Фрейната и Шацилло (с использованием работы первого автора), а также был привлечен ряд дополнительных источников эмигрантского происхождения, свидетельствующих в пользу невиновности Мясоедова и о политическом характере процесса³⁰.

Авторитет Шацилло и незнание работы Фрейната — все это, вместе взятое, очевидно, и стало причиной того, что на долгие годы интерес к «делу» Мясоедова резко сократился. Проблема казалась закрытой. Но в последнее время ряд отечественных авторов вновь обратился к этой истории³¹. При возросшем внимании к истории разведки и контрразведки в России обойти молчанием это «дело» невозможно. Постсоветская историография у нас часто представляет собой чудную, но отнюдь не противоестественную смесь Ленина с Милюковым. Проблема «дела» Мясоедова — не исключение.

Новые работы в целом также повторяют концепцию, заложенную Фрейнатом, при этом часто — в изложении Шацилло. М. Алексеев, например, повторяет небольшие фактические неточности, допущенные в статье Шацилло, не ссылаясь в этих случаях на саму статью. Так, Алексеев уже датирует думские выборы в Москве сентябрем 1912 г., и, вслед за Шацилло, также датирует опровержение ссылкой на номер «Голоса Москвы» от 5 (18) октября 1912 г.³², где таковое отсутствует.

Совершенно исключительную позицию в современной историографии занимают исследователи истории отечественных спецслужб И. И. Васильев и А. А. Зданович, которые активно героизируют генерал-майора Н. С. Батюшина (во время следствия и суда — полковника, возглавлявшего контрразведывательное отделение штаба Северо-Западного фронта и бывшего правой рукой М. Д. Бонч-Бруевича при организации процесса). Во вступлении ко второму, расширенному изданию мемуаров Батюшина они до-

28. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 27.

29. Шацилло К. Ф. Ук. соч. С. 110.

30. Тарсаидзе А. [Г.] Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007 (впервые издана в Нью-Йорке в 1969 г.).

31. Напр.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 2001. Кн. 3. Ч. 2.

32. Алексеев М. Ук. соч. С. 215

пустили, пусть и с оговорками, предположение о действительной причастности Мясоедова к шпионской деятельности³³.

Жаль, что при этом авторы не сочли возможным представить доказательства своих предположений, и жаль, что в историографическом очерке русского издания книги Фуллера позиция этих исследователей не нашла никакого отражения, хотя бы в сноске или примечании. Тем не менее, нельзя не заметить, что Фуллер развивает концепцию Фрейната гораздо более профессионально, чем это делают, например, Шацилло и Алексеев. Как историк этого «дела», он, безусловно, глубже и внимательнее к источникам, нежели кто-либо из современников «дела». Однако, к сожалению, складывается впечатление, что он не игнорирует ряд проблем историографии данного вопроса, а просто не замечает их. Между тем, проблема выборов 1912 года связана не только с историографией проблемы, но и с контекстом возникновения «дела», требующим особого внимания исследователя.

Казалось бы, Фуллера нельзя упрекнуть в непонимании важности контекста исторического события. Первые главы его книги — явное тому доказательство. Начало карьеры Мясоедова и отправная точка этого многоуровневого конфликта проанализированы весьма убедительно. И вновь создается малоприятная, но узнаваемая картина контакта между, как это принято сейчас говорить, правоохранительными органами и бизнесом, связанным с миграцией наиболее бесправных слоев населения. Правда, в начале XX века это были преимущественно евреи и литовцы, стремившиеся попасть в Америку, но все остальное осталось почти без изменений. Капиталы, создаваемые на основе нарушения закона, не могут быть созданы без злоупотребления властью властью предержащими.

Один из моих друзей недавно заметил, что если в середине 1990-х на не берущего взятки там, где их можно было брать, смотрели как на чудака, то теперь подобного рода люди вызывают возмущение (невольно вспоминаются слова Прокофия Осиповича из чеховского «Оратора»). Нечто подобное, очевидно, происходило на пограничной станции Вержболово, где успешно служил Мясоедов. В 1906 году на него поступил анонимный донос (39). Откровенно говоря, этот способ расправы с неудобным человеком не редок и в наши дни. Представляется, что в такого рода делах важен не сам факт доноса, а готовность начальственного лица или клана, его окружающего, «дать ход бумаге». Все остальное — дело техники, в котором всего лишь проявляется воля руководства.

Важно отметить (чего не сделал Фуллер), что анонимка, как выяснилось позже, была написана одним из секретных агентов Де-

33. См.: Васильев И. И., Зданович А. А. Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки. С. 28–30.

партаменты полиции и в ней содержались обвинения в связи с германской разведкой. Главным доказательством стали подарки от Вильгельма II (Мясоедов несколько раз был приглашен на охоту в пограничное имение кайзера). В Генеральном штабе прекрасно понимали всю абсурдность этих вымыслов, по логике которых германский император лично расплачивался за шпионскую деятельность серебряными портсигарами и портретами с собственной подписью, и оставили дело без последствий³⁴. Но Министерство внутренних дел не оставило инициативу своего сотрудника без внимания и организовало секретную проверку Мясоедова, которая не дала результатов. Тогда проверяющий из Охранного отделения решил «организовать» их самостоятельно, что в конце концов закончилось судебным расследованием, на котором Мясоедов вынужден был дать показания против офицера Охранного отделения, и, следовательно, Министерства внутренних дел. Провалившийся в Вильно корнет Пономарев был, по словам командира ОКЖ ген. Курлова, «типичным провокатором», которого генерал уволил из корпуса и предал суду³⁵.

Мясоедову это не помогло: Охранка стала распространять в столице слухи о том, что Мясоедов провозит на своей машине через границу контрабанду, не проявляет интереса к службе и т. п.³⁶ Интересно, что именно на все эти разговоры о «двойном дне в автомобиле» уже в эмиграции ссылался Гучков, оправдывая свою предвзятую игру против Мясоедова³⁷.

Так или иначе, но общественное мнение было организовано. Результатом стал скандал, вызвавший недовольство Столыпина. Особую роль в этом сыграл директор департамента полиции М. И. Трусович. Он впал «в страшное негодование» на офицера жандармского корпуса, который позволил себе дать свидетельские показания на суде. Именно он представил случившееся Столыпину, как недопустимый с товарищеской точки зрения поступок. Председатель Совета министров распорядился перевести Мясоедова «на равную должность на меридиан не ближе Урала»³⁸. Офицеру не помогло даже заступничество начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. В конце концов, он вынужден был выйти в отставку³⁹.

И вновь Фуллер блестяще доказывает правоту концепции Фрейната. Гораздо более интересна и самостоятельна та часть книги, в которой рассказывается о технике борьбы между различными

34. фон Раупах Р. Р. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 113.

35. Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 195.

36. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 10.

37. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 61.

38. Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 195–196.

39. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 10.

пароходными компаниями за контроль над перевозками эмигрантов из России. Выйдя в отставку, Мясоедов попытался участвовать в этом предприятии, которое закончилось неудачно. В 1910 г. Мясоедов сблизился с Сухомлиновым и тот способствовал возвращению опального подполковника на службу.

С 1909 г. в Военном министерстве существовала должность офицера, наблюдавшего за революционной пропагандой в армии и подчинявшегося непосредственно министру. В сентябре 1911 года император, по представлению Сухомлинова, распорядился восстановить в жандармском корпусе Мясоедова, который был командирован по просьбе Военного министра в его распоряжение⁴⁰. На деле речь шла о существовании в войсках, с разрешения Военного министра, войсковой агентуры под руководством офицеров Корпуса жандармов. Следует отметить, что подобная служба была санкционирована и всеми командующими округов, в том числе и возглавлявшим гвардию и Петербургский военный округ Вел. Кн. Николаем Николаевичем. Она не была создана Сухомлиновым и фактически не возглавлялась Мясоедовым, который должен был только готовить общие сводки по армии на основании переписки, получаемой в министерстве из цензуры. В 1913 году по инициативе товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского данная служба была ликвидирована без какого-либо сопротивления Военного министра и при полной поддержке всех командующих округами, за исключением Н. И. Иванова⁴¹. Жаль, что при анализе создания этого учреждения и роли, которую сыграл в нем Мясоедов, автор ограничился свидетельствами Ерандакова образца 1916 г. (81–84).

Возглавлявший с 1910 г. Петербургское контрразведывательное отделение подполковник (в 1915 — полковник) В. А. Ерандаков был способным жандармским офицером, имевшим, однако, ряд отрицательных служебных и личных качеств. В числе последних следует назвать беспринципность и честолюбие, склонность к провокации и собственному «кланостроительству» (Ерандаков был донским казаком и старался держать в своем отделении земляков)⁴². В 1911–1912 гг. он соперничал с «варягом» Мясоедовым, хотя внешне поддерживал дружеские с ним отношения, которые в 1915 г. объяснил необходимостью... личного за ним наблюдения⁴³.

Вообще пришедшего в министерство Мясоедова ждал очень ревнивый прием со стороны адъютантов Сухомлинова, невзлюбивших фаворита. Еще хуже было то, что часть из них была связана се-

40. Алексеев М. Ук. соч. С. 210–212.

41. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 16.; Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 180.; Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 100.

42. Каширин В. Б. Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12. С. 29–30.

43. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 16–17.

мейными узами с Гучковым и Сувориным — Фуллер абсолютно правильно уделил этому внимание (97). Тем более удивительно то, что автор не заметил, что в 1915 и 1916 гг. Ерандаков имел все основания для пристрастных воспоминаний. Работа контрразведки в Петрограде вызывала с начала войны многочисленные нарекания, положение Ерандакова в начале 1915 г. стало шатким⁴⁴, Сухомлинов также уже не испытывал к нему симпатий, считая его человеком «не вредным», но «не обширного ума»⁴⁵. Судя по всему, этого оказалось достаточно для того, чтобы полковник решил сменить патрона и перебежать в «клан» Великого Князя Николая Николаевича-мл.

Биография Сухомлинова, данная Фуллером в главе 2-й («Киев»), написана живо и интересно. К сожалению, в этой части текста допущен досадный ляп, свидетельствующий о том, что переводчик не совсем знаком с реалиями описываемого периода. Так, хорошо известная награда — золотое оружие «За храбрость», полученное Сухомлиновым за участие в Освободительной войне 1877–1878 гг., названа «саблей с золотой рукоятью» (52). Но если в целом перевод можно назвать удачным, то биография Сухомлинова получилась все же довольно стандартной, Фуллер сделал ее с большим вниманием к скандалам, сопровождавшим личную жизнь генерала, к которым, признаться, я не испытываю решительно никакого интереса.

Безусловно, скандал явно не украшал Военного министра, но все же он никак не имел отношения к исполнению генералом своих служебных обязанностей. Между тем именно к сфере профессиональной деятельности Сухомлинова относится причина конфликта, который лег в основание будущих «дел».

Всё остальное было всего лишь оформлением сложной интриги, в результате которой Мясоедов случайно попал в мясорубку истории, став пешкой в иногда больших, иногда незначительных, но всегда весьма нечистоплотных и чужих играх. На первом, довоенном, этапе они определялись несложными отношениями между Военным министром ген. В. А. Сухомлиновым, его помощником ген. А. А. Поливановым и А. И. Гучковым — лидером октябристов, которые определяли в это время результаты голосования по бюджетам в Государственной Думе. Жаль, что Фуллер, явно следуя за путеводителем — Фрейнатом — уделил так мало внимания истории этих отношений. Ведь речь идет как раз об особенностях политической борьбы в период «конституционного эксперимента», о которых автор писал во вступлении (17).

К сожалению, вступая на эту почву, Фуллер сразу же допускает ряд ошибок и неточностей. Самая невинная из них — рассуждения об

44. Каширин В. Б. Ук. соч. С. 30.

45. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. М., 1923. Т. 3. С. 50.

уродливом лице ген. Н. И. Иванова, которое он скрывал за «огромными густыми бакенбардами» (100). Николай Иудович был известен своей *густой и окладистой бородой*. Гораздо более удивительно утверждение о том, что Иванов, будучи противником министра, привел с собой в округ «новую команду, в том числе генерала М. В. Алексеева» (100). На самом деле Алексеев был переведен в Киев с производством в генерал-лейтенанты и назначением начальником штаба округа 30 августа (12 сентября) 1908 г., т. е. еще до перевода Сухомлинова в столицу. Отношения между ними складывались весьма удачно⁴⁶. Став Военным министром, Сухомлинов планировал назначить Алексеева на пост начальника ГУГШ, но против этого решительно выступил ряд генералов, в том числе и новый командующий войсками Киевского Военного округа — генерал Иванов⁴⁷.

Неубедительно звучит и версия Фуллера о том, что Иванов был противником Сухомлинова, что этот последний, в отличие от Великого Князя Николая Николаевича-мл., был равнодушен к проблеме реформы армии и т. д. (99-100). Авторитетный британский исследователь русского фронта Первой мировой войны Н. Стоун считает, что именно Сухомлинов, а не его противники, был настоящим реформатором русской армии⁴⁸. Аналогичного мнения придерживается и крупнейший американский специалист по истории русской армии этого периода Б. Меннинг (на мнение которого, кстати, часто ссылается Фуллер): «Благодаря сухомлиновским реформам, к 1912 году армия, безусловно, была лучше, чем когда-либо в после-милютинский период, готова к проведению наступательных операций»⁴⁹. Я склонен считать эту точку зрения правильной⁵⁰. Она, во всяком случае, имеет то несомненное преимущество, что может быть подтверждена точкой зрения британского, австро-венгерского и немецкого военных атташе в России в 1911–1912 гг., единодушно считавших, что реформы нового военного министра ведут к быстрому оздоровлению русского военного организма, и что в случае их продолжения следует ожидать восстановления боеспособности русской армии в ближайшем будущем⁵¹.

46. Айрапетов О. Р. В. А. Сухомлинов и М. В. Алексеев: эпизод предвоенного сотрудничества // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. М., 2008. С. 729–730.

47. Там же. С. 737–738, 740–741.

48. Stone N. The Eastern front 1914–1917. Lnd., 1998. P. 14.

49. Menning B. Bayonets before Bullets. The imperial Russian army, 1861–1914. Indiana University Press. 1992. P. 246.

50. Айрапетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. / Под ред. М. А. Колерова, О. Р. Айрапетова, П. Чейсти. М., 2004. Т. 1. С. 100–106, 120–130.

51. Herrmann D. G. The arming of Europe and the making of the First World war. Princeton (New Jersey), 1996. P. 136–137.

Удивительно, как можно призывать «отказаться от образа Гучкова как Кассандры по военной части» (102) и сохранять верность подобного рода легендам о том, что Сухомлинов был безразличен к своим прямым служебным обязанностям! Что касается Гучкова, то должен отметить, что критическое отношение к нему также не освобождает от необходимости знания его биографии. Он никогда не попадал в плен к японцам (102), а остался в госпитале в Мукдене.

При отступлении русской армии из города 460 тяжелораненых русских солдат и 405 раненых и больных японцев не были эвакуированы из армейского госпиталя. С ними осталось значительное количество медицинских работников, которые по правилам войны, соблюдавшимся тогда японской армией, были возвращены «в Россию». Отряд сотрудников Красного Креста — 9 сестер милосердия, 26 врачей и 65 санитаров во главе с А. И. Гучковым была переправлена на Сыпингай и перешла в ночь на 21 марта (3 апреля) 1905 г. через линию фронта. Мужественному поступку Гучкова было уделено тогда немало внимания, Главнокомандующий лично сообщил о нем в телеграмме на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны.⁵²

Это была, пожалуй, одна из немногих светлых страниц в судьбе этого интригана. Именно с нее начиналась его всероссийская популярность и особенно в армии (что естественно). Поездки к бурам, в Македонию и Западную Армению и прочие личные авантюры не были столь заметны. Неубедительным следует признать и мнение автора о том, что «Николай II сам запретил военному министру показываться в Думе», и ссылки на известную работу эмигрантского историка Кобылина⁵³ (103) отнюдь не достаточно для принятия подобного утверждения⁵⁴. Вообще удивительно, что Фуллер, занимаясь историей политической борьбы и интриги, не использует ни материалов Государственной Думы, ни принадлежащей Гучкову газеты «Голос Москвы».

Посмотрим, с чего начиналась эта история. Дело в том, что разговор вне своей, понятной, привычной среды, иначе говоря, вне военной корпорации, Сухомлинову явно не удавался. Выходить за рамки заранее подготовленного он не умел, да и не стремился. «Будучи отличным оратором и рассказчиком при небольшом круге слушателей, — вспоминал ген. А. С. Лукомский, — он совершенно

52. Вестник Маньчжурских армий. № 208. 26 марта 1905. С. 1–2; Там же. № 211. 29 марта 1905. С. 1.

53. Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

54. Весьма серьезную критику этой книги и разбор ошибок, допущенных ее автором, см.: Месснер Е. Возражения на книгу В. Кобылина «Император Николай Александрович и генерал-адъютант М. В. Алексеев» // Часовой. Париж, 1973. № 566–567. С. 16–20.

не мог говорить речей или давать какие-либо официальные разъяснения, когда слушателей было много; он страшно волновался и у него совершенно пропадал голос. В тех случаях, когда ему необходимо было выступать с речью в Государственной Думе или Государственном Совете — он всегда заготавливал речь и ее читал»⁵⁵. В результате у думцев после редких встреч с министром оставалось впечатление не очень благоприятное для него. Так было и до, и во время, и после описываемых событий⁵⁶. Именно из-за нежелания вдаваться в детали при утверждении бюджета в согласовательных комиссиях и потому, что он был скорее хорошим рассказчиком, чем оратором, Военный министр выбрал себе в помощники ген. Поливанова.

Фуллер дает традиционную, т. е. высокую оценку организаторских способностей Поливанова (99). На самом деле это был способный человек, но его двуличие и неразборчивость в карьерных исканиях были отмечены тремя предшественниками Сухомлинова: А. Н. Куропаткиным, В. В. Сахаровым и А. Ф. Редигером. Последнее качество было причиной того, что несколько лет Поливанову пришлось простоять, по словам Редигера, «у тихой пристани редакции „Русского Инвалида“ вне течения воды и служебного движения»⁵⁷. По свидетельству самого Сухомлинова, при принятии министерства он получил указание императора не изменять состав штаба, поэтому и оставил в качестве помощника Поливанова, несмотря на то, что последний пользовался репутацией сторонника Николая Николаевича-младшего. Последний не скрывал своей неприязни к Сухомлинову с 1905 г., когда тот позволил себе критические замечания в адрес Совета Государственной обороны, возглавляемого Великим Князем. После отставки Николая Николаевича в 1908 г. с этого поста и последовавшего вслед за этим роспуска Совета эта неприязнь переросла во вражду⁵⁸.

Существовали и более веские причины, заставившие министра держать при себе потенциального противника: «Особенно важно было поддерживать добрые отношения с министром финансов, думским большинством, а равно и с Государственным Советом. Для этого и остался в своей должности генерал Поливанов. Помощником военного министра он был уж с 1905 года, то есть ещё при Сахарове и Редигере, и работал со всеми тремя Государственными Думами, Советом Государственной Обороны и Государственным Советом. Гибкий по натуре, знаток хозяйственной части,

хорошо осведомленный в области законоположений — человек этот, при обширном своем знакомстве с личным составом, казался мне не лишним. Совершенно исключительное преимущество его заключалось в том, что он находился в прекрасных отношениях с Коковцовым и Гучковым и к тому же ухитрился не восстановить против себя великого князя Николая Николаевича»⁵⁹.

Это лавирование было особенно важно, так как в 1910 г. Военным министром была разработана и реорганизация армии, довольно верно изложенная Поливановым: «В мирное время ни одного человека больше против того, что было. Значит, бюджет на людской материал тот же самый, но, вместе с тем, эта людская масса совершенно иначе переформировывалась, в том смысле, что упразднялись крепостные войска, упразднялись резервные войска, и все это обращалось в полевые войска, и затем увеличивалось число технических войск (...железнодорожные, инженерные, авиационные и артиллерийские части). Этот последний случай, потребовавший новых расходов, тотчас же нашел отражение и в плане снабжения»⁶⁰. Естественно, что при масштабе подобных задач требовались исполнители разного рода, в том числе и Поливанов. Эта роль была ему не совсем по душе, но на первых порах он смирился с ней.

Сам Поливанов уже в ходе войны так охарактеризовал Сухомлинова: «Я считаю Владимира Александровича очень хорошим человеком... но он слабохарактерен и как-то легкомыслен. Вот он и стал жертвой слабохарактерности и оптимизма»⁶¹. Оптимизм министра проявился и в отношении к своему помощнику. «Выбор Поливанова как помощника, — как отмечал Лукомский, — был чрезвычайно удачен: Поливанов был умный и чрезвычайно трудолюбивый и знающий работник. Особенно хорошо он знал административные и хозяйственные вопросы. Он умел ладить с людьми, и к нему представители главных политических партий, октябристы и кадеты, относились хорошо, особенно октябристы, лидеры коих Поливанову вполне доверяли»⁶². Деловые качества Поливанова проявились уже в III-й Думе. Доверяли генералу и представители государственного контроля и министерства финансов, казалось, он был незаменимым представителем Военного министерства в этом органе.

В. Н. Коковцов отмечает: «Но выше всех этих неоспоримых качеств Поливанову бесспорно принадлежала совершенно исключительная способность принаравливаясь к настроению Думы и при-

55. Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 27.

56. Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 216.

57. Редигер А. [Ф.] История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 201, 277, 392.

58. Айрапетов О. Р. Сухомлинов и Алексеев. С. 736–737, 748–750; Он же. Контекст одной пропагандистской акции. С. 94–95.

59. Сухомлинов В. [А.] Воспоминания. Берлин, 1924. С. 227–228.

60. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. М. — Л., 1927. Т. 7. С. 59.

61. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1966. Т. 1. С. 287.

62. Лукомский А. С. Черки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 93.

влекать к себе расположение центральной группы — октябристов, в особенности в лице Гучкова, Савича, Звегинцева; не брезгал он и кадетскими депутатами, но не заглядывал левее их... Все это создало из Поливанова в полном смысле слова *persona gratissima* в Думе третьего созыва. Он не знал неуспеха, и на его долю не выпало ни одного недоброго выпада или нелестного эпитета»⁶³. По свидетельству Пареса, Поливанов завоевал полное доверие Думы⁶⁴. «Поливанов был осторожный и ловкий политик, — вспоминал Савич, — умел ладить с людьми, искусно использовал наше патриотическое воодушевление для защиты интересов ведомства. Его влияние на членов Комиссии было велико, благодаря чему он неоднократно проводил в жизнь свои идеи и пожелания не только через Думу, но и через межведомственные совещания»⁶⁵.

«За генералом Поливановым укрепились репутация человека, ловко проводившего в Думе самые сложные дела военного ведомства, — вспоминал ген. Воейков. — Объяснялось это его способностью располагать к себе членов центральной группы Государственной Думы, причем его угодливость перед ними доходила даже до сообщения в думских комиссиях совершенно не подлежащих оглашению данных»⁶⁶. Схожее свидетельство дает и ген. П. Г. Курлов: «Вначале генерал Сухомлинов очень ценил своего помощника, но отношения к нему стали постепенно изменяться к худшему, по мере того, как генерал Поливанов, по примеру многих бюрократов того времени, стал приобретать расположение в думских кругах и этим приносить в жертву свой авторитет представителя власти. Его сближение с Гучковым перешло скоро в тесную дружбу, и думские круги оказывались, благодаря этому, осведомленными очень тенденциозно в вопросах, которые их совершенно не касались. Само собою разумеется, что такой сотрудник оказался негодным для человека, живо интересовавшегося делами своего ведомства и желавшего оставаться его хозяином (подч. мной — А. О.)»⁶⁷. Действительно, стремление Поливанова занять место своего начальника вскоре вызывало у министра подозрения, между ними начался конфликт, по мере его углубления укреплялись связи Поливанова с Гучковым, да и самой Думой. Для последней Поливанов выглядел гораздо предпочтительней.

Как отмечал С. И. Шидловский, «генерал Сухомлинов не баловал Думы своим сотрудничеством, ни в общем собрании, ни в воен-

но-морской комиссии. Его можно было видеть в Думе только в те почему-нибудь торжественные дни, когда появлялось правительство в полном составе. Для работы с Думой у него был товарищ, генерал Поливанов, который вел это дело вполне успешно и пользовался в думских кругах большою популярностью. Ген. Сухомлинов его терпеть не мог, и воспользовался удобным случаем, чтобы от него отделаться. Было это еще во времена третьей Думы в связи с чрезвычайным неудачным выступлением Гучкова в качестве председателя»⁶⁸.

Следует отметить, что напряженные отношения между Гучковым и Сухомлиновым начались ещё ранее, после фактической ликвидации т. н. кружка «младотурок». Сухомлинов вспоминает: «Гучков ополчился против меня ещё в 1910 году после того, как убедился в несходстве наших с ним взглядов на назначение военных сил в стране»⁶⁹. В данном случае имеется в виду разгром кружка ряда высших военных чинов, которые с санкции Редигера неофициально оказывали консультации членам думской комиссии государственной обороны⁷⁰. Основу кружка составили члены военной комиссии по истории русско-японской войны, во главе которой стоял ген. В. И. Гурко⁷¹.

Работа кружка «младотурок» продолжалась около двух лет и завершилась как раз в 1910 г. «Когда я принял министерство, — вспоминал Сухомлинов, — мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилась еще какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов, под председательством Гучкова, при Государственной Думе. Совершенно случайно узнал я об этом; список участников, 8 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал Гурко, редактор истории японской кампании, полковник барон Корф и др. чины военного ведомства»⁷². Как отмечает А. И. Деникин, «все эти лица не имели никаких политических целей, хотя за ними и утвердилась шутивая кличка «младотурок»⁷³. Необходимо отметить, что после государственного переворота в Турции, осуществленного военными, эта кличка носила далеко не безобидный и не шуточный характер. Особенно, если учесть то, что Гучков в 1908 году не скрывал своего восторга в оценке военного переворота, осуще-

63. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. М., 1992. Кн. 2. С. 51.

64. Pares V. My Russian memoirs. Lnd., 1931. P. 180.

65. Савич Н. В. Ук. соч. С. 151.

66. Воейков В. Н. С Царем и без Царя (Воспоминания последнего Дворцового Комеданта Государя Императора Николая II). Гельсингфорс, 1936. С. 127.

67. Курлов П. [Г.] Конец русского царизма... С. 219.

68. Шидловский С. И. Ук. соч. С. 217.

69. Сухомлинов В. [А.] Ук. соч. С. 223.

70. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916. Т. I. М., 1924. С. 40; Рерберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг., члена Военно-Исторической Комиссии по описанию русско-японской войны. 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С. 302.

71. Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 58.; Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 56.

72. Сухомлинов В. [А.] Ук. соч. С. 235.

73. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 186.

ствленного младотурками, и повторял, что недостаточное внимание к армии было одной из ошибок, сделанных либералами в 1905 г. Такой же точки зрения придерживался и В. И. Ленин, но октябристы, в отличие от большевиков, видели целью своей борьбы привлечение симпатий командного, а не рядового состава⁷⁴.

Термин «младотурки» применительно к членам этого кружка ввел в оборот полковник М. Д. Бонч-Бруевич — в недалеком будущем весьма заметное лицо в «деле Мясоедова» — для того, чтобы насолить своим противникам из Николаевской Академии, где два раза не проходила его профессорская диссертация, и испортить им репутацию⁷⁵. В Академии Бонч-Бруевича действительно не любили. Сказались весьма скверные личные качества этого человека — грубость, упрямство, вспыльчивость и властолюбие, а также склонность переводить научные и теоретические разногласия в личный конфликт⁷⁶. Невольно хочется повторить вопрос одного из его критиков: «Каким образом такой подлец и негодяй мог выйти из рядов одного из славных гвардейских полков и как он мог дослужиться до чина генерал-лейтенанта и занимать столько ответственных должностей в императорской армии?»⁷⁷

Ответ на него очень прост — Бонч-Бруевич был лоялен по отношению к начальству, бдительно хранил его интересы, во всяком случае, до тех пор, пока оно занимало командные посты, и никогда не забывал про собственную выгоду, ради которой практически всегда был готов если не на все, то на очень многое. Бонч-Бруевичу удалось поквитаться с коллегами. Как выходец из Киевского военного округа, он пользовался расположением Военного министра и постоянно использовал его, в частности, для того, чтобы подавать информацию о состоянии дел в Академии в нужном себе свете⁷⁸. Такая манера действий соответствовала его тогдашним убеждениям. «Без широкого образования, несколько тупой, но чрезвычайно упорный, — вспоминал А. С. Лукомский, — с громадной трудоспособностью и большой волей, Бонч-Бруевич считался хорошим и крайне добросовестным офицером Генерального штаба. По своим убеждениям он был правее правых. В период первой революции 1905 года он написал ряд статей, проникнутых необходимостью расправиться с революционерами самым беспощадным способом»⁷⁹.

Впрочем, все эти противоречия были еще только завязкой настоящего конфликта, развитие которого невозможно правильно

74. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 18–19.

75. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 256.

76. Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 48. Л. 47 об.–48.

77. Бекау. Ук. соч. С. 17.

78. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. С. 257.

79. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. С. 101.

оценить вне думской политики октябристов. Поскольку об этом сюжете в книге Фуллера не сказано ни слова, вынужден обратиться на него внимание читателя.

15 (28) октября 1911 г. начала свою работу последняя, пятая сессия Думы III-го созыва, которая заканчивалась в июне. В октябре 1912 года должны были состояться думские выборы, так что скандал в любом случае привлекал внимание к политику, идущему на них. Как представляется, это и было основной причиной всплеска активности лидера октябристов. Накануне выборов в IV-ю Думу Гучков решил продемонстрировать свою оппозиционность, но его «думская шумиха» носила уже в 1912 году не комичный характер: она отзовется эхом в 1915 г.

Хорошо знавший лидера октябристов современник заметил, что его отличительной чертой было предпочтение «тайных ходов — открытым»⁸⁰. В конце 1911 и в 1912 гг. эта черта была продемонстрирована довольно явно. 1911 год заканчивался скандалом, который активно использовал Гучков: в Петербурге, а затем и в Москве стали распространяться распечатанные копии писем Великих Княжон и императрицы Александры Федоровны к Распутину. Вскоре выяснилось, что письма, не представлявшие из себя ничего особого (некоторые считали их подделкой⁸¹), были предоставлены печати епископом Гермогеном.

Пятая сессия Думы возобновила свою работу после Рождественских праздников 10 (23) января 1912 г. Задача по демонстрации избирателю оппозиционности по-прежнему оставалась для октябристов актуальной. Впрочем, это и не особенно скрывалось. 1 (14) января гучковский «Голос Москвы» начал с публикацией статей предвыборного характера, в которых «Союз 17 октября» оправдывался от обвинений в сервильизме перед правительством. «Не в сервильизме дело, — заявлял автор статьи „Третья Дума и партийная программа“, — а в торжестве принципов большинства Думы и большинства столыпинского кабинета, а это — большая разница»⁸². «Потерявший общее доверие»⁸³ Столыпин был уже мертв, что значительно облегчало клятвы в верности его принципам, а Гучкову тем временем снова нужно было готовиться к выборам (он это делал уже неоднократно, многие просто не верили, что III-я Дума не будет досрочно распущена). «Всякий готовится к выборам по-своему, — утверждала статья „Из предвыборных раз-

80. Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 135.

81. Курлов П. Г. Гибель императорской России... С. 164–165.

82. Голос Москвы. 1 (14) января 1912. № 1. С. 3.

83. Так оценил его Гучков весной 1911 года, после применения ст. 87 Основных законов при принятии закона о земствах в западных губерниях, см.: Поливанов А. А. Ук. соч. С. 104.

мышлений⁸⁴. — Готовятся к ним кадеты со своею комическою думскою шумихою под занавес и весьма серьезною подготовкою на местах. Осматриваются и национальные партии, где их враги и где друзья»⁸⁴.

Октябристы, как и в марте 1911 г., вновь упрекали кадетов в том, что собирались сделать сами. Наверное, это была трагедия партии, считавшей себя центром, заявлявшей о поддержке правительства, но не допускавшей и мысли о том, что оно в состоянии будет что-либо сделать без «надежной» партийной поддержки. Тем временем скандал с письмами к Распутину продолжался. Вмешательство в частную жизнь императорской фамилии было беспрецедентным событием. Гермоген поплатился за него ссылкой. Неясно, имел ли Гучков прямое отношение к организации этой публикации, но использовал он эту тему мгновенно. Почти одновременно со скандалом «Голос Москвы» начал публикацию статей о епископе Гермогене и Распутине, полностью поддерживая первого⁸⁵. 24 января (6 февраля) 1912 года в «Голосе Москвы» под заголовком «Голос православного мирянина» было опубликовано письмо редактора «Религиозно-философской библиотеки» М. А. Новоселова с призывом к Синоду вмешаться в дело с Распутиным⁸⁶. Фактически это было предисловие к брошюре Новоселова «Григорий Распутин и мистическое распутство», изданной в январе 1912 г. в Москве⁸⁷.

Первые публикации Новоселова начались еще весной 1910 г. — 30 апреля (13 мая) в «Московских Ведомостях». Они вызвали тогда протесты Гермогена и его сторонников⁸⁸. Поддержку Новоселов получил только со стороны кадетской «Речи». Интересно, что близкое к Гучкову «Новое Время» летом 1910 г. не поддержало эту кампанию и даже осудило тех, кто ведет эту «темную и в высшей степени опасную игру»⁸⁹. Теперь в нее начал играть «Голос Москвы». Брошюра Новоселова была запрещена и конфискована полицией⁹⁰. Не могло быть сомнений, что эта же судьба постигнет и номер газеты с его письмом. Это и произошло, что дало возможность уже на следующий день вмешаться в это дело Думе. Ее реакция была очень бурной⁹¹. Гучков также выступил с думской трибу-

84. Голос Москвы. 5 (18) января 1912. № 4. С. 1.

85. Голос Москвы. 17 (30) января 1912. № 13. С. 2; 18 (31) января 1912. № 14. С. 2; 22 января 1912. С. 2, 4.

86. Голос Москвы. 24 января (6 февраля) 1912. № 19. С. 4.

87. Новоселов М. [А.] Григорий Распутин и мистическое распутство. М., 1912. С. III–IV.

88. Там же. С. 9–10.

89. Ольденбург С. С. Ук. соч. С. 506.

90. Полищук Е. С. Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. XXX.

91. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 2. СПб., 1912. С. 1013–1014.

ны: «Господа, тяжелые и жуткие дни переживает Россия; глубоко взволнована народная совесть; какие-то мрачные призраки средневековья встают перед нами... Неблагополучно в нашем государстве. Опасность грозит нашим святыням. А где же они, охранители этих святынь, святыни алтаря и святыни трона?»⁹² Резонанс был весьма велик — скандал удался. Итак, лидер октябристов только что отыграл партию с распутинской темой и ему необходимо было продолжить начатую кампанию. Обратной дороги у Гучкова уже не было.

Одним из приоритетных направлений думской работы октябристов была забота об обороне государства. С конца января 1912 г. в «Голосе Москвы» начала публиковаться серия статей «Перед войной», в которых впервые появилась критика (пусть и весьма осторожная) Сухомлинова. Министр, по мнению газеты, работал хорошо, его планы были рассчитаны на приведение армии в боеспособность в дальней перспективе, но они не учитывали возможность начала войны летом 1912 года, а в таком случае армия по-прежнему оставалась бы к ней не готова⁹³. Эта тема постоянно муссировалась и появление ее было не случайно. Очевидно, думские либералы и их сторонники не хотели, чтобы результат начатого Сухомлиновым процесса не был напрямую связан с их именем.

В феврале 1912 года вмешательство Гучкова в дела армии начали вызывать резкое неудовольствие императора⁹⁴ и он даже просил Сухомлинова при встрече передать Гучкову, что называет его «подлецом». Министр, по его словам, ответил, «что такого случая еще не предвиделось»⁹⁵. Очевидно, генерал все же выполнил приказ Николая II, и глава думского центра начал готовиться к борьбе с Военным министром. Еще ранее, в 1907–1908 гг. основные методы такой борьбы были опробованы во время штурма «шпица», т. е. Адмиралтейства: кампанию начинала серия статей в «Новом Времени», которую подхватывала Дума, постепенно переходя от обвинений в непрофессионализме и халатности к намекам на измену⁹⁶.

По свидетельству самого Гучкова, одним из вариантов возможных действий против Сухомлинова стал бы очередной «скандал на весь мир» в Думе, например, публичное заявление октябристов об уходе из комиссии по государственной обороне. От этого плана отказались, как по причине отсутствия единодушия по этому предложению во фракции, так и потому, что такого рода удар со стороны Гучкова мог не привести к желаемым для него резуль-

92. Там же. С. 1015.

93. Голос Москвы. 17 (30) января 1912. № 13. С. 2.

94. Поливанов А. А. Ук. соч. С. 110.

95. Там же.

96. Айрапетов О. Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России / Под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 167–171.

татам⁹⁷. Следующим, после газетной затравки начала года, шагом стал очередной выпад в сторону Военного министерства. Весной 1912 года русский посланник в Болгарии А. В. Неклюдов, приехавший в Петербург, встретился с Поливановым и Гучковым. Они стали убеждать, что основной проблемой Думской комиссии было заставить Военное министерство испросить ссуды на тяжелую артиллерию, сделанные же заказы незначительны. При этом Гучков, несмотря на свои недавние выпады против положения Великих князей в армии, сохранял хорошие отношения с генерал-фельдцейхмстером Великим Князем Сергеем Михайловичем⁹⁸.

Он также обращался за консультациями к А. Ф. Редигеру, как к председателю комиссии Государственного Совета по принятию нового «Устава воинской повинности». Весной 1911 года они сотрудничали в согласительной комиссии Государственного Совета и Думы, где Редигер тоже был председателем, а Гучков — его заместителем⁹⁹. Защита интересов армии довольно часто маскировалась под необходимость экономии на флоте, тем более очевидной для лидера октябристов, что все его выпады в сторону Адмиралтейства последовательно отбивались представителями Морского министерства.

Говоря о Гучкове, выступавшем против флотских ассигнований под лозунгом первоочередного финансирования армии, И. К. Григорович отметил стремление лидера октябристов к контролю над Военным министерством: «Он в большой дружбе с генералом Поливановым — помощником Военного министра. Правда, Военный министр генерал В. А. Сухомлинов человек несерьезный и против него идет война в Государственной Думе, в которой гадкую роль играет Поливанов»¹⁰⁰. В попытке смещения Сухомлинова участвовал и граф Коковцов, который попытался убедить императора назначить Военным министром Поливанова. Последний учитывал опыт ген. А. З. Мышлаевского, пытавшегося в 1909 г. занять место министра и направленного командовать II-м Кавказским Армейским корпусом с поста начальника ГУГШ. Поливанов пытался вести осторожную интригу, однако и она провалилась¹⁰¹.

Поливанову, в отличие от Сухомлинова, симпатизировали и думские либералы, и «никалаевцы», что, однако, отнюдь нельзя считать свидетельством его выдающихся организационных способностей. Правда, это не помешало ему вместе с Гучковым органи-

зовать весьма серьезную угрозу для своего министра. Было принято решение организовать «скандал на весь мир» без коллективного сложения октябристами полномочий членов Комиссии по государственной обороне. В случае успеха (у Гучкова был вдохновляющий опыт с Редигером¹⁰²) на кону было бы место Военного министра для ген. Поливанова, который превращался бы в думского ставленника.

Собственно, других избирательных приемов, кроме скандалов и интриг, у октябристов практически не оставалось. Думским партиям было трудно привлечь к себе внимание на выборах. «Наши, ныне существующие партии, — отмечал 1 (14) апреля 1912 г. „Голос Москвы“, — создавались в эпоху послереволюционного строительства, частью в самый разгар революции. Их задачи были гораздо более общи и в этой общности гораздо более неопределенны, нежели того требует текущий момент, уже порвавший с «идейными» декларациями и вступающий в область реальной политики, реальной созидательной работы. Все наши партии носят такой «декларативный» характер, в их программах общие взгляды на сущность строя, указания на общие контуры реформ занимают преобладающее место. Многие пункты программ так отвлечены, что в их осуществление не верят сами главари партий. Включение таких пунктов в программы имеет или цели «избирательного» воздействия на психологию обывателей, или же, в лучшем случае, представляет мечту об очень далеких возможностях»¹⁰³.

В этой обстановке и началась кампания против Мясоедова, в целом удачно раскрытая Фуллером (104-116). К этому рассказу стоило бы добавить, что еще в 1912 году была сделана попытка сопрячь атаку на Мясоедова и Сухомлинова. Первая публикация об истории, связывавшая развод второй супруги Сухомлинова Е. В. Бутович (урожденной Гошкевич), киевскую охранку и Сухомлинова, появились в гучковском органе еще за неделю до выпада против Мясоедова в «Вечернем Времени»¹⁰⁴. Таким образом, почва для атаки на Сухомлинова готовилась заранее и на этом направлении¹⁰⁵. Впрочем, раздуть из этой истории политический скандал с нужными последствиями не удалось. Жаль, что автор рецензируемой монографии не уделил этому достаточного внимания. Между тем почти каждая такая публикация была связана с ходом октябристов в Думе.

Так, например, 9 (22) мая «Голос Москвы» вновь опубликовал материал о разводе супруги Сухомлинова, на этот раз обвиняя его

97. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 61.

98. Necludoff A. [V.] Diplomatic reminiscences before and during the world war, 1911-1917. Lnd., 1920. P. 78-79.

99. Редигер А. [Ф.] Ук. соч. Т. 2. С. 341-342.

100. Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1999. С. 86.

101. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. С. 95.

102. Айрапетов О. Р. Сухомлинов и Алексеев. С. 743-748; Айрапетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции. С. 96-99.

103. Голос Москвы. 1 (14) апреля 1912. № 76. С. 2.

104. Голос Москвы. 7 (20) апреля 1912. № 81. С. 5.

105. Голос Москвы. 11 (24) апреля 1912. № 84. С. 6.

в злоупотреблении властью генерал-губернатора при его подготовке¹⁰⁶. Причина, как представляется, проста: 10 (23) мая в Думе обсуждались бюджеты по Канцелярии Военного министерства, Военно-Судному и Главному интендантскому Управлениям. Их защищал помощник начальника Канцелярии Военного министерства ген.-майор Н. Н. Янушкевич, который легко справился со своей задачей¹⁰⁷. Вскоре проверкой Главного военного прокурора было установлено, что «подп. Мясоедов никакого доступа к секретным сведениям Главного управления генерального штаба и Главного штаба не имел, и поручений по политическому сыску на него никогда не возлагалось». 16 (29) мая эта информация была опубликована в «Русском инвалиде» и в некоторых других газетах¹⁰⁸. Под заголовком «От Военного министерства» ее разместило у себя и «Новое Время»¹⁰⁹. «Так была раскрыта вся гнусность интриги члена Гос. Думы Гучкова, — вспоминал Спиридович. — Он оказался патентованным клеветником и лгуном»¹¹⁰. За скобками, правда, остался Поливанов с его версией об имеющихся в Генеральном штабе подозрениях о связях Мясоедова с австро-венгерской разведкой. К 23 мая (5 июня) дискуссия в Думе по другим военным асигнованиям приняла относительно спокойный характер¹¹¹.

Прискорбно, что в отрывке, названном «Как был коррумпирован Сухомлинов» (126-128) Фуллер выстраивает свои доказательства на данных абсолютно пристрастной (по мнению самого автора — 230–231) «комиссии Петрова». Член Государственного Совета инженер-генерал Н. П. Петров действительно возглавил ее (и, кстати, к своему удивлению¹¹²). В состав комиссии вошли три представителя Думы (товарищи Председателя Государственной Думы И. Я. Голубев и С. Т. Варун-Секрет и депутат граф В. А. Бобринский), три представителя бюрократии (сам Петров, генерал-адъютант, назначенный член Государственного Совета А. И. Пантелеев (от Военного министерства), сенатор Н. П. Посников (от Министерства юстиции) и представитель центристской фракции Государственного Совета — Н. А. Наумов¹¹³.

106. Голос Москвы. 9 (21) мая 1912. № 105. С. 2.

107. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. СПб., 1912. С. 907–924.

108. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 24.

109. Шацкило К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова. С. 109.

110. Спиридович А. И. Ук. соч. С. 106.

111. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. СПб., 1912. С. 2199–2206.

112. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 29 июля (11 августа) 1915. № 14994. С. 3.

113. Наумов Н. А. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 310–311.

Представителям общественности не нравилось то, что генерал Петров руководил ее работой «более чем сдержанно и осторожно», не проявляя при этом желательной с их точки зрения инициативы. Представители Думы и Государственного Совета сразу же объединились, и слаженно действуя, перетянули на свою сторону еще и сенатора Посникова¹¹⁴. Это было ценное приобретение, которое давало не только прочный перевес при голосовании, но и демонстрировало поддержку представителей общественности со стороны представителя закона. Посников возглавлял юридическую часть комиссии¹¹⁵. Для использования Сухомлинова в качестве громоотвода необходимо было легитимизировать слухи и клеветнические обвинения в предательстве. Именно эту задачу и решала подкомиссия Посникова, «собиравшая всю ту грязь и инсинуации, которые охотно приносила ей улица»¹¹⁶. Фактически сенатор превратился в «ящик для доносов» общественности. Не удивительно, что, примкнув к ее представителям, он довольно быстро убедился в предательстве Сухомлинова и даже углядел целых 8 шпионских сетей, ведущих к нему, и это не считая (!) дела Мясоедова¹¹⁷. К чести Фуллера, он часто использует такие обороты, как «возможно», «весьма вероятно» и т. п.

Достаточно ли этого для доказательств вины Военного министра? Сомневаюсь... И сомневаюсь тем более сильно, что даже при аресте Сухомлинова 20 апреля (3 мая) 1916 г. озвученные представителями власти обвинения (первично собранные комиссией Петрова, а вернее, подкомиссией Посникова), прямого упоминания о коррупции не включали. А между тем эти обвинения были весьма и весьма серьезными: злоупотребление властью (ст. 338), противозаконное бездействие власти (ст. 339), превышение и противозаконное бездействие власти (ст. 341), подлог (ст. 362), и, наконец, «способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях»¹¹⁸. Арест Сухомлинова (неплохо описанный Фуллером — С. 242–243), как отмечала передовица «Речи», «естественно произвел огромное впечатление», и особенно потому, что в обвинении упоминалась статья 108 — т. е. шпионаж¹¹⁹. Что же касается коррупции, то у всякого преступления такого рода должен быть финансовый след. Насколько мне известно, в России он обнаружен не был (этот вопрос, кстати, Фуллер решает очень знакомо — в традициях описываемой им паранойи: он считает, что финансовый след просто

114. Там же. С. 311–313.

115. Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 194.

116. фон Раупах Р. Р. Ук. соч. С. 109.

117. Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 194.

118. Речь. 23 апреля (6 мая) 1916. № 110 (3493). С. 5; 25 апреля (8 мая) 1916. № 112 (3495). С. 3.

119. Речь. 25 апреля (8 мая) 1916. № 112 (3495). С. 1.

не удалось обнаружить (263. Что это, как не отказ от презумпции невинности?), а в эмиграции Сухомлинов был нищим.

Возвращаясь к 1912 году, следует заметить, что главный вывод достаточно очевиден: скандал, который запланировал лидер октябристов, состоялся. Что касается репутации Мясоедова, то для Гучкова, или, во всяком случае, людей из его окружения, жандармы были офицерами «второго сорта»¹²⁰. Второй вывод, не менее очевидный для современников, остался в тени исторических исследований: ни этот скандал, ни поездки на готовившиеся к войне Балканы не помогли Гучкову на выборах. Не помогли другие скандалы (а их было немало), ни обычные для такого рода политиков заявления о готовности отстоять права избирателей от административного произвола.

Гучков избирался по 1-й курии по списку 6-го избирательного участка в Москве (Лефортовская и Мещанская части)¹²¹. За два дня до выборов он встретился со сторонниками октябристов и призвал их, по примеру воюющих братьев-славян, которые объединились вне зависимости от политических разногласий, сделать то же самое для того, «чтобы обличить все измышленные администрацией способы фальсификации думских выборов и раз навсегда „спасти конституцию“ от посягательств, от административных воздействий на волю граждан-избирателей»¹²². В 6-м избирательном участке по списку 1-й курии было зарегистрировано 1310 избирателей. 18 (31) октября 1912 года Гучков пришел голосовать в избирательную комиссию, расположенную в школе на Домниковской улице около часа дня. «Многие избиратели жмут ему руку и желают успеха, — сообщал „Голос Москвы“. — Группа избирателей, увидя А. И. в вестибюле, аплодирует»¹²³.

Аплодисменты, как и организованные скандалы, не помогли партии центра. Не была решена и главная задача правительства: создание предвыборной «беспартийной» группировки, на кандидатов которой в случае победы можно было бы опереться в Думе¹²⁴. Во всяком случае, в Москве. Уровень электоральной активности в первопрестольной столице снизился. Например, в 1907 г. к урнам 6-го избирательного участка пришел 861 избиратель, 65 % от общего их числа, в 1912 г. — 770 избирателей, 58 % от общего числа¹²⁵. Еще хуже (во всяком случае, для октябристов) было то, что на выборах (по 1-й курии на данном участке избиралось 2 члена Государственной Думы) Гучков был забаллотирован и вместо октяб-

ристского полностью прошел кадетский список. Вряд ли это можно было объяснить происками администрации, но именно на это намекала гучковская газета: «Из Думы устранен самый „беспокойный“ человек, немало крови испортивший представителям сановной бюрократии, потому что оппозиционные выступления А. И. Гучкова не были политической буффонадой вроде митинговых фейерверков Родичева. Они били, как тяжелым молотом, его голос звучал на всю Россию, и «крылатые слова» оставались несмытым клеймом на тех, по адресу кого были брошены. Теперь правительство может быть совершенно спокойно»¹²⁶.

Сразу же после поражения извиняться перед Мясоедовым, пусть и по соглашению, достигнутому еще 30 июня (13 июля), Гучков не торопился. Вообще он предпочитал отсутствовать во время неизбежных поражений, и, сделав выпад, предоставлять единомышленникам принимать на себя ответственность за его «крылатые слова», которые действительно оставались на людях «несмытым пятном». 19 октября (1 ноября) «Голос Москвы» опубликовал информацию о том, что некий штаб-ротмистр пограничной стражи Мясоедов, «брат известного полковника Мясоедова», застрелил в Вильно своего товарища ротмистра Никитина. Как потом выяснилось на суде — случайно¹²⁷. Как выяснилось позже, и не брат, а однофамилец¹²⁸. Газета Гучкова не теряла возможности использовать малейший информационный повод в свою пользу, а пока что все внимание она стремилась привлечь к незаслуженно неизбранному Гучкову. Городская организация октябристов Москвы назначила на 25 октября (7 ноября) обед в его честь¹²⁹. Он прошел с большим успехом и помпой, при аплодисментах¹³⁰, а на следующий день виновник торжества отбыл на Балканы для того, чтобы руководить санитарными отрядами¹³¹.

После этого предвыборный скандал с Мясоедовым был уже не актуален, все внимание общества было приковано к действиям союзников против турок. С другой стороны, оставалось в силе и решение суда. В результате «Голос Москвы» 6 (19) ноября опубликовал письмо Мясоедова, после которого было напечатано заявление редакции, приносившей ему свои извинения в связи с публикацией недостоверной информации, порочившей его репутацию. При этом редакция не забыла лягнуть Сухомлинова. Публикация эта столь примечательна, что хочется воспроизвести ее полностью.

Письмо Мясоедова: «М. г., г. редактор! Вследствие поданной мною жалобы 30 июня с. г. у судебного следователя 6-го участ-

120. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 94.

121. Голос Москвы. 16 (29) октября 1912. № 238. С. 1; 18 (30) октября 1912. С. 1.

122. Голос Москвы. 16 (29) октября 1912. № 238. С. 5.

123. Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1912. № 241. С. 4.

124. Наумов Н. А. Ук. соч. С. 227.

125. Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1912. № 241. С. 4.

126. Голос Москвы. 20 октября (2 ноября) 1912. № 242. С. 1.

127. Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1912. № 241. С. 3.

128. Голос Москвы. 24 октября (6 ноября) 1912. № 245. С. 5.

129. Там же. С. 1.

130. Голос Москвы. 26 октября (8 ноября) 1912. № 247. С. 5.

131. Голос Москвы. 27 октября (9 ноября) 1912. № 248. С. 4.

ка Петербургского окружного суда, на которое прибыл уполномоченный вами присяжный поверенный В. М. Голиков, заявивший, что вы желали бы окончить дело миром и что вы согласны напечатать опровержение по поводу статьи „Шпионаж и сыск“, помещенной в № 93 «Голос Москвы» от 23 апреля с. г., полагая, что за шесть месяцев вы могли разобраться в доходивших до вас слухах и сведениях обо мне, я воздерживаюсь от предъявления вам текста опровержения, которое меня удовлетворило бы, и, полагаясь всецело на вашу корректность, предоставляю составление такового вам самому. Примите и пр. полковник Мясоедов».

От редакции: «С полной готовностью помещаем в нашей газете письмо С. Н. Мясоедова и считаем своим долгом заявить, что, изучив и проверив самым тщательным образом имеющиеся в редакции материала, мы пришли, к сожалению, к заключению, что редакция была введена в заблуждение неверными сведениями о полковнике Мясоедове, о котором мы решительно ничего предосудительного сказать не можем, и в целях восстановления доброго имени его, несправедливо нами задетого в статье „Шпионаж и сыск“, помещаем настоящее опровержение, которое просим и другие газеты перепечатать. При этом мы заявляем, что опровержение это, разумеется, ни в какой степени не умаляет и не смягчает тех тяжелых обвинений, которые мы в то время предъявили военному министерству и которые не были и не могут быть опровергнуты»¹³².

Итак, если Мясоедов не был ни шпионом, ни сыщиком, то Сухомятин все же оставался виновен в том, в чем его обвиняли — т. е., в легкомысленном принятии на службу шпиона и сыщика. Военный министр проигнорировал последний абзац извинений. Что касается Мясоедова, то в начале Мировой войны он помирился и с издателем газеты «Новое Время» Сувориним, который в письме к нему признал свою неправоту. Это, правда, никак не мешало издателю в 1915 г. вновь облить Мясоедова грязью, но уже после того, как он был повешен¹³³. Действия Гучкова, несмотря на признание своей неправоты, не были безрезультатными. Хотя он и проиграл выборы в Москве, но желаемого результата, пусть и частично, все же добился. По верному определению Н. В. Савича, III-я Дума, начав свою работу в тесном контакте с Военным министром, закончила ее «в открытой войне» с ним. IV-я Дума сразу же пошла по стопам своей предшественницы. Родзянко открыто заявлял о нежелательности присутствия генерала на заседаниях («Вы для нас красное сукно...»)¹³⁴.

132. Голос Москвы. 6 (19) ноября 1912. № 256. С. 5.

133. Фрейнат О. Г. Ук. соч. С. 25.

134. Савич Н. В. Ук. соч. С. 129; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 138.

Военные главы монографии Фуллеру явно не удались. На картине, написанной им, слишком много широких мазков, как например: «В Вене справедливо полагали, что за сараевскими заговорщиками стояли организовавшие и вооружившие их элементы в правительстве Сербии» (140). Почему в Вене «справедливо полагали», что за преступление, совершенное собственным подданным, должна ответить соседняя страна — тайна сия осталась нераскрытой. Во всяком случае, для меня. В Вене могли бы и полагать, и уж точно, не без оснований, что это (далеко не первое!!!) политическое покушение в Боснии вызвано политикой Габсбургов на землях южных славян вообще и сербских — в частности. Но в таком случае, естественно, у Вены не было бы оснований к нападению на Сербию. Имею основание полагать, что в данном случае Фуллер, справедливо уделивший так много внимания политической паранойе в России в 1917 г. (132), демонстрирует влияние параноидального отношения к Сербии в США (явления столь известного, что на нем нет смысла специально останавливаться). Очевидно, от некоторых болезней не только страдают, но и получают удовольствие.

Не менее удивительно и еще одно утверждение автора — оказывается, в начале Первой мировой войны русская армия была разделена на три части: Северо-Западный, Юго-Западный фронты и «войска прикрытия в Центральной Польше». Это разделение Фуллер называет «самой странной чертой военного плана, которой Россия пыталась реализовать в августе 1914 года» (151). Хотелось бы заметить, что в описываемое время против Австро-Венгрии и Германии все же действовало только 2 фронта, и ничего странного в этом никому еще углядеть не удавалось. Не удалось мне заметить объяснение этой «самой странной черты» и у Фуллера. Думаю, что справедливым будет предположение, что историку лучше не писать о том, в чем он не разбирается, тем более если это не относится напрямую к теме его исследования.

А вот описание катастрофы 10-й армии и гибели XX-го Армейского корпуса в Августовских лесах могло (и, наверное должно) было быть не столь лапидарным (156-158), хотя бы потому, что оно-то как раз напрямую относится к этой теме. Дело в том, что на роль шпиона назначали именно те, кто был в первую очередь виноват в случившемся. Высшее военное руководство приступило к поиску козлов отпущения сразу после разгрома армии Ф. В. Сиверса. Великий Князь Николай Николаевич больше не хотел брать на себя ответственность за поражение в Восточной Пруссии, как это он сделал после катастрофы армии Самсонова и поражения Ренненкампа в начале войны. Бонч-Бруевич, как генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта, прекрасно понимал, что и почему случилось с 10-й армией и с XX-м корпусом. Влияние этого генерала на все более слабевшего боль-

ного Рузского было весьма велико. Среди подчиненных в штабе он имел репутацию человека упорного, упрямого и волевого¹³⁵. Весьма двусмысленные качества его характера, судя по всему, также остались при нем. Болезни Главнокомандующего, по его мнению, часто носили «дипломатический характер», и Бонч-Бруевич никак не мог понять, действительно ли болел Рузский (для других это было очевидно)¹³⁶.

Но генерал-квартирмейстер фронта понял и другое. Бонч-Бруевича не без оснований называли «великим визирем» фронтового штаба. Между тем, идея наступления 10-й и 12-й армий фактически принадлежала ему, и он отнюдь не собирался теперь нести за нее ответственность, тем более что следствием по делу гибели XX-го корпуса формально руководил все тот же Рузский¹³⁷. В той обстановке это означало, что реально возглавлял и направлял следствие именно Бонч-Бруевич. Никогда не страдая, по его позднейшему признанию, шпиономанией, он сразу же после вступления в должность уяснил, что необходимо активно бороться со шпионами. Теперь наступало время для проявления этих убеждений¹³⁸.

Поражение 10-й армии действительно взволновало общество, но проводить параллель с реакцией на первое поражение в Восточной Пруссии (158) все же не совсем корректно. Большое значение для формирования первой реакции на событие имеет характер информации о нем. Что знал тыл о событиях на фронте в сентябре 1914 г.? Весьма немного, к тому же и общественность была готова безоговорочно верить Верховному Главнокомандующему.

19 августа (1 сентября) 1914 г. Ставка издала официальное сообщение о поражении в Восточной Пруссии: «Вследствие накопившихся подкреплений, стянутых со всего фронта, благодаря широко развитой сети железных дорог, превосходные силы германцев обрушились на наши силы, около двух корпусов, подвергшихся самому сильному обстрелу тяжелой артиллерии, от которой мы понесли большие потери. По имеющимся сведениям, войска дрались героически. Генералы Самсонов, Мартос, Пестич и некоторые чины штаба погибли. Для парирования этого прискорбного события принимаются с полной энергией и настойчивостью все необходимые меры. Верховный Главнокомандующий продолжает твердо верить, что Бог поможет их успешно выполнить»¹³⁹. Об окружении ниче-

го не говорилось, крупные потери объяснялись калибром и дальностью артиллерии противника¹⁴⁰.

Из сообщения Ставки даже нельзя было сделать вывод, где произошли эти события. В русской прессе возникли предположения, что они имели место в юго-западной части Восточной Пруссии, куда легче было подвезти по железным дорогам крепостную артиллерию. Ясно было одно: произошло нечто серьезное¹⁴¹. «Обстановка боя, во время которого произошла катастрофа, повлекшая за собой смерть генералов А. В. Самсонова, Мартоса и Пестича, — сообщало „Утро России“, — до сих пор остается невыясненной, хотя вся Россия жаждет знать подробности. За отсутствием последних обычно роятся всевозможные слухи, не имеющие решительно никакой цены. Из осведомленных кругов передают, что, несмотря на понесенные потери, наше положение в Восточной Пруссии продолжает оставаться прочным. Два корпуса, подвергшиеся обстрелу тяжелыми орудиями германцев (по-видимому, взятыми из крепостей Торна и Грауденца), пострадали только от артиллерийского боя, который происходил на дальнем (не менее 7 в [ерст] расстоянии)»¹⁴².

Та же газета позже убеждала своих читателей, что наши войска отошли из-под Сольдау «в полном порядке», что свидетельствовало о том, что противник не решился преследовать их вне пределов досягаемости своей крепостной артиллерии¹⁴³. Очевидно было, что после побед и обещаний дальнейших успехов произошло нечто непредвиденное, и это не могло не беспокоить людей. В интервью, данном 19 августа (1 сентября) «Утру России», Родзянко пытался успокоить общественность: «Меня лично почти более, чем неудача, огорчает та нервозность, которую проявляет общество при таких известиях. Не следует преувеличивать тяжесть событий. Мы имеем дело с сильным врагом... Нет ничего хуже, если в действующую армию проникнут известия, что оставшиеся дома слишком волнуются и падают духом при неудаче. Важны не неудачи; важен конечный итог войны»¹⁴⁴. Доверие к Ставке со стороны органов печати оставалось пока демонстративно единодушным.

«Кто не боится сказать правду, как бы горька она не была — тот силен, — заявили „Биржевые Ведомости“. — Лгут слабые! И то обстоятельство, что наш полководец не скрыл неудачи, не пожелал, как это делают немцы, утаить ее, имеет огромное нравственное значение. Пусть немцы поддерживают дух своего народа ложью о взятии Петрограда, о победах не существующих! Мы сильны —

135. ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 27–27 об.

136. Бонч-Бруевич М. Д. Ук. соч. С. 60.

137. Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья восточно-прусская катастрофа. 25 янв. — 8 фев. 1915 г. Сан-Франциско, 1937. С. 49.

138. Бонч-Бруевич М. Д. Ук. соч. С. 60.

139. Русский инвалид. 19 августа 1914. № 179. С. 1; Голос Москвы. 19 августа (1 сентября) 1914. № 189. С. 4.

140. Голос Москвы. 21 августа (3 сентября) 1914. № 191. С. 2.

141. Русские Ведомости. 20 августа 1914. № 190. С. 2.

142. Утро России. 20 августа 1914. № 195. С. 2.

143. Утро России. 22 августа 1914. № 197. С. 2.

144. Утро России. 20 августа 1914. № 195. С. 3.

и не боимся поэтому правды, какова бы она не была»¹⁴⁵. В целом, сомнений в том, каким будет этот итог, в тылу пока что не было. «Событие, о котором сообщает штаб, — сообщала передовица „Речи“, — не может существенно отразиться на наших операциях в Восточной Пруссии, оно не может ослабить нашей армии и оно не должно поэтому морально угнетать сражающуюся армию и нас, наблюдающих за ходом операции. В каждой войне потери неизбежны»¹⁴⁶. «Как ни прискорбна эта неудача, — гласило военное обозрение „Русских Ведомостей“, — она все-таки является лишь отдельным фактом, который сам по себе не может изменить общего положения дел в Восточной Пруссии»¹⁴⁷. Конечно, этим настроением способствовал и успех Юго-Западного фронта. По словам Джунковского, взятие Львова и Галича действительно смягчили удручающее впечатление от самсоновской катастрофы: «Эти две блестяще одержанные победы заставили немного забыть Сольдау»¹⁴⁸.

Но в 1915 г. все было по-другому, и не потому, что вслед за поражением, с немцами не было других побед (158). Удивительно мало внимания в своих «широких мазках» автор уделяет Перемышлю. Он всего лишь упоминает о его падении как о военном событии, ускорившем переход австро-германцев в контрнаступление (220), а ранее — и вообще умалчивает. По мнению автора, «в феврале 1915 г. не случилось аналога галицийской победы, который мог бы отвлечь внимание от разгрома 20-го корпуса» (158). Разумеется, этого не случилось в феврале, поскольку «аналог» выпал на март 1915 г. Заявление же о том, что общественные ожидания быстрой победы в этот момент битвы в Карпатах были охлаждены и т. п. (192) могут вызвать только улыбку. На самом деле заявления о близости скорой победы следовали одно за другим¹⁴⁹, и, безусловно были связаны с играми, которые велись на «домашнем фронте». Отклик на капитуляцию Перемышля был вообще весьма горяч и заметен.

Утром 9 (22) марта 1915 года новость об этой победе была получена в Петрограде¹⁵⁰. В нее сначала не поверили, но в три часа дня пришло подтверждение, и, несмотря на сильный снег, улицы столицы заполнили ликующие люди с национальными флагами

145. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 19 августа (1 сентября) 1914. № 14231. С. 1.

146. Речь. 19 августа (1 сентября) 1914. № 221 (2890). С. 1.

147. Русские Ведомости. 20 августа 1914. № 190. С. 2.

148. Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 404.

149. См.: Блом М. Военное обозрение // Военный сборник. 1915. № 4. С. 225; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 14 (27) марта 1915. № 14727. С. 1; Новое Время. 10 (23) марта 1915. № 14007. С. 5; Утро России. 10 марта 1915. № 68. С. 1; Речь. 11 (24) марта 1915. № 68 (3091). С. 1; Речь. 11 (24) марта 1915. № 68 (3091). С. 1.

150. Новое Время. 19 (23) марта 1915. № 14007. С. 5.

и портретами императора¹⁵¹. Невский проспект был переполнен, большое количество людей вышли на улицы и на рабочей, Петроградской стороне города. Стихийные демонстрации шли к Аничкову дворцу, к посольствам союзных стран. В Казанском соборе был отслужен торжественный молебен, на демонстрациях принимались тексты поздравительных телеграмм в адрес Верховного Главнокомандующего. В Москве происходило то же самое.

Днем молебен у часовни Иверской Божьей Матери собрал свыше 10 тысяч человек. Около 16.30 на улицах начали появляться демонстрации с флагами, портретами Николая II и Николая Николаевича-младшего. Они собирались на Тверской улице, у памятника М. Д. Скобелеву, в Кремле, у памятника Александру II, у памятника Гренадерского корпуса на Лубянском сквере, у храма Христа Спасителя. На железнодорожных вокзалах были отслужены благодарственные молебны, молебен прошел в Большом Успенском соборе Кремля, откуда к Лобному месту через Спасские ворота направился крестный ход. На Красной площади стояли войска и тысячи москвичей. Некоторые заводы и фабрики остановили работу и рабочие вышли на улицы, чтобы поддержать патриотические демонстрации. Стихийный праздник завершился лишь к полуночи. Массовые демонстрации и молебны в честь победы прошли во Львове, Варшаве, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме, Екатеринбурге, Одессе и многих других городах. В Ставку шли телеграммы от железнодорожников, студентов, митингующих. Поздравительная телеграмма была принята и на специально собранном заседании профессоров медицинского факультета Московского университета, а Петроградский университет, кроме того, избрал Великого Князя своим почетным членом (Московский университет сделал это еще 5 (18) декабря 1914 г.)¹⁵².

Сплетни о предательстве и арестах высшего генералитета на время успокоились — Перемышль заслонил собой все¹⁵³. Сдалась первая большая крепость противника, в то время как маленький русский Осовец вместе с полевыми войсками остановил немцев вместе с их тяжелой артиллерией!¹⁵⁴ Немаловажным для общественного мнения успехом было и взятие Мемеля. 10 (23) марта передовица «Русского Инвалида» провела прямую параллель между взятием этого небольшого восточно-прусского городка с 20-тысяч-

151. Washburn S. Op. cit. Lnd. [1915]. Vol. 2. P. 4.

152. Утро России. 6 декабря 1914. № 303. С. 5; 10 марта 1915. № 68. С. 2; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 25 января (7 февраля) 1915. № 14633. С. 1; 9 (22) марта 1915. № 14717. С. 1–2; Новое Время. 10 (23) марта 1915. № 14007. С. 5–6; 11 (24) марта 1915. № 14008. С. 4; Русские Ведомости. 10 марта 1915. № 56. С. 4; 11 (24) марта 1915. № 57. С. 4; Речь. 11 (24) марта 1915. № 68 (3091). С. 3.

153. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. С. 45.

154. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 11 (24) марта 1915. № 14721. С. 2.

ным населением и взятием первокласной австрийской крепости: «Наши доблестные войска на обоих фронтах, германском и австрийском, в последние дни соперничали между собою в достижении крупных успехов: в Восточную Пруссию они вновь вступили на неприятельскую территорию и овладели с боя городом Мемелем, а из Галиции после геройского отражения 6-го марта нашими войсками отчаянной вылазки из Перемышля, пришла радостная весть о сдаче Перемышля»¹⁵⁵.

Но даже эту победу заслонил собой ее «главный герой» — Верховный Главнокомандующий. 12 (25) марта 1915 года на заседании съезда Земского Союза князь Г. Е. Львов уделил ему особое внимание: «Собралась серая, но доблестная армия. Во главе ее стал, как былинный богатырь, Великий Князь Николай Николаевич, и грудью залоснилась она все пути-заставы и не пустила дерзкого врага внутрь страны»¹⁵⁶. Съезд приветствовал Главковерха. Правда, глава Земского Союза в эти дни счел необходимым упомянуть и об «истинно-трогательном единении» между его организацией, Красным Крестом и Военным министерством. Посему съезд отправил приветственные телеграммы Сухомлинову, начальнику Генерального штаба ген. Беляеву и Главнокомандующим армиями фронтов¹⁵⁷. Вскоре о единении с Сухомлиновым станет не принято не только говорить, но и вспоминать.

До новости о взятии Перемышля обстановка действительно была другой. И вскоре она станет точно такой же — после его оставления русскими войсками. Весной 1915 г., практически сразу же после поражения 10-й армии, в тылу поползли самые разнообразные слухи, объяснявшие случившееся, в том числе и о вездесущих шпионах. Немецкие фамилии Сиверса и Будберга также сразу же вызвали у многих подозрение. «Общественное мнение требовало наказания „шпионов“, — вспоминал старший адъютант штаба Ковенской крепости подполковник Б. И. Бучинский, — и если их не могли найти, то надо было выдумать»¹⁵⁸. Обществу, ожидавшему в августе 1914 г. победоносного окончания войны до Рождества, необходимо было дать объяснения. «Они были найдены в деятельности «предателей», — вспоминал военный прокурор полковник фон Раупах, ведший дело Мясоедова, — и процессы об измене волной стали разливаются из Ставки после каждой крупной военной неудачи... Искусственно создавалось общее убеждение, что высший командный состав с Великим Князем Николаем Николаевичем и его начальником штаба генералом Янушкевичем

155. Русский инвалид. 10 марта 1915. № 56. С. 1.

156. Русские Ведомости. 13 марта 1915. № 59. С. 4.

157. Там же.

158. Б. Б-ий [Бучинский Б. И.]. Ук. соч. С. 135.

во главе не могли быть ответственными за неудачи, когда их окружала измена и предательство»¹⁵⁹.

7 (20) февраля 1915 г. под суд был отдан ген. Епанчин¹⁶⁰, но он удивительно быстро и энергично начал доказывать, что, выполняя приказы командования, сделал все, что возможно было сделать. Назначенный следователем генерал от инфантерии Л.-О. О. Сирелиус провел расследование, подтвердившее правоту слов обвиняемого¹⁶¹. Вслед за ним в поражении был обвинен исполнительный Сиверс¹⁶². 27 февраля он был смещен с поста командующего 10-й армией¹⁶³. Фактически ему вменялось в вину то, что он не взял на себя риск нарушить приказ штаба фронта. В высшей степени показательно, что следствие обошло своим вниманием Будберга — его даже не привлекли к даче показаний¹⁶⁴. Удивляться не приходится. При таком подходе к этому делу Будберг был не нужен. На роль козла отпущения он не годился, и не только потому, что был прав, и с самого начала кризиса последовательно занимал абсолютную верную позицию. Сомнительно, что над человеком, принадлежащим к такой фамилии и обладавшим такими связями в гвардейской среде, можно было бы запросто расправиться. Будберга было гораздо удобнее игнорировать, или вывести из игры хотя бы на время. Характерно, что сразу же после смещения руководства 10-й армии, т. е. уже в начале марта 1915 г., в Петрограде стала распространяться информация о том, что Будберг сошел с ума¹⁶⁵.

Многие ожидали, что именно Сиверс и Будберг будут привлечены к суду, но вскоре о них перестали говорить¹⁶⁶. На роль главного злодея в шпионской истории ни командующий 10-й армии, ни начальник его штаба явно не годились, в таком случае обвинение неизбежно пало бы и на Ставку, то есть на Верховного Главнокомандующего, который и назначил их на эти должности. Даже вывод об их некомпетентности бросал тень на репутацию Николая Николаевича-младшего и уводил внимание общества в сторону от направления, желательного для Великого Князя и его сторонников.

«Это уже третье несчастье, которое испытала русская армия в Восточной Пруссии за семь месяцев войны, — докладывал 1 марта 1915 г. в Лондон Альфред Нокс. — Все три взятые вместе лишили нас, пожалуй, 30 генералов, но стоили многих хороших пол-

159. фон Раупах Р. Р. Ук. соч. С. 99.

160. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. С. 30.

161. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 436.

162. Будберг А. П. Ук. соч. С. 49.

163. Хольмсен [И.] [А.] Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 210.

164. Будберг А. П. Ук. соч. С. 51, 53, 61–62.

165. Public Records Office. War office. 106 / 1055. L. 3.

166. фон Раупах Р. Р. Ук. соч. С. 111–112.

ковых офицеров и до 250.000 человек. Они стоили нам свыше 500 орудий, а также столь необходимых винтовок, снаряжения, всех видов обозов, достаточного для того, чтобы снарядить пять армейских корпусов. Русская поговорка гласит, что, если ты гонишься за двумя зайцами, то не поймашь ни одного. Русский Генеральный штаб начал кампанию с преследованием восточно-прусского зайца, но галицийский заяц с той поры стал гораздо более популярным... Русские офицеры в общем понимают, что Германия — это враг, который должен быть завоеван. Одна партия считает, что необходимым предварительным условием является систематическая оккупация Восточной Пруссии до Вислы, другая — что возможно вторжение в Силезию из Галиции и Юго-Западной Польши, если Восточная Пруссия будет обложена. Ни одно из этих решений не было принято, но достигнут своеобразный компромисс, возможно, вследствие влияния командиров двух „фронтов“ на верховное командование. Говорят, что Великий Князь большой сторонник силезской идеи. Если это так — он должен был обложить Восточную Пруссию по линии Неман, Бобр и Нарев вместо того, чтобы посылать 10-ю армию вперед в пасть германской железнодорожной системы»¹⁶⁷.

Раз это понимал британский военный атташе — это могли понять и другие. Следовательно, был нужен козел отпущения, ответственный за грехи великокняжеской Ставки. Но кто мог занять это место? Для него и был выбран подполковник Мясоедов, случайно оказавшийся именно в штабе 10-й армии. Все остальное было делом техники. «Дело Мясоедова, — отмечал 25 февраля 1916 г. в своем дневнике Лемке, — поднято и ведено, главным образом, благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин»¹⁶⁸. Трудно с полной уверенностью утверждать, кому в штабе Северо-Западного фронта первому пришла мысль о возможности энергично развить дело в отношении Мясоедова, но, скорее всего это все же был Бонч-Бруевич. Сам он в своих мемуарах также с гордостью отмечал, что «сыграл довольно решающую роль» в деле, за что позже стал объектом травли немцев, «засевших» в русских штабах. Естественно, это были неразоблаченные предатели и шпионы¹⁶⁹.

Но самое главное — это даже не свидетельство генерала. Подобного рода поведение для него было довольно типичным. Увы, реалии клановой борьбы в верхах армии и государства создавали неплохие возможности для способных и неразборчивых в средствах людей. В бытность свою сотрудником Сухомлинова Бонч-Бруевич уже «разоблачил» один кружок «опасных заговорщиков» — «младотурок». Теперь, в 1915 г., Бонч-Бруевич прорывался уже в со-

167. PRO. War office. 106 / 1055. L. 3.

168. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Пг, 1920. С. 514.

169. Бонч-Бруевич М. Д. Ук. соч. С. 64.

всем иную группировку, и достичь доверия главы враждебного клана ему, судя по всему, было трудно. Ведь, по его словам, Николай Николаевич был непростым начальником: «Наследственная жестокость и равнодушие к людям соединялись в нем с грубостью и невоздержанностью»¹⁷⁰.

Техника этого политического процесса описана Фуллером неплохо (159-177). Особо удачным приемом следует признать использование источников иностранного происхождения (переписки Форейн-офис с британским посольством в России) по этому «делу» (173-174). Правда, иногда возникает ощущение, что автор не слишком хорошо знаком с людьми, участвующими в нем, кроме, разумеется, основных персонажей. Вот, например, важный факт: при составлении состава суда над Мясоедовым в Варшаву специально для председательствования в нем был направлен полк. С. Г. Лукирский — подчиненный и конфидент Бонч-Бруевича¹⁷¹. Между прочим, Сергей Георгиевич отличился не только как грозный и беспощадный судья. Позже вместе с Бонч-Бруевичем он перешел на службу в РККА, а в 1938 году был расстрелян по «делу» о монархическом заговоре. На мой взгляд, это весьма символично и достойно более детального внимания, чем краткий обзор без упоминания имен и деталей (194) ...

Весьма кратко и примитивно дан обзор и московского немецкого погрома в мае 1915 г. Ссылка на весьма добротную статью Э. Лора¹⁷² вряд ли достаточна для анализа причин, вызвавших это событие (217). И опять возникает проблема «широких мазков» и неточностей. Утверждение автора о том, что «московский градоначальник и московский генерал-губернатор были вследствие этих беспорядков уволены» (217) мягко говоря, не совсем точно. Градоначальник Москвы генерал-майор Свиты Е. И. В. А. А. Адрианов действительно вынужден был 1 (14) июня 1915 г. подать прошение об отчислении от должности градоначальника, которое было удовлетворено на следующий день¹⁷³. На этом дело не остановилось и позже Адрианов был привлечен к следствию. Что касается Главноначальствующего в Москве и командующего Московским Военным округом (а не генерал-губернатора!!!) ген.-лейтенанта и ген.-адъютанта князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон, то для него, насколько мне известно, эти события не закончились увольнением. Пострадал другой человек — глава МВД Н. А. Маклаков¹⁷⁴.

170. Там же. С. 61.

171. Шацлло К. Ф. Ук. соч. С. 113.

172. Lohr E. Patriotic violence and the state: the Moscow riots of May 1915 // Kritika. Explorations of Russian and Eurasian history. 2003. № 3 (4). P. 607-626.

173. Утро России. 2 июня 1915. № 150. С. 4; Голос Москвы. 2 (15) июня 1915. № 126. С. 4.

174. О контексте этих событий см.: Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 89.

5 (18) июня был подписан рескрипт о его отставке. Она была оформлена как принятие ходатайства об оставлении занимаемого поста по состоянию здоровья. Оговорки подобного рода не помогли — все было достаточно очевидно, и оппозиция напрямую связала перемены в МВД с московскими событиями¹⁷⁵.

Подобного рода ошибки не удивительны. Фуллер не нашел необходимым заметить и то, насколько эти события были связаны с оставлением русскими войсками Перемышля. Капитуляция этой крепости в марте 1915 г. и последовавшая за этим поездка Николая II в Галицию (организованная Ставкой¹⁷⁶) напрямую были связаны с тем, какую форму приняла, в конце концов, реакция на оставление Перемышля, на снарядный голод и на судьбу Сухомлинова. И снова внутривластный аспект этих событий ускользает от внимания автора рассматриваемой книги.

И вновь замечу: удивительно, как можно анализировать внутривластные процессы, которые шли в Думе и рядом с ней, без учета думских источников! Как можно сейчас давать такие традиционные оценки А. А. Брусилову (263) и действиям Юго-Западного фронта летом 1916 г. (244-246), вне критики воспоминаний этого весьма сложного мемуариста, ни разу не упомянув имени ген. А. М. Каледина (на участке именно его 8-й армии состоялся «луцкий» прорыв, ставший затем «Брусиловским»). Как можно писать о каких-то там планах десанта на Босфор в марте 1917 года как реальной альтернативе наступлению на Юго-Западном фронте без использования материалов РГА ВМФ и без учета возможностей Транспортной флотилии вице-адмирала А. А. Хоменко (280)! И, главное — зачем это делать? Последний вопрос явно останется без ответа. Как, впрочем, и вопрос о том, что, собственно, имеется в виду под столь расплывчатой формулировкой, как «связи между большевиками и немцами», которые были названы «несомненным случаем тайного германского вмешательства» (284). Что конкретно хотел сказать автор, лично мне осталось неясным. Сам Фуллер предпочел не вдаваться в детали, а жаль.

Но вернемся к основной теме книги. Уже летом 1915 г. последствия процесса Мясоедова стали приводить к явно небезопасным результатам. Казалось бы, все шло по намеченному сценарию. «Шпионы» подвергались казни, их собственность конфискации. 23 июня (6 июля) в Петрограде на бывшей квартире Мясоедова (ул. Лиговская, дом 47) был проведен аукцион имущества казенного, было выручено целых 2 тысячи рублей!¹⁷⁷ Невероятно «высокая» сумма для имущества высоко оплачиваемого шпиона!!! Казни

175. Речь. 6 (19) июня 1915. № 153 (3176). С. 1, 3.

176. См.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели... С. 52–63.

177. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 июня (6 июля) 1915. № 14922. С. 3.

создавали благоприятный контекст для будущих действий думской оппозиции — ведь предатели мерещились уже решительно повсюду. Шпиономания начала захлестывать страну, и ее даже попытались сдержать.

6 (19) июля 1915 г. Верховный Главнокомандующий вынужден был издать приказ № 524, в котором говорилось об опасности появления в армии «необоснованных слухов об обнаруженном предательстве». Николай Николаевич подтверждал свою готовность продолжать борьбу со шпионами, но желал избежать истерии: «В столь важном деле Я не допускал и не допущу никаких послаблений, но предвзято, что на всякое подпольное обвинение лиц ни в чем не виновных или только носящих не русскую фамилию и честно несущих службу во славу Царя и Родины, Я буду смотреть как на недопустимую попытку внести смуту в рядах нашей доблестной армии или среди населения театра военных действий. С виновными в распространении подобных ничем не проверенных слухов, несомненно идущих из вражеских источников, Я повелеваю поступать с той же полнотой строгости законов военного времени»¹⁷⁸.

Но слухи продолжали поступать, причем их источники были хорошо известны. Понимали ли либералы опасность движения по пути лжи и провокаций? О да! Не будем голословны. На упомянутом уже съезде Городского союза в сентябре 1915 г., на котором блистал остроумием В. И. Гурко, присутствовали, кстати, представители Думы и общественных организаций. В первый день солировали Челноков, Астров, Шингарев и Гучков. Их выступления в целом были не менее интересны. Астров заявил об опасности сепаратного мира, Гучков обратил внимание на некомпетентность руководителей Военного министерства и шпионаж, в результате чего возникли проблемы со снабжением армии¹⁷⁹. Интересно, что при этом глава ЦВПК прекрасно понимал потенциальную опасность той борьбы, которую вели либералы. «Когда мы боремся с известными представителями правительства, — заявил он, — мы должны уберечься от другой опасности и возможности расшатать самый принцип власти и ее авторитет, уберечься от разнузданной внутренней смуты со всеми ее последствиями для страны, уберечься от стихийных инстинктов, которые недавно имели место в Москве. В борьбе с властью нельзя колебать устои, без которых не может жить государство»¹⁸⁰.

Колебания преодолел и заявления суммировал Шингарев: «Все слова сказаны. Надо будет подвести итоги. Исстари велось в нашей истории, что войны давали встряску нашему государственному организму. Русь еще не знала врага, который бы ее сломил.

178. Русский инвалид. 12 июля 1915. № 153. С. 1.

179. Новое Время. 8 (21) сентября 1915. № 14187. С. 4.

180. Там же.

Каждая война приводила к тому, что Россия шагала вперед. После севастопольского грома пало русское рабство и настала эпоха великих реформ. После японской кампании появились первые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, и она освободится от старых форм и органов власти, лишь бы пришлось по плечу нам придвигающиеся события»¹⁸¹.

В «деле» Мясоедова случайна разве только фигура его главного фигуранта. Впрочем, в подобного рода «делах», случайность жертвы редко бывает исключением. Скорее это правило. Тем не менее, жертва, как правило, должна обладать рядом качеств, приемлемых для того, чтобы стать целью анонимных доносов, направленных государству или общественному мнению до того, как будет достигнуто единодушие, необходимое для расправы. В случае с Мясоедовым крайне неудачно для него совпал ряд обстоятельств: он был жандармом, что уже было достаточно для либералов, имел деловые контакты с евреями, что было достаточно для консерваторов, и, кроме того, он дважды оказался, что называется, не в том месте и не в то время. В 1912 году рядом с Военным министром, что сделало его орудием борьбы против ген. В. А. Сухомлинова. В 1915 году — в 10-й армии, что, в совокупности со скандалом трехлетней давности, помогло сделать из него козла отпущения за ошибки, допущенные теми, кто организовал суд над ним.

«Дело» Мясоедова — редкий случай, когда можно с твердой уверенностью ответить не только на вопрос «А судьи кто?», но и «Кому выгодно?». Впрочем, эти «судьи», по пути за «выгодой» сумели пойти гораздо дальше казни невиновного. Если весной 1915 г. они превратили свою слабость в силу, то летом, реализуя «новый курс» Николая Николаевича-младшего на единение с общественностью, начали всю использовать эту силу, стараясь заставить власть идти на новые и новые уступки. Мертвый Мясоедов был использован ими сначала в борьбе с Военным министром, а затем и с правительством. Вскоре появились и слухи о предательстве, свившем себе гнездо в императорской семье. Практически одновременно с каждым таким слухом власти предлагался новый компромисс и новые уступки во имя диалога с общественностью. Так, в общих чертах, осуществлялся «новый курс» Главковерха, его наступление на самом важном для него внутреннем фронте. Впрочем, продолжалось все это недолго, и к осени 1915 г. это наступление закончилось полным провалом. План верхушечного переворота во время войны был провален. Его организаторы немедленно начали готовить следующий. Впрочем, это уже история Февральской революции (которая, конечно, не входила в планы тех, кто в первые дни марта 1917 г. предпочитал называть ее переворотом).

¹⁸¹. Там же.

Каким же проявилось начало XX века в событиях 1911–1917 гг.? Борьба либеральной оппозиции за власть могла иметь шанс на успех только при условии разделения этой власти на соперничающие группировки. Интересно, что в высшей администрации они были построены практически по принципу кланов, и верность вождю была гораздо важнее профессиональных качеств того или иного чиновника. К сожалению, этим проблемы административной машины не ограничивались. В борьбе друг с другом кланы-группировки обращались к оппозиции и средствам массовой информации, а те, в свою очередь, широко использовали такие грязные средства, как скандал, слухи и провокацию для достижения своих, разумеется, исключительно чистых целей.

В эти игры постепенно втягивалась армия, органы разведки и контрразведки, что в конце концов в немалой степени способствовало разложению государственности, ее моральной дискредитации, и, в конечном итоге — падению.

По целому ряду знаковых вопросов Фуллер упорно пытается преодолеть противоречия советской и западной исторической традиции и соединить, наконец, Ленина и Милюкова в естественном для них общем идеологическом пространстве. Наверное, это логичное желание. Рано или поздно вместо одного мифа должен быть создан другой. Вслед за Фрейнатом Фуллер, как и его предшественники, доказал дутый характер «дела» Мясоедова. В отличие от них он гораздо более внимательно отнесся к источникам (в том числе и иностранным) по этому вопросу. Самой удачной частью работы следует признать ту, что посвящена процессу над Мясоедовым. Она хороша, интересна, а иногда и нова. Сухомлиновская история удалась уже гораздо хуже. Что касается остального... Частые ошибки и ограниченное число источников по вопросам, в которых автор явно недостаточно компетентен, подрывают доверие к его слишком масштабным выводам. Увы! *Amicus Plato, sed magis amica veritas.*

О. Р. Айрапетов

А. В. ГАНИН
В ТРЕУГОЛЬНИКЕ
ЛЕНИН – ТРОЦКИЙ – СТАЛИН:
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
О «ДЕЛЕ» ПОЛЕВОГО ШТАБА.

В последнее время появилось несколько новых интересных публикаций, затрагивающих проблематику репрессий против военных специалистов РККА. Речь идет, прежде всего, о статье известного исследователя истории отечественных спецслужб, генерал-лейтенанта ФСБ, доктора исторических наук А. А. Здановича¹ и книге аспиранта С. С. Войтикова.² Обе эти работы посвящены рассмотрению обстоятельств «заговора» в Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) — одного из самых сложных и противоречивых вопросов военно-политической истории Советской России эпохи Гражданской войны, «раскрытие» которого привело к смене высшего руководства РККА летом 1919 г.

Как совершенно справедливо, хотя и в несколько ироничной форме, отметил А. А. Зданович, историки уже многие годы пытаются решить эту проблему, но высказывают диаметрально противоположные суждения. К сожалению, не ставит точку в этой многолетней дискуссии и статья самого Здановича. Наряду с другими исследователями, Зданович многое сделал для восстановления истории отечественной разведки и контрразведки, вызывает огромное уважение его кропотливая архивная работа и неподдельный интерес к событиям прошлого. Однако, как отмечено в юбилейном номере журнала «Родина» к 90-летию отечественной во-

1. Зданович А. А. Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 92–95.

2. Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009.

енной контрразведки, не все суждения известных на сегодняшний день историков спецслужб и их выводы «свободны от личных и ведомственных пристрастий». ³ Подобные проявления, в том числе в работах самого Здановича, не ускользнули от внимания и некоторых западных исследователей. В частности, один из крупнейших американских специалистов по военной истории России У. Фуллер, характеризуя работы Здановича, отметил, что «последние несколько лет были отмечены появлением ряда публикаций на русском языке, ориентированных на приукрашивание репутации советской и царской разведки и контрразведки». ⁴ Действительно, во многих исследованиях отчетливо прослеживается стремление к неоправданной героизации отдельных сотрудников разведки и контрразведки, лакировке ведомственной истории и оправданию, вопреки фактам, ошибок прошлого.

Эти мотивы в полной мере присущи и статье Здановича о заговоре в Полевом штабе РВСР. Статья, прежде всего, благодаря вводимым в научный оборот до сих пор недоступным для исследователей документам ВЧК из Центрального архива ФСБ, проливает свет на сложные взаимоотношения внутри большевистского руководства и уточняет многие ранее существовавшие оценки и выводы. Однако свой основной постулат о том, что чекисты проводили проверку по факту наличия компрометирующей информации в отношении сотрудников Полевого штаба, автор доказать не смог. Более того, нельзя не отметить, что конечные выводы Здановича противоречат ранее заявленному в его же статье тезису. ⁵ Если в начале статьи утверждается, что аресты высших военных деятелей не были провокацией, а проводилась лишь проверка информации о неблагонадежности этих лиц, ⁶ то ближе к концу автор пишет уже о том, что эта кампания носила политический характер и была нужна В. И. Ленину для борьбы с Л. Д. Троцким. Фактически речь идет о политическом заказе.

В этом случае уместен вопрос, чем же не понравились маститому критику выводы моей обобщающей статьи о взаимоотношении-

3. Каширин В. Б. Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12. С. 27.

4. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 314.

5. Это же присуще и некоторым другим работам Здановича. Так, в статье о заговоре военных в 1923 г., который чекисты пытались раскручивать из ничего, автор, несмотря на очевидные факты, приводимые им самим, заключает: «Однако это не значит, что сотрудники Особого и других отделов ГПУ-ОГПУ действовали провокационно». Вывод, находящийся в полном противоречии со всем ранее изложенным в той же статье: Зданович А. «Теплая компания» «красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 47.

6. В принципе под нейтральное определение «проверка» при желании можно подвести любые провокационные действия спецслужб.

ях чекистов и генштабистов в Гражданскую войну, если он в итоге солидаризировался с идеей о том, что заговора не было, а наличием лишь соответствующий заказ ВЧК сверху (в статье было высказано предположение, что инспирировал эти события и больше выиграл от них не Ленин, как полагает Зданович, а И. В. Сталин,⁷ — но это вопрос дискуссионный). Скорее всего, разница в том, что для ведомственной историографии, одним из наиболее авторитетных представителей которой и является генерал Зданович, признание факта фабрикации заговора чекистами по указке сверху, о чем напрямую написал я, пока что неприемлемо.

Думается, мой очерк, представляющий собой краткую выжимку из большого материала о взаимоотношениях генштабистов и чекистов и основанный на материалах архивов России и Украины (в том числе архивов спецслужб), нельзя отнести к работам тех авторов, которые, как справедливо отметил генерал Зданович, «не утруждают себя проверкой и уточнением заимствованных материалов». Видимо, согласен с этим и сам Зданович, отметивший, что другие мои материалы отличаются объективностью. Причина, по которой был подвергнут критике мой очерк о репрессиях против военспецов, видимо, как раз в том, что мною предпринята попытка через призму взаимоотношений генштабистов и чекистов (включая проведенный впервые комплексный анализ практики массовых и, как правило, необоснованных арестов и расстрелов последними первых) отразить объективную и довольно неприглядную картину первых лет существования органов ВЧК — сюжет, который до сих пор в рамках ведомственной историографии считался чуть ли не неприкосновенным. При этом я не пытался преувеличивать страдания генштабистов или приписывать какую-то дополнительную жестокость их тюремщикам, а старался реконструировать реальный ход событий на основе подлинных и до сих пор неизвестных документов.

Остановлюсь на событиях в Полевом штабе РВСР в Серпухове. Хотя в последние годы и опубликованы некоторые новые документы об этих событиях, ясности общей картине они не добавляют. Так, например, не внушает доверия недавно опубликованная сводка сведений из протоколов допросов арестованных. Если верить этому документу, арестованные, как один, показали, что вели контрреволюционные разговоры, планировали захват Тулы, установление связи с А. И. Деникиным, сам советский главнокомандующий И. И. Вацетис якобы после смещения начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева даже собирался «тряхнуть Москвой».⁸

7. Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 81–82.

8. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Документы / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 130–131.

Судя по документу, подобные разговоры велись тогда в Серпухове, а выпускники ускоренных курсов академии даже шантажировали Вацетиса в своих интересах. В этом же документе приводятся признательные саморазоблачительные показания выпускника ускоренных курсов Ю. И. Григорьева.

Между тем, в своих показаниях, данных в 1956 г. во время процесса реабилитации жертв политических репрессий, в нормальной обстановке и без давления, Григорьев отметил, что сначала арестованы были его однокурсники по академии, «по-видимому, эти лица дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел. После трехмесячного содержания под стражей я был освобожден, вернулся в Академию, где был восстановлен на прежнюю должность».⁹

Действительно, сложно предположить, что в обстановке всеобщей подозрительности по отношению к военспецам, их массовых арестов и расстрелов, Вацетис и его подчиненные, находившиеся под гнетом известий о все новых и новых обысках и арестах даже в их ближайшем окружении, могли открыто и неосторожно обсуждать планы переворота, причем отнюдь не на уровне конкретного планирования, а лишь в форме бытовых разговоров. Впрочем, полного отсутствия крамольных высказываний, конечно, гарантировать нельзя, особенно с учетом известной по некоторым документам невоздержанности Вацетиса на речи в состоянии опьянения.¹⁰ Однако, скорее всего, подобные «показания» были нужны Ф. Э. Дзержинскому, в документах которого они и отложились, а также направлявшей Дзержинского большевистской верхушке. Кроме того, признательные показания традиционно считались в ВЧК-НКВД достаточными для изобличения обвиняемых, даже несмотря на отсутствие каких-либо улик. По всей видимости, подобный подход зародился как раз в годы Гражданской войны.

Конечно, в деле Полевого штаба, в отличие от описанной Здановичем истории с арестом выпускника ускоренных курсов академии Генерального штаба Г. И. Теодори,¹¹ самоуправства чекистов быть уже не могло — слишком высок был статус арестованных. Можно только предполагать, был ли арест Теодори первой ласточкой в пока еще неясной борьбе группировок в военно-политическом руководстве Советской России (в частности, неясна роль в этих событиях С. С. Каменева) или же столь глубоких причин здесь не было.

9. Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 248.

10. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 130.

11. Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

Как справедливо отметил Зданович, И. В. Сталин еще 4 июня направил В. И. Ленину донесение о том, что Полевой штаб РВСР и Всероссийский Главный штаб якобы работают на белых.¹² Не исключено, что именно этот документ стал причиной последовавших арестов. По мнению Л. Д. Троцкого, подтверждающего факт написания Сталиным донесения 4 июня, это была уже не первая попытка нажима Сталина на Ленина с целью смены военного руководства.¹³ Но все же, думается, что Сталин сам по себе (пусть и в полном контакте с чекистами) не мог в то время организовать столь масштабную чистку высшего военного руководства. Наиболее вероятно, что в необходимости подобных действий он сумел убедить Ленина и, тем самым, нанести удар по позициям своего врага Троцкого. Чекисты же в этом деле оказались в роли простых исполнителей, что ни в коей мере не снимает с них ответственности за фабрикацию этого «заговора». По этой логике, требует самой серьезной проверки обоснованность репрессий видных военспецов и по легендарному в рамках истории ВЧК делу «Национального центра», в котором тоже далеко не все однозначно и понятно.

Как известно, в роли сторонников ужесточения политики в отношении военспецов неизменно выступала сталинская группировка. Так, К. Е. Ворошилов на VIII съезде РКП (б) прямо заявил, что «в наших штабах на командных должностях стоят не разведчики, а руководители армии противника. Они не только освещают положение наше, не только заранее рисуют наш ход, но просто направляют армии противника и сталкивают лбами».¹⁴ Такой подход не добавлял военспецам уверенности в своем завтрашнем дне, даже несмотря на жесткий отпор, данный Ворошилову на съезде Лениным.

На мой взгляд, не следует, как делают А. А. Зданович и С. С. Войтиков, преувеличивать степень конфронтации между Лениным и Троцким в 1919 г., а также опираться в этом вопросе на советскую литературу о Гражданской войне, в которой вплоть до конца 1980-х гг. Троцкий был заведомым врагом и предателем. Отношения Ленина и Троцкого в этот период в целом носили дружеский характер. Ленин высоко ценил организаторские способности Троцкого, восхищался тем, что последний буквально за год с нуля сумел создать мощную Красную армию и даже завоевал уважение старых специалистов. Роль Троцкого в создании РККА и ее победе в Гражданской войне действительно трудно переоценить. И Ленин, и Троцкий допускали в этот период ошибки, в том числе в отношении друг друга, но позднее находили в себе силы признавать это. Однако их от-

12. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М., 1991. С. 431.

13. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 440.

14. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 160.

ношения никогда не доходили до открытого конфликта. Более того, Ленин стремился подчеркнуть свое абсолютное доверие Троцкому. Чего стоит известная записка, данная им Троцкому в июле 1919 г., в разгар дела Полевого штаба РВСР: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)».¹⁵ Такая бумага, хотя Троцкий, по его словам, ни разу ею не воспользовался (в этом просто не было необходимости, так как власть самого Троцкого в это время также была практически неограниченной), автоматически санкционировала любые его решения.

Конечно, Ленин вел определенную игру на противоречиях между своими подчиненными — Троцким и Сталиным. Неслучайно сталинская группировка так и не была нейтрализована Лениным, хотя создавала советскому руководству немало проблем. Видимо, поддерживая баланс сил и интересов, в деле Полевого штаба Ленин решил пойти навстречу пожеланиям Сталина. Последовавшее вскоре смещение главы Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова представляется ответной уступкой Троцкому.¹⁶

Необходимо добавить, что в годы Гражданской войны конфликты и группировки внутри большевистского руководства сочетались с аналогичными конфликтами и группировками внутри корпорации военспецов, что и выразилось в деле о «заговоре» в Полевом штабе. К сожалению, сколько-нибудь полной военно-политической истории Гражданской войны в России еще не написано, поэтому время для окончательных суждений об этих конфликтах и противоречиях пока не пришло. Будем надеяться, что общими усилиями со временем эти проблемы обретут свое непредвзятое освещение.

* * *

Книга С. С. Войткова весьма интересна и содержит немало новых материалов, проливающих свет на события в советском военно-политическом руководстве в 1919 г. Нельзя не отметить удачное сочетание автором документов РГВА и РГАСПИ, составляющих основу этой работы, а также отдельных материалов Центрального архива общественно-политической истории Москвы и ГА РФ. Вместе с тем автор в своей работе не избежал целого ряда ошибок и перекосов. На некоторые неточности и искажения фактов, имевшие-

15. В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 294–295; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 456. Впрочем, в другой своей работе Л. Д. Троцкий отнес данную записку к началу 1919 г., что не соответствует действительности: Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 74.

16. Впрочем, ему на смену пришел сам Ф. Э. Дзержинский, который сблизился со Сталиным еще в начале 1919 г., в период расследования причин пермской катастрофы.

ся в одной из предыдущих публикаций Войтикова,¹⁷ я уже пытался обратить внимание автора.¹⁸ Однако в его книге многочисленные ошибки не только повторены почти дословно, но и разбавлены новыми.

В чем принципиальные ошибки этой работы?

Во-первых, прямо-таки бросается в глаза стремление автора к глобализации доступных ему сведений, охвату всей военно-политической жизни Советской России в 1919 г., для чего у него объективно нет достаточных данных. Особенно присуща подобная гигантомания 6-й главе работы, посвященной военно-политическим итогам дела Полевого штаба. Нередко смелые суждения уводят автора в откровенное мифотворчество. С поразительной легкостью он пытается рассуждать о действиях и даже подоплеке тех или иных действий высшего советского политического руководства: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, С. И. Гусева и других. Отметим, кстати, что деятельность таких фигур, как И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и М. С. Кедров автором практически никак не освещена, во всяком случае, в сравнении с тем вниманием, какое уделено другим указанным выше партийным руководителям. Войтиков просто отмахнулся единственным и бездоказательным утверждением от анализа участия Сталина в деле Полевого штаба («к развязыванию следствия по делу Полевого штаба он никакого отношения не имеет» — С. 12), хотя, на мой взгляд, в действиях Сталина все было отнюдь не так просто и однозначно. Между тем, без комплексного рассмотрения всех аспектов борьбы в советском военно-политическом руководстве того периода понять, что же происходило на самом деле, невозможно.

Многие громкие утверждения автора остаются ничем не подкрепленными. Основную часть своей книги Войтиков начинает с банальности, цитируя М. фон Хагена об опоре советской политической системы на партию, бюрократический аппарат, карательные органы и армию (С. 19). Далее автор акцентирует внимание на возможности установления Троцким военной диктатуры в период болезни Ленина и позднее, пишет о стремлении к этому у Троцкого (С. 19, 21, 23, 29). В дальнейшем автор всячески продвигает тезис о борьбе за власть в РККА между Лениным и Троцким, хотя Ленин к власти над армией никогда не стремился (ему вполне достаточно было лояльности высшего военного руководства). Апогей этого противостояния якобы пришелся на весну-лето 1919 г. Войтиков иногда даже прямо называет Ленина политическим противни-

17. Войтиков С. С., Кикнадзе В. Г. Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г. И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 30–36.

18. Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори. С. 32–37.

ком Троцкого (С. 314) и утверждает, что Ленин предполагал заменить Троцкого на посту председателя РВСР С. И. Гусевым. Между тем, столь серьезные заявления нуждаются в серьезной доказательной базе, которой в книге нет. В качестве аргумента Войтиков приводит записку Ленина Троцкому с санкцией любых действий, трактуя ее как издевку (С. 184). На это можно возразить лишь, что Троцкий не был глупым человеком, и если бы эта записка Ленина не носила искреннего и дружеского характера, он едва ли стал бы акцентировать внимание читателей на ней в своих мемуарах. Не был глупым человеком и Ленин, прекрасно понимавший серьезное значение подобного документа. Ведь безотносительно подоплёки написания записки, она могла быть использована Троцким в своих интересах.

Вообще Войтиков нередко приписывает своим персонажам многие поступки и идеи, которые не были им присущи. В частности, отмечает, что командующий Балтийским флотом бывшего капитана 1 ранга А. М. Щастного расстреляли, чтобы не дожидаться того времени, когда он захочет свергнуть большевиков (С. 21). Неясно только, откуда взялись данные о подобных намерениях Щастного и не поясняется, была ли у него даже технически подобная возможность. Войтиков называет Щастного почему-то спасителем Черноморского флота, тогда как этот морской офицер известен спасением флота Балтийского. Не соответствует действительности утверждение о том, что Троцкий был обвинителем и судьей Щастного. Формально прокурором был Н. В. Крыленко, а Троцкий выступал как свидетель.¹⁹

Требуют доказательств пассажи о кадровой политике Ленина в военном ведомстве. В частности, Войтиков считает, что Ленин намеренно назначал на высшие посты в военном ведомстве верных ему людей, не имевших отношения к армии или обвинявшихся в измене, а также недалеких (С. 22). Если бы подобное утверждение соответствовало истине, большевики не только бы не создали в кратчайшие сроки мощнейшую армию, но и никогда бы не победили в Гражданской войне. Более того, Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, Н. В. Крыленко и, тем более, Л. Д. Троцкого вряд ли можно отнести к деятелям «не семи пядей во лбу», как, видимо, думает Войтиков. Единственный, к кому подобный эпитет действительно может быть отнесен — П. Е. Дыбенко. Нуждается в серьезной аргументации и утверждение о плохих отношениях между Троцким и И. И. Вацетисом (С. 79), поскольку по документальным материалам оно не прослеживается.

В оценках действий и, тем более, побуждений Троцкого, вообще следует проявлять большую осторожность — слишком велик

19. Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. С. 74–75.

поток «разоблачительных» мемуаров и соответствующей литературы на этот счет, написанных в советский период и, полагаясь на эти опубликованные свидетельства, легко прийти к seriouslyму искажению реального хода событий. Особенно сомнительны утверждения по данному вопросу одного из ключевых оппонентов Троцкого — Сталина. Едва ли обоснованно, опираясь на подобные материалы, к тому же датированные 1937 годом, делать глубокие умозаключения относительно противостояния Троцкого с Лениным (С. 32–33). По мнению Войтикова, Ленин Троцкого «поставил на место» по итогам VIII съезда РКП (б). Между тем, по имеющимся данным, Ленин, наоборот, активно поддержал Троцкого на съезде в борьбе с оппозицией, хотя по ряду вопросов и шел на компромисс с оппозиционерами.

Такая же осторожность необходима и в отношении анализа действий других большевистских лидеров. Однако Войтиков этого принципа не придерживается и здесь же, в контексте рассмотрения борьбы в партийном руководстве пишет, например, о том, что Я. М. Свердлов расстрелял до следствия Фанни Каплан, чем прозрачно намекает на стремление Свердлова ликвидировать Ленина и выйти на первое место в большевистской верхушке (С. 33). Далее Войтиков многозначительно пишет о посещении Лениным больного испанкой Свердлова незадолго до смерти последнего (С. 34). Автор в данном случае недоговаривает, но у читателя при такой логике складывается убеждение, что именно Ленин и довел Свердлова до смерти в отместку за покушение и вообще был жестоким и беспощадным даже с ближайшими соратниками. Опять-таки серьезных аргументов Войтиков не приводит, да и можно ли сейчас найти доказательства таким интригам. В данном случае Войтиков просто повторяет конспирологическую версию, которую еще десять лет назад выдвинул американский историк Ю. Г. Фельштинский.²⁰ Однако даже Фельштинский считал свою точку зрения лишь гипотезой.

Нельзя согласиться с тем, что, по мнению Войтикова, открытие красного террора развязало руки комиссарам. На деле репрессии вплоть до смертной казни имели место и ранее. Не удалось Войтикову доказать и наличие шпионажа в Полевом штабе РВСР, хотя он и пытается утверждать обратное (С. 77). Странная история с подозревавшейся в шпионаже, спившейся и погрязшей в разврате машинисткой В. П. Троицкой и ее подругами из числа служащих штаба²¹ отнюдь не свидетельствует о наличии белой агентуры в самом сердце РККА — советской Ставке, тем более — среди специалистов Генштаба, которые единственные и могли по достоинству оценить значимость тех или иных документов для противника.

20. Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 176–226.

21. Подробнее см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори. С. 36.

Кстати, Троицкая никак не могла быть расстреляна ранее конца мая 1919 г., хотя Войтиков дважды утверждает (С. 77, 327), что ее якобы расстреляли уже к 12 марта (дню ареста курсовика Г. И. Теодори). Но если бы ее расстреляли в марте, то в конце апреля 1919 г. она уже никак не могла отказаться от оговора Теодори, о чем написал он сам.²² Расстрел Троицкой не мог предшествовать и разбору ее дела в мае 1919 г., в рамках которого был арестован и допрашивался как свидетель курсовик И. Д. Моденов.²³ Наконец, в случае её расстрела в марте, Троицкая не могла бы присутствовать на очной ставке с Моденовым, которая состоялась 15 мая.²⁴ К сожалению, все эти факты почему-то оказались вне поля зрения автора книги, хотя с некоторыми документами, в которых они содержатся, он и был знаком. Войтиков пишет, что Особое отделение ВЧК в Серпухове было «карманной» контрразведкой комиссара Полевого штаба С. И. Аралова (С. 164). Однако если бы это было так, оно вряд ли бы взялось за аресты ближайших подопечных Аралова, за которых он сам даже заступался. Очевидно, что развитие событий шло совсем по другой цепочке.

Нелогично утверждение Войтикова и о причинах ареста выпускника академии Н. Н. Доможирова — как первой жертвы по делу Полевого штаба. Войтиков связывает арест с его прежним нахождением под следствием (С. 178), тогда как это произошло, прежде всего, в связи с восстанием в Кронштадте, которое было положено в основу дела о контрреволюционной организации Западного фронта (бывший начальник штаба — Н. Н. Доможиров). Деятельность этой организации чекисты, в свою очередь, связывали с организацией Полевого штаба (апробированная чекистами позднее во многих громких делах стандартная схема «периферия — центр»). Об этом докладывали руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и И. П. Павлуновский.²⁵

Как уже отмечалось при разборе статьи А. А. Здановича, есть все основания сомневаться и в крамольных разговорах о перевороте, которые якобы неосторожно велись военспецами в Полевом штабе (С. 177). В условиях постоянных необоснованных арестов это было бы просто самоубийственно для бывших офицеров. Не исключено, что показания арестованных были фальсифицированы, либо нужная для заказчиков дела информация выбивалась силовым методом. Доверять подобного рода свидетельствам нельзя.

22. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11 об.

23. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229 об.–230.

24. Там же. Л. 230 об.–231.

25. Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа „Весна“, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 29.

Однако безоговорочно веря этим материалам, Войтиков доходит до рассуждений о конкретных планах военного переворота, которые могли разрабатываться в Полевом штабе. Между тем, никаких других доказательств наличия подобных планов, кроме невнятных признательных показаний, нет. Более того, сам автор недоумевает, почему версии о перевороте и возможные связи с антибольшевистским подпольем сотрудников Полевого штаба никак чекистами не отрабатывались (С. 189), а дело Полевого штаба не соотносилось со следующей крупной чекистской операцией — делом «Национального центра» (С. 191). Ответ здесь очевиден — все «дело» Полевого штаба от начала и до конца было вымыслом, имевшим конкретные политические цели и вполне определенного заказчика. Единственно, что действительно важно в этой связи — разобраться в подоплеке фабрикации этого дела и установить, кто именно из большевистских лидеров был заинтересован в смене высшего военного руководства. К сожалению, автор книги использовал лишь незначительное количество единиц хранения собственно из фонда Полевого штаба РВСР (Фонд 6 в РГВА) и не смог обнаружить целый ряд важных документов, хранящихся там, уточняющих и даже опровергающих многие положения его работы.

Во-вторых, автор плохо представляет себе дореволюционную службу советских военных специалистов, поскольку в фондах РГВИА он не работал и опирается в отношении биографических данных своих героев исключительно на материалы интернет-сайта «Русская армия в Великой войне», где нередко приводятся данные, весьма далекие от реальности. Крайне смутное представление имеется у Войтикова и непосредственно о службе офицеров Генерального штаба — как в старой армии, так и в РККА. Непонимание сути явления в целом ведет к ошибкам во многих частностях.

Так, полагаясь на крайне субъективные свидетельства курсовика Г. И. Теодори, сделанные им в период тюремного заключения и направленные на существенное преувеличение его роли в военном строительстве РККА, Войтиков, на мой взгляд, необоснованно преувеличивает роль Теодори в создании РККА и приписывает этому военспецу целый ряд важных военных преобразований. Утверждение Войтикова, что в этих материалах могли содержаться «исключительно правдивые факты, т. к. при желании адресаты легко могли проверить полученные сведения» (С. 336), представляется совершенно абсурдным. Как мне удалось установить, уже в 1920 г. было признано, что Теодори вместо изложения объективных фактов ранней истории РККА и своей деятельности в этот период в своих очерках и посланиях занимался самовосхвалением.²⁶

26. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 19.

К сожалению, Войтиков не обратил никакого внимания на эти особенности источниковой базы, что привело его к неверным суждениям и выводам.

Фактически Теодори представлен в книге Войтикова как единственный создатель Полевого штаба РВСР (С. 64, 66), что само по себе невероятно, особенно если учесть отсутствие у Теодори необходимого военно-административного опыта. К тому же в протоколах заседаний РВСР в 1918–1919 гг. этот военспец упомянут лишь четыре раза, что не идет ни в какое сравнение с частотой упоминаний таких людей, как И. И. Вацетис, Ф. В. Костяев, П. М. Майгур,²⁷ которые действительно стояли у истоков Полевого штаба. Кроме того, Теодори приписаны некоторые идеи, которых он не высказывал. Например, замысел создания Большого Генерального штаба (С. 58, 314). Здесь, по всей видимости, Войтиков приписал Теодори не его собственные мысли, а измышления чекистов, фабриковавших обвинение против работников Полевого штаба (С. 218).

Войтиков многократно преувеличивает степень конфронтации старых генштабистов и выпускников ускоренных курсов. Безусловно, отношения между ними складывались непросто, но о какой-то всеобщей взаимной ненависти и ожесточенной борьбе (С. 57, 61, 189, 282, 335) этих двух категорий военспецов РККА говорить не приходится. Тем более, что между ними в советских условиях оказалось гораздо больше общего, чем различий. Во всяком случае, они были ближе друг к другу, чем к большевикам или чекистам. Кроме того, большевики не делили военспецов с высшим военным образованием на категории, а одинаково настороженно относились ко всем. Опровергают эти построения и документы, публикуемые самим Войтиковым. Например, показания курсовика Ю. И. Григорьева, который свидетельствовал, что связь военспецов с белыми должна была осуществляться как раз через старых генштабистов (С. 216–217).

Некорректно утверждать, что группировка курсовиков была выращена в академии Генштаба якобы «с легкой руки А. Ф. Керенского» (С. 312). Ускоренная подготовка в академии началась еще в конце 1916 г. в период правления императора Николая II, а курсы 2-й очереди, о которых, очевидно, идет речь, функционировали в период с февраля по май 1917 г. (младший класс) и с октября 1917 по март 1918 г. (старший класс). Возникает резонный вопрос, причем тут А. Ф. Керенский, коль скоро подготовка слушателей 2-й очереди в период его пребывания у власти и в руководстве военным ведомством (май — октябрь 1917 г.) практически не велась?! К тому же, восьмимесячный курс обучения никак нельзя назвать трехмесячным, как ошибочно утверждает Войтиков (С. 338).

27. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.

Автор не критически отнесся к исследованиям украинского историка Я. Ю. Тинченко (С. 4, 299), который не работал с материалами учета кадров Генштаба в РГВА, в результате чего приводит неизвестно откуда взятые данные об аресте летом 1919 г. в Советской России около 80 выпускников ускоренных курсов 2-й очереди, что совершенно не соответствует действительности. По моим данным, документально известное к настоящему времени число арестованных из этой категории летом 1919 г. в пять раз меньше.²⁸ Большевики просто не могли позволить себе такую роскошь на пике Гражданской войны и в условиях катастрофической нехватки кадров Генштаба. Разумеется, эти данные Войтиков вписывает в контекст до предела и совершенно необоснованно раздутого им мнимого противостояния старых и молодых генштабистов.

Ошибки в отношении кадров Генштаба носят в книге практически системный характер. Вот лишь те, что удалось заметить. Племянник главкома И. И. Вацетиса Э. И. Вацетис не был, вопреки заявлению Войтикова (С. 16), ни слушателем, ни выпускником академии Генштаба. Войтиков почему-то полагает, что фамилия «Хитрово» не встречается в списках Генштаба (С. 180, 335) и считает, что указание на соответствующую фамилию одного из предполагаемых участников контрреволюционных организаций «Хитрово» является ошибочным написанием фамилии генштабиста В. В. Хрулева, хотя никаких оснований для подобного утверждения нет. Между тем, среди выпускников академии было, как минимум, два офицера с такой фамилией, один из которых, бывший генерал В. М. Хитрово, был в сентябре 1919 г. арестован (возможно, именно о нем и идет речь в данном случае),²⁹ а курсовик (и, кстати, однокашник Теодори) бывший штабс-капитан К. С. Хитрово еще в декабре 1918 г. бежал на Украину, а позднее оказался в войсках А. И. Деникина.³⁰ Неверно идентифицирует Войтиков и генштабиста Полякова, который, по мнению чекистов, возглавлял подпольную организацию в Петрограде (С. 180, 335). Речь идет не о Б. И. Полякове 1906 г. выпуска из академии, а о Б. П. Полякове выпуска 1911 г., причем первый вообще не служил в РККА. По неизвестным причинам автор не отнес к генштабистам бывшего Генштаба полковника В. К. Токаревского (С. 187), ошибочно указал инициалы генштабиста В. И. Селивачева (С. 190) и уж совсем комичным выглядит отнесение к генштабистам врача Н. А. Семашко (С. 299).

На основании различных, как считает Войтиков, по времени дат выпуска из академии арестованных генштабистов (В. В. Да-

лер, Г. И. Теодори, В. Ф. Тарасов, П. Ю. Анциферов, А. П. Медведев) автор книги делает спорный вывод о невозможности связи между ними (С. 164–166). При этом Войтиков не обнаружил данных о курсовике П. Ю. Анциферове и не смог установить, что Анциферов, В. Ф. Тарасов и И. Д. Моденов вместе учились в академии. Эти факты разрушают его построение о невозможности знакомства этих военных специалистов.

По мнению Войтикова, Г. И. Теодори «занимал примерно 61 позицию» при выпуске (С. 56). По документам он действительно, а не примерно был 61-м, но отнюдь не при выпуске из академии, а лишь при окончании ее младшего курса.³¹ Надо полагать, Войтикову безразлично: идет ли речь о младшем или же о старшем курсе. Оригинально и то, что Войтиков Николаевскую академию Генерального штаба образца мая 1917 и даже 1918 г. именует Императорской (С. 56, 338), хотя она уже давно не носила этого наименования. Еще оригинальнее утверждение, что курсовик Теодори закончил курс по первому разряду, но не попал на мраморную доску. Между тем, выпускники ускоренных курсов, в отличие от выпускников довоенной академии, не делились на разряды (существовало лишь три категории свидетельств об окончании курсов), а их имена не заносились на мраморные доски. Пишет Войтиков и о том, что Теодори служил «старшим адъютантом в Генштабе» (С. 56). На самом деле специалисты Генштаба замещали должности старших адъютантов штабов дивизий, корпусов, крепостей и т. д., должности же «старшего адъютанта в Генштабе» не существовало.

Грубой ошибкой является утверждение о причислении 27 июня 1918 г. «всех генштабистов ускоренного выпуска... к корпусу офицеров Генерального штаба» (С. 59). Во-первых, не причислены, а переведены в Генштаб тогда были 133 слушателя старшего класса 2-й очереди из 165. Во-вторых, выпускники других очередей ускоренных курсов в этот день в Генштаб не переводились. В-третьих, корпуса офицеров Генштаба в РККА не существовало, как не было и самого понятия «офицер».

А чего стоит фраза о неких списках генштабистов, дежуривших по Полевому штабу, которые составил А. Г. Кавтарадзе и которые якобы позволили Войтикову узнать, кто из этих лиц был выпускником ускоренных курсов! Во-первых, Кавтарадзе не составлял таких списков. Видимо, Войтиков так именует неполный перечень военспецов-генштабистов, опубликованный в приложении к книге Кавтарадзе. Во-вторых, коль скоро Войтиков занимается изучением проблем Вооруженных Сил, он должен понимать, что данные об окончании академии Генштаба должны содержаться в соответствующих учетных материалах. Однако поскольку основ-

28. Данные обо всех арестованных выпускниках академии по материалам РГВА см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

29. Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114–115.

30. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 165.

31. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

ным источником знаний о служебном пути военспецов для Войтикова являются материалы сети интернет, удивляться не приходится. На основе неполных данных Кавтарадзе Войтиков вычисляет процент курсовиков среди сотрудников Полевого штаба. Однако даже в коротком списке из 12 фамилий он умудрился упустить одного курсовика — Б. И. Кузнецова (С. 74–75).

Логика часто подводит автора работы. К примеру, он развивает сюжет о том, что большевики якобы опасались курсовиков уже летом 1918 г. (С. 60). Далее почему-то приводится пример с арестом генштабиста Ф. В. Костяева, который представлял отнюдь не ускоренные выпуски академии, а довоенный Генштаб.

Войтиков пишет, что однокашники Г. И. Теодори пытались его освободить через головы начальства (С. 77), однако это не соответствует действительности. Санкцию на обращение в «сферы» ходатай за Теодори как раз и получили от своего армейского начальства — главнокомандующего И. И. Вацетиса и начальника Полевого штаба Ф. В. Костяева. Об аресте Теодори был поставлен в известность и Троцкий, но, к сожалению, данными о его реакции я не располагаю.

Отдельные высказывания Войтикова прямо-таки удивительны. Например, тезис о том, что академия Генштаба РККА была «обычным местом опалы — в октябре 1918 г. туда „сослали“ Теодори, годом позднее Костяева, в 1920 г., к примеру, В. И. Чапаева» (С. 306). Я далек от того, чтобы считать Войтикова не знающим из школьных учебников, что Чапаев погиб в 1919 г. В академию же Василий Иванович попал не в 1920 г., когда его уже не было в живых, а в конце 1918 г. Можно, конечно, допустить, что этот текст оказался в книге лишь в результате поспешности и невнимательности ее автора. Однако здесь же содержатся оценки, которые нельзя свести к простым опечаткам. Так, перевод Чапаева в академию трактовался как опала лишь в давно устаревших и не соответствующих современному уровню разработки проблемы публикациях 1930-х гг., когда считалось, что в академию Чапаева отправили ставленники Троцкого из РВС 4-й армии, якобы стремившиеся в своих «враждебных» интересах устранить «легендарного начдива» от дивизии и убрать его с фронта. Надо ли говорить, что такая оценка совершенно не соответствует реальному развитию событий.³² К сожалению, неоднократное использование документов и трактовок периода борьбы с троцкизмом (С. 32–33, 306, 312) для подтверждения собственной позиции лишь уводит автора от подлинной истории. Также следует пояснить, что в октябре 1918 г. академия еще не открылась и «обычным местом опалы», например, для Теодори, быть не могла, хотя он действительно был

32. Подробнее об академической истории Чапаева см. мою статью: Ганин А. Чапай в академии. Василий Иванович и высшее военное образование // Родина. 2008. № 4. С. 93–97.

туда переведен. Добавлю, что Войтиков смешивает преподавателей академии и слушателя Чапаева, что представляется некорректным.

В-третьих, Войтиков нередко весьма вольно обращается с историческими фактами, а стиль его книги во многих случаях вообще неприемлем для научной литературы. Чего стоят выражения вроде: «3 января 1919 г. А. А. Антонов сделал оговорку по Фрейду» (С. 66), «Троцкого как следует пнули на заседании Политбюро» (С. 163), «Троцкому удалось приручить Эфраима» (С. 186, о взаимоотношениях Троцкого с Э. М. Склянским), «И. Т. Смилга в интервью корреспонденту „Правды“ включил шарманку» (С. 244), «хитрый Эфраим» (С. 278, о Э. М. Склянском), Ленин «за что боролся, на то и напоролся» (С. 301), Троцкий «прохлопал контру в собственном ведомстве» (С. 314) и т. д. С настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, автор дважды (!) на страницах книги предлагает читателям посмотреть американский фильм «Плутство/Вилияние собакой» (С. 53, 338).

Немало передержек Войтиков допускает при попытке сравнения аппарата управления красных и белых. Во всем, что касается антибольшевистского лагеря, он основывается лишь на монографии известного исследователя истории антибольшевистского лагеря С. В. Карпенко о Белом движении на юге России, причем сведения из этой работы Войтиков неверно интерпретирует. Например, со ссылкой на Карпенко он пишет, что, по мнению генерала А. И. Деникина, разложение корпуса К. К. Мамантова «стало решающим фактором поражения Белых на фронте» (С. 304). Поскольку такое суждение кажется невероятным и для Деникина, и для Карпенко, и противоречит историческим реалиям, я обратился к работе последнего. Оказалось, там речь идет отнюдь не о поражении белого юга в целом, как следует из текста Войтикова, а лишь о конкретной неудаче рейда Мамантова.³³ Подобное неаккуратное обращение с литературой не свидетельствует в пользу Войтикова. Ничтоже сумняшеся Войтиков сравнивает Полевой штаб РВСР с Особым совещанием при А. И. Деникине (С. 87). Однако последнее, в отличие от Полевого штаба, являлось органом не военного, а гражданского управления и какие-либо параллели здесь совершенно несостоятельны, хотя для автора книги это не имеет значения. Неудивительно, что никакого сравнения не получается.

Наконец, рассуждения Войтикова о причинах поражения белых не только не соответствуют действительности, поскольку не сопоставлены между собой по времени (действия К. К. Мамантова — август–сентябрь 1919 г., борьба с Махно — сентябрь–октябрь, наи-

33. Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 253.

большие успехи Деникина и перелом в положении на фронте — октябрь), но даже отличаются крайним примитивизмом: «противник упредил части Красной армии — начался сокрушительный рейд Мамонтова; если бы не действия Н. И. Махно, все бы закончилось для большевиков весьма печально» (С. 245).

Кругозор не позволил Войтикову правильно опубликовать доклад С. И. Гусеву от 17 сентября 1919 г., в котором странной выглядит следующая фраза: «Мамонтов, Деникин, [Полуки] идут на общее соединение в районе Гомеля» (С. 226). Простейшая логика говорит о том, что в этом контексте речь идет о поляках.

К слову сказать, это далеко не единичная ошибка при публикации документов. Разумеется, в работе любого исследователя могут иногда встречаться отдельные неточности. Но, к сожалению, документальные приложения работы Войткова отличает в целом невысокий уровень подготовки и обработки. Для примера возьму документы, опубликованные в пятой главе книги. Сверка опубликованных там шести документов с их оригиналами показала, что в пяти из них содержатся пропуски или произвольная замена отдельных слов, или пропуск даже целых фраз. Один документ (записка Теодори Дзержинскому) опубликован с внушительными купюрами, произведенными непонятно по какому принципу. Текст одного из опубликованных документов вследствие неточностей стал просто абсурден. Речь идет о фразе из письма Н. П. Исаевой Э. М. Склянскому «семья покойного брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте» (С. 288). На самом деле в подлинном документе написано следующее: «семья покойного брата, которым необходима его поддержка, и младшего брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте»³⁴. В ходатайстве Е. Я. Доможирова на имя Склянского Войтиков умудрился пропустить упоминание об одном из лиц, которые могли засвидетельствовать добросовестную работу мужа просительницы Н. Н. Доможирова (С. 285). Речь идет о председателе ревтрибунала Денисове, указанном в документе вместе с должностью³⁵. Подобные пропуски и неточности серьезно снижают уровень доверия и к другим публикуемым в работе документам, требуя их сверки с оригиналами.

Весьма удивительна критика Войтиковым моей обзорной статьи о репрессиях в отношении бывших офицеров-генштабистов в Гражданскую войну и столь пристальное к ней внимание (С. 11–12, 73, 317 — больше или столько же, сколько уделено Войтиковым обзору целых книг по изучаемой теме). Подобное внимание не объясняется простым стремлением автора книги к истине — ни по его крайней эмоциональности, ни по мизерному количеству высказан-

34. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 26 об.

35. Там же. Л. 22.

ных замечаний. Оно, вероятнее всего, связано с простым неприятием автором того факта, что он далеко не единственный и не первый исследователь проблемы (в частности, мною впервые были введены в научный оборот некоторые документы, также цитируемые или публикуемые Войтиковым).

Опустим общий самоуверенно-развязный тон Войткова, недопустимый в научных трудах (а он позиционирует свою книгу как научную монографию) и обратимся к конкретным замечаниям. Как выясняется, за потоком обширных цитат из моего текста (а также периодического ерничанья в виде закавычивания слов «необоснованные репрессии», «анализ») действительно осмысленных замечаний практически нет. Единственный конкретный упрек в невладении историографией вопроса о кризисе ВЧК в конце 1918 — начале 1919 г. («А. В. Ганин... обнаруживает незнание даже имеющейся литературы» — С. 11) выглядит совершенно не убедительно. Для усиления эффекта автор даже специально вынужден пояснить, что мне имеет смысл ознакомиться не с публикацией Д. С. Новоселова, которую я указываю в примечаниях к своему материалу, а с его более ранней статьей на ту же тему. Допустить, что я могу быть знаком с этой работой, автор, вероятно, не может. Кроме того, видимо, в знании этой статьи, по мнению Войткова, и кроется полноценное знакомство с историографией проблемы. Сопоставление двух статей Д. С. Новоселова (его документальная публикация в «Военно-историческом журнале» содержит объемное предисловие, фактически носящее характер самостоятельной статьи) не свидетельствует о том, что эти два текста друг другу противоречат. Новоселов справедливо отмечает в обеих публикациях неподконтрольность ВЧК советскому руководству, кроме председателя СНК В. И. Ленина (в моей статье приведены свидетельства того, что даже Ленин не всегда мог контролировать чекистов), самоуправство чекистов, серьезные кадровые проблемы, в результате которых в «органы» попадали откровенные уголовники, факты произвола чекистов и применения пыток.³⁶ Некоторые части двух публикаций совпадают практически дословно и никак не противоречат тем тезисам, которые приводятся в моей статье, в том числе и со ссылкой на эти материалы. Что же хотел сказать Войтиков, кроме как хоть чем-нибудь задеть другого исследователя?

При этом сам Войтиков отнюдь не спешит продемонстрировать своё «знание литературы»: в его книге (а не журнальной статье)

36. Новоселов Д. С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов/Публ. Д. С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.

нет ссылок ни на монографию И. С. Ратьковского,³⁷ ни на сборник документов «Обречены по рождению»,³⁸ имеющий прямое касательство к теме репрессий в РККА в этот период, ни на труды сотрудников Службы безопасности Украины, опубликовавших ряд до сих пор находящихся на закрытом хранении в России документов по репрессиям лета 1919 г. в отношении руководства РККА.³⁹ Более того, историографический обзор книги Войтикова вообще лишь в самой слабой степени охватывает работы по истории органов госбезопасности и историографию репрессий в отношении комсостава РККА, не говоря уже об историографии большевистской партии и РККА, хотя книга, по сути, затрагивает все эти сюжеты, а анализ немногих учтенных публикаций нередко носит поверхностный характер. Войтиков по мотивам статьи А. А. Здановича критикует книгу Н. С. Черушева «Военные заговоры в Советской России: действительные и мнимые» (С. 7) и попадает в просак, поскольку на самом деле у Черушева *нет такой книги*. Это лишь название главы из его работы «1937 год. Был ли заговор военных?», вышедшей, между прочим, в той же серии, что и книга самого Войтикова. Возникает резонный вопрос: знаком ли с этой книгой Войтиков.

Удивляет лишь то, что Войтиков уделил столь пристальное внимание моей небольшой по объему статье, даже не удосужившись ее внимательно прочитать. Поэтому с каждым своим замечанием он оказывается в неловкой ситуации. В качестве еще одного замечания в мой адрес, видимо, следует понимать тот пассаж, в котором Войтиков разъясняет, что нельзя смешивать ВЧК и Петроградскую ЧК. Однако, во-первых, в моем тексте смешения нет, а, во-вторых, Петроградская ЧК являлась структурным подразделением Всероссийской, так что к ней могут быть в полной мере отнесены и многие черты, присущие последней.

Войтиков пишет, что я якобы не учел того, что Особый отдел в декабре 1918 г. существовал только на бумаге, а решение об освобождении генштабистов из-под ареста должен был проводить якобы отдел военного контроля регистрационного управления Полевого штаба РВСР (С. 73). Обращение к моей статье вновь демонстрирует невнимательность Войтикова: у меня описывается обращение Ленина к председателю Петроградской ЧК с просьбой об освобождении арестованных, об Особом отделе применительно к этой истории речь не идет. В то же время приведенный мною факт непосредственного обращения Ленина к руководству ПетроЧК никак не свидетельствует в пользу тезиса Войтикова о том,

37. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

38. Обречены по рождению... СПб., 2004.

39. З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18).

что дело с освобождением арестованных провалила такая инстанция, как регистрационное управление. Неспособность же советского диктатора добиться от чекистов повиновения наглядно демонстрирует неподконтрольность последних в этот период.⁴⁰ Следующее замечание, что я «не нашел документов, показывающих, кто „напомнил“ Петроградской ЧК о решении Совета Обороны», вообще смотрится нелепо. Возможно, Войтиков уже ознакомился со всеми интересующими его документами, однако процесс архивного поиска не имеет своего предела, в том числе и в рамках темы книги Войтикова. Во всяком случае, мне известен целый ряд документальных свидетельств по данному вопросу (некоторая часть из них публикуется в *Приложении*), с которыми Войтиков не знаком.

И, наконец, хочу отметить последний пассаж Войтикова о моем тексте, содержащийся уже в примечаниях (С. 317). Речь идет о введении двух большевистских представителей в контрольно-ревизионный отдел ВЧК для непосредственного надзора за расследованием дел бывших генштабистов, о чем я писал как о беспрецедентном событии, призванном *обуздать произвол* чекистов в отношении военспецов. Войтиков пишет, что эти факты являются... еще одним свидетельством *подконтрольности* ВЧК ленинскому Совету Обороны. Войтиков как бы пытается спорить с приведенными мною данными о случаях неподчинения чекистов высшим советским руководителям. Однако спорить с многократно документированными фактами — занятие малопродуктивное. Я нигде не писал об *абсолютной* неподконтрольности органов ВЧК, однако тот факт, что у большевистского руководства в 1918–1919 гг. регулярно возникали довольно серьезные проблемы во взаимодействии с чекистами, даже на нынешнем этапе изучения истории первых лет существования ВЧК, является вполне очевидным.

Выводы автора книги представляются более чем спорными. Уже говорилось о многократном преувеличении Войтиковым целого ряда явлений, о его некритическом подходе ко многим свидетельствам и о незнании им целого ряда важных моментов избранной им темы. Все это не могло не сказаться и на выводах работы. Во-первых, остаются недоказанными проходящие красной нитью через книгу Войтикова рассуждения об ожесточенной конфронтации между Лениным и Троцким в 1918–1919 гг. и стремлении по-

40. В отношении неподконтрольности чекистов наиболее красочный пример можно привести о представителях ведомства Дзержинского, работавших в Туркестане, которые, получив в конце 1918 г. мандаты за подписью В. И. Ленина и руководства ВЧК, «глумились над этими мандатами, называя их ничего не значащими бумажками, держали себя грубо, вызывая, угрожали вооруженной силой...»: В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 127.

следнего стать полновластным диктатором в Советской России. Во-вторых, не соответствует действительности заявленная Войтиковым степень конфронтации между старыми генштабистами и выпускниками ускоренных курсов академии Генштаба. В-третьих, нельзя считать закрытым вопрос о причинах арестов в Полевом штабе и их заказчике. Хотя бы потому, что Войтиков просто отмахнулся от роли Сталина в тех событиях, тогда как именно на него как на инициатора дела Полевого штаба намекал Троцкий. Без анализа участия в произошедшем всех заинтересованных лиц реконструировать подлинный ход событий невозможно.

Войтиков считает, что Ленин с помощью ВЧК навязал верхушке РККА свою стратегическую линию и нужных ему людей (С. 312). Но не вполне понятно: о какой стратегической линии идет речь, поскольку и Троцкий, и Ленин, и Сталин были одинаково заинтересованы в победе над противником и целенаправленно работали для ее достижения. При этом «нужные» Ленину люди вовсе не давали гарантии проведения в жизнь в дальнейшем именно ленинских взглядов. К тому же сам Ленин в военные вопросы глубоко не вникал, а что касается разногласий, то уже вскоре Ленину пришлось вновь соглашаться с предложениями Троцкого, который в условиях Гражданской войны показал себя как подлинный вождь РККА, грамотный политик и стратег. Вызывает серьезные сомнения и вывод автора о росте авторитета ВЧК в результате фабрикации этого заговора (С. 313).

Большевицкие вожди в этот период уже отлично понимали, что ВЧК является реальной и во многом самостоятельной силой в политической борьбе. Очевидной была необходимость держать чекистов под жестким контролем, иной подход грозил трудно прогнозируемыми последствиями. Не исключено, что последовавшее в августе отстранение склонного к самоуправству и ответственно за аресты военспецов М. С. Кедрова от руководства Особым отделом ВЧК и замена его Ф. Э. Дзержинским стали ответной уступкой Троцкому после удаления его ставленников из Полевого штаба. Поэтому в истории с делом Полевого штаба еще рано ставить точку.

Приложение:

Новые документы о «деле» Полевого штаба

Впервые публикуемые выявленные мною документы из фонда Полевого штаба РВСР дают представление о ранее неизвестных аспектах событий весны-лета 1919 г. в Полевом штабе РВСР и существенно дополняют материалы, опубликованные С. С. Войтиковым

и А. А. Здановичем. И хотя эти документы в основном отражают взгляды репрессированных военных специалистов, они дают вполне однозначное представление о том, что же собой в действительности представляло «дело» Полевого штаба.

Первый документ рисует картину многократных нарушений, которые допускались в процессе арестов в Полевом штабе в мае 1919 г. Убедительно показывает, что под арест попадали наиболее активные и добросовестные военные специалисты, нередко обладавшие, как, например, генштабист И. Д. Моденов, уникальными знаниями в специальных вопросах. Интерес представляет и то, что чекисты в некоторых случаях действовали без ведома комиссара Полевого штаба РВСР С. И. Аралова.

Во втором документе также затронут вопрос необоснованности арестов. Показаны методы работы ВЧК с подозреваемыми, ужасающие условия содержания арестованных, произвол руководителя Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова. Анализ заданных И. Д. Моденову вопросов дает возможность разобраться в подоплеке его ареста, связанного в том числе и с делом Г. И. Теодори.

Третий документ, пожалуй, наиболее ценный из всех. Это письмо главкома И. И. Вацетиса председателю ВЦИК М. И. Калинину, составленное в самый разгар «дела» Полевого штаба в начале июля, но не ранее 4 июля, когда был арестован выпускник ускоренных курсов академии Н. Н. Доможиров и не позднее 8 июля — когда под стражу был взят уже сам автор письма. Документ непосредственно освещает начало июльских арестов в Полевом штабе и отражает видение этих событий главкомом Вацетисом. В документе ярко продемонстрирована некомпетентность карательных органов, показано, что обвинения в отношении военных специалистов были сфабрикованы. Главком Вацетис в это время, вероятно, еще питал иллюзии относительно своей принадлежности к советскому военно-политическому Олимпу, считал себя «неприкасаемым». Поэтому он писал о происходящем откровенно, прямо и жестко. В обстановке повальных арестов в окружении Вацетиса его поручительство за арестованных сослуживцев было мужественным поступком и свидетельствует в пользу их невиновности. Вряд ли советский главком пошел бы на такой риск, если бы не был полностью уверен в своих подчиненных. Но, по всей видимости, Вацетис явно переоценил свою близость большевицкой верхушке. Вместо благодарности за прежние заслуги ему выпала лишь роль пешки в сложных политических комбинациях советских вождей. Не удивительно, что собственный арест стал полной неожиданностью для Вацетиса. В целом же документ дает трезвый взгляд на происходившие события.

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича содержит список арестованных военспецов. Последующие документы, во многом, похожи и представляют собой достаточно искренние прошения аресто-

ванных об освобождении. Эти прошения позволяют разобраться в причинах и характере репрессий, взаимосвязях между арестами, дают возможность составить представление о положении арестованных и их семей.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, но при сохранении стилистических особенностей источника. Библиографические справки о персоналиях приводятся в примечаниях в конце каждого документа.

1.

Телеграмма начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому в связи с арестами сотрудников Полевого штаба. Приписки к телеграмме главкома И. И. Вацетиса и комиссара Полевого штаба С. И. Аралова, 6 мая 1919.

Пред[седателю] сов[ета] обороны Ленину
Пред[седателю] реввоенсовета Троцкому
Копия Главнокомандующ[ему] всеми воор[уженными] силами
Республики Вацетису
Копия За[местителю] пред[седателя] реввоенсовета Склянскому

«6» мая 1919 года Серпухов. Секретно. 3 сего мая были произведены внезапно массовые обыски и аресты у служащих Полевого Штаба Генштаба Моденоваⁱ, Медведеваⁱⁱ, Далераⁱⁱⁱ и еще других десяти сотрудников. Арестованы Генштаба Моденов и Медведев и две писмоводительницы. При обысках, насколько мне известно, до сих пор ничего компрометирующего найдено не было и отобраны предметы, не имеющие совершенно никакого значения, как то: планы Москвы, Серпухова, старые письма и прочее. Аресты и обыски произведены не только вопреки приказа Реввоенсовета Республики от 29 Сентября 1918 года за н[оме]р[ом] 6 без ведома начальствующих лиц, но даже Заместитель Комиссара Штаба тов. Голенко для ареста Генштаба Моденова позволил в служебное время в момент нахождения в Штабе Главкома и меня представителям ВЧК войти в помещение Штаба, в отделение оперативного управления и там проинформировать арест, о котором Главком и я узнали совершенно случайно. Арестованные Генштаба Моденов и Медведев служат в Красной армии с самого начала ее существования. Оба являются выдающимися, честными, добросовестными работниками, которые не жалели ни времени, ни сил и которые всецело отдавались служению Красной армии. Лучшей характеристикой работы Генштаба Моденова может служить его капитальный труд этнографического и исторического исследования всех советских республик, образовавшихся на территории бывшей российской империи, составлен-

ный по архивным данным в течение двух — трех недель по заданию Полевого штаба. Что касается Генштаба Медведева, то отсутствие его как начальника связи такого учреждения, как Полевой Штаб, уже начинает сказываться в отрицательную сторону. Медведев является [в] настоящее время единственным специалистом Генштаба по связи в Республике для работы в таком масштабе, который необходим для Полевого Штаба. Отсутствие Медведева повлечет и дальнейшее ухудшение связи, а следовательно крайне вредно отразится на оперативной работе Штаба. Я глубоко убежден, что генштаба Медведев и Моденов ни в какой контрреволюции замешаны [быть] не могут и арест их является также беспочвенным, как и обыски у сотрудников, у которых найдены и отобраны план Серпухова, Москвы и т. п. По долгу совести и ради дела докладываю, что такие беспочвенные, без соблюдения законных установлений обыски и аресты нервно отражаются на планомерной и ответственной работе служащих Полевого Штаба и дезорганизуют самый аппарат управления. Кроме того, такие аресты и обыски дискредитируют высший военный советский орган в Республике, каковым является Полевой Штаб и могут¹ вредно отразиться на фронтах, лишая один из важнейших органов государства доверия, что в критическую минуту может повлечь за собой нежелательные последствия и губительно повлиять на боевых операциях (так в документе — А. Г.). Авторитет Полевого Штаба такими действиями ставится под подозрение, вместо того, чтобы быть вне упрека.

В видах поддержания престижа Полевого Штаба ходатайствую, чтобы ни одно учреждение, организация или должностное лицо помимо Реввоенсовета Республики не имело права вмешиваться во внутреннюю жизнь Полевого Штаба, а также не входя в рассмотрение правильности или неправильности произведенных арестов прошу о немедленном рассмотрении дел арестованных сотрудников Полевого Штаба и об их освобождении, причем генштаба Моденова и Медведева все генштабы Полевого Штаба согласны взять на свои поруки. № 169/Б. Наштареввоенсовета Республики Генштаба Ф. Костяев. Военком Ш[таба] РВСР

Согласен с изложенным в этой телеграмме; с своей стороны ходатайствую о самом срочном пересмотре дел всех арестованных за последнее время штабных работников.

Главком Вацетис
6 мая 1919 г.
Серпухов

1. В документе ошибочно — «может» — А. Г.

[Приписка С. И. Аралова:] Обыски и аресты за исключением Макарова (здесь и далее — зачеркнуто в документе — А. Г.) Аресты Генштаба Медведева, Моденова и др. произошли с моего ведома. Об обысках у некоторых лиц Макарова^{iv} и Анциферова^v я не был поставлен в известность. Тов. Кедрову я указал на необходимость в недельный срок закончить дело генштаба Медведева. В виду моей поездки [в] Москву по этому же делу начало арестов произошло без меня и были произведены неумело, на что мною указано зав. Особым Отделом в г. Серпухове, и по приезду в Серпухов беспредельные обыски приказал прекратить. В будущем считаю необходимым указать, что обыски и аресты ответственных лиц должны производиться более осторожно и осмотрительно, чем были произведены в настоящем случае.

Аралов.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 227–232 об.

Черновик телеграммы с рукописными дополнениями. Текст сверен с отправленным вариантом телеграммы: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 380–382 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Моденов Иван Дмитриевич (1885–?) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. Служил в армейской пехоте. В 75-м пехотном Севастопольском полку (на 1915–1917). Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Георгиевским оружием (1915). Последнее звание в русской армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. С 1.4.1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА на 1918–1822. Служил в штабе Северного участка и Петроградского района завесы (1918). В резерве штаба Петроградского района. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1920). Находился под арестом (3–16.5.1919). Начальник штаба 14-й армии. Начальник штаба 12-й армии (14.11.1920–1.1.1921). Начальник штаба 24-й стрелковой дивизии (3.2. — 27.6.1921). Начальник 24-й стрелковой дивизии. Начальник организационного управления штаба Киевского военного округа (15.7. — 30.8.1921). Заведующий учебно-строевой частью Военной школы им. ВЦИК (с 3.9.1921, на 8.1922).
- ii. Медведев Александр Павлович (4.12.1882 -?) — военный специалист РККА. На службе с 1.10.1902. Окончил Московское частное реальное училище, Николаевское инженерное училище, офицерский класс военно-электротехнической школы и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Служил в 19-м саперном батальоне, Усть-Двинской крепостной минной

роты, Гренадерском саперном батальоне. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1907) и Св. Анны 3-й ст. (1908). Старший адъютант штаба 55-й пехотной дивизии. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. И. д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии (с 5.12.1915). И. д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. Штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (с 9.12.1916). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. И. д. начальника связи действующей армии управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем (с 17.12.1917). Последнее звание в русской армии — подполковник. С 20.7.1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА в 1918–1923. Начальник связи Высшего военного совета (с 20.7.1918). Начальник связи Полевого штаба РВСР. Находился под арестом (4–14.5.1919). В распоряжении начальника Всероссийского Главного штаба (1919). В распоряжении управляющего делами СНК. Начальник автобазы СНК (с 16.12.1919, на 1923).

- iii. Далер (Даллер) Владимир Васильевич (Вильгельмович) (2.2.1875–17.11.1923) — военный специалист РККА. На службе с 31.8.1893. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (28.11.1904–5.5.1907). Начальник штаба Зегржской крепости (5.5.1907–7.3.1909). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (с 7.3.1909). Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1905), Св. Анны 3-й ст. (6.12.1909), Св. Станислава 2-й ст. (6.12.1912). Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта (на 1916). Помощник начальника управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем (с 10.2.1916). В распоряжении начальника Генерального штаба (1.8.1917). Последнее звание в русской армии — полковник. С 1.3.1918 добровольно поступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА в 1918–1922. Начальник организационного управления Полевого штаба РВСР. Начальник административно-учетного управления Полевого штаба РВСР (1919). Арестован (1919). Приговорен Ревтрибуналом Республики 16.2.1920 к принудительным работам с лишением свободы на пять лет. Инспектор Высшего геодезического управления ВСНХ (с 22.10.1921). Погиб в СССР.
- iv. Макаров — личность не установлена.
- v. Анциферов Петр Юрьевич — военный специалист РККА. Корнет. Обучался на ускоренных курсах 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918) в качестве проходящего слушателя. Курсы не окончил в связи с отъездом из Петрограда. В РККА на 1919–10.1920.

2.

Доклад начальника общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР И. Д. Моденова Ф. В. Костяеву по поводу ареста, 21 мая 1919.

НАЧАЛЬНИК
ОБЩЕГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПОЛЕВОГО ШТАБА
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО
СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
«21» мая 1919 года
№ 13380б
Гор. Серпухов
ДОКЛАД.
НАЧАЛЬНИКУ
ШТАБА

3-го мая в мой кабинет явились агенты Особого Отдела В. Ч. К. с комиссаром Морского отделения т. Клейнбергом и предъявили мне ордер за подписью т. Кедрова об обыске и моем аресте. Не выражая этому, я, зная, что без ведома своего начальства не могу быть арестован, спросил разрешения сообщить Вам по телефону об аресте, на что агентами было указано что ведь мой начальник т. Клейнберг. Возразив, что т. Клейнберг является только вр. и. д. комиссара Управления, я заявил, что моими начальниками являются — Вы и Начальник Управления, я настаивал на разрешении сообщить Вам об аресте и кому передать отделение. Агенты разрешили разговор, и я уже дал звонок в центральную, но т. Клейнберг взял трубку в руки и, таким образом, насильно лишил меня возможности разговаривать по телефону. После этого я заявил, что все же я сказал, что не уйду из отделения пока не сдам дел. Тогда т. Клейнберг сказал, — хорошо, я сейчас позову и передам, — и через некоторое время вернулся с т. Голенко, который заявил агентам, — я комиссар Штаба, — посмотря ордер и приказал арестовать. Я опять повторил просьбу сообщить Вам об аресте и кому передать отделение, на что получил ответ, что Вас в Штабе нет, а он Вам донесет, а для приема дел прислал т. Мовчина¹, которому я и был вынужден сдать наскоро текущие дела. Сообщение т. Голенко было заведомо лживое, так как на вопрос случайно зашедшему Генштаба Малышеву, — есть ли Начальник Штаба, я получил утвердительный ответ и просил сообщить Вам о своем аресте. Теми же агентами был произведен обыск у меня на квартире, после чего я был препровожден в Особый отдел Серпуховского В. Ч. К., откуда в ту же ночь отвезен на станцию и затем в Моск-

ву в Особый отдел В. Ч. К., причем никаких перевозочных средств предоставлено не было.

По прибытии в Особый отдел я был помещен в помещение для арестованных, в котором за неимением коек пришлось валяться на грязном полу.

5-го мая следователем Фогелем был сделан первый допрос, причем мне предложили следующие вопросы:

1) Как было поставлено дело сохранения военной тайны в бывшем Опероде², на что мною отвечено, что секретные дела хранились тщательно, а в кабинете Заведывающего находился постоянно партийный работник.

2) Как хранились дела Оперода — в запертых шкафах под ответственностью столоначальников.

3) Как хранились бланки Оперода — в запертом шкафу под ответственностью секретаря.

4) Как и [у] кого хранились печати Оперода — у Заведывающего Оперативным отделением т. Гиршфельда¹¹.

5) Как выпускались оперативные сводки — мною только корректировались черновые сводки, после чего сводки лично столоначальниками диктовались, давались на подпись и рассылались адресатам, т. е. после корректуры сводки уже не возвращались ко мне.

6) Характеристика Генштаба Теодори.

7) Характеристика бывшей переписчицы Троицкой.

8) Знал ли я, что Троицкая взяла из Оперода бланки и телеграммы — не знал, так как всем этим ведал секретарь.

9) Давал ли я Троицкой бланки телеграммы с печатями — не давал, т. к. печать была у т. Гиршфельда.

10) Правда ли, что я давал Троицкой печатать доклад о маневре 18 августа 1918 года — давал, так как маневры происходили каждое воскресенье и все очередные доклады, которые потом рассылались во все районные комиссариаты.

11) Правда ли что я давал Троицкой печатать доклад об имуществе Южного фронта — не давал, т. к. снабжением ведало другое лицо, и дела снабжения не входили в мои обязанности.

12) Правда ли Теодори в моем присутствии передавал Генштаба Тарасову¹¹¹ пакет без адреса и пакет с деньгами для передачи родителям в Евпатории — не видел и не знаю, т. к. Теодори занимался в другом кабинете.

13) У Троицкой найден обрывок бумаги, на котором написано моею рукою «Восточный фронт» — не помню и не знаю, что это было (Эта бумага предъявлена мне не была ни на первом допросе, ни на следующих).

14) Знаю ли я Далера — по службе.

15) Знаю ли я Анциферова — по службе.

2. Ород — Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.

- 16) Знаю ли я Тарасова — по Академии.
- 17) Знаю ли я Медведева — по службе.
- 18) Знаю ли я Тарановского^{iv} — не знаю.

После всех этих вопросов мне был предложен вопрос, как может быть предложен всякому, имею ли я сношения с белогвардейцами, на что я ответил, что не имею и не имел, за что ручаюсь головой.

Несмотря на то, что предложенный вопрос был только вопросом; а все предыдущие вопросы указывают, что я только свидетель по делу Троицкой мне пишется обвинение в шпионаже, в прочтении которого я и расписываюсь.

13 мая мне были предъявлены и запроотоколены следующие документы, отобранные у меня при обыске.

- 1) Серединка Штабной продовольственной карточки за вторую половину апреля.
- 2) Два отрывные купона пропуска в Штабной вагон.
- 3) Желтый железнодорожный билет, выдаваемый в кассах в обмен на литературу.
- 4) Квитанция телеграммы.
- 5) Письмо мое сестре о покупке цепочки и часов.
- 6) Блокнот, в котором были записаны номера коммутатора Регистрационного Управления, чей-то адрес, где я мог остановиться в Москве на случай командировки, очередь дежурств в Штабе.

После этого допроса следователь Фогель сообщил, что, вероятно, дня через два я буду освобожден.

15-го мая я был вызван на очную ставку с Троицкой, при чем предложены следующие вопросы:

1) Знал ли я, что Троицкая взяла в Опероде по уходе оттуда бланки и телеграммы и давала мне в Полевом Штабе — приносила мне в Полевой Штаб бланки бывшего Оперода для черновиков и другие канцелярские принадлежности, но что она брала уходя, не знаю, т. к. я убыл из Оперода 1–2-го ноября [1918 г.], а она оставалась там до 10–12 и что она брала я знать не могу.

2) Правда ли, что Теодори в присутствии моем и других передавал пакет Тарасову для передачи в Евпаторию родителям — я категорически отрицаю это, т. к. не видел.

3) Правда ли, что я давал Троицкой бланки телеграммы с печатями, которые она тут же разорвала — категорически отрицаю, т. к. печать была у т. Гиршфельда и чистых бланков с печатями я не имел.

4) Правда ли, что я попросил у Троицкой список инвентаря Южного фронта, который посмотрел и сразу же вернул — категорически отрицаю, т. к. если бы мне надо было [ознакомиться] с действительно бывшим таким списком, то я взял бы у лица, ведающего этим.

16-го мая утром я под конвоем был препровожден опять в Особый отдел, где был освидетельствован в комиссии, причем несмотря на имевшиеся физические недостатки, я из-за самолюбия отказался раздеться, сказав, что здоров, т. к. все равно был бы при-

знан годным. Около 14 часов я был освобожден, причем мне было вручено удостоверение в годности к военной службе и взята подписка, что я 17-го явлюсь в Штаб Округа. В шаблонном удостоверении, несмотря на указание, что Генерального Штаба и состою на службе в Полевом Штабе т. Кедровым дописано «обязательно на фронт и на строевую службу» — а срок явки вместо 19-го исправлен на 17-е (копия в приложении).

В ночь с 16-го на 17-е я ездил в Оперод Главкома, где виделся с Военкомом т. Араловым, и на мой протест действиям т. Кедрова, т. Аралов написал сношение т. Кедрову с тем, что я как специалист могу быть назначен только на штабную работу и буду назначен на фронт по указанию Полевого Штаба.

17-го мая с этим сношением я ходил к т. Кедрову, который через дежурного курьера передал на словах, что как Штаб Округа хочет, так и пусть делает.

В тот же день, выполняя взятую с меня подписку, я явился в Штаб Округа, где назначение на фронт лица, состоящего уже на фронте и специалиста в строй вызвало недоумение и в результате я получил сопроводительную бумагу для явки в Полевой Штаб.

Из всего указанного считаю необходимым подчеркнуть, что арест меня по ордеру т. Кедрова в здании Полевого Штаба в присутствии Главкома и Вашего произведен насильно комиссарами Клейнбергом и Голенко, не выполнившими приказов Реввоенсовета Республики, не допустивших доклада Вам об аресте. Как видно из доклада, я являлся только свидетелем по делу Троицкой, т. к. данных шпионажа не имелось никаких, между тем, вместо допроса на свободе, я был арестован и отбыл в тюрьме 10 дней, что, допуская всякие возможности, сделало меня нервно-больным и ослабленным физически. Уже тогда, когда я признан невинным и был выпущен на свободу, т. Кедров, врываясь в чужую область управления, в наказание за невиновность собственной властью назначает на фронт, то есть допускает лишнее издевательство над личностью и правами лиц, ему не подчиненных. На днях по распоряжению т. Кедрова отправлен по освобождению из тюрьмы в строй на фронт Саранцев, состоявший в Регистрационном Управлении, признанный невинным.

3-го мая у меня на квартире была арестована моя гражданская жена Капитолина Алексеевна Алексеева и одновременно препровождена в Бутырскую тюрьму. Только спустя 10 дней после ареста она была допрошена, на котором (допросе — А. Г.) выяснилось, что никакого отношения к Опероду она не имела, т. к. там не служила, но все же ей без всяких данных предъявлено обвинение в шпионаже. Из документов найдены испорченные черновики с заголовком «Приказ Реввоенсовета» без текста и какая-то испорченная телеграмма, не имеющая значения. Без этих, не имеющих значений документов не представлялось даже возможности допрашивать ее, почему допрос был произведен только 10 дней спустя после ареста.

16-го мая К. А. Алексеева была освобождена из тюрьмы, причем ей объявлено, что она признана невиновной, но вместе с тем, единоличным решением т. Кедрова она назначена на 6 месяцев принудительных работ и лишена права служить в военных учреждениях. Таким образом, за свою невинность Алексеева наказана 13-дневным заключением в тюрьме, лишением права служить в военных учреждениях и вытекающим отсюда увольнением со службы и 6-ти месячному принудительному труду (так в документе — А. Г.). Объяснение некоторых сотрудников Особого отдела, что это не наказание и что все женщины, бывшие в тюрьме назначаются на принудительные работы есть позорное издевательство над невиновной женщиной и назначение на принудительные работы без суда есть личное решение и произвол т. Кедрова. Все отношение служащих — сплошное издевательство с угрозой опять арестовать. Несмотря на то, что постоянно Алексеева живет в Серпухове и в Москве не имеет ни родных, ни знакомых, и в тюрьму ею не взято никаких вещей, т. к. при аресте было заявлено, что она будет только допрошена в Серпухове, ей не разрешили даже съездить в Серпухов за вещами. Издегавшаяся нервно и уже больная, она назначена уже на работы в Сокольниках (8 верст один путь) и с 22 мая начнет работать.

Несмотря на отсутствие каких-либо улик и то, что я и жена являлись только свидетелями по делу Троицкой, мы были арестованы, понесли за невиновность наказание и потеряли здоровье, некоторые из таких же свидетелей, напр., С. И. Кухтина, служившая в Опероде и сл [едовательно] знавшая хорошо Троицкую, по каким-то причинам была только вызвана на допрос в Особый отдел Серпуховского В. Ч. К. и после допроса отпущена.

Считая свою жену абсолютно невиновной, и уже достаточно наказанной я открыто протестую против подобного насилия над невинной и прошу Вашего всяческого содействия в немедленном освобождении ее от работ. Подобное грубое насилие по единоличному решению т. Кедрова и страдания невиновной жены, не имеющей даже квартиры в Москве, нервирует меня и работать при создавшихся условиях я не в состоянии.

Вообще в действиях т. Кедрова усматривается полнейший произвол. Не считая себя и Саранцева, т. Кедровым в связи с делом Троицкой назначены к принудительным работам на год с содержанием, но в концентрационном лагере две бывших переписчицы Оперода сестры Добровольские, состоявшие в последнее время, одна — на курсах разведки, другая — в Регистрационном Управлении. Та и другая находились более двух месяцев в тюрьме и теперь по болезни переведены в тюремную больницу, одна — с туберкулезом легких, другая — с нервными припадками. На днях без суда расстреляны в связи с делом Троицкой — Гаранов (бывш. телеграфист Полевого Штаба) и Сенкевич (должности не знаю). Кроме того, аресты и обыски продолжаются; на днях арестованы теле-

графистка Полевого Штаба Пятковская и делопроизводитель Инспектора Артиллерии Никольский.

В заключение докладываю и прошу 1) немедленно освободить от работ К. А. Алексееву, т. к. мое нервное состояние, при виду (так в документе — А. Г.) произвола над ней, портится и мешает мне работать, 2) гарантировать мне свободу личности от притязаний т. Кедрова, чем дать возможность нормально нести службу, хотя бы даже на фронте, 3) принять меры воздействия на комиссаров т. Голенко и т. Клейнберга и 4) не допускать единоличного решения т. Кедрова над людьми, не только не виновными, но даже и виновными.

Генерального Штаба И. Моденов

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229–233. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Мовчин Николай Николаевич (27.9.1896–3.9.1938) — военный специалист РККА. Член партии эсеров (с 1917), член РКП (б) (с 1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил школу прапорщиков при Алексеевском военном училище (1915) и Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе (1927). Последнее звание в старой армии — поручик. Избран председателем дивизионного и армейского комитетов 3-й армии Западного фронта (1917). Демобилизовался по болезни. Арестован, содержался в Бутырской тюрьме (не позднее 1919). Освобожден. В РККА с 1.1919. Секретарь комиссара оперативного управления Полевого штаба РВСР, комиссара Разведывательного отдела Полевого штаба РВСР. В Штабе РККА на различных должностях в мобилизационном отделе и управлениях штаба, последняя должность — помощник начальника организационно-мобилизационного управления. После окончания военной академии работал в мобилизационных органах промышленности, а с 1928 по 1933 гг. — в Штабе РККА помощником начальника организационно-мобилизационного управления, начальником 5 Управления (планово-материального). В 1933 г. явился инициатором создания службы снабжения горючим и возглавил управление снабжения горючим РККА. Комкор. Арестован 25.12.1937. Приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян. Реабилитирован 25.8.1956. Автор книг: «Комплектование Красной армии (исторический очерк)» (1926); «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы» (1928).
- ii. Гиршфельд-Островский Александр Владимирович (1897–1962) — уроженец Юрьева Эстляндской губернии, родился в семье врача. Окончил гимназию в Москве (1915). Член РСДРП (б) с 1918. С 1918 в РККА. Начальник оперативного отделения оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам. Военный комиссар оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1919). Слушатель академии Генштаба РККА, окончил академию в 1922. Начальник штаба ударной группы 25-й и 49-й стрелковых дивизий Восточного фронта (1919). Начальник отделения разведывательного управления Полевого штаба РВСР (1920). Военный комиссар Инспекции пехоты РККА (1920–1922). Коман-

дир роты и батальона в Московском военном округе (1922–1924). Начальник отдела Штаба РККА (1924–1926). Окончил 1-й МГУ (1926). Начальник мобилизационного отдела народного комиссара финансов СССР, военный советник наркома (1926–1929). Старший руководитель кафедры, адъюнкт курсов усовершенствования начальствующего состава Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929–1931). Секретарь полпредства в Берлине (1931–1935), выполнял задания ИНО ОГПУ. Генеральный консул в Кенигсберге (1935–1938). Поверенный в делах в Риге (1937–1938). В резерве НКВД (1938). Старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Командир полка дивизии народного ополчения. Позднее — на научно-педагогической работе. Кандидат исторических наук.

- iii. Тарасов Владимир Федорович — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 14-й и 13-й конно-артиллерийских батареях. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. В РККА добровольно с весны 1918. Участник Гражданской войны. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник агентурного отдела Региструпра Полевого штаба РВСР (11.1918). Начальник штаба советского Южного фронта (13.11.1918–7.6.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Вр. и. д. начальника штаба 9-й армии. Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии (10.8. — 2.10.1919). Вместе с двумя другими генштабистами (В. А. Желтышевым и А. С. Нечволодовым) пропал без вести 2.10.1919 при переводе штаба армии из Усмани в Колодезную. Перешел на сторону ВСЮР. В эмиграции — в Сербии (на 1922).
- iv. Тарановский Александр Дмитриевич (1.8.1885–8.10.1938) — военный специалист РККА. Из крестьян, уроженец станицы Нижне-Чирской Донской области. Окончил Тифлисское землемерное училище (1904), военно-топографическое училище с дополнительным геодезическим классом (1907). Прикомандирован как младший офицер к 57-му пехотному Модлинскому полку (с 15.10.1907). Производитель топографических работ на съемке в Финляндии и в Санкт-Петербургской губернии (с 18.3.1908). Прикомандирован к военно-топографическому училищу для занятий со строевыми офицерами (с 4.4.1909). Помощник производителя геодезических работ на триангуляции западного пограничного пространства (с 1.10.1909). Прикомандирован как младший офицер к 1-му Финляндскому стрелковому полку (с 14.1.1910). На триангуляции западного пограничного пространства (с 21.10.1911). Обучался на геодезическом отделении Императорской Николаевской военной академии (1912–1914). Приобрел права выпуска 1915 г. (слушатели, не успевшие окончить полный курс обучения в связи с началом Первой мировой войны). Участник Первой мировой войны. Прикомандирован к военно-топографическому отделу ГУГШ (19.7.1914–1915). Старший адъютант штаба Гренадерского корпуса. Ранен и контужен. И. д. штаб-офицера для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 6.7.1917 до демобилизации). Окончил ускоренный курс школы летчиков-наблюдателей в Киеве (1917). Последнее звание в старой армии — подполковник. Жил в Москве. Добровольно поступил в РККА. В РККА с весны 1918 по 5.1924. Участник Гражданской войны. Начальник штаба 1-й Закавказской дивизии. Кон-

сультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Арестован (8.1918–2.1919) без предъявления обвинения (первоначально обвинялся в незаконном формировании дивизии, возможно, арест связан с событиями Ярославского восстания), освобожден. Помощник правителя дел, лектор и руководитель практических занятий в академии Генштаба РККА, читал лекции по отделу разведки в рамках курса «Служба Генерального штаба» (3.1919–5.1920). Для особых поручений при командующем 3-й армией (1920–1921, вр. и. д. командующего 20.10. — 2.11.1920). Участник советско-польской войны. Член русско-польско-украинской комиссии. Начальник штаба 5-й дивизии (на 4.1921), начальник 17-й Нижегородской стрелковой дивизии. Начальник 4-й стрелковой дивизии (с 10.7.1921). Член РКП (б) на 11.1921. Начальник Северного военно-топографического отдела (с 30.11.1921–1923). Начальник корпуса военных топографов и военно-топографического отдела Штаба РККА (с 1.1923–3.1924). После демобилизации работал в картографическом издательстве НКВД. В двухлетней экспедиции на Мезень и Печору занимался комплексным изучением лесов, геоморфологией, геодезией. На 1928 — в картографической части НКВД. Инженер-геодезист, начальник съемки района Архангельска (на 1930). Арестован по делу «Весна» (26.12.1930), содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ 10.05.1931 приговорен к высылке через полномочного представителя ОГПУ в Северный край на 3 года (с 26.12.1930). В период высылки продолжал геодезическую работу. Начальник отдела геодезии и картографии в Архангельске. Арестован 26.4.1933 как участник контрреволюционной организации в Заостровье. Освобожден 29.12.1933 в связи с прекращением дела. Реабилитирован в 1988. Арестован 30.12.1937 по обвинению в шпионаже в пользу Польши и в руководстве вредительской группой в Северном геологическом тресте. Приговорен тройкой УНКВД по Архангельской области к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован 15.9.1989.

3.

Копия письма главкома И. И. Вацетиса председателю ВЦИК М. И. Калинин в связи с арестами в Полевом штабе РВСР, начало июля 1919.

Копия.
Председателю Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
тов. КАЛИНИНУ.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
РЕСПУБЛИКИ
«» Июля 1919 года
№

В ночь с 3 на 4 Июля с /г. был арестован приехавшим из Москвы на автомобиле председателем В. Ч. К. тов. Павлунов-

ским³ (здесь и далее — разрядка документа — *А. Г.*), состоящий в моем распоряжении бывший Командарм 15 Генерального Штаба *Н. Н. Доможиров*¹.

Это уже не первый арест лиц Генштаба, занимавших ответственные посты во вверенной мне Красной Армии и притом как предыдущие аресты, так, тем более и указанный — лица, состоящего в непосредственном моем распоряжении — совершилось без моего ведома, вопреки приказу Реввоенсовета Республики от 29 Сентября 1918 года за № 6, создавая дезорганизующее начало и подрывая дисциплину Красной Армии в смысле авторитета Начальства.

Учитывая же то обстоятельство, что аресты коснулись, главным образом, тех лиц Генштаба, которые мне, как Главнокомандующему, были известны исключительной своей энергией на пользу военного дела, обладая в последнем [случае] весьма большими опытом и знанием, мало этого, известны[е] как лица определенных твердых убеждений служить честно порученному им делу, не принося последнего в жертву тем или иным личным отношениям или интересам, — одним словом — известны как высокой ценности работники, становится совершенно непонятным явление подобных арестов, в корне подрывающих и тяжелую работу в настоящий момент в армии и мой авторитет, как Главнокомандующего, который не ставится предварительно в известность об аресте лиц, непосредственно подчиненных или занимающих ответственные посты в Красной Армии.

Если же принять во внимание еще то обстоятельство, что по частным данным мне приходится все более убеждаться, что названные аресты носят в себе отпечаток личных отношений с комиссарской частью, создающихся на почве объективного отношения со стороны арестуемых к военному делу с точки зрения только военного искусства и отнюдь не «контрреволюции», под каковую усердно порою старается подвести честного работника комиссарская часть, лишая на долгие времена, а может быть и навсегда, крайне нужного работника [своего] дела, то создается безотрадная картина службы необходимых работников Красной Армии, дающая ясный ответ на предложенный вопрос т. Павлуновским т. Доможирову, почему у противников лучше командный состав.

Если бы фактически и были среди арестованных ответственных военных работников шпионы (чего на самом деле нет), то ведь это прежде всего вредит делу военному, и я полагал бы не лишним в этом случае предварительно знать мое мнение о том или другом лице и ознакомить меня с фактическим материалом обвинения, нежели сразу арестовывать, ибо ошибки или пристрастие в аресте

3. Автор неточен — *И. П. Павлуновский* не был председателем ВЧК, а являлся заместителем начальника Особого отдела ВЧК.

несет в настоящее время непоправимый вред делу. У самых энергичных работников после подобного эксперимента, произведенного над ним, создается [извес?] тная инертность потом в деле, которое они заведомо будут приносить в жертву личным отношениям с комиссарской частью, дабы опять не создать процесс о «контрреволюции».

Недопустимо взваливать ответственную работу на военного специалиста с полной ответственностью за порученное ему дело, не оградив его раз навсегда от фабрикации «контрреволюции» со стороны политических работников при нем, не ответственных по его специальности. Этим, безусловно, в итоге будет забита вся честная и беспристрастная энергия в военном деле с заменой ее расшаркиванием перед комиссарами, дабы не попасть в разряд контрреволюционеров и шпионов.

Таким образом, нельзя создать надлежащее командование и управление. В итоге все мои директивы по командованию вооруженными силами Республики будут решаться исключительно с комиссарской точки зрения, с приношением ей в жертву знаний специальности.

Это явление крайне ненормальное.

Я, как Главнокомандующий, прошу обратить на подобное дезорганизующее явление, принимающее все больш [и] е размеры, самое глубокое внимание и предоставить мне право голоса при предполагающемся аресте кого-либо из лиц, мне непосредственно подчиненных или занимающих крупные ответственные посты, а приказу Реввоенсовета Республики от 29 сентября 1918 года за № 6 дать полную силу действия с полной гарантией от нарушения, ибо в настоящий грозный момент Республика нуждается в энергичных и твердых работниках Генерального Штаба, девизом коих должны быть исключительно: «Оборона страны на основе военно-научных требований, а не личных отношений».

Что же касается лиц Генерального Штаба *Г. И. ТЕОДОРИ*, арестованного 24 Марта с / г. и *Н. Н. ДОМОЖИРОВА*, арестованного в ночь с 3 на 4 Июля, то прошу освободить их под мое поручительство для назначения моим распоряжением по их специальности.

Генерального Штаба [Вацетис]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доможиров Николай Николаевич (31.10.1886–1922) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 4-м мортирном артиллерийском дивизионе. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.03.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.06.1918. В РККА добровольно с весны

1918 г. Участник Гражданской войны. Начальник отделения связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник штаба Северного фронта (21.10.1918 (фактически — 30.10.1918) — 19.2.1919). Начальник штаба Западного фронта (19.2. — 26.5.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован без предъявления обвинения (2/3.7. — 7.11.1919). В распоряжении главкома. Заведующий Рязанскими пехотными курсами. Начальник 22-х пехотных Курских курсов (1921). Умер от тифа.

4.

Фрагмент телеграммы неизвестного арестованного генштабиста на имя начальника Полевого штаба РВСР, 3 июля 1919.

...неделю назад я был приглашен в ВЧК для снятия дознания в качестве свидетеля, после которого следователь объявил мне, что ввиду несходства моих показаний с имеющимся у него материалом, он должен меня задержать. Несмотря на мои письменные заявления, что правдивость моих показаний могут подтвердить лица, облеченные советской властью исключительным доверием, меня препроводили в тюрьму как преступника, где я нахожусь теперь. Убедительно [прошу] Вас принять меры к моему [освобождению]⁴.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 94.

5.

Шифротелеграмма начальника Полевого штаба РВСР М. Д. Бонч-Бруевича заместителю председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновскому по поводу арестов в Полевом штабе РВСР, 14 июля 1919.

МОСКВА Заместителю Председателя Особого Отдела ВЧК тов. ПАВЛУНОВСКОМУ «14» Июля 1919.

В ночь 9/10 Июля в Полевом Штабе арестованы: состоящий в распоряжении Главкома КОСТЯЕВ⁵, для поручений при Главкоме ИСАЕВⁱ, адъютанты Главкома ВАЦЕТИСⁱⁱ и ДЫЛАНⁱⁱⁱ, для особых поручений при мне МАЛЫШЕВ^{iv}, Начальник Разведывательного Отделения КУЗНЕЦОВ^v, Помощник Начальника Оперативного Отделения ТОКАРЕВСКИЙ^{vi}, Комендант Штаба РЕМЕР^{vii}, По-

4. Предположительно, речь идет о выпускнике ускоренных курсов академии Генштаба В. В. Сергееве, содержавшемся в Бутырской тюрьме. 6 июля 1919 г. М. Д. Бонч-Бруевич ходатайствовал о его освобождении — А. Г.

5. В действительности Ф. В. Костяев был арестован еще 15 июня 1919 г. — А. Г.

мощники его СТАДЛЕР^{viii} и КОТКОВИЧ^{ix}. Ввиду необходимости провести арестованных приказом по Полевому Штабу, прошу уведомить: 1) за кем числятся вышеназванные лица и 2) как следует считать их положение: находящимися ли под следствием и арест их как меру против уклонения от такового или же задержанными [в] административном порядке. НР 1111/Ш. Наштаревсовresp М. Бонч-Бруевич.⁶

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 49.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Исаев Евгений Иванович (1889 -?) — военный специалист РККА. Окончил Алексеевское военное училище (1908). Участник Первой мировой войны. В 8-й полевой тяжелой артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. В РККА добровольно с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. В прикомандировании к отделению связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. В Онежской военной флотилии. Помощник начальника отдела штаба Северного фронта. В распоряжении Полевого штаба РВСР. Для поручений при главкоме И. И. Вацетисе. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба. Состоял в военно-исторической комиссии. Штатный руководитель практических занятий академии Генштаба РККА (с 12.12.1919, на 8.1922). Помощник заведующего статистическим отделом треста «Пестроткань» (1926).
- ii. Вацетис Эрнест Иванович — адъютант Главнокомандующего И. И. Вацетиса (1919) и его племянник. Член РВС 15-й армии. Арестован (1919). Начальник бронечастей 2-й Конной армии (1921). Награжден орденом Красного Знамени (1921).
- iii. Дылан С. С. — адъютант главкома И. И. Вацетиса.
- iv. Малышев Александр Козьмич (27.10.1887–19.3.1939) — военный специалист РККА. Родился в селе Чащино Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. Окончил 7 классов гимназии в Тамбове (1904). Поступил вольноопределяющимся в 1-й пехотный Невский полк (1906). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1 разряду (1910). Во 2-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Командовал ротой и батальоном. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийско-

6. Еще 11 июля Бонч-Бруевич телеграфировал Л. Д. Троцкому о необходимости скорейшего рассмотрения дел Кузнецова и Токаревского и по возможности их срочного освобождения: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 32–32 об.

му Главному штабу № 18. 27.6.1918. С 1.3.1918 из старой армии добровольно перешел в РККА. Участник Гражданской войны. Для особых поручений при штабе Порховского (Старорусского) района (с 1.3.1918). Помощник начальника штаба 2-й Петроградской дивизии по оперативной части (с 2.5.1918). Для поручений при 3-й инспекции формирований Северного участка (с 28.6.1918). Начальник штаба районных частей Петрограда (с 11.8.1918). Начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта (с 28.9.1918). Для особых поручений при начальнике Полевого штаба РВСР (с 22.10.1918). Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Иваново-Вознесенских пехотных курсов (с 22.11.1919). Заведующий Иваново-Вознесенскими курсами комсостава (с 23.1.1920). Начальник Московской советской пехотной школы (с 20.8.1920). Командир 1-й Московской стрелковой бригады курсантов (с 28.1.1921). Заместитель начальника (с 10.6.1921), начальник управления (с 20.6.1921) военно-учебных заведений Приволжского военного округа. Командующий войсками, действующими против банд Серова (с 22.3.1922, с оставлением в прежней должности). Начальник штаба и помощник командующего Бухарской группы войск (с 7.7.1922, с оставлением в должности начальника управления Приволжского военного округа). Участник боев против Энвер-паши. Награжден бухарским военным орденом Красной Звезды 2-й ст. (1922), орденом Красного Знамени № 1669 (Приказ РВСР № 230. 1922). Окружной инспектор военно-учебных заведений Приволжского военного округа (с 15.03.1923). Помощник инспектора военно-учебных заведений Петроградского военного округа по учебно-строевой части (с 30.06.1923). Инспектор военно-учебных заведений Петроградского военного округа (с 15.10.1923). Военрук Ленинградского государственного университета (с 1.9.1926). Начальник объединенной Военной школы им. Ленина (с 1.7.1927). Окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929). Зам. начальника штаба Среднеазиатского военного округа (с 12.1932). Окончил оперативный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе. Комбриг (20.11.1935). Начальник штаба Среднеазиатского военного округа (23.5.1937—31.3.1938). Награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (1932), орденом Красного Знамени (1933), орденом Ленина (1937). Член ВКП (б) с 1928. Арестован 28.8.1938. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 8.2.1939 к расстрелу по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору. Расстрелян. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 19.3.1957. Женат, четверо детей.

v. Кузнецов Борис Иннокентьевич (12.5.1889—19.4.1957) — военный специалист РККА. На службе с 1907. Участник Первой мировой войны. В 7-й артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917—1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. С весны 1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. Помощник главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему. Консультант оперативного отдела штаба Московского военного округа. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Военный эксперт при делегации

Народного комиссариата по военным делам для переговоров с германской главной квартирой. Председатель комиссии по исследованию дорог Олонецко-Петрозаводского района. И. д. начальника оперативного штаба при председателе РВСР в поездках на Южный и Петроградский фронты. Консультант разведывательного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник разведывательного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении Всероссийского Главного Штаба. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Нижегородских пехотных курсов (1920). Заведующий учебной частью 3-х Казанских пехотных курсов (1920). Начальник штаба 1-й Восточной стрелковой бригады курсантов. И. д. начальника оперативного отдела штаба 11-й армии (1921). И. д. начальника штаба 11-й армии (7—29.5.1921). Второй заместитель народного комиссара по военным и морским делам Грузии. Первый заместитель народного комиссара по военным и морским делам Закавказской республики (с 20.4.1921). Начальник управления военно-учебных заведений отдельной Кавказской армии (1923). Начальник штаба (8.1923—2.1927) и заместитель командующего (5.1925—2.1927) Краснознаменной Кавказской армии. В распоряжении Народного комиссара по военным и морским делам (2—6.1927). Военный атташе при полпредстве СССР в Турции (6.1927—10.1929). На преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе: начальник кафедры военной истории и мировой войны, начальник кафедры военной истории (с 10.1942), начальник кафедры истории военного искусства (с 2.1946). Комдив (5.12.1935). Генерал-майор (4.6.1940). В отставке с 5.1947. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной звезды и медалями. Умер в СССР.

vi. Токаревский Вячеслав Константинович (23.6.1882—1927) — военный специалист РККА. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию по 1 разряду (1911). На службе с 31.8.1900. В 26-й артиллерийской бригаде. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (1907). Командир роты 170-го пехотного Молодечненского полка (6.10.1911—9.10.1913). Обер-офицер для поручений при штабе III Сибирского армейского корпуса (с 26.11.1913). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии. И. д. штаб-офицера для поручений при штабе II армейского корпуса (с 1.11.1915). Награжден Георгиевским оружием (11.9.1916). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. И. д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Дело-производитель ГУГШ (с 12.12.1917; на 3.1918—4-й делопроизводитель, курировал Восточный фронт). Последнее звание в старой армии — полковник (с 15.8.1917). В РККА добровольно с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. Начальник отделения оперативного управления Всероссийского Главного Штаба. Помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7.1919). В распоряжении штаба Туркестанского фронта. Помощник начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И. д. начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И. д. начальника штаба Заволжского военного округа (с 18.5.1920). В распоряжении РВС Южного фронта (с 27.11.1920). Штатный преподаватель

Военной академии. Начальник штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В распоряжении Штаба. Групповой лектор и руководитель практических занятий по тактике, администрации и топографии Военной академии РККА (с 3.6.1922), старший руководитель по тактике (1923). Автор книги «Тактика артиллерии» (М., 1931). Умер в Москве.

- vii. Ремер А. В. — комендант Полевого штаба РВСР (1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Дважды ранен и контужен. Участник боев под Казанью (1918). Арестован 9.7.1919, освобожден не позднее 9.1919.
- viii. Стадлер А. А. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).
- ix. Коткович Ф. М. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).

6.

Письмо арестованного бывшего коменданта Полевого штаба РВСР А. Ремера М. Д. Бонч-Бруевичу, 1 августа 1919.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич!

Будучи арестован 9 числа (июля — А. Г.) в связи вообще с арестами в Полевом Штабе, я вот уже почти месяц сижу в одиночном заключении, не зная в чем я обвиняюсь и что общего (?), слово неразборчиво — А. Г.) имеет мой арест с арестом других лиц. Из арестованных я знаю хорошо только Вацетиса, как бывшего командира полка и то последнее время видел его не более двух раз. Других же арестованных, например, генерального штаба Токаревского, Кузнецова, я знаю только как служащих Штаба и ни разу с ними не разговаривал. С Генерального Штаба Исаевым говорил за все время один раз и тоже не знаю, что он за человек.

С остальными арестованными почти в таких же отношениях. В том, что мой арест имеет общее с другими арестованными, я заключил в силу произведенного опроса. В чем же обвиняют меня, я не знаю. Я знаю хорошо, что я ни в чем не виноват и все время честно исполнял свои обязанности, что могут подтвердить все мои сотрудники. Крайне обидно сидеть целый месяц в тюрьме, не зная за собой вины. Начиная с 1917 года я совершенно не отдыхал; был в минувшую войну два раза ранен и один раз контужен. После октябрьской революции неоднократно выезжал на ликвидацию восстаний. Командовал правой группой при обороне Казани,⁷ где был отмечен в списке наиболее отличившихся. Теперь я окончательно издергался, сидя в тюрьме. В мае с. г. я свидетельствовался комиссией врачей и признан был совершенно больным и уволен в отпуск на два месяца, но задержанный делами службы...⁸ (...управления

7. Активное участие в обороне Казани в августе 1918 г. принимали верные И. И. Вацетису латышские стрелки — А. Г.

8. Здесь и далее значительная часть письма не читается из-за пятен грязи — А. Г.

контролем), а также поджидая... [удовлетворения в] содержании, я был в конце концов арестован 9 числа...

...нет времени заниматься моим вопросом..., я буквально дошел до отчаяния и прямо не знаю, что мне делать. Я сижу не [зная вины?] ..., и это меня убивает. Михаил Дмитриевич, простите за то, что Вас беспокою, но войдите в мое положение и помогите мне скорее доказать свою невиновность. Я прошу Вас обратиться с просьбой о скорейшем разборе дела. Простите, что Вас беспокою.

Искренно Уважающий Вас
Комендант Полевого Штаба А. Ремер⁹
1/VIII 1919 г.
Бутырская Тюрьма.
Одиночный Мужской Корпус
Камера 70

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 12—120б. Подлинник. Рукопись.

7.

Письмо арестованного бывшего помощника начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР В. К. Токаревского М. Д. Бонч-Бруевичу, 3 августа 1919.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич.

Тяжело оскорбленный в своих чувствах гражданина, обращаюсь к Вам с просьбой повлиять на скорейшее выяснение моего положения, в которое я попал не знаю почему и благодаря кому. Целый месяц как я сижу в строгом заключении в Бутырской тюрьме и только спустя 3 недели после ареста меня допросили, не предъявляя мне никакого обвинения и только расспрашивали о лицах, которых я издали видел не более двух раз в жизни, или с которыми я изредка встречался в служебные часы на занятиях, или о которых я никогда в жизни не слышал. Я заявляю, что никакой вины за собой я не знаю и не чувствую, насколько я мог заключить, единственная моя вина состоит в том, что я имею несчастье принадлежать к Генеральному штабу.

Семья моя теперь лишена моей поддержки, мать моя тяжело больна, вероятно, последней болезнью, я сижу в строгом заключении, где моральные и физические силы мои от незаслуженного, сурового наказания [ан] ия быстро уменьшаются — и все это неизвестно за что. Если я в чем виноват, пусть мне прямо скажут, я сумею

9. А. В. Ремер был освобожден не позднее сентября 1919 г.: РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 54с.

оправдаться, если же я виноват только в том, что, к моему несчастью, я — генерального штаба, то еще раз прошу Вас как бывшего моего профессора по академии и начальника войти в мое положение и повлиять на освобождение меня из тюрьмы, в которой я незаслуженно страдаю.

Уважающий Вас и преданный Вам В. Токаревский
3 августа 1919 г.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 13. Подлинник. Рукопись.

~

**Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции
в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923/Сост. В. Г. Макаров,
В. С. Христофоров. М., 2005**

Овышедшем огромным объёмом (свыше 500 страниц) и огромным для научной литературы тиражом (3000 экземпляров) труде известных исследователей и архивистов Архива ФСБ России В. Г. Макарова и В. С. Христофорова в прежней отечественной науке, лишённой частых научных событий, сказали бы: *этот труд закрывает тему*. И на самом деле: после этого труда — некогда (по бедности фактической источниковой базы) считавшиеся корректными полупрофессиональные сочинения о «философском пароходе» (нескольких пароходах и других транспортных средствах), на котором Советская власть в 1922 году выслала из России за границу 200 недостаточно лояльных по отношению к ней, но достаточно влиятельных в среде цензурной интеллигенции, деятелей культуры, науки, инженерии, общественности и высшей школы, больше не могут рассчитывать на внимание профессионального читателя.

В российской публицистике конца 1980-х — начала 1990-х годов, с опорой на эмигрантскую прессу и мемуары, была дана ёмкая риторическая формула: авторитарный большевизм, строя тоталитаризм и идеократию, не терпел разномыслия — и изгнал якобы «властителей дум». И «соль земли», пощаженная судьбой (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, И. А. Ильин и другие) расцвела в зарубежье. Россия погрузилась во мглу. Приказавший выслать этих интеллигентов Ленин будто бы невольно предвидел расстрельный 1937 года и таким образом оказался благодетелем. Очевидно давно — и теперь, имея перед глазами документальный свод, очевидно тем более, что эта риторическая формула не имеет ничего общего с реальностью: и «властителями дум» эти люди не были, и «мгла» царилла задолго до 1922 года, и Ленин никого не пощадил.

Составители этого труда в документальных подробностях воспроизвели кухню и логику этого мероприятия, показав: насколько систематически, но и творчески, подошли к делу большевики. Властные большевики поставили политическую задачу, изучили материал, привлекли рецензентов, составили списки нелояльных,

отчасти сократили их по просьбам просителей, проинструктировали высылаемых — и выслали.

Из опыта высылки можно сделать несколько предварительных выводов (не могу сказать, что именно этот корпус документов убеждает меня в этом, но он пока и не разубеждает меня): (1) решено было выслать вовсе не только «властителей дум», (2) решено было выслать не столько даже властителей именно «дум», (3) решено было выслать вовсе не только нелояльных, но и тех, кто был вполне лоялен. Предполагаю, что высылались те, кто потенциально представлял из себя (пусть даже лояльную власти) меньшевистскую интеллектуальную инфраструктуру (в высшей школе и печати), вокруг которой могла формироваться — не то чтобы альтернативная, а просто независимая «повестка дня». Почему в этом возникла необходимость? Потому что: (1) опыт перехода от военного управления страной к мирному, (2) задачи технологической реконструкции народного хозяйства, (3) опыт привлечения общественности к борьбе с голодом в 1921 году, (4) опыт восстановления неполитических коммуникаций с Западом в 1921–1922, (5) опыт использования «сменовеховства» в деле «приручения к власти» массовой непартийной интеллигенции в 1921–1922 годах, — показали, что массы интеллигенции и служащих, без которых была невозможная технологическая модернизация страны, *нелояльны*. И для обеспечения управляемости советского аппарата стал необходим операциональный и монополярный контроль за «общественной дипломатией» вне страны и за общественными настроениями — внутри.

Можно сказать, что акт высылки несоветских интеллигентов из Советской России — был лишь эпизодом советского террора начала 1920-х годов против остатков политической оппозиции (эсеров, меньшевиков, кадетов) и имел своей короткой тактической целью обеспечить комфортное, внеконкурентное «замещение» подавленной, глухой, идейно раздробленной идеологической оппозиции большевикам — их новым идейным инструментом — абсолютно контролируемым высшим партийным руководством и ГПУ движением «Смена Вех» («сменовеховством»).... Однако это, сугубо техническое решение власти я не могу считать своеобразным актом признания ею какого-то особого общественного влияния высланных интеллигентов или их особой несовместимости к будущей большевистской идеократией.

В конце концов, на «философский пароход» не попали и остались в России, ничего в себе не изменив, пусть и лояльные, но отнюдь не коммунисты по убеждениям Г. Г. Шпет, А. Ф. Лосев, С. А. Аскольдов, П. А. Флоренский, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Муравьев, С. А. Котляревский, М. О. Гершензон, не говоря уже о не столь идейно активных многочисленных «спецзах»: экономистах, инженерах, военных. Ещё до высылки одна часть их

сосредоточивалась в Академии Наук, пока она не была репрессирована и превращена в 1928–1929 годах в АН СССР (фрагментарным эмигрантским ответом на это уничтожение Академии можно счесть выдающийся по энциклопедичности и академичности проект Русского научного института в Белграде, 1928–1941), а другая — в Государственной академии художественных наук (ГАХН), разогнанной в 1930 году.

Представленный в сборнике корпус документов, безусловно, фундаментален. Но исследовательски он, естественно, ставит науку перед новыми вопросами: критикой, интерпретацией и дальнейшим развитием источниковой базы. И в этом его успешно решённая задача.

Документальная история высылки всё более остро выглядит контекстуально недочитанной, а сами документы — требующими не создания риторических формул, а элементарного чтения. Широко известны, например, смелые, идейные показания Н. А. Бердяева перед высылкой, рассказ о его дискуссии с Дзержинским в стенах ВЧК и т. п. В этой, новой книге — опубликован ряд иных показаний, иных героев высылки. И вот что следует из их почти единодушного хора. Все они — лоялисты, страдают от акта высылки, не хотели бы порывать корней с «пореволюционной» Россией. Все они, несмотря на красный террор, видели для себя возможности дальнейшей работы даже при идеократической диктатуре и т. п. И отнюдь не случайно абсолютное большинство их, оказавшись в эмиграции, вступили в резкий, принципиальный конфликт с белой эмиграцией по вопросу об отношении к итогам революции и природе Советской власти.

Можно, конечно, сказать, что главный террор и тоталитаризм 1930-х были впереди, но ведь казни, бессудные расстрелы и повешения периода Гражданской войны, цензура, концентрационные лагеря и ссылки — уже были! Значит ли это, что жертвы «философского парохода» не считали их дозу критичной? Значит ли это, что доза большевистского террора 1917–1922 годов была вполне приемлемой для лоялизма этих «властителей дум»?

М. К.

~

**Никита Петров, Марк Янсен. «Сталинский питомец» —
Николай Ежов. М., 2008**

Не успела выйти в свет полноценная биография самого известного и результативного (по количеству расстрелянных) сталинского палача, секретаря ЦК ВКП (б), главы НКВД Николая Ежова¹, как в конкуренцию ей появился описываемый труд. Казалось бы, признанный исследователь сталинизма Н. Петров и известный исследователь репрессий против оппозиции в СССР М. Янсен, вряд ли могли значительно дополнить сделанное А. Павлюковым, столь же фундаментально исполненное в опоре на полноту архивных источников. Главным у Павлюкова было детальное разоблачение лжи Ежова о своей революционно-пролетарской биографии (особенно вокруг Путиловской стачки) и описание механизма эскалации Большого Террора 1937–1938 годов. Павлюков (и Петров с Янсенем) солидарно отбросили лишнюю брезгливость в отношении политически фальсифицированных «дел» и «допросов», в которых Сталин конструировал разнообразные подпольные заговоры против СССР и себя лично. И правильно сделали: кроме легко вычисляемой политической лжи, в обеих книгах в изобилии представлены предельно откровенные данные о властных кланах, связях, образе досуга и службы верхушки большевиков, содержащиеся в допросных материалах.

Несмотря на достижения предшественника, результаты исследования Петрова и Янсена также впечатляют. Конечно, можно спорить, стоило ли удваивать объём книги за счёт приложенных документов, не все из коих достойны специального внимания, но сама логика исследования не вызывает сомнений. Петров и Янсен хирургически внятно и последовательно описали восхождение, апогей и механизм заката доверенного сталинского палача (изображение этого механизма у них получилось выпуклее, чем у Павлюкова).

Вот плоды этой карьеры в цифрах: в Большом Терроре с начала 1937 по январь 1939 было репрессировано около 1 500 000 человек, из них 700 000 расстреляны, 800 000 отправлены в лагеря. Хотя по первоначальному плану Сталина стояла задача аресто-

1. Алексей Павлюков. Ежов: биография. М., 2007.

вать 270 000 и расстрелять из них 76 000. Параноидальная логика одновременной этнической чистки будущего театра военных действий на западной границе СССР от потенциальных национальных «пятых колонн» (поляков, немцев, латышей, финнов и др.) вылилась в то, что в таких «национальных операциях» пропорция убитых была уже иной: 250 000 расстрелянных на 340 000 арестованных (всё это — из приведённого выше общего числа жертв Большого Террора).

Проблема в том, что политический смысл Большого Террора слишком часто затмевает его социальный масштаб. И тот факт, что «палачи сами становились жертвами», что страдания палачей и вдохновителей палачей от рук своих же сослуживцев ярко описаны в советской художественной литературе о «Доме на набережной», в исследовательском сознании часто выглядит значимей, чем общая национальная трагедия 1937 года. Это несоответствие литературного плача старых большевиков и их потомков масштабам террора неизменно и равно подпитывает противоположные тенденции: и ревизионизм адвокатов Сталина (твердящих о «национальном характере» сталинских репрессий против «латышско-еврейского» НКВД), и его ненавистников, вслед за Троцким, со странной избирательностью адвокатирующих «старых чекистов» и большевиков перед лицом «перерожденца» Сталина.

Но совершаемый авторами простой подсчёт — из числа всех репрессированных в 1937–1938 гг. было всего лишь 10 % *членов (вовсе не только должностных лиц) ВКП (б)* — посрамляет тех и других. Как бы ни были искусительны формулы о том, что руками Сталина-Ежова «революция пожрала своих отцов и детей» (или что именно тогда ЧК в самоистреблении покончила со своей латышско-еврейской историей, превратившись в русскую «национальную силу»), — цена этих межпалаческих игр для народа десятикратно выше.

Существует и иной исследовательский пункт, в избытке представленный в ревизионистской литературе: что якобы НКВД или местные партийные органы увлеклись террором (они действительно часто «соревновались» и требовали от центра увеличения квот на репрессии и больше расстрелов, постоянно увеличивая «лимиты» НКВД), используя террор для сведения своих межклановых и межведомственных счётов. Петров и Янсен дают этому пункту краткое опровержение: «Расхожий вывод о том, что в 1937–1938 годах органы НКВД вышли из-под контроля партии, не является обоснованным». И доказывают, что всё принципиальное в терроре, в том числе персональные расстрельные списки на 39 000 человек контролировалось лично партийным вождём Сталиным (напомню, и Ежов параллельно с руководством НКВД был секретарём ЦК).

Однако само по себе это указание авторов на личную унию НКВД и ВКП (б) — Сталина и его орудия Ежова, — тем не менее, не звучит убедительно. Диктатор Сталин не может выступать ве-

домственным представителем партийной вертикали в отношении вертикали НКВД. Мне представляется более точным сказать, что явленная в этой паре Сталина — Ежова единая центральная власть с избытком («с запасом») истребила и потенциальную военную оппозицию, и самостоятельность промышленных и партийных, центральных и местных кланов. Правда, ненадолго.

Описывая личность Ежова, авторы из приведённого ими материала могли бы сделать (но стыдливо не сделали) и вывод об особых связях палача Ежова с советской культурной элитой: ведь постоянными гостями домашнего салона жены Н. И. Ежова в 1930-е гг. были Михаил Шолохов, Лев Кассиль, Самуил Маршак, Исаак Бабель, Леонид Утёсов, близко она общалась и с Н. Я. Мандельштам. Хотя этот вывод почему-то не сделан, читатель обязан этими важными фактами пополнить свои знания о советской (и подсоветской) литературной элите того времени, не чуравшейся не только теоретически-философского общения с вождями (см. пример М. А. Горького, Б. А. Пильняка, Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова), но и частного общения с практикующими палачами.

В этом контексте особый оттенок картине придаёт детально развёрнутое авторами наблюдение: Ежов — этот некогда тихий и участливый карлик, ставший садистом — последовательно уничтожал всех, кому в прошлом был чем-то обязан, кто помнил его другим, кто напоминал ему о матери-литовке и деде-поляке (Ежов свободно, как на русском, говорил на польском и литовском языках). Авторы не могут дать иного объяснения этому человеческому «чуду», кроме как назвать его полноценным продуктом «сталинской тоталитарной, террористической и бюрократической системы». Объяснение корректное, но какое-то протокольно-беззубое, словно только Сталину было под силу так дьявольски перерождать человеческую природу.

Предшественник Ежова в НКВД Генрих Ягода и добрый знакомец Ежова, теоретик массового насилия, Николай Бухарин под следствием, как известно, особо выговаривали себе сохранение жизни в обмен на любое признание. Авторы приводят свидетельство о том, как экзистенциально заставил их пережить это Ежов: «В присутствии Ежова Ягodu расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных». В свою очередь, в наставший и для него час казни, заподозренный Сталиным в содействии шпионажу и, наверное, более не столь необходимый ему как палач, Ежов тоже просил сохранить ему жизнь.

Авторы новаторски, анализируя публично-бюрократические проявления фактической партийно-советской иерархии в их комплексе и динамике, локализуют апогей политического влияния Ежова в мае 1938 года, буквально за два месяца до начала его па-

дения, когда в политической риторике СССР он на короткое время стал *третьим по влиянию* после Сталина и Молотова.

Но вот чего не хватает описываемому исследованию, так это внятного контекста. Например, звучит в описании пути Ежова следпой термин «правая оппозиция» (истребляемая НКВД), но ни слова не говорится не только о том, кто был зачислен в неё Сталиным (это можно почерпнуть и из «Краткого курса истории ВКП (б)»), но и том, когда именно в идее и практике сталинизма возник сам проект её истребления, что хронологически важно для оценки востребованности того же Ежова. Так в книге Петрова и Янсена повсюду — минимум контекста, максимум сухой линейной судьбы.

Понятно, что это не снижает её выдающегося историографического значения и не мешает ей стать одним из классических произведений по истории довоенного сталинизма.

М. К.

**Александр Бобраков-Тимошкин. Проект «Чехословакия».
Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике
(1918–1938). М., 2008**

Первая Чехословацкая республика (1918–1938) традиционно занимает почетную нишу «золотой демократической эпохи» не только в чешском, но и в европейском общественном мнении, являясь источником многочисленных мифов, в значительной мере определяющих контуры современной чешской идентичности. Ностальгические ссылки на благословенные времена «Первой республики» зачастую выступают у чехов в роли синонима эпохи всеобщего процветания, благоденствия и расцвета демократии. Во время социализма в Чехословакии «Первая республика» служила идеологической иконой для противников существовавшего политического режима, которые находили в ней вдохновение и интеллектуальную поддержку. После «бархатной революции» 1989 г. и падения социализма «Первая республика», ее идеологический облик и политическое устройство стали выступать в качестве своего рода идеальной «референтной группы» для чешской политической элиты, которая, перефразируя Маяковского, вполне следовала лозунгу «я себя под Масариком чищу, чтобы плыть в демократию дальше...»

Расхожий чешский взгляд на недавнее историческое прошлое Чехословакии трактует возникновение независимого Чехословацкого государства как закономерный и естественный процесс, логично завершающий многовековое стремление чехов и словаков к свободе, а крах Первой Чехословацкой республики склонен объяснять прежде всего «неправильным» поведением «неблагодарных» нацменьшинств и неблагоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, сыгравшими роковую роль в судьбе единственного «острова демократии» в Центральной Европе.

Книга А. Бобракова-Тимошкина «Проект „Чехословакия“. Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике» — компетентный и вдумчивый экзаменатор этих устоявшихся взглядов, которые далеко не всегда способны выдержать испытание беспристрастным анализом. Автор предлагает не просто обзор идеологических основ и политической истории межвоенной Чехословакии, а всесторонний анализ наиболее характерных особенностей, «нестыковок»

и противоречий амбициозного «чехословацкого проекта», под которым исследователь понимает «не только идею создания государства и ее реализацию, но и конкретные идеалы его построения, которые пытались воплотить в жизнь его создатели»¹. Цель работы Бобракова-Тимошкина — «проблематизировать некоторые аспекты „чехословацкого проекта“, а не списать все на злую волю Гитлера, судетских немцев и антидемократической оппозиции» (С. 9). Предлагаемый автором ракурс рассмотрения проблемы удачен и методологически плодотворен, позволяя преодолеть многие расхожие штампы традиционной историографии и представить межвоенную Чехословацкую республику в не совсем привычном свете.

Свою работу автор начинает с тезиса о «неочевидности» и «искусственности» Чехословакии, делая это элегантно и убедительно. «Исторический факт, становясь таковым, неизбежно искажает оптику исследователей будущего: воплотившаяся в реальность альтернатива исторического развития априори кажется более логичной, чем прочие, нереализованные, варианты, — замечает исследователь. — Чехословакия возникла; следовательно, она должна была возникнуть. Однако именно такой вариант развития... был далеко не единственным и никак не predetermined» (С. 15). Констатируя отсутствие четкой «чехословацкой» программы «снизу», неразвитость общечехословацкого движения за независимость и проавстрийскую лояльность чешской политической элиты, автор приходит к выводу о том, что при создании чехословацкого государства роль внешних сил была «экстраординарной». Данная мысль автора перекликается с известным высказыванием Ф. Пероутки о том, что роль «отца чехословацкой независимости» сыграло «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а роль матери — «распад австро-венгерской империи»². Однако Бобраков-Тимошкин идет значительно дальше Пероутки в этом направлении, в частности, обращая внимание на огромную роль чехословацкого антибольшевистского восстания в Сибири в мае 1918 г. для популяризации «чехословацкого проекта» на Западе и остроумно замечая, что, «завершись война годом раньше, „чехословацкий проект“ мог бы остаться не более чем материалом для любителей «альтернативной истории» (С. 19).

Анализ деятельности Масарика и его окружения в эмиграции подводит автора к выводу о том, что «программа борьбы за независимость ... Чехословакии была талантливым политическим PR-продуктом. Масарику удалось элиминировать потенциально скользкие темы и, напротив, максимально оттенить выгодные для достижения поставленных им целей обстоятельства, не при-

1. Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 9.

2. Peroutka F. Budování státu 1918–1923. Praha, 1998. S. 13.

бегая к явным подлогам» (С. 36). Согласившись с Бобраковым-Тимошкиным по существу, отметим, тем не менее, что «явных подлогов» в практической деятельности конструкторов «чехословацкого проекта» было все-таки предостаточно: от заведомо невыполнимых щедрых обещаний Масарика американским словакам и русинам о предоставлении Словакии и Подкарпатской Руси широкой автономии в ЧСР до занижения численности немецкого меньшинства в Чехии на миллион (!) человек чехословацкой дипломатией в Париже. При этом совершенно ясно, что, раздавая щедрые обещания словацким и русинским политикам в США, Масарик с самого начала не собирался их выполнять, считая словаков и русинов не вполне «цивилизационно созревшими» народами для того, чтобы вести с ними диалог на равных. Показательно, что в своей переписке с Бенешем в ноябре 1918 г. Масарик не без доли культуртрегерского высокомерия откровенно отзывался о русинах как о «хорошем, но еще не разбужженном материале»³, подчеркивая, что присоединение земель карпатских русинов к ЧСР важно прежде всего для обеспечения территориальной связи ЧСР с Румынией — союзником чехов по Малой Антанте⁴. Разумеется, такой «не разбужженный», с точки зрения Масарика, «материал», как русины, никак не мог рассчитывать на автономию в рамках Чехословакии, хотя она и была юридически закреплена в Сен-Жерменском договоре и в конституции ЧСР. Впрочем, несоблюдение Прагой взятых на себя обязательств, юридически закрепленных в международном договоре, не очень беспокоило тогдашнее «международное сообщество», которое вплоть до 1938 г. вполне удовлетворялось красивыми рассказами Бенеша о некультурности, дикости и неготовности русинов Подкарпатской Руси к автономии.

Здесь уместно заметить, что официальная Прага, по большому счету, не была заинтересована в полноценном «пробуждении» ни русинов, ни словаков. Конфликты с Прагой имели все словацкие и русинские деятели, всерьез воспринявшие обещания Масарика о широкой автономии в рамках ЧСР. Характерно, что после конфликта чехословацкого руководства с первым губернатором Подкарпатской Руси Г. Жатковичем, требовавшим предоставления автономии русинам, и его последующего ухода в отставку Масарик в мае 1921 г. в своем конфиденциальном послании правительству требовал обеспечить «пассивность русинских деятелей»⁵. Желание

3. Hořec J. První kroky svobody. Podkarpatská Rus 1918–1920. Praha, 1999. S. 9.

4. Ibidem.

5. Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. См. также: Геровский А. Карпатская Русь в чешском ярме // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни/Под редакцией О. А. Грабаря. Том I. Нью-Йорк, 1977. С. 227–259.

президента было выполнено: впоследствии пост губернатора Подкарпатя занимали только политически слабые, управляемые и абсолютно послушные Праге фигуры, прошедшие жесткую селекцию на предмет политической лояльности и старавшиеся не портить настроение пражским чиновникам лишними напоминаниями о так и не предоставленной автономии. Все это дает общее представление о том, какой была истинная цель чехословацкой политики не только в отношении русинов, но и в отношении других национальных меньшинств Первой республики.

По справедливому мнению автора, одна из причин успеха чехословацкого PR-проекта заключалась в том, что Масарику удалось обратить в свою пользу и «кажущийся гандикап — слабый уровень знаний среди политиков Антанты о чешской и тем более словацкой проблематике» (С. 36–37). Успехи Масарика и Бенеша на ниве внешнеполитического пиара ярко проявились на мирной конференции в Париже, где «почти все любители чехов и с теплотой относились к их представителям»⁶. Впрочем, «умеренность и аккуратность» чехословацких лидеров, столь выигрышно смотревшаяся на фоне неугомонных поляков, румын и югославов, а также их уверения в преданности демократии и в глубоко укорененных демократических традициях чехов впечатлили не всех мировых лидеров. Среди представителей мировых держав в Париже сдержанностью и критическим отношением к чехам отличался Ллойд-Джордж, считавший Бенеша всего лишь «маленьким французским шакалом», а чехословацкие требования — чрезмерными⁷.

А. Бобраков-Тимошкин избирательно останавливается на творческом наследии Масарика, подчеркивая, что «прошлое Масарик призывает в свидетели только для того, чтобы обосновать нынешнюю политическую программу, основанную, как ни парадоксально, как раз на отказе от „национальных мифов“» (С. 27). Правда, на месте низвергнутых с пьедестала старых мифов Масарик уверенно возводит новые, подавая их как наконец-то открытую сокровенную истину и интерпретируя чешскую историю крайне избирательно в соответствии с собственными идеологическими вкусами и приоритетами. Автор, прекрасно осознавая важную роль масариковских мифов в судьбе «чехословацкого проекта», уделяет особое внимание рассмотрению этого любопытного феномена, удачно классифицируя новые мифы на «миф об Освободителе», «миф об освобождении», «миф о Риме», «миф о легионерах» и «миф о чехах как любимцах Антанты» (С. 69–73). Последний миф лопнул особенно громко и выразительно во время Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г., причинив наибольшие моральные страдания чехам, связывавшим со своими западными союзниками неоправданно

6. MacMillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha, 2004. S. 235.

7. Ibidem.

завышенные ожидания. Исследователь упоминает — к сожалению, довольно сжато — и о нашумевшем в свое время споре о «смысле чешской истории» между Масариком и известным чешским историком Й. Пекаржем, в ходе которого проявилась научная слабость и шаткость многих, на первый взгляд эффективных, идеологических построений Масарика.

Бобраков-Тимошкин прослеживает быструю и радикальную политическую эволюцию Масарика в ходе Первой мировой войны. Если до войны Масарик был приверженцем «естественного права», прохладно относясь к аргументам чешского «исторического права» (по свидетельству некоторых современников, Масарик презрительно отзывался о символе чешской государственности пражском Граде как о «груде камней»), то с началом войны, когда была провозглашена цель создания Чехословацкого государства, Масарик стремительно инкорпорировал «историческое право» в свою политическую программу, поскольку это позволяло лучше аргументировать необходимость создания общего государства чехов и словаков. Автор не без иронии замечает, что, «несмотря на почти позитивистскую уверенность в собственной правоте, что-то заставило первого президента Чехословакии назвать ее создание после того, как все получилось, — „сказкой“ и „чудом“ (С. 43).

Говоря о «качестве чехословацкой демократии», исследователь обращает внимание на то, что Масарик «не был образцовым демократом, используя порой в борьбе с политическими оппонентами удары „ниже пояса“; малодемократическим представляется и созданный в обществе «культ» первого президента — в том числе как пророка демократии» (С. 50). Бобраков-Тимошкин метко подмечает и некоторую «монархичность» образа Масарика, который, подобно императору Францу-Иосифу, «тоже правил долго, тоже любил парад и верховую езду и, в конце концов, жил во дворце» (С. 70).

Одним из наиболее удачных сюжетов работы является критика автором доктрины «чехословакизма», превращенной Масариком в одну из основных идейных основ Первой Чехословацкой республики. Слабость данной доктрины Бобраков-Тимошкин справедливо усматривает прежде всего в ее общей неразвитости, поверхностности и импровизационном характере. По словам автора, «продуманной „чехословацкой доктрины“ у организаторов борьбы за независимость не было: словаки воспринимались, в соответствии с теорией об этническом единстве чехов и словаков, фактически как поработанные венграми чехи, говорящие на диалекте ... Определение «чехословацкая нация» первоначально употреблялось как синоним «чешской нации» (С. 54). Цитируя фразу Масарика о том, что, формулируя программу борьбы чехов за независимость, он постоянно думал о присоединении словаков, поскольку «своим происхождением я был словак и мораванин», автор остроумно замечает, что Масарик фактически «прицеплял» Словакию к «проек-

ту» едва ли не из «сентиментальных чувств». Первоначальное принятие словацкими политиками теории «чехословакизма» объяснялось не столько принципиальным и глубоко осознанным согласием с главными положениями данной доктрины, сколько стремлением опереться на нее для обоснования выхода словаков из состава Венгрии. Впоследствии, уже в рамках ЧСР несогласие словацких деятелей с чешской трактовкой «чехословакизма» и их недовольство культуртрегерской активностью чехов в Словакии стало одной из причин краха межвоенной Чехословакии.

Бобраков-Тимошкин обращает особое внимание на чисто этнический фундамент концепции «чехословацкой нации», указывая, что в этом отношении Чехословакия принципиально отличалась от сложившихся на Западе наций-государств, где доминировал гражданский принцип формирования политических наций. «Если бы под „чехословацкой политической нацией“ создатели государства имели в виду все население государства, вне зависимости от этнических критериев, то слово «чехословак» означало бы то же, что «бельгиец» или «канадец» (С. 56), — повторяет автор мысль Э. Радла, известного критика межнациональных отношений в межвоенной Чехословакии. Важный практический аспект доктрины «чехословакизма» для основателей ЧСР состоял, по обоснованному мнению автора, в том, что «если бы словаки официально считались отдельным народом ... то в Чехословакии не было бы „национального большинства“ — чехов в стране было менее 50 % населения! Число чехов со словаками, однако, увеличивалось до 66 %, что ... представляло собой почти трехкратный перевес над немцами» (С. 57). Вместе с тем, если бы словаки считались отдельной нацией, равноправной чехам, это ставило бы под вопрос как демократичность ЧСР, так и легитимность самого названия государства, поскольку число немцев в Чехословакии существенно превышало число словаков. По словам Бобракова-Тимошкина, для сохранения лица перед творцами Версальского мира Чехословацкое государство в этом случае «должно было бы называться Чехонемецкой республикой!»

К серьезным изъянам доктрины «чехословакизма» автор относит то обстоятельство, что в мышлении ряда чешских политиков словаки воспринимались как «по сути, чехи, только говорящие на диалекте и обладающие иной культурой (в связи с тем, что долго жили под властью венгров и „отстали“ от чехов в развитии)». Неудивительно поэтому, что чехи зачастую воспринимали словаков как своего рода «недочехов», обязанных подняться до уровня «настоящих чехов», и не собирались учитывать особенности словаков в государственном строительстве. Высокомерно-культуртрегерское отношение чехов к своим восточным соседям стало проявляться уже в первые годы существования ЧСР и сразу привело к нараставшему отчуждению католической части словацкого политического спектра

от Праги, что признавал и близкий Масарику «летописец» Первой Чехословацкой республики Ф. Пероутка. К сожалению, автор почти не упоминает о конкретных примерах набравшего силу чехско-словацкого культурного и политического размежевания.

Любопытным географическим выражением доктрины «чехословакизма» стали неестественно-протяженные и причудливые очертания межвоенной ЧСР, простиравшейся от г. Хеб на границе с Баварией на Западе до большого гуцульского села Ясиня в Подкарпатской Руси на Востоке. По словам канадской исследовательницы М. Макмиллан, контуры межвоенной Чехословакии напоминали «головастика с головой на Западе и хвостом на Востоке»⁸. Символично, что Чехия и Моравия входили в головную часть новообразованного государственного организма, в то время как Словакия и Подкарпатская Русь представляли собой узкий и длинный хвост данного государственного образования, зажатый между Польшей на севере и Венгрией на юге. Не менее символично и то, что головастик — вообще крайне уязвимый и недолговечный организм, способный существовать только в очень благоприятных природных условиях...

Другой важной идеологической основой Первой Чехословацкой республики была идея социального и духовного прогресса. По меткому наблюдению автора, политический спектр ЧСР «был смещен влево не только по отношению к государствам Западной Европы, но и к соседям ЧСР с иной социальной структурой» (С. 61). Широко распространенные в Чехословакии симпатии к социальным реформам автор объясняет классовым составом чешского общества, где численно преобладал пролетариат и средний класс. «Национальная крупная буржуазия и помещичество практически отсутствовали» (С. 60), — констатирует Бобраков-Тимошкин. Правда, здесь же, несколько противореча самому себе, автор отмечает, что социальной базой национально-демократической партии К. Крамаржа, довольно заметной политической силы в межвоенной ЧСР, был «крупный чешский капитал» (С. 61).

Духовный прогресс, понимаемый Масариком и его последователями прежде всего как «духовное расставание с Римом», в практической сфере выразился в стремлении ограничить влияние католической церкви и попытках создать «чехословацкую церковь», основанную на идеалах гусизма. Автор подчеркивает, что результатом этого стало не столько «духовное освобождение, сколько возникновение новой линии, разделяющей и без того не вполне сплоченное общество: для словацкого и немецкого католического большинства светская и тем более антикатолическая ориентация чешских элит, выдаваемая за идейную основу республики, была неприемлемая» (С. 64). К этому стоит добавить, что конфессиональная по-

литика Праги создала дополнительные проблемы и на русинском востоке республики, где чешские власти, стремясь взять под контроль православное движение в Подкарпатской Руси, пытались вывести местную православную церковь из-под юрисдикции Сербской Православной церкви и подчинить ее создаваемой по инициативе Праги чехословацкой автокефальной православной церкви⁹.

Большое внимание автор уделяет анализу практического механизма функционирования чехословацкой партийно-политической системы. По обоснованному мнению Бобракова-Тимошкина, основной «осью» партийной системы ЧСР «следует признать национальную ориентацию партий. Практически все они, кроме коммунистической, четко идентифицировали себя как партии той или иной национальности» (С. 83). По иронии судьбы, единственная общенациональная партия в лице коммунистов, находившаяся в жесткой оппозиции к чехословацкому государству и его политической системе, была готова выступить на защиту Чехословакии в трагические для чехов дни Мюнхенского сговора, когда Бенеш и прочие авторы «чехословацкого проекта» уже смирились со смертью своего детища.

Констатируя оживленную партийно-политическую жизнь в межвоенной ЧСР, наличие многочисленных партий, демократические выборы и частую смену правительств, Бобраков-Тимошкин четко выделяет главное: «Стратегическое руководство страной на протяжении всех неполных 20 лет существования ... продолжало оставаться в руках Масарика (впоследствии Бенеша) и ближайшего круга приближенных к ним лиц. Президент, конечно, советовался с партийными лидерами...однако ключевые решения против его воли принять было чрезвычайно трудно, если вообще возможно» (С. 103–104). Феномен Масарика Бобраков-Тимошкин усматривает еще и в том, что «огромный авторитет „освободителя“ республики удесятерил его политический вес, который оказывался несовместимым с тем объемом полномочий, которые давала глава государства конституция» (С. 105). Козырем Масарика, по мнению автора, было то, что ему не нужна была никакая-то особая «масариковская» партия, поскольку «он мог оказывать влияние на все (по крайней мере „государствообразующие“ партии). В каждой из них существовало крыло, связанное с „Градом“ или по крайней мере готовое поддержать президента и „Град“ (С. 107).

Важным инструментом обеспечения политического влияния президента была канцелярия президента республики, являвшаяся, по словам Бобракова-Тимошкина, «политическим центром „Града“». Помимо чисто технических функций, канцелярия президента занималась и более деликатными делами, в частности, формирова-

8. MacMillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. S. 235.

9. См. Геровский А. Борьба за автономию и русскость православной церкви в Карпатской Руси // www.ukrstor.com/ukrstor/gerowski_avtonomia.htm

нием сети «информаторов» среди политиков и журналистов, тайно передававших конфиденциальные сведения о закулисных сторонах партийной жизни в канцелярию президента. «Революция и войны невозможны без хитрости, без лжи» (С. 109), — приводит в этой связи автор откровенное признание Масарика в интервью К. Чапеку. — «Как мы могли уже не раз убедиться, „легендарный“ президент-Освободитель и «живой» Масарик — едва ли не два разных человека», — констатирует автор. Ограничиваясь лишь этой констатацией, исследователь демонстрирует более чем снисходительное отношение к личности основателя Чехословакии. Между тем, более пристальный взгляд на различия «легендарного» и «живого» Масарика мог бы дать не только более полный и правильный портрет первого президента Чехословакии, но и пролить дополнительный свет на некоторые закулисные пружины функционирования чехословацкой политической машины. Известны, например, крайне нелицеприятные отзывы о Масарике со стороны многих его современников, включая таких разных людей, как лидер чешских аграриев и премьер ЧСР в 1920-е гг. А. Швегла, премьер-министр Сербии Н. Пашич и карпатрусский общественный деятель А. Геровский, лишенный чехословацкого гражданства за жесткую критику Праги в русинском вопросе¹⁰. По свидетельству некоторых современников, Швегла в кулуарах называл Масарика не иначе как «дерьмом на рубашке» (*toto hovno na košili*), а Пашич, не церемонясь, именовал его просто «свиньей»¹¹. И Швегла, и Пашич имели свои основания для столь убийственных характеристик.

Любопытны и некоторые детали масариковского PR-проекта, который вовсе не прекратил свое существование после образования независимой ЧСР. В частности, хорошо информированный о закулисных хитросплетениях чехословацкой политики А. Геровский в своих мемуарах упоминал о наличии специального секретного фонда в чехословацком МИДе, средства которого тратились на PR-кампанию в пользу главы государства, в том числе на оплату позитивных публикаций о Масарике, Бенеше и ЧСР в западной прессе.

К малоизвестным, но весьма примечательным эпизодам внутриполитической борьбы в ЧСР относится попытка руководства аграрной партии во главе с А. Швеглой дискредитировать главу чехословацкого МИДа Э. Бенеша и роль Масарика в этом деле. В середине 1920-х годов пресса аграрной партии, располагавшая всеми необходимыми уликами, начала кампанию разоблачения финансовых махинаций министра иностранных дел ЧСР Бенеша, намереваясь тем самым бросить тень и на Масарика, «правой рукой» которого был Бенеш. Ссылаясь на М. Годжу, видного дея-

10. Геровский А. Мы и чехи // www.ukrstor.com/ukrstor/gerowskij_cehi.htm

11. Там же.

теля аграрной партии и чехословацкого премьера в конце 1930-х годов, А. Геровский писал в своих мемуарах, что Масарик потребовал от руководства аграрной партии остановить газетную кампанию против Бенеша, в противном случае пригрозив обвалить курс чехословацкой кроны с помощью своих контактов в международных еврейских финансовых кругах. Чешские аграрии, не заинтересованные в обвале кроны, были вынуждены прекратить кампанию против Бенеша и тем самым отказаться от попыток косвенной дискредитации Масарика. «Из державной кассы истрачены десятки миллионов на прославление Масарика. Мы ... сделали из него святого. В него уверовала народная масса и в него верят за границей. Мы не так богаты, однако, чтобы сфабриковать другого святого на его место», — так откровенно высказался по поводу Масарика глава чешских аграриев и один из ведущих политиков Чехословакии в 1920-е годы А. Швегла. Это высказывание в значительной мере проясняет истоки и феномен масариковского «культа личности» в межвоенной ЧСР.

Весьма обстоятельно автор останавливается на положении национальных меньшинств в ЧСР и на их отношении к официальной идеологии. Чешско-словацкие и чешско-немецкие отношения основанно вызывают наибольший интерес со стороны исследователя. Отмечая постепенное охлаждение словацких политиков к доктрине «чехословакизма», Бобраков-Тимошкин обращает внимание на то, что словацким католикам была глубоко чужда философия истории Масарика, в особенности его призывы «расстаться с Римом». В итоге сама «чехословацкая идея стала восприниматься как идея протестантская или даже либеральная» (С. 155). Еще одной важной причиной чешско-словацкого размежевания в рамках Первой Чехословацкой республики исследователь обоснованно считает серьезные «социокультурные различия» между чехами и словаками; конфликт между «консерватизмом патриархального, аграрного и сильно верующего словацкого общества и либерализмом светского и промышленного чешского общества». Возвращаясь к изъяснам теории «чехословакизма», автор считает, что «самим образованием Чехословакии был запущен механизм словацкого национального строительства» (С. 156). Сама реализация идей «чехословакизма», «настаивание чехов ... на чехословакизме привело к консолидации на античехословакистской платформе словацких национальных сил» (С. 161).

Пристальное внимание Бобраков-Тимошкин уделяет и другой «ахиллесовой пяте» межвоенной Чехословакии — чешско-немецким отношениям, метко замечая, что чехословацкие немцы «не только идеологически, но и психологически не могли стать субъектом „чехословацкого проекта“ и что все «освободительные» мифы, созданные чехами и легшие в идеологический фундамент ЧСР, были глубоко чужды богемским немцам (С. 164). «Многие в чешском лагере —

если не большинство общества — видели в чешских немцах прежде всего врагов, единоплеменников Габсбургов и потомков угнетателей, а не сограждан» (С. 165), — справедливо констатирует автор. Подчеркивая, что «Чехословакия была сконструирована — и воспринималась подавляющим большинством чехов — как национальное, чешское государство» и что «немцы не принадлежали к „чехословацкой нации“, автор формулирует во многом риторический вопрос: «было ли решение немецкой проблемы вообще совместимо с конструкцией государства?» (С. 171). Сама постановка данного вопроса может служить методологическим ключом для понимания эволюции чешско-немецкого спора в рамках Первой Чехословацкой республики. Весьма плодотворной представляется и высказанная исследователем мысль о том, что создание Чехословакии стало мощным катализатором формирования единой судетонемецкой идентичности, которая ранее не существовала. Примечательно, что к аналогичным выводам приходит и современный чешский этнолог, специалист по чешско-немецким отношениям П. Лозовиук, считающий, что процесс формирования коллективной судетонемецкой идентичности протекал в рамках государства «чехословаков» во многом как реакция на вызовы доктрины «чехословакизма»¹².

Свое повествование о проекте «Чехословакия» Бобраков-Тимошкин завершает сентябрьским днем 1938 г. — временем трагического для чехов Мюнхенского сговора. По словам автора, демократически избранные политики, авторы проекта «Чехословакия» во главе с «Президентом-созидателем» Бенешем пошли по пути капитуляции, в то время как вождями Сопrotивления были готовы стать «антисистемные» политики. «Радола Гайда, Ладислав Рашин и Клемент Готвальд на балконе парламента призывавшие дать оружие народу, в то время как президент Бенеш спал, — исторический факт, интерпретируя который, можно прийти к интересным выводам ... о качестве чехословацкой демократии» (С. 189), — заключает автор. Право сделать эти «интересные выводы» исследователь любезно оставляет читателю.

* * *

Общее очень благоприятное впечатление от книги Бобракова-Тимошкина несколько портят время от времени встречающиеся в работе неточности. Так, фигуранта нашумевшего в Австро-Венгрии уголовного дела, в ходе которого Масарик снискал себе лавры бескомпромиссного борца с антисемитизмом, автор называет в одном случае «Хильснером», а в другом — «Хильнером», причем делает это на одной странице (С. 30). Парламент австрийской части

Австро-Венгрии (Цислейтании) автор на протяжении всей книги вместо «рейхсрата» ошибочно называет «рейхстагом», хотя официальным названием собственно австрийских земель было «Королества и земли, представленные в рейхсрате» (Die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder).

Книга А. Бобракова-Тимошкина богата нестандартными портретами политических деятелей, интересными зарисовками политических партий и неожиданными параллелями и ракурсами, позволяющими по-новому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся образы хорошо известных исторических событий. Под красивым и искусным покровом масариковского пиара исследователю удалось нащупать и показать системные противоречия, нестыковки и многочисленные технологические изъяны, изначально заложенные в каркас здания Первой Чехословацкой республики, которые в итоге способствовали его обрушению. Автор успешно выполнил поставленную перед собой задачу: «проблематизировать» некоторые аспекты «чехословацкого проекта».

Работа А. Бобракова-Тимошкина, безусловно, будет интересной и даст обильную пищу для размышлений не только специалистам по новейшей истории Чехословакии, но и всем тем, кто интересуется историей славянских народов и межнациональными отношениями в Центральной и Восточной Европе. Однако ценность данной книги не ограничивается только историей. Многие наблюдения автора весьма актуальны и для анализа процессов на современном постсоветском пространстве. Амбициозные элиты молодых постсоветских государств в этноцентристском упоении напористо и самозабвенно развивают собственные национально-государственные «проекты», слабо считаясь (или не считаясь вовсе) с реалиями и зачастую наступая на те самые грабли, которые привели в свое время к фиаско и детище Масарика, подававшее вначале столь большие надежды...

Кирилл Шевченко

~

12. См. Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen. Leipziger Universitätsverlag, 2008.

**А. Р. Дюков. Милость к падшим:
Советские репрессии против нацистских пособников
в Прибалтике. М., 2009**

Современные историки часто намереваются пересмотреть советское прошлое, переиначивая оценки тех или иных событий, без их принципиального осмысления, лишь меняя «знаки».

Особенно «достаётся» органам госбезопасности, чья деятельность преподносится только в негативном освещении. Между тем забывается, что аналогичные структуры существовали и существуют во всех странах, выполняя специфические, только им присущие функции. При этом научное изложение и осмысление деятельности этих органов предполагает объективный подход, взвешенных оценок, с учетом общего контекста событий, в их развитии в пространстве и времени.

Коллаборационизм как явление всегда имел негативную оценку как в общественном сознании, так и в научном акцентировании, независимо от стран и исторических периодов его проявления, хотя отдельные аспекты и имели дискуссионный характер. Именно поэтому сам термин чаще всего воспринимался не в изначальном значении как «сотрудничество», а как «предательское сотрудничество с врагом».

Нужно отметить, что исследовательское внимание историков довольно редко было сфокусировано на коллаборационизме граждан СССР в годы Великой Отечественной войны с военными и гражданскими оккупационными органами фашистской Германии. В последнее время появился ряд солидных научных публикаций, посвященных непосредственно этой проблематике. Так в специализированном Совете по защите докторских диссертаций в Донецком национальном университете (Украина) только за последних пять лет защищены две докторские диссертации соответствующего содержания, содержание которых было изложено в вышедших монографиях¹.

1. Потильчак О. В. Радянський полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ, 2004; Шайкан В. О. Колораціонізм на території рейхскомісаріату «Україні» і військової зони в роки Другої світової війни. Кривий Ріг, 2005.

Особое место в новейших исследованиях, посвященных одному из аспектов коллаборационизма — репрессиям против нацистских пособников — занимает рецензируемая монография Александра Дюкова.

В аннотации к этому изданию резонно отмечено: «Эстонские, латвийские и литовские историки с завидным упорством рассказывают о „советском геноциде“, о массовых репрессиях, направленных против невинных людей, о страшных лагерях в Сибири, откуда никто не возвращался. Но если это правда — то каким же образом столь многие сотрудничавшие в нацистами коллаборационисты-прибалты дожили до наших дней?..»

Анализируя книгу А. Дюкова, прежде всего, необходимо отметить логичность построения ее структуры. Автор, опираясь на обширную достоверную документальную базу, показывает масштабы сотрудничества жителей Эстонии, Латвии и Литвы с оккупационными властями, структурами вермахта, разведывательных органов фашистской Германии.

В работе глубоко и последовательно показана эволюция в деятельности советских карательных органов против коллаборационистов в Прибалтике. При этом особое внимание акцентируется на дифференциации форм и методов наказаний по отношению к различным категориям и группам коллаборационистов. Следует также подчеркнуть, что А. Дюков последовательно анализирует изменения во временных аспектах карательной деятельности советских компетентных органов, учитывая различия проявлений коллаборационизма среди эстонского, литовского и латвийского населения.

Текст монографии включает восемь информационно насыщенных таблиц, содержание которых тщательно анализируется автором. Кроме того, в разделах работы приведены 23 фрагмента из документов, которые и явились той канвой, на основе которой и создан основной текст. Каждый раздел сопровождается отдельными сюжетами повествования. Каждый раздел сопровождается пространными выводами, являющимися одновременно преамбулами для дальнейшего повествования, анализа и обобщений.

Следует отметить высокий уровень аргументации положений, отстаиваемых автором. Для того, чтобы снять любые обвинения о возможных «выдергиваниях фрагментов из документов», А. Дюков в специальном разделе «Документы» собрал 50 полных текстов документов, цитируемых в разделах; из них большая часть — архивные, не публиковавшиеся ранее.

Мы не будем излагать содержание разделов рецензируемой монографии, предлагая читателю самому убедиться в высоком научном уровне издания. Отметим лишь, что автор убедительно и точно отстаивает тезис, вынесенный нами в заголовок этой публикации. Работу можно без преувеличения оценить как объективную

и беспристрастную. В то же время, предполагая дальнейшую работу А. Дюкова над избранно тематикой, хочется высказать некоторые пожелания.

На наш взгляд, документальную базу исследования следовало бы дополнить материалами Нюрнбергского процесса, введя соответствующие фрагменты как в текст, так и в приложения. Мы бы рекомендовали также расширить историографический обзор, сделав его также более пространным и глубоким. Кроме того, не мешало бы убрать повторы из «Заключения», нередко копирующие соответствующие Summary по разделам. В целом же еще раз хочется оценить работу Александра Дюкова как строго документальное, принципиально важное с научной точки зрения исследование.

Владимир Никольский

И. В. Быстрова. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006

Объёмный труд И. В. Быстровой¹ с длинным оглавлением читается довольно легко и с толком. Секрет этого видится в том, что автор — академический историк — от души эксплуатирует ординарную, по сути, практику сужения своей задачи, освобождения изложения от широкого контекста и последовательного отсеечения всего, что хоть на йоту отклоняется от её узкой мишени. Это не плохо, но требует от исполнителя виртуознейшего мастерства, как от любого композитора и исполнителя, рискующих творить в традициях минимализма. Без искусства такой минимализм легко же превращается в примитив.

Итак, проблема создания советского ВПК — это проблема, в первую очередь, подготовки СССР ко Второй мировой войне и участия в послевоенной гонке вооружений. В первой части своей книги автор решила не вникать с разветвлённую проблематику сталинской мобилизационной экономики и милитаризации как её производной, успокаивая читателя отсылками к трудам коллег, и сосредоточилась на частных, прикладных темах «военной промышленности» и «мобилизационных планов» (т. е. милитаризации) гражданской промышленности, попыткам межведомственной координации всего этого хозяйства. Из её исследования следует, что, несмотря на форменный мобилизационный аврал, начавшийся после 1 сентября 1939 года, традиционными советскими бюрократическими способами до начала войны адекватно милитаризовать экономику не удалось. Эта задача после 22 июня 1941 упала уже на совершенно чрезвычайный орган управления — Государственный комитет

1. Настоящий труд является хронологическим расширением предыдущих исследований автора. См.: И. В. Быстрова. Развитие военно-промышленного комплекса СССР и холодная война. М., 1995; И. В. Быстрова. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны: (Вторая пол. 40-х — нач. 60-х гг.). М., 2000; И. В. Быстрова. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны, 1945–1964 гг.: Стратегические программы, институты, руководители. Диссертация... доктора исторических наук. М., 2001

обороны, а «мобилизационные планы» и их эвакуационные проекты пошли прахом.

Интересно в этом контексте звучит свидетельство Быстровой о том, что, несмотря на излюбленные в историографии сталинизма события «военной тревоги» 1926–1927 годов, когда СССР начал со дня на день ожидать нападения Англии, Польши и окончательной утраты влияния в Китае, когда в стране разбушевала алармистская истерия, а руководству стало очевидно, что полноценной Красной Армии нет и к войне СССР не готов, — даже эти события, считающиеся главным историческим импульсом к тотальной мобилизации страны, индустриализации, коллективизации и террору, — *никак не отразились на реальном строительстве военной промышленности*. То есть получается, что вслед за «военной тревогой» и сопутствовавшей ей истерией, в течение 10 лет советское руководство не могло обеспечить качественного рывка в подготовке к войне. Трудно сказать, так ли это: во всяком случае, действительно, бюрократические схемы мобилизации сменялись одна за другой, а строительство изолированной, «кадровой» военной промышленности отступало перед приоритетами общеэкономической мобилизации. Так же трудно пока окончательно понять: что же больше всего позволило СССР экономически выстоять в войне — структурированная по отраслям военная промышленность или тотальная мобилизация.

Некоторый косвенный намёк на то, что секрет был не в «кадровости», а в «тотальности», даёт изобильно представленная автором статистика технических и ресурсных поставок союзников СССР (Англии и США) в 1941–1945 (в том числе по ленд-лизу). Кроме широко известных данных о том, что от союзников по антигитлеровской коалиции СССР получил (относительно собственного производства) — 15 % самолётов, 12 % танков, 22 % судов, Быстрова сообщает о том, что на каждые 100 % поступивших в народное хозяйство (то есть на две трети — на фронт) СССР у союзников было приобретено: 37 % авиационного бензина, 66 % кадмия, 37 % металлорежущих станков, 81 % молибденового концентрата, 46 % сахара, 90 % вагонов, почти 100 % паровозов.

Здесь, по-моему, необходимо добавить, что именно многие из перечисляемых Быстровой групп дефицитных товаров, поставивших в годы войны СССР в прямую и жёсткую зависимость от поставок союзников, стали приоритетными заданиями для экономики НКВД. И, таким образом, структура поставок союзников подчёркивала осознаваемую руководством СССР структуру ресурсного дефицита, который оно решало, в первую очередь, силами НКВД — то есть системы принудительного труда. Одним словом, структура приоритетов принудительного труда в области добычи ресурсов соответствовала объективной структуре дефицитных ресурсов. И могла быть аналитически вычислена союзни-

ками в интересах послевоенного устройства, а вернее — послевоенной гонки вооружений, в которой бывшие союзники СССР уже владели косвенно, через структуру ресурсного дефицита, вычисленной экономической географией советского военно-стратегического потенциала.

Во второй части книги, посвящённой военно-техническому сотрудничеству (ВТС) СССР со странами Варшавского договора, ВПК которых стало частью единого блокового ВПК (и, видимо, это единство особо и подорвало его после краха Варшавского блока), Анголой, Кубой, Гвинеей-Бисау, Намибией, Египтом и т. п., автор меняет исследовательскую манеру и превращает изложение в совершенно лишённые предыстории и динамики фрагменты, соответствующие крайне дробному оглавлению книги. Преобладают короткие параграфы-комментарии к нескольким рассекреченным бумагам о поставках вооружений и техники в названные страны — без истории, контекста и общего плана.

Единственное, что, помимо пересказа документов по истории послевоенного ВТС, более всего беспокоит автора — утверждение какой-то особой властной роли лидеров ВПК в управлении СССР, отдельной от военно-партийно-политически-правительственной верхушки и самостоятельной по отношению к ней. Этот, столь часто звучавший в западной советологии, ракетно-физически-ядерный миф звучит неубедительно. На деле высшая интегральная власть в СССР состояла из сталинских «зубров», которые, десятилетиями идя сквозь взаимно репрессивную борьбу кланов, строили именно тотальную мобилизационную экономику, а советская наука и ВПК всегда и за страх, и за совесть служила своему государству под руководством этих «зубров», не только не претендуя, но и не способная играть даже клановую по происхождению государственную роль. Не следует забывать, что в годы предвоенного террора и советская прикладная и фундаментальная наука и инженерная мысль в полной мере стала полем для взаимной клановой борьбы, а кое-кто из них и воспользовался возможностью под видом политических репрессий буквально на годы изолировать в заключении, а то и физически истребить своих конкурентов. Но это всё ничем не отличало «науку» от «производства», а секретные ракетно-ядерные производства — от фундаментальной науки. Образно говоря, в реализации стратегических государственных интересов СССР союз Берии и Сахарова был иерархичным и нерушимым.

Но эпоха эта прошла быстрее, нежели исследователи решили сформулировать миф об отдельном от советской власти государственном призвании ВПК. Умерли сталинские зубры М. А. Суслов (1982), Л. И. Брежнев (1982), А. Н. Косыгин (1980), Д. Ф. Устинов (1984), А. А. Громыко (1989) и представитель младшей сталинской номенклатуры Ю. В. Андропов (1984) — и умер СССР. Без СССР со-

ветская наука и ВПК (в отличие от КГБ и позднесоветской партийно-комсомольской номенклатуры и так называемых «национал-коммунистов» в республиках СССР) не проявили никаких государственных инстинктов: ни к власти, ни к реставрации. И это служит наилучшим доказательством того, что у советского ВПК отсутствовали и потенциал, и практика самостоятельной властной роли.

М. К.

~

Сведения об авторах

- Айрапстов Олег Рудольфович** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Аксюцкий Виктор Владимирович** — в 1990–1993 гг. — народный депутат Российской Федерации, глава депутатской группы «Российское единство», в 1990–1997 гг. — лидер Российского христианского демократического движения (Москва)
- Бибииков Григорий Николаевич** — кандидат исторических наук (Москва)
- Волхонский Михаил Алексеевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кавказских исследований МГИМО(У)МИД России (Москва)
- Ганин Андрей Владиславович** — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва)
- Гарабедян Агоп** — директор Института балканистики Болгарской Академии Наук (София, Болгария)
- Гумб Кристоф (Christoph Gumb)** — доцент кафедры восточноевропейской истории Института исторических наук Гумбольдтского университета (Берлин)
- Ёкотэ Синдзи** — профессор факультета права и политики Университета Кейо (Токио)
- Ислаев Файзулхак Габдулхакович** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и обществоведческих дисциплин Института развития образования Республики Татарстан (Казань)
- Каревин Александр Семенович** — историк (исторический факультет Киевского государственного университета), Киев.
- Колеров Модест Алексеевич** — кандидат исторических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Москва)
- Макфарлен С. Нейл (S. Neil MacFarlane)** — профессор международных отношений и глава Департамента политики и международных отношений Оксфордского университета (Великобритания)
- Меннинг Брюс В. (Bruce W. Menning)** — доктор истории, профессор Командно-штабного колледжа Сухопутных войск США (Форт Ливенорт, Канзас, США)

- Монаган Эндрю (Andrew Monaghan)** — научный советник Отдела исследований NATO Defense College (Рим, Италия)
- Никольский Владимир Николаевич** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Донецкого национального университета (Донецк, Украина)
- Ньютон Джулия (Julie Newton)** — сотрудник St Antony's College Оксфордского университета (Великобритания) адъюнкт-профессор Департамента международных и сравнительных политических исследований Американского университета Парижа (Франция).
- Папастратигакис Николас (Nicholas Papastratigakis)** — доктор истории (Афины, Греция)
- Скиннер Джералд (Gerald R. Skinner)** — дипломатический представитель Канады в России (1990-1993), глава дипломатической миссии Канады в Латвии, Эстонии и Литве (1995-1999), посол Канады в Казахстане, Киргизии и Таджикистане (1999-2001), посол Канады в Киргизии и Таджикистане (2004-2006)
- Филлошкин Александр Ильич** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета.
- Хьюз Джеймс (James Hughes)** — профессор сравнительных политических исследований Лондонской школы экономики (Лондон)
- Шевченко Кирилл Владимирович** — доктор исторических наук (Минск, Белоруссия)

~

Русский сборник. Том IX

Редакторы-составители
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель МОДЕСТ КОЛЕРОВ
Издательский дом «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный пер., д. 11-13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.easterum.com

Подписано в печать 22.03.2010. Формат 700×100/16.
Гарнитура Old Standard (© А. Крюков, 2006).
Объем 39,3 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“». Заказ № 435

